

Лопатин Владимир Анатольевич — археолог, кандидат исторических наук, доцент Саратовского государственного университета, руководитель Лаборатории нижнеповолжской археологии имени П.С. Рыкова Института археологии и культурного наследия СГУ, автор 90 научных работ по вопросам археологии бронзового века Нижнего Поволжья.

В.А. Лопатин

НАЧАЛО ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА СЕВЕРЕ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В.А. Лопатин

НАЧАЛО ЭПОХИ
ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
НА СЕВЕРЕ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Saratov State University

V. A. Lopatin

THE BEGINNING OF THE ERA OF LATE BRONZE
IN THE NORTH OF LOWER VOLGA AREA

Saratov
Saratov University Press
2014

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

В. А. Лопатин

НАЧАЛО ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
НА СЕВЕРЕ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Саратов
Издательство Саратовского университета
2014

УДК 902(470.44/47) | 637.7 |
ББК 63.4(235.54)
Л77

Лопатин, В. А.

Л77 Начало эпохи поздней бронзы на севере Нижнего Поволжья /
В. А. Лопатин. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2014. – 292 с. : ил.
ISBN 978-5-292-04278-5

В монографии рассматриваются ключевые вопросы культурогенеза начальной поры позднего бронзового века на северных территориях Нижнего Поволжья, Волго-Донского и Волго-Уральского междуречий. В книге представлены малоизвестные памятники, по материалам которых автор прослеживает процессы сложных поликомпонентных взаимодействий культурных групп, сыгравших решающую роль в сложении срубной культуры эпохи поздней бронзы Нижневолжского региона.

Для специалистов-археологов, музейных работников, историков, студентов гуманитарных вузов и всех интересующихся древнейшей историей Восточной Европы.

Ил. 51. Библиогр. : 336 назв.

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор А. Д. Прихин
(Воронежский государственный университет)
доктор исторических наук, профессор С. Ю. Монахов
(Саратовский государственный университет)

*Работа издана по тематическому плану 2014 года
(утвержден на Ученом совете Саратовского государственного университета,
протокол № 6 от 18.02.2014 г.)*

УДК 902(470.44/47) | 637.7 |
ББК 63.4(235.54)

ISBN 978-5-292-04278-5

© Лопатин В. А., 2014
© Саратовский государственный
университет, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
ГЛАВА 1. Вольско-лбищенский вектор культуругенеза.....	19
ГЛАВА 2. Воронежско-покровский вектор культуругенеза.....	39
2.1. Абашевско-воронежское взаимодействие.....	47
2.2. Воронежско-покровская архаика.....	56
ГЛАВА 3. Покровский вектор культуругенеза.....	68
3.1. Поселения покровского времени.....	88
3.2. Поселение Нижняя Красавка 2.....	89
3.3. Поселение на р. Мокрая Песковатка.....	106
3.4. Некрополь Песковатского поселения.....	107
3.5. Грунтовый некрополь Смеловка 2.....	116
ГЛАВА 4. Раннесрубные поселения степного Заволжья.....	134
4.1. Поселение Чапаевка 2.....	135
4.2. Поселение Трумбицкое.....	136
4.3. Поселение Преображенка 1.....	140
4.4. Успенское поселение.....	144
4.5. Поселение Чесноково 1.....	147
ГЛАВА 5. Престижные комплексы покровского типа.....	151
5.1. Курган у Ивановского разъезда.....	154
5.2. Бесшипные псалии покровского типа.....	164
5.3. Бородаевские курганы.....	172
5.4. Курганный могильник «Светлое Озеро».....	187
5.5. Материалы Низовских курганов.....	191
5.6. Курганный могильник «Мессер V».....	196
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ (к модели культуругенеза).....	203
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	216
SUMMARY.....	217
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	219
ИЛЛЮСТРАЦИИ.....	239

CONTENTS

INTRODUCTION.....	7
CHAPTER 1. Volsko-Lbishchensky Vector of Cultural Genesis	19
CHAPTER 2. Voronezhsko-Pokrovsky Vector of Cultural Genesis.....	39
2.1. Abashevsko-Voroneyskoye Interaction.....	47
2.2. Voronezhsko-Pokrovskaya Antiquity.....	56
CHAPTER 3. Pokrovsky Vector of Cultural Genesis	68
3.1. Settlements of the Pokrovsk Time	88
3.2. Nizhnyaya Krasavka 2 Settlement.....	89
3.3. The Settlement on the Mokraya Peskovatka River.....	106
3.4. The Necropolis of the Peskovatskoye Settlement.....	107
3.5. Smelovka 2 Soil Necropolis.....	116
CHAPTER 4. Early Timber-Grave Settlements of the Steppe Trans-Volga Region.....	134
4.1. Chapayevka 2 Settlement.....	135
4.2. Trumbitskoye Settlement.....	136
4.3. Preobrazhenka 1 Settlement.....	140
4.4. Uspenskoye Settlement.....	144
4.5. Chesnokovo 1 Settlement.....	147
CHAPTER 5. Prestigious Complexes of the Pokrovsk Type	151
5.1. The Tumulus near the Ivanovsky Shunt.....	154
5.2. The Spikeless Psalia of the Pokrovsk Type.....	164
5.3. The Borodayevskiye Tumuli.....	172
5.4. The Tumulus Burial Site "Svetloye Ozero" ("Clear Lake").....	187
5.5. Materials of the Nizovskiye Tumuli.....	191
5.6. The Tumulus Burial Site "Messer V"	196
INSTEAD OF CONCLUSION (considerations on a model of cultural genesis).....	203
SUMMARY	217
LITERATURE.....	219
ILLUSTRATIONS.....	239

ВВЕДЕНИЕ

В начале II тыс. до н. э. на севере Нижнего Поволжья был интегрирован качественный стартовый потенциал, выработанный активными культурно-генетическими процессами эпохи средней бронзы. Эти явления характеризовались ускоренной динамикой и яркой культурной мозаичностью, импульсной подвижностью носителей культурных традиций и военным драматизмом. В событиях переходного этапа участвовали активаторы культурогенеза, отмеченные в археологических комплексах оружием и колесницами, а также культурные группы, еще сохранявшие традиции эпохи средней бронзы. В ходе деструкции миров катакомбных культур рождение новых тенденций нередко опережало отмирание старых традиций, они микшировались в фантастически причудливые, эклектичные культурные типы и варианты, которые были недолговечны и, может быть, поэтому иногда малопонятны исследователям. Нет ничего удивительного в том, что ранний пласт срубной культуры вначале был представлен не абсолютно идентичными вариантами, которые объективно отражали многокомпонентность культурогенеза.

Определяющими в этих процессах были факторы пространства, времени, а также естественного культурно-исторического развития скотоводческих древнеиранских обществ степной Евразии, в котором в этот период наблюдается динамичная переориентация на новые, восточные источники медно-рудного сырья и принципиально иные, более высокие технологии.

Пространство, ландшафт, природно-географическая среда имеют огромное значение в развитии культуры и палеоэкономики, а евразийская степь играла особую роль в сложных процессах, влиявших на активизацию культурогенеза. Часть этого пространства между Доном и Волгой, Волгой и Уралом была чрезвычайно привлекательна во все времена и для многих народов, прежде всего, как ключевая геополитическая категория. Поэтому так разнообразны местные памятники археологии, а фиксируемые культурно-генетические и этнические процессы часто формировали здесь судьбоносные направления мировой истории. Специфика региональных условий (равнинный ланд-

шафт, сухостепная растительность, континентальный климат) реально влияла на формирование особых культурных и этнических черт местных племен, в определенной степени определяла динамику их становления. Яркое своеобразие этих явлений – дискретность, нестабильность и мозаичность. Практически все народы, известные в исторической диахронии нашего пространства, отмечены не полными циклами этногенезов, а лишь некими фазами или мимолетными фрагментами. Зачастую это крайне напряженные или острокритические варианты полиэтничной энтропии в виде глобальных миграций, насильственных ассимиляций или межкультурных миксаций. Как тип вмещающего и кормящего ландшафта, данный регион является традиционно скотоводческим. В древности это всегда спорная территория, как любой район степи между Черным морем и предгорьями Саяно-Алтая [Лопатин, 2005, с. 8]. Монотонные пространства евразийской степи, крайне напряженные в своей экстенсивности варианты пастушеско-отгонного скотоводства на этапах политической стабилизации формировали здесь ярко выраженные персистентные типы первобытных социумов. Эта персистентность скотоводческих популяций выражалась в предельной сосредоточенности на внутренних проблемах, в крайней зависимости от кормящего ландшафта и трудоемкого хозяйственно-культурного типа, которые порождали межплеменную замкнутость и утрату интереса к внешним контактам [Лопатин, 2006, с. 5]. В рамках эпохи поздней бронзы такая стагнация наступает после «героического» рубежа средней и поздней бронзы в ходе становления и относительно спокойного развития срубной культуры, а на финале эпохи поздней бронзы вновь сменяется деструктивной ломкой и на этот раз активизацией «восточного ветра» инноваций.

Естественным географическим центром притяжения этого региона была Волга, значение которой огромно. Она разграничивала запад и восток на два мира и одновременно соединяла их своими берегами, обширной поймой с гигантскими пастбищными ресурсами, многочисленными притоками, неким подобием горообразности Приволжской возвышенности, которая видна издалека и столь притягательна в открытой степи. Волга является естественным меридиональным рубежом между выровненным степным Заволжьем, плавно переходящим в сыртовое Волго-Уралье, и живописным приподнятым правобережьем, которое на западе плавно сливается с Подоньем, изрезанным реками – Иловлей, Медведицей, Хопром, Вороной. На севере Волго-Донского междуречья их истоки близки началу окских притоков – Узы, Суры, Мокши, Вада, Выши. Здесь же начинают свое течение мелкие реки, впадающие в Волгу, – Курдюм, Чардым, Терешка. В древности долины этих рек были естественными и удобными магистралями перемещений скотоводческих групп населения с Дона на Волгу и далее по Иргизу, Камелику и Чалыкле – к истокам

Деркула, текущего к Уралу. В связи с этим север Нижнего Поволжья представляется предельно контактным регионом и одним из наиболее вероятных полигонов активизации культурно-генетических процессов на рубеже эпох средней и поздней бронзы (рис. 1).

Пространство доно-волжского вектора культуругенеза. В начале II тыс. до н. э. доно-волжский культуругенез проявил себя как один из наиболее результативных. Первоначально он соединил потенциалы донской абашевской, поздней среднедонской катакомбной, воронежской и вольской культур. Затем, на пике культуругенеза, в доно-волжской лесостепи возникали и активизировались многочисленные дериваты-активаторы. Наиболее значимыми катализаторами этих процессов здесь представляются покровский, бабинский и лбищенский культурные комплексы. Как производно-промежуточные образования, они продолжали активно взаимодействовать с поздней доно-волжской абашевской, криволукской, синташтинской, потаповской, ранней петровской культурами. Пространство активных культурно-генетических процессов, вначале ограниченное северной частью Волго-Донского междуречья, динамично расширялось к востоку вплоть до Южного Урала, к югу, захватывая сухостепные равнины Нижнего Поволжья и Волго-Уральского междуречья. Значимо было воздействие этого вектора на севере, включая Прикамье, а также на западе в Днепо-Донском междуречье.

Пространственно-ландшафтные особенности природной среды имеют большое значение в культурно-генетической динамике. Не исключено, что характер ландшафта, естественные ресурсы, климатические особенности являются существенными факторами, формирующими согласно законам природно-географического районирования не только хозяйственные системы древних обществ, но и характер мышления людей, их ментальность, непотворимые этнические профили компактных популяций.

Лесостепное пространство выгодно отличается плодородием почв, наличием лесных участков с запасами строевой древесины, обширностью и ценностью пастбищных ресурсов, насыщенностью речными артериями. Неоспорима высокая, исторически судьбоносная значимость этого региона в предцивилизационных процессах поздней первобытности. В степной Евразии именно это пространство соединяло запад и восток единым поясом прогрессивных инноваций палеометаллической эпохи. Это весьма существенно для всей мировой цивилизации, поскольку именно в степной и лесостепной Евразии окончательно оформилось великое достижение палеоэкономики – высокопродуктивное животноводство – одна из ведущих отраслей современной системы жизнеобеспечения. В этом пространстве совершенствовались такие прогрессирующие достижения техногенной мысли, как колесный транспорт с конной упряжкой и высокотехнологичная металлургия бронзы.

Не только на Ближнем Востоке, в Средиземноморье и Анатолии, но и в степях Евразии уже в бронзовом веке войны обретали зримые геополитические очертания, ускоряя социализацию степного скотоводческого общества. Здесь начинал формироваться будущий ираноязычный мир со вторым по численности населением Земли. В этой древнеиранской среде уже тогда, во II тыс. до н. э., оформились основы сокровенного знания – устные эпосы и священные тексты, позже зафиксированные на фарси и санскрите. Они известны как Ригведа, Махабхарата, Рамаяна, Авеста и являются классикой древнейшей мировой литературы. Опережая время, это общество вплотную приблизилось к рубежу, за которым должно было начаться строительство известных институтов цивилизации. Но этот прорыв оказался преждевременным и безрезультатным, лишь наследникам великих евразийских культур эпохи бронзы, сменившим среду обитания, удалось создать блестящие континентальные империи I тыс. до н. э. на Иранском нагорье и в Индостане.

За тысячу лет до этого доно-волжская лесостепь представляла собой очень важный фрагмент континентального пространства, в котором интегрировался мощный потенциал культурно-технологической динамики. По уникальным материалам новых раскопок все более заметно, что на севере междуречья, где оно плотно смыкается с Приволжьем, в курганах с погребениями воинской знати и на поселениях с эклектично многообразными керамическими комплексами, вероятно, лежит ключ к пониманию сложнейших процессов культурогенеза на рубеже эпох средней и поздней бронзы.

В многочисленных работах по археологии территориальное соотношение Волги и Дона, хотя и декларируется как фактор, имеющий особое значение, но выглядит недостаточно аргументированным и слабо подтверждающим некоторые выводы о преемственности, взаимодействии или трансформации культур, связанных с этими пространствами. Такие варианты пространственного определения, как «доно-волжское» или «волго-донское» междуречье, слишком обобщенны, а большинство исследователей зачастую ошибочно следуют за искусственной регламентацией территориального деления, навязанной административными стереотипами. Так, например, вопреки естественно-географическим условиям к Нижнему Поволжью относят Калмыкию, юго-восточные земли Пензенского края, районы Саратовской области с донскими притоками Иловлей, Медведицей, Хопром, что не вполне соответствует географическим реалиям.

Ландшафтное положение Дона, одной из крупнейших европейских рек ледникового происхождения, уникально. Верхнее течение направлено к югу, среднее – на юго-восток, к Нижней Волге, нижнее – почти в противоположную сторону, на юго-запад, к азово-черноморской акватории. Поэтому бассейн текущего широкими зигзагами Дона огромен, он соединяет самые раз-

ные и удаленные природно-географические зоны (юг лесной, лесостепную, степную, полупустынную) и континентальные провинции (понтийскую, кавказскую, прикаспийскую). Не исключено, что в постледниковый период, когда катастрофический северный гидросток активно формировал поверхностную денудацию Восточно-Европейской равнины, и ландшафтные ситуации были крайне изменчивы, Дон, мощно рассекая лессовые четвертичные отложения холодной раннеголоценовой полупустыни, мог бы соединиться с Волгой примерно в районе современной, и поныне заболоченной, Сарпинской низменности. В таком случае на восточной периферии современной Европы теперь фигурировал бы один громадный волжский речной бассейн с западным донским притоком, и совершенно иными здесь были бы ландшафт, климат, растительность и животный мир. Вероятно, несколько в ином направлении здесь могла бы пойти история человеческой культуры каменного, бронзового, железного веков. Но в современных реалиях две крупнейшие речные системы строго разделены Приволжской возвышенностью, и только на севере междуречья крупные и мелкие притоки Волги и Дона создают уникальную ситуацию взаимопроникающей контактности (рис. 1).

Общеизвестно, что великие реки – это главные магистрали древности, а их системы были жизненно важными артериями пространств, в которых формировались миры первобытных культур с неповторимо своеобразными чертами. Реки играют особую роль не только в развитии географической оболочки Земли, но и в судьбах человеческих обществ, в частности, в стартовых позициях ранних цивилизаций. Отмечено, что исторически цивилизации малых рек предшествуют цивилизациям великих водных артерий [Буровский, 1997, с. 15]. Возможности пойм крупных речных систем значительны лишь для древнеземледельческих цивилизаций тропических и субтропических поясов земного шара, как это было в долинах Тигра и Евфрата, Нила, Инда. В условиях умеренного климата с выраженной скотоводческой доминантой в традиционном хозяйстве освоение речных пойм существенно, но не дает аналогичного экономического эффекта. Зачастую ранние формы земледелия здесь практически невозможны из-за состава почв, неустойчивых водных режимов или особенностей вегетации культурных растений.

Кормовые ресурсы речных пойм огромны, но скотоводческие системы никогда полностью не замыкались в речных долинах. Как правило, они охватывали и обширные прилегающие водоразделы, а при отгонном режиме были сосредоточены на гигантских территориях, поэтапно используя сезонные выпасы. Кроме того, постоянное содержание скота у воды, на влажных низинах нежелательно из-за обилия кровососущих насекомых и змей, однообразного влажного корма, древесных зарослей, избыточных хищниками.

Безусловно, и Дон, и Волга с их притоками и мощным поверхностным водосбором, формирующим овражно-балочные системы, заметно видоизменяли гомогенные ландшафты, делали их пересеченными и разнообразными. Правобережная Приволжская возвышенность и высокие донские террасы существенно дополняли рельеф неким подобием притягательной горообразности, порождая своей ландшафтной выделенностью иллюзии центричности племенных миров и уникальную космогоническую мифологию. Мозаичный характер лесостепных растительных покровов опосредованно умножал варианты формирующихся скотоводческих систем, палеоэкономика, основанная на принципе естественно-географического районирования, была здесь более гибкой и жизнеспособной.

Значительное пространство приволжского (по традиционной административной номенклатуре) правобережья пересекается реками, которые являются частью Донского бассейна (Иловля, Медведица, Хопер). Здесь же начинают свое течение реки, впадающие в Волгу (Курдюм, Чардым, Терешка). Особое значение имеют мелкие притоки как Донского, так и Волжского бассейнов: Карамыш, Латрык, Изнаир, Аркадак, Аткара, Идолга, Ильиновка. Стекая с Приволжской возвышенности и Саратовских поднятий в широтных направлениях на восток и на запад, они густой сетью речных артерий связывают основные притоки Дона и Волги. Западный рубеж волжского правобережья проходит преимущественно по гребню Приволжской возвышенности, но к нему следует также относить долины рек Терешки, Чардыма и Курдюма. Севернее Саратова они рассекают правобережное поднятие на широкие магистральные проходы, которые в бронзовом веке связывали по лесостепной полосе два мира – Европу и Азию.

Весьма показательна ситуация, наблюдаемая в контактном пункте двух речных систем, где проходил один из наиболее вероятных магистральных путей широтных перемещений, имевший огромное значение в культурно-исторической активизации доно-волжского культурогенеза. Прежде всего, уникальность ситуации заключается в исключительной близости некоторых широтных рек, являющихся притоками Донского и Волжского бассейнов.

Река Идолга имеет протяженность свыше 60 км. Она зарождается среди пологих западных увалов Приволжской возвышенности, именуемых Саратовскими поднятиями, вначале протекает с севера на юг, но на широте современных поселков Татищево и Октябрьский Городок плавно поворачивает к западу и прокладывает свою извилистую долину по направлению к крупному донскому притоку – реке Медведице. Место впадения, где стоит большое село Озерное, первобытно живописное, это широкая лесная пойма с богатейшими пастбищами, старицами, озерами. Вся территория, по которой те-

чет Идолга, – пример типично южной лесостепи, где дубравы, березовые и осиновые рощи чередуются с обширными сухостепными участками.

Ближайшая река Ильиновка начинает свое течение как слабый ручеек, всего в 3 км южнее того места, где Идолга меняет свое направление с южного на западное. Ильиновка – малая речка протяженностью 13 км жива и поныне, с запада на восток течет по тенистой, узкой ольховой пойме и впадает в р. Курдюм возле современной железнодорожной станции с таким же названием. Курдюм является притоком уже другой великой речной системы. По одной из немногих долин, пересекающих Приволжскую возвышенность, он более 30 км течет на северо-восток, параллельно обратному движению волжского русла. В пункте слияния со своим притоком, Старым Курдюмом близ современного села Клещевка, он резко поворачивает на юго-восток и еще через 14 км сливается с Волгой у прибрежного поселка Усть-Курдюм.

Эта гидрографическая справка была бы голословна и неубедительна, если бы не феноменальность памятников бронзового века, которые изучены на описанном выше маршруте. Насыщенность данной местности курганными некрополями и поселениями эпох средней и особенно поздней бронзы представляется беспрецедентной. Среди них выделяются престижные воинско-вождецкие погребальные комплексы, которые говорят об особой активизации политогенеза на рубеже средней – поздней бронзы именно в данном районе.

В среднем течении р. Идолги, при впадении в нее правого притока ручья Малая Идолга, в начале 1990-х гг. Г. Л. Якубовский в небольшой группе насыпей раскопал курган № 3, в основном погребении которого был выявлен воинско-колесничный комплекс (рис. 28, 5–7) с бронзовым кинжалом бабинского типа, покровским дисковидным псалием с треугольной планкой и вставными шипами, а также тремя кремневыми сейминскими стрелами [Малов, 2003, рис. 13, с. 219].

На реке Курдюм в районе с. Сторожовка наблюдается высокая концентрация курганных могильников с разновременными погребениями. Прежде, до распашки террас и застройки, небольшими группами курганы тянулись по обоим берегам реки практически от истоков до устья. В 1992 г. С. В. Ляховым возле Сторожовки были раскопаны 3 кургана, в которых обнаружены уникальные материалы среднего и позднего веков бронзы. В основном погребении 3 кургана 1 находилось захоронение финально-катакомбного (криволукского по Р. А. Мимоходу) типа с бронзовым наконечником копья с раскованной втулкой архаического катакомбно-абашевского облика, роговым молотом и лепным сосудом, украшенным «елочным» орнаментом (рис. 16, 1–5) [Ляхов, 2009, с. 139, рис. 5; с. 140, рис. 6]. Впускное погребение 2 содержало покровский комплекс с типичным колоколовидным сосудом, сейминским наконечником стрелы и бронзовым стрекалом (рис. 16, 6–8) [Ляхов, 2009, с. 136, рис. 3]. В набо-

ре инвентаря здесь, безусловно, закодирована знаковая символика воинско-колесничной специализации. Во втором кургане, в погребении 2 также зафиксирован воинско-колесничный инвентарь: два дисковидных бесшпильных псаля с крупными треугольными планками, стрекало и 4 лепных сосуда с покровскими признаками (рис. 38, 1–8) [Там же, с. 144, рис. 9]. Особый интерес вызывает некоторое сходство роговых псаляев с восточными прообразами из материалов петровской культуры, что может быть свидетельством широких межкультурных контактов лесостепного населения в начале эпохи поздней бронзы.

Там же, у Сторожовки, в 1995 г. О. В. Кочерженко обнаружила в кургане покровского времени захоронение с деревянным псаляем и вставными шипами из кости. В сопровождающем погребении женщины выявлен престижный набор украшений – массивные бронзовые браслеты и фаянсовые бусы, среди которых были и привезенные с Кавказа «трехрожковые» экземпляры (рис. 27, 4–12) [Кочерженко, 1996].

У с. Клещевка, где р. Курдюм поворачивает к Волге, в газопроводной траншее, нарушившей основное погребение одиночного кургана, также была найдена серия предметов воинско-колесничного характера. Это кремневый наконечник стрелы сейминского типа, необычной формы катакомбно-покровский сосуд с резкопрофилированным реберчатым туловом и широким днищем, а также щитковый роговый псаля с цельнорезными шипами (рис. 27, 1–3) [Усачук, 2010, с. 282, рис. 13, 5].

В 2012 г. между Клещевкой и Сторожовкой, недалеко от хутора Готовицкого, в выбросе из сурчиной норы, повредившей курганный насыпь, местным жителем был обнаружен архаичный наконечник копья с раскованной втулкой (рис. 20).

В 80-х гг. XX в. в приустьевой части течения Курдюма были исследованы несколько курганных могильников, давших богатые и разнообразные комплексы эпохи ранней-средней-поздней бронзы [Лопатин, Якубовский, 1993]. Особенно интересны материалы волго-донской катакомбной культуры, которые демонстрируют глубокое проникновение к северу скотоводческих племен эпохи средней бронзы в период активизации культурно-генетических процессов в лесостепном доно-волжском междуречье. На противоположном краю курдюмской поймы, южнее с. Сабуровка исследована часть грунтового могильника, где также выявлены преимущественно катакомбные погребальные комплексы [Мальшев, 2008].

Этот сюжет лишь отчасти позволяет представить масштабы реальных процессов, когда в начале II тыс. до н. э. в лесостепной зоне, в конкретных направлениях, идущих по донским и волжским притокам, осуществлялось активное перемещение военизированных групп населения с высокой концен-

трацией колесничных комплексов. Это движение относится к так называемому «героическому времени», когда на исходе средней и в начале поздней бронзы в Подонье, Поволжье и Южном Приуралье усовершенствовалась металлообработка, выделились клановые профессии, ориентированные на военное дело, возникли укрепленные поселения протогородского типа. Эти явления культурно-генетического порядка сопровождались активным перераспределением вмещающих ареалов, культурными диффузиями, миграциями, аккумуляциями и военными противостояниями. По своей значимости они сопоставимы с такими глобальными событиями, как исторически известное в более позднюю эпоху Великое переселение народов, а по времени предшествует движению «народов моря» в Восточном Средиземноморье. Это время для нас особенно небезразлично, поскольку в его рамки укладываются исторически судьбоносные для евразийской степи процессы, в дальнейшем предопределившие глобальные результаты культурогенеза. Археологически это выглядит как взаимодействие культурных групп посткатакомбного, постшнурового и постабашевского типов [Литвиненко, 2003, с. 148] с возрастающей военно-политической доминантностью «колесничных» культур. В ходе их развития, на остриях культурногенетических векторов нам важно видеть конкретные результаты этих глобальных процессов – формирующиеся локальные варианты культур эпохи поздней бронзы.

Один из таких вариантов выделен по материалам Смеловского могильника, где взаимодействие позднепокровских и посткатакомбных групп памятников формирует производный пласт, вырастающий в классический тип *стенной* срубной культуры (рис. 36) [Лопатин, 2010]. Вполне возможно, что более сложный лесостепной культурогенез формировал некие прообразы культурных комплексов эпохи поздней бронзы, близких мосоловским. Так или иначе, исследования в контексте доно-волжского культурогенеза будут направлены на установление истоков, компонентов формирования и механизмов сложения *лесостепного* локального варианта срубной культурно-исторической общности.

Первая половина и середина II тыс. до н. э. – категория времени, которая должна рассматриваться как довольно широкий интервал, имеющий в контексте культурогенеза значение перехода, буферного этапа, на протяжении которого наблюдаются качественные трансформации культурных компонентов, занятых в интеграционных процессах. Конкретизировать хронологические рамки этого интервала не имеет смысла. Ограничивая середину тысячелетия, к примеру, XVI–XV вв. до н. э., мы неизбежно будем обращаться к более глубоким корням того или иного генетического компонента, а наблюдаемые производные образования могут проявлять себя вплоть до финала бронзового века. Расценивать эту середину в качестве рубежа, разделяющего

две абстрактные половины тысячелетия, – заблуждение, но синергетическое понимание этого времени как пункта бифуркации, в котором начинается эра двух мегакультур (срубная и алакульская), вполне приемлемо. То же самое актуально для начала второго или рубежа третьего и второго тысячелетий, генетические корни, произрастающие их этих эпох, исключительно важны. В контексте проблемы для нас наиболее безразлично время взаимодействия культурных групп посткатакомбного, постшнурового и постабашевского типов, степень доминантности активаторов культурогенеза (т. н. «колесничных» феноменов). Этот этап предшествует интересующему нас хронологическому интервалу – середине II тыс. до н. э. Приблизительно его можно ограничивать последними веками III и первыми столетиями следующего тысячелетия, абстрактно представляя себе их рубеж.

Векторы культурогенеза – это условные направления динамики взаимодействующих компонентов (блоков взаимодействующих культур), в результате которой складываются локальные варианты ранней срубной культуры. Выявление процессов взаимодействия различных культурных групп конечной фазы эпохи средней бронзы и специфических особенностей формирующихся вариантов срубного типа – это одна из ключевых задач предпринимаемого исследования. Далекое не все компоненты взаимодействия поддаются зрительной диагностике, поскольку время и миры, в которых соединялись культурные элементы постшнуровых и посткатакомбных массивов, наполнены яркой эклектикой, сложными миксациями пришедших в движение племен. Многие фрагменты культурогенеза бесследно исчезли в этом движении. На данный момент можно говорить об относительной осязаемости таких культурогенетических векторов, как *абашевско-покровский*, *катакомбно-покровский*, *криволукско-покровский*, *покровско-бабинский*, *иванобугорско-воронежский*, *воронежско-покровский*, *вольско-лбищенский*. Векторные линии большинства из них сложно переплетались, порождая кратковременные, почти неуловимые и более длительные, плодотворные, симбиозы, выраженные в специфике погребальной обрядности, формообразовании и развитии декора глиняной посуды. Но пока только некоторым указанным векторам культурогенеза возможно дать относительно емкие характеристики на основе известных материалов, более широкий охват этих сложных процессов – дело будущего.

Особая роль в локализации взаимодействующих компонентов и производных групп отводится пространственному анализу имеющейся базы данных.

Культурогенез понимается как множественные векторные процессы, в ходе которых наблюдаются нарастания, подъемы, критические пики, спады, плавное развитие. В глобальных масштабах культурно-генетические процессы могут приобретать как дискретный, так и линейный характер. Эти интервалы по-своему совпадают с дивергентными и конвергентными явлениями в

развитии первобытных культур. Исходя из этого, следует вывод о диалектической сущности культурогенеза.

Нельзя понимать процессы культурогенеза, аналогизируя с этногенезами, категориями этнологического характера. Феномены культурогенеза и этногенезов синстадиальны, но не редупликативны. Другими словами, этногенезы происходят в рамках культурогенеза, процессы которого множественны, но сам культурогенез, как всеобъемлющее явление, един. В отличие от этногенеза, культурогенез не конечен в диахроническом стволе великих исторических народов, каковыми, безусловно, являются иранцы с их глубочайшей праисторией. Проблема начальной фазы иранского культурогенеза расплывчата и вырастает из общего контекста индоевропейских начал. Главная сложность в изучении культурно-генетических процессов – верное сопоставление конкретных данных археологии с ритмами линейно-дискретной динамики древней истории.

Данная позиция не противоречит концепциям «очагов» культурогенеза (Волго-Уральского, Карпато-Дунайского, Днепро-Донецкого) [Бочкарев, 1991, 1995; Литвиненко, 1996, с. 67], которые основаны на выделении блоков «материнских» культур и активаторов динамики, констатируемых в качестве исходных культурно-исторических явлений. Эти яркие феномены активизации мы рассматриваем как очень значимые фрагменты – фазы подъема, нарастающей динамики глобальных, перманентно развивающихся культурно-генетических процессов.

Изучая срез продолжительного культурогенеза, важно конкретизировать *культурные компоненты*, активизированные на этапе перехода от средней к поздней бронзе. Исследования последних лет убедительно показали факт формирования групп памятников, разделяющих собственно эпохи средней и поздней бронзы и являющихся результатом «деструкции и распада» практически всех культур абашевской, шнуровой и катакомбной общностей на обширном пространстве от низовий Дуная до Приуралья [Литвиненко, 2003, с. 148; Мимоход, 2005, с. 70]. Под активизацией культурных компонентов понимается конкретное движение (миграции) носителей определенных признаков погребальной обрядности и материального комплекса из областей первичных локализаций на территорию Нижнего Поволжья, Волго-Донского междуречья и степного Волго-Уралья. Но важно включать в указанные процессы также опосредованные трансляции культурных элементов, явления не прямых аккультураций и активного обмена традициями.

Наиболее ярко (в той или иной степени) выражено движение культурных групп посткатакомбного блока, *бабинской, криволукской, лолинской*, которые в ходе формирования собственных ареалов активно взаимодействовали на юге Волго-Донского междуречья [Мимоход, 2005, с. 74]. Но участие поста-

такомбных культур в освоении Нижневолжского региона и особенно степного Волго-Уралья неравнозначно. Восточная периферия бабинского «очага культуругенеза» [Литвиненко, 2004, с. 107, рис. 1], в который включаются также памятники волго-донской и предкавказской (лолинской) групп, ограничена Приволжской возвышенностью и южным правобережьем, поэтому проникновение в Заволжье отдельных элементов «бабино» и «лолы» в виде валиковой керамики, предметов поясной фурнитуры, «рожкового» бисера можно оценивать, вероятно, как опосредованную диффузию.

Теперь совершенно очевидно, что движение криволукской группы, первоначально локализованной в нижневолжском правобережье [Мимоход, 2004, с. 112], было наиболее активно и динамично развивалось также в обширном пространстве степного Волго-Уралья, многие известные памятники которого теперь оцениваются в контексте посткатакомбной концепции [Мимоход, 2005, с. 74, рис. 1; Жемков, Лопатин, 2007, с. 93–118; 2008. С. 157–193; Лопатин, 2009, с. 44–97]. Погребения финала средней бронзы между Волгой и Уралом близки по такому показателю, как ярко выраженная безынвентарность, но вместе с тем они демонстрируют заметное разнообразие в элементах погребальной обрядности. Пока неясно, оставлены ли они разнотипными посткатакомбными вариантами или это был единый импульс, попутно сформировавший субкультурную «дериват-форму», пока условно обозначенную, как *волго-уральская* культурно-обрядовая группа [Мимоход, 2009, 2010].

Вероятнее всего, перемещение катакомбных и посткатакомбных групп на территорию степного Волго-Уралья в первой четверти II тыс. до н. э. было многоимпульсным и поликомпонентным. Потенциалы этих множественных вторжений вначале поэтапно аккумулировались в нижневолжском правобережье, затем осваивали Заволжье и постепенно продвигались по сухостепному и ариднему поясам к Южному Приуралью. К моменту появления здесь носителей покровского культурного типа посткатакомбные племена уверенно контролировали всю волго-уральскую степь [Лопатин, 2010, с. 167–168].

Аналогичное движение наблюдалось в пограничье степи и лесостепи, но активными носителями культурных инноваций здесь были менее четкие в своих культурных очертаниях и сложно микшированные группы доноволжского лесостепного населения, сформировавшиеся на рубеже эпох средней и поздней бронзы, интерпретация которых представлена в следующих главах.

ГЛАВА 1

ВОЛЬСКО-ЛБИЩЕНСКИЙ ВЕКТОР КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

Участие *вольско-лбищенского* компонента в культурно-генетических процессах на рубеже эпох средней и поздней бронзы – до сих пор весьма слабо и поверхностно изученная проблема. Материалы эпонимного памятника Попова Блюдечко (Вольское городище), получившие недавно подробный анализ, синхронизируются авторами с полтавкинскими комплексами, то есть считаются предшествующими сложению волго-уральского очага культурогенеза [Малов и др., 2009, с. 30]. Аналогично определял культурно-хронологические позиции памятников вольско-лбищенского типа (Вольск, Лбище, пещера Братьев Греве, Царев Курган, поселение у Кирпичных Сараев, Алексеевский III могильник, Тамар-Уткуль VII, дзона «Человечья Голова») в своей обобщающей работе И. Б. Васильев [Васильев, 2003, с. 111]. Он отмечал заметную близость вольско-лбищенских металлических изделий предметам инвентаря «шнуровых» культур (фатьяновско-балановской, примокшанской, среднеднепровской), выделял связующие элементы в абашевских украшениях и также синхронизировал эту небольшую группу памятников со степным полтавкинско-катакомбным миром.

Основная специфика вольского культурного типа – это керамический комплекс, имеющий устойчивые совокупности присущих только ему признаков. Вместе с тем, именно керамика может указывать на возможную хронологическую неоднозначность этого культурного феномена. Неодновременными представляются коллекции Попова Блюдечка и Лбища. Вероятно, первый эпоним является наиболее ранним комплексом, хотя и он, вне всяких сомнений, развивался во времени. Керамика городища Самарской Луки (Лбище) изготовлена в несколько иных традициях, ее формы и пропорции ближе позднекатакомбным и бабинским образцам. Аналогов вольско-лбищенской посуде в по-

гребениях степного Волго-Уралья немного, но все они позднекатакомбного и посткатакомбного времени. Варианты погребений Алексеевского III могильника практически ничем не отличаются от криволукских или бабинских показателей по позам и ориентировкам.

Представляется, что памятники этого круга следует подробно систематизировать и, по-возможности, разделить на собственно вольские (ранние), следующие за ними лбищенские и степные (поздние), вероятно входившие в контакты с позднекатакомбными, посткатакомбными, потаповскими и покровскими племенами. Не исключается также проявление неких промежуточных симбиозов, возникавших в ходе многокомпонентного культурогенеза. Таким образом, возникает возможность проследить некоторые генетические процессы, влиявшие на развитие «покровска» и опосредованно на формирование лесостепного локального варианта раннесрубной культуры.

К интерпретации памятников вольского типа исследователи периодически обращались на протяжении последних 100 лет. За это время проблема обросла своей историографией, которая наиболее подробно рассмотрена моими саратовскими коллегами совсем недавно в работе, посвященной эпонимному памятнику – Вольскому городищу «Попово Блюдечко» [Малов и др., 2009, с. 19–25]. С момента его открытия в 1913 г. [Зайковский, 1914, с. 120–124] интерес к этой теме возникал не часто, по мере выявления новых аналогичных материалов и при попытках их осмысления в контексте развития общих представлений о культурах бронзового века Нижнего Поволжья. Оригинальная керамика вольского типа долгое время оставалась мало понятной, и даже более чем полвека спустя ее культурно-хронологическая интерпретация вызывала обоснованные затруднения [Васильев, 1975].

В начале XX столетия проблемную коллекцию Вольского городища определяли как «архаическую» поры медного века [Зайковский, 1914, с. 122; Спицын, 1923, с. 34], относили к хвалынской культуре эпохи бронзы [Орехов, 1927, л. 14] или срубно-хвалынской культуре позднего бронзового века [Синицын, 1952, с. 72–73]. Отметив яркое своеобразие вольской керамики и ее явное отличие от срубной посуды, П. Д. Степанов предложил удревнить этот комплекс до неолита – ранней бронзы [Степанов, 1956, с. 9–10].

П. Д. Либеров, анализируя керамический комплекс Вольского городища «Попово Блюдечко» и возражая против точки зрения П. Д. Степанова, пытался отнести наиболее ранние сосуды из нижнего слоя к абашевской культуре по таким критериям, как «вазообразный» профиль, внутреннее ребро, геометрический орнамент, ракушечная примесь [Либеров, 1964, с. 150–151]. Тогда же большинство специалистов и раньше всех А. А. Формозов, относивший «вольск» к кругу катакомбных культур [Формозов, 1965, с. 95], не приняли аргументации П. Д. Либерова, посчитав ее неубедительной. В ходе даль-

нейшего осмысления феномена «вольска» интерпретация П. Д. Степанова, относившего памятник к неолитической эпохе [Степанов, 1956, с. 20–21], также подверглась критике, но всеми были отмечены устойчивые архаические реминисценции в технологии изготовления и орнаменте этой керамики.

Особый «вольский» культурный тип был выделен Н. М. Маловым в 1979 г. [Малов, 1979, с. 82–83], а согласно последним разработкам такие памятники предложено рассматривать в рамках вольской археологической культуры и датировать полтавкинско-катакомбным временем [Малов и др., 2009, с. 30]. Подобную датировку предлагал и И. Б. Васильев, который собрал вольские комплексы на широкой территории от Среднего Поволжья до Южного Приуралья и назвал выборку вольско-лбищенской культурной группой [Васильев, 2003].

Памятники вольского (вольско-лбищенского) типа – это особая тема, которая заслуживает пристального внимания, поскольку в контексте проблемы волго-уральского культурогенеза она затрагивает вопрос становления «покровска» [Малов, 1992, с. 14; Цимиданов, 2005, с. 75]. Ставился также вопрос об участии вольско-лбищенского комплекса в приуральском культурогенезе [Ткачев, 2006].

В известном уникальном комплексе из кургана «Усть-Грязнуха» рубежа эпох средней и поздней бронзы в двух синхронных детских захоронениях были зафиксированы раннепокровские сосуды с заметными признаками воронежского формообразования и вольского декора (рис. 9, 9, 10) [Дремов, Семенова, 1999]. Эта специфика проявляется в виде сложного, многочастного профиля и оригинальной узкозональной орнаментации. Подобные сосуды есть и в материалах синкретичного комплекса из Широкого Карамыша (рис. 14, 1–4) [Дремов и др., 2005, с. 28, рис. 4, 4]. Кроме того, реминисценции «вольска» проявляются в узкозональных пышных декорах не только покровской, но и раннесрубной керамики, как правило, реберчатой. Как показывают наблюдения за памятниками лесостепного доно-волжского междуречья, многочастные профили венчиков характерны не только для вольской керамики, но также для сосудов воронежского типа, и данное обстоятельство позволяет рассматривать вопрос на более широких примерах, отражающих интеркультурный характер этого явления.

Принципиальная позиция Н. М. Малова, возражающего против «вольско-лбищенской» трактовки памятников с вольскими чертами в керамике и настаивающего на сохранении эпонимной терминологии П. Д. Степанова, вполне объективна по ряду причин, среди которых для нас наиболее важно следующее обстоятельство. Даже поверхностный анализ всей «вольско-лбищенской» выборки И. Б. Васильева позволяет предполагать неодновременность этого материала [Васильев, 2003, с. 113–115, рис. 1–3]. Наиболее ар-

хаичен комплекс Вольского городища, в котором сохраняется значительное количество признаков энеолитического характера в орнаменте посуды [Малов и др., 2009, с. 35–40, рис. 2–7]. Лбищенская выборка отличается не столь массивными венчиками, формы сосудов здесь более близки образцам финальнокатакомбного и посткатакомбного (бабинского) типа. Коллекция керамики Царева Кургана может быть синхронна лбищенскому материалу, а найденные здесь бронзовые предметы отнесены В. С. Бочкаревым к покровскому типу изделий [Бочкарев, Кузнецов, 2003, с. 60–81; Бочкарев, 2010, с. 96].

Материалы III Алексеевского могильника, отнесенные к вольско-лбищенскому типу на основании находок металлических украшений, вместе с тем, по обряду погребений практически идентичны посткатакомбным криволукским и бабинским захоронениям. Это еще одна привязка к покровскому времени, поскольку получены устойчивые данные по сосуществованию и взаимодействию криволукской и покровской культурных групп на территории Нижнего Поволжья [Лопатин, 2010, с. 165].

Керамика Екатериновского поселения, отнесенная В. В. Ставицким к вольско-лбищенскому типу, также неоднородна. Здесь присутствуют сосуды, близкие классическому «вольску» [Ставицкий, 2004, с. 25, рис. 3, 1, 2; с. 27, рис. 5, 1]. Это крупные формы со сложными ломаными профилями и пышной узкозональной орнаментацией, такие же элементы характерны для керамики Попова Блюдечка. Здесь же имеются более поздние экземпляры, аналогичные лбищенским, но, несомненно, демонстрирующие генетическую преемственность с вольской классикой.

По-видимому, процесс развития вольского культурного типа был длительным и занимал промежуток времени с конца третьей четверти III тыс. до XVIII–XVII вв. до н. э., стыкуясь с периодом формирования «покровска» и оказывая на него определенное влияние. Но поскольку это так, то контакты «вольска» с «абашево» также были, скорее всего, неизбежны, их взаимодействие представляется как фрагмент многокомпонентного культурогенеза «покровска». Косвенно это может подтверждаться отмеченным И. Б. Васильевым совместным местонахождением вольской керамики и абашевских украшений на дюне «Человечья Голова» (рис. 6, 32, 33) [Васильев, 2003, с. 110], а также весьма не беспочвенным «заблуждением» П. Д. Либерова, пытавшегося выделить в керамике Попова Блюдечка абашевские сосуды. Симбиоз вольской и абашевской культур на определенном этапе мог порождать синкретичные комплексы керамики. В Екатериновке есть крупные колоколовидные формы с вольской орнаментацией, как округлобокие, так и реберчатые (Ставицкий, 2004, с. 24, рис. 2, 5; с. 26, рис. 4, 1; с. 27, рис. 5, 2–5, 11). Рассуждения В. В. Ставицкого об одной из генетических (среднепестовской) подоснов такого (колоколовидного) формообразования вполне приемлемы для рабочего

анализа вариантов вольского генезиса, но в позднестоговской выборке, приводимой автором в той же публикации, нет реберчатых сосудов. В вольской коллекции Попова Блюдечка колоколовидные формы редки, они характерны наиболее простыми типами закраин [Малов и др., 2009, с. 35, рис. 2, 1; с. 36, рис. 3, 13; с. 39, рис. 6, 1; с. 40, рис. 7, 8], но здесь есть и покровская керамика с заметными чертами «абашоидности» [Там же, с. 41, рис. 8, 7].

Наметив краткий историографический обзор вольско-лбищенской проблемы, попытаемся разобраться в своеобразиях керамики, поскольку именно она является основным диагностирующим показателем этого феномена. Серьезный системный анализ керамического комплекса городища Попова Блюдечко был проведен лишь недавно [Там же]. Цель этой работы с коллекциями Вольского городища – показать яркое своеобразие наиболее архаичного комплекса, отделить его от материалов лбищенского типа и устранить, таким образом, сразу два сложившихся в литературе нонсенса – источниковедческий и терминологический. Поскольку авторы имели в своем распоряжении исключительно фрагментированную керамику (это главная сложность в работе с материалами вольского типа), то системными итогами их исследования стали типологические ряды венчиковых закраин (рис. 2, А) и композиционных вариантов декора [Там же, с. 33, табл. 5]. Это создавало интересные возможности для сравнительного анализа широкого круга памятников вольского типа, а также синкретичных керамических комплексов и лбищенских материалов.

Для этого автором был проведен фронтальный обзор всех известных городищ, поселений и погребальных памятников Нижнего и южной части Среднего Поволжья, Северного Прикаспия, Южного Приуралья, где встречалась керамика с вольскими и лбищенскими признаками. Выборку пространственного анализа составили только те памятники, на которых выявлены наиболее яркие диагностирующие артефакты.

Итогом данного обзора и анализа стало выделение трех групп керамических форм, где учтены критерии не только типов венчиков, но и общих пропорций сосудов (рис. 2, Б, В, Г). Второй критерий, безусловно, весьма гипотетичен, поскольку абсолютно целые экземпляры вольского или лбищенского типа практически неизвестны. Но у нас имеются редкие варианты ориентиров в виде графических реконструкций сосудов, которые будут представлены при рассмотрении указанных групп. С учетом формального характера типологизации, в каждой из групп усредненно представлены по шесть наиболее типичных вариантов форм сосудов, которые, как представляется, отражают процесс развития вольского культурного типа.

Вольская группа (рис. 2, Б; 3) составлена в большей степени на материалах керамического комплекса Попова Блюдечка, где отмечена классическая ар-

хаика пережиточно-энеолитического характера. Она выражается, прежде всего, в пышной орнаментации, сложные композиции набраны узкими горизонтальными зонами, где представлены линии, ряды, короткошаговые и широкие зигзаги с бахромой, горизонтально-елочные сюжеты. Широких диагональных построений орнамента практически нет. Техническое исполнение декора элементами не столь разнообразно и культурно устойчиво, это оттиски коротких штампов (гребенчатых и гладких), линзовидные отпечатки, зерновидные наколы.

Вольскую группу представляют в основном сосуды крупных размеров и вертикальных пропорций, с толстыми стенками и массивно сформованными венчиками, конструкции которых сложны и вариативны, и это также представляется признаком архаики. Выделяются варианты с вертикальным венчиком и массивным воротничком (рис. 2, Б-1; 3, 2, 8), с воротничком и отогнутым наружу венчиком (рис. 2, Б-2; 3, 7, 11), со сложным двучастным венчиком и скошенным наружу обрезом устья (рис. 2, Б-3; 3, 13). Самые сложные типы венцов, вертикальные или отогнутые наружу, ломаного или прямого изнутри профиля, оснащены с внешней стороны характерной и очень редкой, пожалуй, не встречающейся более ни в одной из синхронных культур, ступенчатой поверхностью (рис. 2, Б-4, 5, 6; 3, 1, 3, 12). Эта особенность достигалась при нанесении орнамента частыми рядами оттисков, создававшими эффект рельефности.

Ориентиром, своеобразным эталоном при обобщенной трактовке форм наших моделей вольской группы, послужил сосуд из курганного могильника Владимировский II, исследованного на юге Самарской области, в пограничье Среднего и Нижнего Поволжья [Скарбовенко, 2006, с. 286–293]. В нашей вольской группе этот горшок относится к типу Б-5 (рис. 3, 12), это самый сложный профиль венчика, слабо отогнутого наружу, с двучастной закраиной, воротничком и ступенчатой внешней поверхностью. Он орнаментирован узкими горизонтальными зонами, в которых размещены частые, вертикальные или косые оттиски короткого гребенчатого штампа. Очень оригинально выполнены разделительные линии узких зон – уголком зубчатого штампа получены волнообразные горизонталы, напоминающие некоторые катакомбные орнаментальные сюжеты. Декор доходит до максимального расширения тулова, и в нижнем ряду расположен многорядный зигзаг с «бахромой».

Обстоятельства присутствия этого сосуда в погребальном комплексе принципиально важны. Прежде всего, отметим, что оба погребения кургана № 3 Владимировского II могильника представляются относительно одновременными. На это указывают особенности подкурганной планиграфии и характер вещевого материала. Авторская трактовка времени сооружения этого памятника и поликомпонентного характера инвентаря в целом абсолютно

верна. Это, действительно, раннепокровский вектор культурогенеза, вобравший абашевскую генетическую традицию, синташтинско-потаповские культуроформирующие элементы, а также яркий признак участия в этих процессах вольского компонента.

Известные сложности интерпретации заключаются в планиграфическом соотношении комплексов. Основное погребение № 2 разрушено, что весьма досадно, но вещи из этой могилы позволяют предположить, что этот комплекс, при всей его синхронности с погребением № 1, выглядит архаичнее и выражен в несколько ином культурном содержании. Представляется, что здесь в большей степени проявляются генетические корни абашоидного характера (нож с ромбической пяткой черешка, массивный браслет из круглого дрота с заходящими друг за друга притупленными окончаниями, а также сосуд, сохранивший архаичные абашевские признаки в виде примеси крупно-толченой раковины, рельефных расчесов, тонких стенок, максимального диаметра по линии устья). Возможно, это одно из самых ранних погребений покровского типа.

Погребение 1 расположено в подкурганном пространстве в явном подчинении основному, оно как бы прикрывает вход в створ охранительного ровика с северо-восточной стороны, а также имеет иную (СЗ) ориентировку. Это явное подхоронение, акцентированное на основное близкородственное, или предковое (но также ближайшее) захоронение. Скорее всего, здесь погребена женщина. При ней найдены: малого диаметра и округлой формы желобчатая височная подвеска, свернутая в полтора оборота, которая относится к абашевскому типу, два браслета, откованные из круглого в сечении дрота с окончаниями, свернутыми в разнонаправленные спирали, и три сосуда. Наиболее диагностичен крупный горшок биконической формы с резко отогнутым наружу коротким венчиком и орнаментом в виде рядов горизонтально штрихованных треугольников [Скарбовенко, 2006, с. 290, рис. 4, 7]. Подобные орнаментальные мотивы присутствуют на керамике из некоторых комплексов Потаповского могильника [Васильев и др., 1994, с. 144, рис. 40, 6, 9; с. 150, рис. 46, 3], что следует расценивать как синстадиальное явление в культурогенезе Среднего Поволжья, где одновременно формировались потаповский дериват Синташты и ранние памятники покровского типа.

Похоже, что в становлении «потапово», помимо абашевской и синташтинской культур участвовал и вольский компонент, поэтому, вероятно, в декоре потаповских сосудов присутствуют узкозональные композиции с разделительными линиями, характерные «елочные» комбинации, принцип «лепки» рельефной поверхности горшка с помощью орнамента, а также некоторые типы украшений, например, часть очковидной подвески [Там же, с. 145, рис. 41, 2, 9]. Представляется, что редкий тип браслетов из погребения 1

третьего кургана Владимировского II могильника также является собой местную реплику «шнуровой» традиции изготовления украшений со спиральями. Комплекс этого раннепокровского захоронения ярко эклектичен, в нем соединились признаки нескольких культурных компонентов: абашевского (подвеска), синташтинско-потаповского (керамика), вольского (браслеты, орнамент) [Скарбовенко, 2006, с. 290, рис. 4]. По сравнению с ним основное погребение № 2 выглядит более целостным, в полной мере сохранившим основные генетические (абашевские) черты. Это позволяет предполагать, что на определенном этапе абашевские племена контактировали с вольскими группами населения, в том числе и при заключении межэтнических браков. В таком случае вполне очевиден смысл супружеского похоронения с вольскими чертами в инвентаре, при котором, в ходе обряда, за юго-западным отрезком ровика была оставлена поминальная тризна с сосудом вольского типа (рис. 3, 12).

Интересно, что явно выраженные в культурном отношении сосуды с вольскими или лбищенскими чертами (к сожалению, всегда фрагментированные) в курганах чаще всего помещены в комплексы тризн. Подобная ситуация отмечена также в могильнике Полудни II (бассейн р. Самары), где в насыпи кургана № 2 обнаружены фрагменты сосуда с примесью мелкотолченой ракушки, среди которых один был покрыт типично вольским орнаментом [Мышкин и др., 2010, с. 212, рис. 10, 6]. Примечательно, что эта «вольская» тризна могла быть посвящена только основному погребению № 7, очень раннему комплексу, отнесенному авторами к репинско-ямному периоду эпохи ранней бронзы [Там же, с. 202].

Вольско-катакомбная группа (рис. 4, В; 5) составлена по материалам целого ряда высокорасположенных памятников преимущественно нижеволжского правобережья. Но отдельные комплексы, встреченные в курганах и на поселениях не только к западу от Приволжской возвышенности (Барановка), но и в заволжской степи Советское (рис. 4, 3), Осиновский Овраг (рис. 4, 7), позволяют более широко смотреть на процессы активного катакомбно-вольского взаимодействия. В целом эта подборка выглядит несколько аморфной, но в ней проглядываются и весьма заметные общие тенденции – средние размеры сосудов, их приземистость относительно предыдущей группы, а также явная преемственность с вольской классикой по оформлению закраин венчиков и построению композиций декора. Вместе с тем, яркий синкретизм этой группе придают характерные профилировки сосудов, заимствованные из среднедонских катакомбных традиций и обобщенно воспринимаемые как кубковидность форм с высокими раструбовидными венчиками.

Воротничковых вариантов закраин (рис. 2, В-3, 4; 4, 6, 7) здесь значительно меньше, они переработаны, вероятно, в оригинальные типы скошенных

наружу и несколько утолщенных обрезов устья (рис. 2, В-1, 2; 4, 3, 4, 5, 8). Встречаются принципиально новые типы – с орнаментированным скосом внутрь (рис. 2, В-5; 4, 1, 11) и нависающим внутренним краем уплощенного устья (рис. 2, В-6; 4, 10). Есть и простейшие варианты – без воротничков, с округленной или плоской закраиной (рис. 4, 9, 12).

Заметна также вариативность по характеру плечиков, в частности, выделяются экземпляры с коротким плечом, иногда оформленным в виде подребчатого уступчика, что еще более сближает их с формами кубков (рис. 2, В-5, 6; 4, 10, 11).

Декор вольско-катакомбной группы, безусловно, демонстрирует явную преемственность с вольской классикой (рис. 4, 4, 5, 6, 8), но заметны также несколько более выраженные катакомбные типизации орнамента, где доминирует «елочка», или присутствует крученный шнур (рис. 4, 2, 3, 7, 10–12).

Эталонами в данной группе являются целые сосуды из погребальных комплексов Советского, Белогорского и Барановки (рис. 4, 3–5, 8), которые, во-первых, позволяют вполне достоверно представить обобщенные модели вольско-катакомбного комплекса, а во-вторых, уточнить культурно-хронологический интервал, в рамках которого шло его формирование.

Публикацию материалов эпохи средней бронзы из курганов, исследованных в начале 90-х гг. XX в. около пос. Советское в степном Заволжье, вряд ли можно считать удачной, эта работа малоинформативна, поскольку в ней отсутствует подробное описание источника [Баринов, 1996, с. 84–97]. Особенно интересно было бы сопоставить данные планиграфии и прямой стратиграфии кургана 2, где в погребении 14 обнаружен сосуд вольско-катакомбного типа (рис. 4, 3). По имеющимся сведениям, однако, очевидно, что в кургане 2, возникшем в ямно-катакомбное время, интересующие нас погребения 13–15 представляют позднейший горизонт.

Комплекс 2/14 с вольско-катакомбным сосудом является впускным, он удален от центра в западную полу, к ровику с разрывами, и устроен в насыпи кургана. Здесь расчищен скелет взрослого человека, погребенного скорченно на правом боку, головой к востоку, на охристых подсыпках. Руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. В ногах зафиксирован скелет ребенка (п. 13), лежавшего в неясной позе головой к северу. Между детским и взрослым скелетами обнаружен развал сосуда с примесью шамота, орнаментированного в верхней части до линии максимального расширения тулова трехрядной «елочкой» и косо штрихованными треугольниками. Край уплощенного доннышка украшен зигзагом (рис. 4, 3). Орнамент выполнен коротким гребенчатым штампом. Автор раскопок отметил присутствие валика на внешней стороне венчика, однако осмотр сосуда, хранящегося в фондах краеведческого музея г. Энгельса, показал, что эта рельефность связана с манерой нанесения

орнамента. По всей вероятности, традиция формовки рельефа при помощи орнамента транслирована в этот пласт из вольской архаики.

В курганном комплексе захоронение 2/14 можно синхронизировать с криволукским погребением в овальной яме, где обнаружен скелет взрослого человека, погребенного головой к северо-востоку, на левом боку в позе «скачущего всадника» с разворотом на спину, перед которым лежали кости ног КРС [Там же, с. 92, Б–Г, 4]. Таким образом, в нижнем рубеже вольско-катакомбное взаимодействие здесь приблизительно отсекается позднекатакомбным временем, а именно позднедонецким этапом, поскольку в материалах погребения 2/11 имеется бронзовое тесло привольненского типа. Такие тесла одновременны появлению колонтаевских топоров [Кияшко, 2002, рис. 28], которые характерны не только для катакомбных, но также для воронежских и вольских памятников.

Грунтовые могильники у с. Белогорское, раскопанные в Саратовском Правобережье в конце 80-х гг. прошлого столетия, представляют интерес именно в контексте выявления микрохронологии множества культурных импульсов и векторов взаимодействия в конце средней – начале поздней бронзы. Здесь зафиксированы два комплекса с сосудами вольско-катакомбного типа (рис. 4, 4, 5) [Дремов, 1996, с. 105, рис. 4, Д, 3; с. 108, рис. 6, Г, 2].

В обоих случаях интересующие нас сосуды связаны с детскими погребениями, тяготеющими к периферийным участкам двух кучевых скоплений могил на памятнике Белогорское I. Погребение 15 – парное, в овальной яме со ступенькой, где умершие лежали скорченно на левом боку, с северной ориентировкой, один в позе адорации, другой – «скачущего всадника». Между двумя детскими скелетами помещен кубковидный сосуд, украшенный однорядной елочкой и косо штрихованными треугольниками, параллельные стороны которых удлиняются в виде узких «лесенок» (рис. 4, 4).

Погребение 28, судя по размерам могилы, также детское, но не содержащее скелета, почему-то интерпретировано как подбойное, что весьма сомнительно. Скорее всего, это также была простая овальная яма с северной ориентировкой, и не исключено, что кенотаф¹. В центре ямы обнаружен кубковидный сосуд с типично вольской организацией орнамента, нанесенного, правда, с использованием не только короткого гребенчатого штампа, но и крученого шнура. В декоре представлены короткошаговые и широкие зигзаги с разделительными линиями (рис. 4, 5).

¹ В авторской публикации на рисунке показан очень необычный тип катакомбы, который не имеет аналогов. В прямой проекции сверху контуры входной штольни и подбойной части смотрятся как овальное очертание обычной ямы, разрезанное поперек линией «свода». Думается, что в ходе раскопок за свод подбоя были приняты фракции переотложенного материкового грунта, который использовался в забутовке простой ямы.

Характер материалов I Белогорского могильника и особенности планиграфии также указывают на позднекатакомбное время появления таких симбиозных форм, что было отмечено автором раскопок в более поздней работе [Дремов, 1997, с. 67, рис. 3].

Еще один детский кенотаф с вольско-катакомбным сосудом (рис. 4, 8) исследован в курганном могильнике Барановка I около станции Петров Вал на севере Волгоградской области в нижневолжском правобережье [Сергацков, 1992, с. 98, рис. 1, 4, 5]. Форма сосуда довольно близка поздним среднедонским катакомбным прототипам, но орнаментация, выполненная оттисками короткого гребенчатого штампа, построена по вольскому канону. Верхняя часть украшена «елочкой» с разделительными линиями, а ниже, на плече и максимальном расширении тулова, чередуются парные короткошаговые зигзаги и ряды вертикальных коротких оттисков штампа. Придонный край орнаментирован таким же рядом отрезков.

Удивительно, что этот, судя по размерам простой могилы с заплечиками, детский комплекс (10/7) был основным в кургане, досыпанном в посткатакомбное время при сооружении в толще первичной насыпи безынвентарного комплекса, где в прямоугольной яме, обложенной деревянными плахами, по обряду бабинской культуры (скорченно на левом боку, головой к западу) погребен взрослый человек. Таким образом, определяется некий *terminus ante quem* для периода вольско-катакомбного взаимодействия, как начало посткатакомбной экспансии. Вместе с тем, представляется, что эта синкретичная группа могла еще некоторое время сосуществовать с носителями черт поздней среднедонской катакомбной, бабинской, криволукской, абашевской и ранней покровской культур.

Лбищенская группа (рис. 2, Г; 5; 6; 7, 1, 2, 5, 6) демонстрирует заметную изменчивость в основных показателях форм сосудов. Налицо упрощение венчиков, исчезают сложные многочастные варианты закраин и ступенчатая рельефность внешней поверхности, на смену ей приходит каннелирование, воротничков становится меньше, они удлиняются и не столь рельефны, появляются баночные и слабопрофилированные формы. В орнаментации нарушается строгий принцип узкозональности организации декора, больше становится широких диагональных сюжетов, например, длинношаговые зигзаги с «бахромой». Вместе с тем, если изменчивость форм ощутима как внедрение посткатакомбных (бабинских) стандартов (рис. 5, 5–7; 7, 1, 2, 6), то в орнаменте явно заметно наследование вольской традиции, изменяющейся в ходе эволюции древнего канона (рис. 5, 5–7, 13, 18). В этой аморфной эклектике, типичной для пиковых фаз культурогенеза, прослеживается также тонкий шлейф вольско-катакомбного взаимодействия в виде чисто «елочных» мотивов (рис. 5, 4, 11, 15; 7, 6).

К лбищенским вариантам, сохранившим элементы архаики, относятся сосуды с вертикальными венчиками, имеющие изменившиеся воротнички и каннелированные участки внешней поверхности (рис. 2, Г-1-3; 5, 1-4, 8, 9). Новые варианты – самые простые, это банки и слабопрофилированные сосуды с несложными, уплощенными по обрезау, округленными или скошенными закраинами, вертикальными или слабоотогнутыми наружу венчиками (рис. 2, Г-4-6; 5, 5-7, 10-18; 7, 1, 2, 6). Как уже отмечалось, эти варианты с длинными пологими плечиками, имеющие иногда валикообразные утолщения (рис. 5, 8; 7, 2), напоминают сосуды бабинского комплекса, вероятно, принявшего участие в развитии и трансформации вольской культуры после деструкции предшествующего катакомбного фактора.

О контактности лбищенских групп населения с племенами посткатакомбного блока культур свидетельствуют очень редкие погребальные комплексы степного Волго-Уралья. Один из них – небольшой индивидуальный курган, исследованный автором в 1983 г., в группе «Рунталь», расположенной в Саратовском Заволжье [Жемков, Лопатин, 2007, с. 118, рис. 4, 1-4]. В центре подкурганного пространства выявлена одна могила овальной формы с погребением криволукского типа (левобочная поза «скачущего всадника», восточная ориентировка, кости МРС), а рядом, на уровне погребенной почвы – остатки тризны в виде двух крупных фрагментов сосуда лбищенского типа, на основе которых проведена графическая реконструкция (рис. 7, 6). Отметим, что декор на сосуде из Рунталя содержит явные реминисценции катакомбной традиции в виде «елочного» мотива и полукруглых фестонов, похожих на ногтевые оттиски, но вместе с тем отражает и явные признаки деградации орнаментальных канонов эпохи средней бронзы, что выражается в небрежности построения композиции. Примечательно, что этот фрагмент сосуда, найденный в криволукском комплексе, косвенно маркирует его определенным хроносрезом, и не исключено, что уже завершающим время лбищенского культурного типа.

Второй комплекс исследован в степном Волго-Уралье, на границе России и Казахстана, в курганной группе Светлое Озеро [Жемков, Лопатин, 2008, с. 184, рис. 2, 1-6]. В интересующем нас впускном погребении 1/1, в могиле подбойного типа зафиксированы скелеты взрослого человека и ребенка, похороненных скорченно на левом боку, в позе адорации, с ориентировкой на ССВ. Здесь сочетаются элементы архаики средней бронзы (подбой, охра, пронизки из распилов трубчатых костей) и стандартные посткатакомбные признаки волго-уральской группы (адорация, ориентировка, кости МРС).

Погребение 1/1 являлось подхоронением в предковый курган, где основной комплекс (1/2) относится к культурной группе, завершающей эпоху средней бронзы в степном Волго-Уралье. В этом захоронении присутствует

известная архаика – правобочное положение в позе «скачущего всадника», ориентировка на северо-восток-восток, охра, листовидный нож с узким черешком, но, вместе с тем, здесь же найдено шило с упором (рис. 7, 3, 4), аналогичное таким же изделиям из сидячих погребений Тамар-Уткуля, определяемых как «вольско-лбищенские» (рис. 7, 12, 13) [Ткачев, 2006].

В ходе подхоронения и отправления предкового культа, около северо-восточного края основного погребения была совершена поминальная тризна, зафиксированная в виде скопления золы, пережженных костей мелкого рогатого скота и остатков двух разбитых сосудов (рис. 7, 1, 2). Совершенно очевидно, что по сравнению с рунтальским горшком здесь все еще заметна вольская классика в орнаментации (узкозональное построение с разделительными линиями), но по формам это уже лбищенские сосуды с вертикальными и слабоотогнутыми венчиками, простыми закраинами, валикообразным утолщением на максимальном расширении тулова.

По всей вероятности, в данном сюжете мы наблюдаем некий интервал между деструкцией позднекатакомбного культурного фона в Заволжье и заменой его на новый, очень пестрый в этнокультурном отношении субстрат, представленный различными группами, мозаично распределяющимися в огромном пространстве между Волгой и Уралом. Для нас принципиально важно, что в этом движении участвуют носители лбищенских признаков, проявляющихся не только в керамике, но и в характернейшем инвентаре, а также в оригинальной обрядности.

Диспропорция между известными инвентарными комплексами Вольска и Лбища весьма значительна. Не исключено, что данная ситуация проистекает из невозможности стратифицировать материалы средневожских памятников, квалифицированных И. Б. Васильевым как «вольско-лбищенские», но с которых и происходит весь основной массив вещевого инвентаря (рис. 6). Но, с другой стороны, на классических пережиточно-энеолитических памятниках раннего вольского типа, возможно, и не следует рассчитывать на обнаружение предметов сквозного металлического импорта, которые активно начинают поступать лишь на лбищенском этапе.

Достоверно известно, что на Поповом Блюдце были найдены бронзовое обоюдоострое шильце с прямоугольным сечением катакомбного типа (рис. 3, 5). Два таких бронзовых шила присутствуют в комплексе Березовского поселения в степном Заволжье (рис. 49, 19, 20), вместе с характерной позднекатакомбной керамикой, украшенной налепными, треугольными в сечении валиками [Лопатин, 2002, рис. 2, 18–38]. На Вольском городище найдены также каменные предметы – по большей части отходы кварцитовой отщепной индустрии (Малов и др., 2009, с. 42–43, рис. 9–10). Имеется фрагмент каменного топора (Там же, с. 43, рис. 10, 5), который может отно-

ситься к усечено-коническому варианту фатьяновско-балановского типа, но это не вполне ясно.

Инвентарь средневожских комплексов имеет сквозной характер и происходит из традиций западных, так называемых «шнуровых» культур, преимущественно поднепровских. В первой публикации материалов эпохи средней бронзы Лбищенского городища [Васильев и др., 1987, с. 40–54, рис. 7–8] представлен полный инвентарный набор – различные изделия, в основном из камня и кости, среди которых наиболее примечательны заготовка для крестовидной булавы и кремневый наконечник стрелы листовидной формы с усеченным основанием (рис. 6, 11, 12). Авторы отметили, что крестовидные булавы были широко распространены во времени и входили в арсеналы многих культур, в том числе и бабинской (КМК), ссылаясь на находку парадной инсигнии из Бородинского клада [Там же, с. 48]. Среди трех наверший бородинских булав крестовидный экземпляр особенно выразителен (две другие имеют шаровидную форму, одна из них – с нижним бортиком) и несколько отличается от прочих, как ранних, так и более поздних вариантов [Кривцова-Гракова, 1949]. Он, действительно, близок лбищенской заготовке по такому признаку, как выступающая по вертикали в обе стороны массивная втулочная часть, усиливающая общую конструкцию булавы.

Наконечники стрел, выявленные в комплексе с керамикой лбищенского типа на памятнике «Пещера Братьев Грехе» (рис. 6, 8–10), по характеру обработки и основным формам очень близки вариантам из «ливенцовской» группы культуры Бабино. Это невыразительные, небрежно ретушированные экземпляры удлиненных пропорций, листовидные, в том числе с усеченными основаниями и выделенными короткими черешками [Археология..., 1985, с. 459, рис. 124]. Представительная выборка наконечников типа «Ливенцовка-Каратаево» в известной работе С. Н. Братченко демонстрирует явную культурную целостность бабинских колчаных наборов [Братченко, 1976, с. 126, рис. 68]. Здесь есть немногочисленные экземпляры с жальцами, но они, скорее всего, являются поздними репликантами катакомбной традиции, причем в значительной мере переработанными. А подавляющее большинство представлено узкими листовидными формами с короткими черешками и округлыми основаниями. Близкие им лбищенские наконечники совершенно не похожи на тщательно выделанные стрелы «сейминского» типа и, тем более, на позднекатакомбные с выемчатым основанием и удлиненными жальцами. Между тем последние выявлены в отдельных комплексах Южного Приуралья, например, на Турганинской стоянке и у с. Привольного [Ткачев, 2007, с. 341, рис. 76, 31–33], а также в Среднем Поволжье, в материалах Уваровского могильника [Кузьмина и др., 2003, с. 235, рис. 6, 1–5]. Но вместе с ними ни разу не встречена керамика вольского или лбищенского типов. Это весьма при-

мечательно, поскольку характеризует устойчивость в лбищенском культурном комплексе именно бабинского оружейного набора. Несмотря на длительное сосуществование вольско-лбищенских племен с полтавкинскими и катакомбными, степные образцы стрелкового вооружения ими так и не были заимствованы.

В коллекции уже упомянутой «Пещеры Братьев Грече» имеются также относящиеся к предметам вооружения два оригинальных бронзовых ножа (рис. 6, 1, 2). Их лезвия широко раскованы в пластинчатом варианте без продольного ребра, выделены перехваты, черешки короткие, а пятка одного оформлена концевой расковкой.

Классические варианты ножей и кинжалов подобного типа содержатся в комплексах юго-западного варианта Бабино (КМК), например, в погребении 9/28, исследованного у с. Даумяны [Березанская и др., 1986, с. 11, рис. 3]. Ножи с аналогичной расковкой пятки черешка есть в бабинских материалах Северного Приазовья [Братченко, 1976, рис. 72, IV-13], где они синхронны предметам бородинского типа (обломок топора) и некоторым кавказским украшениям (двухрожковый бисер).

Ножи с концевой расковкой черена оказались устойчивы на продолжительном этапе культурогенеза, в Нижнем Поволжье они известны в покровских и даже раннесрубных комплексах. Правда, унифицирующим признаком в этой группе всегда является форма черешка, а все прочие показатели весьма вариативны. И здесь необходимо указать погребальный набор из Идолги, в котором сочетаются нож, дисковидный псалий покровского типа и сейминские наконечники стрел (рис. 28, 5–7) [Малов, 2003, с. 219, рис. 13]. Идолгинский нож весьма своеобразен. При наличии известного унифицирующего признака в целом он все же представляется неким репликантом, причем на довольно ранние типы катакомбных ножей. Этот экземпляр имеет удлиненное лезвие изящной пламевидной формы, края которого при плавном переходе на черенок выделены проковкой и напоминают перехват. Черешок узкий, прямоугольного сечения, с раскованной пяткой. Максимальное расширение линзовидного в сечении клинка ближе к черенку, это расстояние примерно в 1/3 общей длины лезвия.

Очень близкий аналог идолгинскому ножу известен в комплексе богатого раннекатакомбного погребения возникшего с повозкой из Большого Ипатовского кургана (п. 168) с весьма почтенной радиоуглеродной датой (XXV в. до н. э.) [Кореневский и др., 2007, с. 191, рис. 51, 4; с. 109]. Сходство ипатовского ножа из раннекатакомбного погребения и экземпляра из покровского комплекса Идолги настолько велико, что объяснить этот феномен практически невозможно. Даже при самой ранней дате Идолги (XIX–XVIII вв. до н. э., а это,

скорее всего, именно так) интервал в 600–700 лет остается слишком велик даже для самой относительной синхронизации.

Раннесрубные аналогии представлены двумя ножами из Кочетного (келотафы в курганах 6 и 7) и одним экземпляром из первого кургана Золотой Горы [Юдин, Матюхин, 2006, с. 91, рис. 6, 2; с. 93, рис. 8, 1; с. 103, рис. 18, 1]. Золотогорский нож (рис. 29, 11), обнаруженный в богатом захоронении с псалом старожурьевского типа, вопреки авторской интерпретации, следует, видимо, считать несколько более ранним и относить не к раннесрубному, а к покровскому времени. Но для нас теперь более важно, что катакомбная традиция в изготовлении оружия ближнего боя (ножи и кинжалы с раскованной концевкой черешка) оказывается весьма стойкой. Она переживает рубеж средней и поздней бронзы, с основным носителем (бабинские племена) проникает в арсеналы лбищенской и покровской культур, сосуществует с абашевской технологией (ножи с ромбической пяткой черешка) и находит длительное продолжение в срубном арсенале.

По поводу «медного» тесла из коллекции «Пещеры Братьев Грече» (рис. 6, 3) в статье И. Б. Васильева с характеристиками вольско-лбищенской культурной группы вскользь замечено, что это изделие полтавкинского типа [Васильев, 2003, с. 108]. По всем признакам такие тесла могут относиться к широкому хронологическому этапу развития кавказской металлургии, по С. Н. Братченко – к успенско-привольненскому кругу деревообрабатывающих металлических инструментов [Братченко, 2001, с. 75, рис. 73], что, действительно, соответствует катакомбному (донецкому) и полтавкинскому времени. Это означает, что предмет мог попасть в несколько более ранний, не лбищенский, а вольский комплекс, в результате контактов с южными степными племенами.

Узкая стамесочка из материалов III Алексеевского могильника (рис. 6, 14), которая также должна быть причислена к инструментам деревообработки, в сводной работе И. Б. Васильева не получила интерпретации. Автором раскопок она связывается с погребением № 17 (сильно скорченная левобочная адорация с завалом на грудь, северная ориентировка), что абсолютно идентично срубной обрядности, но аналогии предмету не найдены [Пестрикова, 1979, с. 106]. Не только по морфологии, но и по характеру заточки лезвия и, вероятно, по специфической функциональности это орудие отличается от широких тесел и желобчатых долот этого времени. Скорее всего, эта миниатюрная стамеска абсолютно эксклюзивна, возможно, ее изготовили вопреки действовавшим на тот момент стандартам для некоей исключительной производственной операции, или же она сугубо votivna.

В инвентарной выборке, адресованной лбищенскому комплексу, наиболее заметен топор колонтаевского типа из Царева Кургана (рис. 6, 34). Приме-

чательно, что из всей кладовой серии этого памятника, в целом интерпретированной в качестве «покровской», специалисты выделили это изделие, как не вписывающееся в критерий «покровска» и, возможно, связанное с выявленным здесь лбищенским комплексом керамики [Бочкарев, Кузнецов, 2003, с. 74]. Примечательно, что подобные топоры маркируют также воронежские комплексы на Среднем Дону. Топор колонтгаевского типа обнаружен, к примеру, в материалах Воргольского поселения [Пряхин, 1982, с. 121, рис. 40, 1]. Но в целом их ареал гораздо более широк – от среднего Поднепровья и Донца до Нижнего Поволжья [Кореневский, 1976, с. 186–188]. Наибольшее количество экземпляров выявлено в составе клада Скакун, отнесенного к кругу катакомбных древностей [Черных, 1966, с. 62; 1970, с. 115]. Варианты подобных изделий типичны для полтавкинских и волго-донских катакомбных комплексов, ранее считавшихся позднеполтавкинскими [Качалова, 1983, с. 8–9].

Весьма интересна серия металлических украшений, которые выявлены вместе с керамикой лбищенского типа на памятниках «Пещера Братьев Гриве» (рис. 6, 4–7), «Лбище» (рис. 6, 13), «Алексеевский III могильник» (рис. 6, 15–20), дюна «Человечья Голова» (рис. 6, 21–33).

Среди них подвески малых размеров, свернутые в 1,5 оборота, литые и желобчатые (рис. 6, 13, 32, 33), а также малые очковидные подвески (рис. 6, 27, 28), относятся специалистами к абашевскому ювелирному комплексу [Васильев, 2003, с. 110].

Крупные очковидные подвески (рис. 6, 4, 17, 24–26) и проволочные кольца с раскованной листовидной концовкой (рис. 6, 7) или спиральным щитком (рис. 6, 16) типичны для фатьяновско-балановских древностей [Крайнов, 1972, с. 161, 163]. Эти же изделия, а также круглые слабовыпуклые и плоские бляшки с отверстиями (рис. 6, 5, 6, 18–20), «лунницы», кованые из овального в сечении дрота (рис. 6, 21–23), плоско раскованные подвески в 1,5 оборота (рис. 6, 15) более всего характерны для западных, так называемых «шнуровых» культур, в частности среднеднепровской и унегицкой [Васильев, 2003, с. 108].

Вполне обоснованным является предположение И. Б. Васильева о дериватном характере фатьяновских памятников, сложившихся на лесном направлении экспансии «шнуровых» культур. Эта дальняя миграция носителей «традиций боевых топоров» затронула также лежащую южнее широтную зону днепро-донецкой и доно-волжской лесостепи, повсюду маркируя местные пережиточно-энеолитические культурные комплексы характерными типами керамических орнаментов, типичными каменными изделиями (серпы, топоры), но в большей степени – оригинальными женскими украшениями (очковидные подвески, проволочные спирали с раскованными концовками, полусферические нашивные бляшки). В Поволжье эти события начались на вольском этапе, а своего максимума достигли на лбищенском. Параллельно сюда проникало

влияние и других культуртрегеров, известных по данным археологии полтавкинско-катакомбными, абашевскими, бабинскими материалами.

Эти явления видоизменили традиционный поведенческий императив местных лесостепных племен (иванобугорские, вольские). Под влиянием мощных культурных диффузий формируются более активные группы (воронежская, вольско-катакомбная, лбищенская). Спокойная «затворническая» жизнь на высокорасположенных труднодоступных поселениях сменяется парадигмой освоения широких вмещающих пространств, и пестрые конгломераты постпшнуровых и посткатакомбных культур хлынули в степи Волго-Уралья.

В археологическом отношении это пространство и теперь еще следует считать малоизученным, но по отдельным данным вполне объективным кажется предположение о тотальном характере освоения лесостепной, сухостепной и аридной зон Заволжья, Южного Приуралья, Северного Прикаспия и даже Каспийско-Аральского междуморья на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Об этом свидетельствуют красноречивые комплексы, выявленные в глубинной степи на памятниках Чапаевка, Рунталь, Светлое Озеро (рис. 7, 1–6) [Жемков, Лопатин, 2007, 2008], а также южноуральские погребения Большого Дедуровского Мара и Тамар-Уткуля (рис. 7, 7–14) [Гкачев, 2007].

В литературе два последних памятника традиционно относят к «вольско-лбищенскому» типу. Однако представляется, что здесь мы наблюдаем наиболее эклектичный сплав различных культурных традиций, соединившихся на острие самого дальнего вектора экспансии. Постпшнуровой компонент здесь иллюстрирован крупными очевидными подвесками и своеобразными лунницами подтреугольного сечения (рис. 7, 8–10), позднекатакомбные и посткатакомбные черты отразились в наличии шильев с упорами (выделенными короткими черешками) и костяной пряжки гинчинского типа (рис. 7, 11–13).

И теперь следует отметить прозвучавшее в литературе, очень важное предположение об участии в поликомпонентных процессах культурогенеза так называемых «волго-уральских» посткатакомбных групп, в основе развития которых просматриваются черты предкавказской раннелоллинской культуры катакомбного круга [Мимоход, 2009, 2010, с. 67–82]. Здесь, возможно, следует ожидать выявления еще одного культурогенетического вектора, направленного с территории северо-восточного Предкавказья, через аридные пространства Северного Прикаспия – к южноуральским меднорудным источникам. Время действия совпадает с лбищенским движением из лесостепи в том же направлении, и для нас особенно важно, что керамика из погребений Дедуровского Мара и Тамар-Уткуля в большей степени близка не вольской классике или лбищенским образцам, а сосудам «вольско-лбищенского» типа прикаспийских стоянок (рис. 7, 15–17) [Васильев и др., 1986]. Абсолютно

идентичными их делают формы венчиков (утолщенные и скошенные наружу), а также орнаменты, набранные длинношаговыми зигзагами, которые придают декору диагональный характер.

Похожим образом организован орнамент токсанбайской керамики, выявленной на поселениях северо-восточного Устьурта (рис. 8, 1–6) [Самашев и др., 2009]. Авторами исследований отмечены также воронежские черты в данном комплексе, и с этим следует согласиться. Примечательно, что в арсенале Токсанбая есть также знакомые нам ножи бабинского типа с округло раскованной пяткой черешка (рис. 8, 7). Думается, что наряду с вольской, вольско-катакомбной и лбищенской культурными группами в едином блоке следует рассматривать и эту прикаспийскую группу памятников, объединяющую южноуральские погребения, поселения Токсанбая и донные стоянки Рын-Песков.

Вне всяких сомнений, процессы трансформации воронежского, вольского, лбищенского субстратов на определенных этапах были связаны с активизацией доно-волжской абашевской культуры, а также с экспансиями позднекатакомбных (среднедонская, лолинская) и посткатакомбных культур, оставивших в регионе памятники круга «бабино-кривой луки». В это время наблюдается одна из пиковых фаз культурогенеза, на широчайшей территории от Среднего Дона до Зауралья, распространяются комплексы бронзового оружия и колесницы, быстро формируются культуры, усиливающие активизацию политогенеза (Синташта, Потапово, Новый Кумак, Петровка, *Покровск*). В сложении памятников покровского типа отразились драматические процессы взаимодействия, с неравнозначными долями участия, таких культур эпохи средней бронзы, как доно-волжская абашевская, воронежская, поздняя среднедонская катакомбная, вольская, лбищенская, бабинская. В ходе становления и развития покровский комплекс, в котором доминируют генетические признаки абашевской культуры, сосуществует и взаимодействует с поздними абашевско-воронежскими, бабинскими, потаповскими, синташтинскими, криволукскими комплексами. О том, насколько разнообразны и порой причудливы были процессы формирования комплексов покровского типа, свидетельствует небольшой микросрез материалов этого времени. На сосуде из покровского погребения 7 Смеловского могильника (рис. 8, 8) совместились черты абашоидности (колоколовидная форма, примесь раковины), по-воронежски скошенный наружу рассеченный обрез устья и типично вольский декор, построенный узкими зонами, с разделительной линией [Лопатин, 2010, с. 200, рис. 4, 9]. В комплексе уже упомянутого кургана в Усть-Грязнухе представлены уникальнейшие раннепокровские сосуды с воронежскими и вольскими признаками, баночный сосуд предположительно посткатакомбного (криволукского) типа, фаянсовые бусы и керамическая пронизка

(рис. 8, 9-20, 22) [Дремов, Семенова, 1999]. Сосуд из разрушенного могильника у с. Терновка² Энгельсского района Саратовской области демонстрирует покровские признаки (расчесы, внутреннее ребро), бабинский элемент (подтреугольный валик) и вольскую манеру орнаментации узкими зонами (рис. 8, 21). Этот ряд примеров яркой эклектики волго-уральского культурогенеза, в ходе которого формируется покровский культурный тип, можно продолжить, если препарировать давно известные и опубликованные материалы, воспринимаемые в контексте устоявшихся концепций. Различающиеся по содержанию, но ориентированные в одном направлении векторы этих активных взаимодействий и быстро сменяемых процессов становления новых культурных групп, уже в рамках позднего бронзового века, к середине II тыс. до н. э., приводят к формированию своеобразных, но единых в культурно-историческом контексте локальных вариантов срубной культуры.

² Экспонат хранится в фондах Археологического музея Института археологии и культурного наследия СГУ.

ГЛАВА 2

ВОРОНЕЖСКО-ПОКРОВСКИЙ ВЕКТОР КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

В Поволжском регионе памятники покровского типа диагностируются по целому ряду признаков погребальной обрядности (левобочная адорация, северные ориентировки, смещение скелета к западной стенке) и составу инвентаря (наконечники копий с манжетами и ушками на втулках, щитковые псалии с треугольными планками и без бокового выреза, ножи с ромбической пяткой черешка, дрововые и желобчатые браслеты, круглые и овальные подвески в 1,5 оборота, сурьмяные и фаянсовые бусы, ромбические и треугольные медальоны-подвески) [Малов, 1991; 1992а, с. 130–132]. Ведущая роль в идентификации принадлежит керамике, причем это сосуды, чаще всего имеющие характерные абашевские черты (колоколовидность формы, внутреннее ребро, примесь раковины, расчесы на тулове), что особенно существенно в работе с фрагментированным материалом поселений, где, как правило, все прочие признаки «покровска» не представлены. Иногда покровские сосуды демонстрируют причудливую эклектику форм или орнаментов, что вполне объективно расценивается исследователями как признак межкультурных взаимодействий и явлений синкретизма в ходе становления покровского феномена или очень широкой контактности. Безусловно, подобные комплексы чрезвычайно важны в исследованиях глубокого по времени и сложного по многокомпонентности генезиса культур, открывающих своим появлением эпоху поздней бронзы.

Некоторые керамические типы покровского комплекса вызывают любопытство, прежде всего, в связи с необычностью формовки венчиковых отделов сосудов. Побудительным мотивом к разработке этого сюжета послужил один подкурганый комплекс (рис. 8, 9–20, 22), к анализу характеристик которого и следует обратиться вначале.

Курган на границе Энгельского и Советского районов в Саратовском Заволжье был раскопан И. И. Дремовым и И. В. Семеновой в 1997 г. Это самая крупная насыпь в курганном могильнике, который стоял на водоразделе между р. Большой Караман и его притоком – р. Грязнухой. Диаметр насыпи составлял 20 м, высота над современным уровнем распаханной террасы – 1,5 м [Дремов, Семенова, 1999, с. 55]. В кургане выявлено 8 погребений, в том числе захоронения, относящиеся к РЖВ, но нам интересен ряд могил раннего строительного горизонта (шп. 3, 4, 6). Подкурганная планиграфия явно демонстрирует их обрядовую связь: погребение 6 – центральное и основное (криволукского типа в подбойной могиле) в южных секторах сопровождалось покровскими подхоронениями 3 и 4, а также двумя ритуальными комплексами (п. 8 и автономная тризна в яме).

В целом в этой ситуации нет ничего необычного, поскольку на данном срезе поликомпонентного культурогенеза памятники археологии отчетливо фиксируют активное взаимодействие посткатакомбных и покровских групп населения в Поволжье. Здесь, как и повсеместно между Волгой и Уралом, а также на севере Волго-Донья, различные памятники покровского типа относительно одновременны финальнокатакомбным и посткатакомбным комплексам – криволукским, бабинским, позднелолинским и степным «волгоуральским» [Мимоход, 2010, с. 67–82]. Их контакты, сращивания и взаимные аккумулярации определяли некоторые своеобразия формирования и дальнейшего развития ранних вариантов будущей срубной культурно-исторической общности.

В кургане на р. Грязнухе основа комплекса представлена погребением посткатакомбного типа (№ 6), в овальной могиле со ступенькой и подбоем в восточную сторону, скорченное на левом боку в позе «скачущего всадника», безынвентарное, с костями мелкого рогатого скота перед умершим. Покровские погребения (3 и 4) расположены несколько юго-восточнее, рядом друг с другом, в прямоугольных ямах, где скелеты подростков лежали около западных стенок, в слабоскорченной левобочной адорации, по направлению к северу и ССВ [Дремов, Семенова, 1999, с. 61, рис. 2]. В этом же южном полукольце свиты основного захоронения, вероятно, одновременно с покровскими подхоронениями были оставлены два комплекса ритуального сопровождения – череп ребенка в яме под деревянным перекрытием (№ 8) и тризна (череп и ноги лошадей и МРС в грунтовой яме) [Там же, с. 58, рис. 1]. Комплекс весьма интересен уже в этом обрядовом контексте, но нам необходимо сосредоточиться на инвентаре из двух покровских захоронений.

В обоих погребениях есть пастовые бусы белого цвета (рис. 8, 14–20), что весьма типично для покровского времени, но отмечалось, что они могут встречаться и в раннесрубных материалах [Малов, 1992б, с. 46]. Уникальна

пронизка из третьего погребения (рис. 8, 13), которая вместе с бусами входила, вероятно, в состав ожерелья. В авторской трактовке И. И. Дремова и И. В. Семенович она представлена как пастовая, но на самом деле анализ этого предмета, хранящегося в фондах Энгельсского музея, показал, что пронизка изготовлена из тонко ошлифованного кусочка керамики. На нем заметна цветовая двуслойность по границе обжига на внешней поверхности. Точный аналог этому типу украшений не известен, но не исключено, что пронизка может быть неким подражанием кавказскому лепестковому бисеру.

Наиболее интересна керамика. В этом наборе (рис. 8, 9–12, 22) отчетливо заметна тенденция формирования на ранней фазе развития «покровска», когда в культурогенезе были заняты многие, самые разнообразные культурные компоненты. Авторами первой публикации это было замечено, но без подробного анализа сосуда Грязнухи декларативно квалифицированы, как «покровские с *вольскими* чертами». Очевидно, авторы ориентировались на общее (заметим, весьма отдаленное) сходство форм и некоторых элементов орнамента этих сосудов с вольскими показателями, а именно, на сложное строение профилей и характерные удлиненно-овальные оттиски, построенные горизонтальными рядами. Прежде всего, следует все же отметить, что в хорошо известных комплексах вольско-лбищенского типа [Степанов, 1956; Васильев, 2003; Малов и др., 2009] абсолютных аналогов сосудам Грязнухи нет. Они заметно отличаются от вольской классики по размерам и пропорциям, а также значительно упрощены по организации орнаментального поля, элементы декора выполнены небрежно. Вместе с тем, нельзя отрицать и того факта, что здесь мы имеем дело, если не с деградирующей традицией, то уж определенно с подражательной репликой в манере лепки и украшения керамики. Это не что иное, как подражание керамическому канону определенного круга культур лесостепного региона между Волгой и Доном, последовательно развивавшихся с неолита до рубежа средней и поздней бронзы. Только в этих культурах имеются сосуды с самыми сложными, многочастными профилями.

Суть указанной сложности заключается в том, что геометрическая модель фронтального изображения такого сосуда (рис. 11) содержит максимальное среди всех известных керамических форм бронзового века количество простых фигур (четыре). В авторской систематизации керамики срубной культуры мною были выделены три категории сложности форм сосудов: 1 – открытая банка, в геометрическую модель которой вписывается всего одна фигура (трапеция); 2 – закрытая или биконическая (реберчатая) банка (две трапеции, стыкующиеся основаниями); 3 – остросеберные и округлобокие горшки, фронтальные модели которых содержат по три трапеции [Лопатин, 1991, с. 43–44, рис. 1]. Особую сложность некоторым сосудам вольской,

иванобугорской, примокшанской, воронежской культур и, как это очевидно по материалам кургана Грязнухи, некоторым редким сосудам покровского типа придает необычная форма венчика, имеющего двучастный («ломаный») профиль.

Проведенный обзор археологических комплексов, в которых имеются сосуды с многочастными профилями, показал, что эта керамика неоднородна, всю группу таких форм можно разделить на три варианта. Первый вариант – сосуд с двучастным венчиком прикрытого профиля и рельефным желобком на внутренней поверхности (рис. 11, А). Второй вариант – венчик двучастного прикрытого профиля с прямой внутренней поверхностью (рис. 11, Б). Третий вариант – двучастный венчик с вертикальной профилировкой верхнего отдела (рис. 11, В). В этой схеме очень важно придерживаться унифицированной терминологии, адресованной важнейшим типологическим частям и линиям фронтальной модели сосуда, которая была конкретизирована в работе, посвященной Смеловскому могильнику [Лопатин, 2010, с. 61–63]. Применительно к рассматриваемому типу керамики необходимо отчетливо фиксировать основные линии устья (D 1), шейки (D 2), максимального расширения тулова (D 3), днища (D 4), маркированные широтными индексами, а также основные части – двучастный венчик (H 1), плечо (H 2), придонная часть (H 3), маркированные высотными индексами. Показатель двучастности венчика уместно дифференцировать на варианты (H 1.1 и H 1.2), где выделяются верхний отдел венчика, завершающийся линией устья, и нижний отдел, начинающийся от линии шейки. Подобный подход принципиально важен, поскольку подробные характеристики отражают суть формы сосуда.

Выборка керамических артефактов, в которых представлен искомый признак (сложные многочастные профили), условно следует разделить на группы по принципу культурной принадлежности, поскольку это немало важно в контексте конкретизации культурно-генетической векторности процесса, отчасти отражающего становление покровского культурного типа. Особо отметим, что индикатором в данном анализе, прежде всего, является именно наличие сложного профиля сосуда. В качестве дополнительных признаков выступают некоторые элементы орнаментации.

Группа покровских сосудов со сложными профилями, идентифицируемых по комплексу показателей (погребальный обряд, керамическая технология, сопроводительный инвентарь), является производной, вобравшей искомый признак в ходе генезиса. Прочие группы (вольско-лбищенская, финальнокатакомбная, воронежская) формально должны быть признаны исходными, активно влиявшими на становление «покровска» в сложных процессах культурогенеза, многокомпонентных взаимодействиях посткатакомбного и

постшнурового миров. Чтобы сориентироваться в векторах воздействия на формирование раннепокровской эклектики, верно определить истоки тех или иных элементов формообразования и декора, следует, очевидно, вначале проанализировать показатели исходных групп керамики, в которых представлены сложные многочастные профили. Пространственным анализом установлен широкий ареал распространения керамических форм с многочастными профилями венцов – от Среднего Дона до Южного Приуралья, лежащий в пограничную зону степи и лесостепи.

Вольско-лбищенская группа сосудов, отображенных фронтальным обзором, является наиболее архаичной. Последними исследованиями эти комплексы синхронизированы с памятниками полтавкинско-катакомбного времени [Васильев, 2003, с. 113–115; Малов и др., 2009, с. 30].

В этой группе сосуды со сложными профилями выявлены в материалах поволжских городищ – Ахматского (рис. 14, 2, 4)¹, Вольского (рис. 15, 4, 14–18) [Малов и др., 2009, с. 36, рис. 3, 3; с. 40, рис. 7, 3; с. 38, рис. 5, 7; с. 35, рис. 2, 6; с. 39, рис. 6, 16; с. 37, рис. 4, 9], Лбищенского (рис. 15, 8–11) [Васильев, 2003, с. 113, рис. 1, 5, 6, 9, 10], Алексеевского (рис. 15, 3, 12, 13) [Мальшев, 2008, с. 314, 14, 15, 17], Даниловского (рис. 15, 5) [Лапшин, 2003, с. 261, рис. 4, 4]; на поселениях Мартышкино (рис. 14, 5, 6) [Лопатин, 1992, рис. 25, 5; 1993, рис. 36, 3; 2005, рис. 224, 8], Сосновка (рис. 15, 1) [Малов и др., 2010, с. 56, рис. 2, 14]; в кургане Владимировка II (рис. 15, 19) [Скарбовенко, 2006, с. 289, рис. 3, 3].

Венчики сосудов разнообразны: как правило, прикрытые, ломаного профиля, иногда с внешними утолщениями типа воротничков, нередко скошенные наружу. Дополнительной и очень важной спецификой этой керамики, кроме характерного профиля, является орнаментация, позволяющая идентифицировать ее именно как «вольскую». Элементы декора – короткие оттиски зубчатого или гладкого штампа, построенные частыми горизонтальными рядами, иногда с разделительными линиями. Они составляют сложные «ковровые» композиции, включающие зигзаги (простые, штрихованные, с «бахромой»), косые «лесенки», «елочки». На некоторых фрагментах отмечены горизонтальные ряды пальцевых зацепов (рис. 15, 14, 15), но это представляется инородным элементом, более характерным для орнаментального арсенала воронежской керамики.

Вольско-катакомбная группа сосудов невелика, в контексте нашего вопроса она привлекается, прежде всего, в связи с соответствием искомому призна-

¹ Неопубликованные по большей части материалы сборов на Ахматском городище и поселении Мартышкино хранятся в фондах Саратовского областного музея краеведения: 1912 г. – Ф. Н. Охлябинин, Б. В. Зайковский, С. А. Щеглов – инв. № 2020 (рис. 6, 1); 1912 г. – А. А. Спицын, В. И. Онезорге – инв. № 17073/1 (рис. 6, 3); 1965 г. – Ю. В. Деревягин, Д. С. Худяков – инв. № 2657 (рис. 6, 2, 4).

ку показателей форм. Характерно, что их орнаментация чрезвычайно близка вольской традиции. Это сосуды небольших размеров из грунтового могильника Белогорское I (рис. 15, 20, 21) [Дремов, 1996, с. 105, рис. 4, 3; с. 108, рис. 6, 2], кургана у поселка Советское (рис. 15, 22) [Баринов, 1996, с. 92, рис. 3, 4], а также фрагмент сосуда из Сосновки (рис. 15, 2) [Малов и др., 2010, с. 56, рис. 2, 13], украшенного оттисками крученого шнура, но в манере, близкой вольскому узкозональному принципу организации декора (ряды коротких отрезков с разделительными линиями).

Воронежская группа сосудов наиболее интересна, поскольку их профили максимально полно соответствуют характеристикам нашего искомого признака. Эта керамика выявлена на городищах и поселениях Среднего Дона: Мосщищенском 2 (рис. 13, 1) [Синюк и др., 2001, с. 75, рис. 53, 8], Аверинском (рис. 13, 2, 3) [Там же, с. 84, рис. 60, 5, 6], Животинном (рис. 13, 4, 5) [Пряхин, 1982, с. 102, рис. 31, 1; Пряхин, Беседин, 1988, с. 95, рис. 3, 10], Архангельском (рис. 13, 6) [Пряхин, 1982, с. 108, рис. 33, 10], Шиловском (рис. 13, 7, 10) [Там же, с. 39, рис. 9, 1, 7], Елецком (рис. 13, 8) [Там же, с. 124, рис. 41, 14], Воргольском (рис. 13, 9) [Там же, с. 120, рис. 39, 5]. Следует отметить, что в материалах воронежской культуры содержание сосудов с многочастными профилями не столь велико, а в целом керамический комплекс выглядит весьма эклектичным, причем многообразие заметно как в формах, так и в орнаментике.

Осмысление проблемы воронежской культуры началось в 70–80-х гг. XX столетия. Этому предшествовали большие масштабные исследования бытовых памятников эпохи бронзы в бассейне Среднего Дона, и поначалу оригинальная лепная керамика яйцевидных форм неслучайно² соотносилась с катакомбной, бабинской и абашевской культурами, отдельные черты которых исследователи отмечали в оформлении профилей и характере орнаментации [Беседин, 1981, с. 147].

Результаты раскопок пойменных поселений и высокорасположенных городищ, системный анализ полученных материалов были изложены в монографическом исследовании А. Д. Пряхина, где автор предложил выделить оригинальную «воронежскую» археологическую культуру³, поместив ее собственную диахронию в первой половине II тыс. до н. э. [Пряхин, 1982]. Восприятие своеобразий и яркой эклектики воронежских памятников формировалось у исследователей лесостепного Подонья в более обширной системе

² Это, вне всяких сомнений, результат активных взаимодействий сосуществовавших на одной территории групп населения, в результате которых возникали скоротечные симбиозы. Отчетливее всего это выразилось в эклектике керамических комплексов.

³ Во избежание терминологической путаницы следует иметь в виду, что Д. Я. Телегин в тот же период на материалах неолита Верхнего и Среднего Дона выделял т. н. «воронежский тип» памятников с накольчатой и накольчато-ямочной керамикой [Котова, 1984, с. 130].

оценок среднедонской катакомбной культуры, где все комплексы рассматривались как поселения катакомбного времени. Это позволило проследить активную динамику в контексте всей сложной эпохи и выявить тенденции кристаллизации посткатакомбных векторов культурогенеза.

Однако в вопросе о выделении новой культуры возникали и сложности, которые очень скоро приобрели историографический характер. Некоторые исследователи считали нецелесообразным выводить «воронежские» комплексы из привычного алгоритма и предлагали включить их в финальный этап развития среднедонской катакомбной культуры [Матвеев, 1982, с. 15; Матвеев, Тихонов, 1984, с. 59]. Другие рассматривали их в рамках пережиточной энеолитической эпохи, в частности, как заключительный этап развития иванобугорской культуры конца III тыс. до н. э., испытывающей влияние среднедонских катакомбников (два погребения Сасовского могильника) [Синюк, 1984, с. 118], или смешанный субстрат, формировавшийся под воздействием ямной, репинской и среднестоговской культур [Погорелов, 1984, с. 150].

Позже А. Т. Синюк обосновывал свои несколько изменившиеся наблюдения на материалах новых памятников и, прежде всего, мостищенских комплексов, теперь уже связывая воронежские и иванобугорские признаки, как генетическую преемственность [Синюк, 1993, 1999, с. 40; Синюк, Березуцкий, 2001, с. 88–90]. Согласно этой версии иванобугорская культура, связанная в общем нео-энеолитическом эпохальном контексте с миром шнуровых культур, в каком-то «пережиточно-энеолитическом» состоянии существует параллельно с культурами прогрессивно-скотоводческого степного мира, находится под влиянием ямной культуры, а ее трансформация начинается в результате контакта с ранней среднедонской катакомбной культурой и завершается к концу III тыс. до н. э. Автор оперирует термином «воронежские» памятники, но характер преемственности иванобугорских и воронежских комплексов (две разные культуры, или два этапа одной иванобугорской) для А. Т. Синюка были не принципиальны. Реальные различия в керамике (круглодонность и плоскодонность), а также в системе хозяйства (присваивающее и производящее) весьма заметны, но и сходств достаточно: «суть их – отражение сходных этногенетических процессов, протекавших по всей зоне Восточно-Европейской лесостепи» [Синюк, Березуцкий, 2001, с. 90].

Задолго до этого, к концу 1980-х гг., А. Д. Пряхин и В. И. Беседин окончательно конкретизировали культурные особенности новой группы памятников и показали их своеобразие в сравнительном анализе поселенческих и погребальных комплексов, выявленных на широкой территории Среднего и Верхнего Подонья, одновременно очертив круг смежных культур, с которыми «воронежцы» взаимодействовали в едином пространстве и времени [Пряхин, Беседин, 1988; 1988а, с. 90–109]. Особенно важны авторские стратиграфи-

ческие наблюдения, на основании которых воронежские памятники помещались между развитыми среднедонскими катакомбными и лесостепными срубными комплексами, синхронизировались с ранним этапом доноволжской абашевской культуры и таким образом представляли в регионе постшнуровой культурный горизонт [Пряхин, Беседин, 1988а, с. 93].

По известным памятникам отмечена явная диспропорция между поселенческими и погребальными комплексами. Среди первых заметно преобладают высокорасположенные места обитания с полуземляночными и наземными постройками, а пойменные поселения незначительны и, скорее всего, это были сезонные стойбища. Погребений известно немного, но отмечено, что они могут быть как грунтовыми, устроенными непосредственно на поселениях, так и подкурганными (здесь также наблюдается диспропорция в пользу последних). Погребальный обряд весьма оригинален – ингумация в грунтовых ямах, вытянуто на спине или слабоскорченно на боку, головой к югу или юго-западу. Могилы перекрыты бревнами, на дне ямы могут встречаться органические подстилки и пятна охры, в качестве инвентаря – керамика, изредка металлические украшения (пластинчатые браслеты с приплюснутыми расковкой окончаниями, очковидные подвески, витые гривны, налобные полусферические бляшки), а также кремневые ножевидные пластинки, каменные полированные пестики, бронзовые шильца [Там же, с. 95, рис. 3].

Несколько различны керамические комплексы раннего и позднего типов. Для сосудов первого этапа воронежской культуры (Шиловское, Семилукское) характерно широкое разнообразие форм (горшки, слабопрофилированные сосуды вытянутых пропорций, банки, чаши) и типов оформления венчиков (с плоским, округлым, скошенным обрезом устья, с воротничками⁴), среди которых есть оформленные изнутри ребром, а также с орнаментом на внутренней поверхности. Орнаменты разнообразны и многозональны. Они выполнены различными элементами (защипы, вдавления, прочерченные линии, оттиски гребенчатого и гладкого штампа, отпечатки шнура, валики), образующими ряды, линии, «елочки», «паркет», штрихованные треугольники.

В поздних комплексах (Животинное, Малое Боршевское) наблюдается упрощение керамики – уже нет сосудов с желобчатыми приостренными венчиками, редкими становятся многозональные орнаменты, композиции декора набраны однотипными мотивами, исчезают валики и оттиски шнура, возрастает роль вдавлений и насечек, защипы выполняют в орнаментации функции вспомогательных элементов, зубчатый штамп вытесняется гладким. Изменения наблюдаются и в технологии подготовки керамического начина,

⁴ Среди воротничковых вариантов можно выделить компактную группу сложных двучастных венчиков (наш искомый признак).

наряду с мелким песком, в качестве отошителей, встречаются толченая раковина и шамот [Пряхин, Беседин, 1988а, с. 97–98].

Среди исчерпывающих характеристик вещевого комплекса очень важно наблюдение, которое касается культурообразующего значения такой категории, как каменные усеченно-конические сверленные топоры. С одной стороны, встречающиеся в лесостепном Подонье только на воронежских поселениях, они характеризуют здесь именно эту постшнуровую культуру. С другой стороны, топоры «усеченно-конических» форм [Крайнов, 1972, с. 38–61] могут указывать на непосредственное влияние фатьяновской (или еще более древней лесостепной) традиции в изготовлении известных воронежских предметов вооружения и орудий труда из камня (топоры, наконечники копий, дротиков, стрел, жатвенные ножи и серпы).

Разделяя воронежские комплексы с катакомбными и абашевскими, то есть абсолютно исключая их единокультурность, авторы, тем не менее, допускают определенное влияние последних на процессы развития воронежской культуры. Если среднедонская катакомбная культура, скорее всего, участвовала в становлении «воронежцев», то волго-донская абашевская, на втором этапе, оказывала на них ассимилирующее воздействие [Пряхин, Беседин, 1988а, с. 104]. Кроме того, отмечены многие черты сходств и различий воронежской культуры с синхронными культурами постшнурового горизонта сопредельных территорий – средневожской фатьяновской (балановской), а также сосницкой (Поднепровье), и в этом вопросе авторы настаивают на большем сходстве воронежских комплексов с сосницкими. Категорически отвергая любые возможности преемственности с иванобугорской культурой, они склонны предполагать происхождение воронежского типа памятников от среднеднепровской культуры [Там же, с. 106–108].

2.1. Абашевско-воронежское взаимодействие. Вопрос об абашевско-воронежском взаимодействии впервые был поставлен после масштабных исследований лесостепного Подонья в 1970-х гг. прошлого столетия, когда была выделена «воронежская» археологическая культура эпохи средней бронзы [Пряхин, 1982; Беседин, 1988; Пряхин, Беседин, 1988]. Определяя культурно-хронологические позиции новой культуры, А. Д. Пряхин и В. И. Беседин сопоставили ведущие признаки материальных комплексов более сотни поселений и двух десятков погребений воронежского типа с показателями иванобугорских, катакомбных, абашевских, фатьяновско-балановских, среднеднепровских, сосницких памятников. В результате были сделаны выводы о культурной самобытности и последовательном развитии воронежской культуры в лесостепном Подонье на протяжении двух хронологических этапов, а в контексте ее генезиса, как наиболее вероятные, указаны западные среднеднепровские истоки.

Небезынтересно, что тот же западный культурообразующий вектор рассматривался когда-то в ходе осмысления проблемы происхождения донской абашевской культуры. На рубеже 1950–60-х гг. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков оценивали среднедонской вариант в качестве переходного субстрата между среднеднепровской культурой и поволжским «абашево» [Ефименко, Третьяков, 1961, с. 87–89]. К. В. Сальников также склонялся к подобному мнению, и влияние среднеднепровской культуры он рассматривал в качестве специфики, которая определяла отличия материалов Среднего Дона от средневожских и южно-уральских памятников [Сальников, 1967, с. 130–131].

В диахронии эпохи бронзы А. Д. Пряхин и В. И. Беседин помещали воронежскую культуру между развитыми среднедонскими катакомбными и лесостепными срубными комплексами, а синхронизировали с ранним этапом доно-вожской абашевской культуры. Таким образом, на Дону воронежские памятники представляли, по их мнению, постшнуровой горизонт [Пряхин, Беседин, 1988, с. 93]. В культурном отношении воронежские комплексы категорически разделялись как с катакомбными, так и с абашевскими, то есть абсолютно исключалась их единокультурность. Вместе с тем, допускалось определенное влияние катакомбников и абашевцев на процессы развития воронежской культуры. Если ранняя среднедонская катакомбная культура, скорее всего, участвовала в становлении «воронежцев», то доно-вожская абашевская, на втором этапе, оказывала на них ассимилирующее воздействие.

Примечательно, что в большей степени это были чисто умозрительные заключения, без сравнительно-типологического анализа основанные исключительно на некоторых историографических выкладках по поводу первичной локализации донского варианта абашевской культуры и последующего освоения вмещающих ландшафтов в ходе формирования обширной культурной общности. В частности, в начале 1960-х гг., когда абашевская концепция Среднего Дона была еще не вполне определенной, П. Д. Либеров предположил, что донские памятники были основаны в ходе миграции абашевских племен с территории Среднего Поволжья, причем не ранее последней четверти II тыс. до н. э. [Либеров, 1964, с. 111–156]. А. Х. Халиков рассматривал Окско-Донское междуречье в качестве общего культуроформирующего региона абашевской культуры, откуда в ходе разнонаправленных миграций были освоены лесостепные регионы Среднего Поволжья, Южного Приуралья и Среднего Подонья [Халиков, 1961, с. 224–226]. К теме первичной территории обращались и позже, в процессе актуальных дискуссий по существу культурного содержания донского «абашево». Так, например, Ю. П. Матвеев объяснял проявления нестандартов в абашевском погребальном обряде Среднего Дона, имея в виду левобочную адорацию и северные ориентировки, как изменения, наступившие вследствие перемещения абашевцев с ко-

ренных верхнедонских территорий в позднекатакомбный ареал и их активной контактности с местным населением. Как отмечал автор, особенно заметными эти трансформации становятся в результате взаимодействия с посткатакомбными бабинскими племенами, когда в арсенале «абашево» появляются костяные пряжки, ножи с округло раскованной пяткой черешка, начинает изменяться керамика [Матвеев, 1998]. Таким образом, признаки погребального обряда, типичные для покровской и срубной культур, отмеченные в абашевских комплексах Среднего Дона, объясняются как следствие катакомбного и посткатакомбного влияния и, что немаловажно, эти процессы рассматриваются как автохтонное среднедонское явление.

В первом монографическом исследовании А. Д. Пряхина были обобщены наблюдения за ходом исследований памятников абашевского типа в Среднем Подонье, проводился также сравнительный анализ погребальной обрядности, керамики, вещевого комплекса [Пряхин, 1971]. Наконец, с открытием целого ряда абашевских поселений (Шиловское, Масловское, Тавровское, Отрожкинское) и особенно курганов с престижными воинско-колесничными захоронениями [Пряхин, 1970, с. 52–53; 1972, с. 233–234; 1976а; 1976б; Синюк, Килейников, 1976, с. 160–161], концепция в целом оформилась, и в докторской диссертации А. Д. Пряхина было окончательно закреплено выделение доно-волжской абашевской культуры, имевшей своеобразные отличия от средневожского и приуральского вариантов. В дальнейшем наличие этих ярких локализаций абашевской культуры, или, точнее, средневожской, южноуральской и доно-волжской абашевских культур, потребовало обоснования обширной абашевской культурно-исторической общности [Пряхин, 1980, с. 7–32; 1981, с. 21–55].

Идея движения абашевских племен из Окско-Донского междуречья в южную лесостепь, далее на Волгу и даже в Заволжье [Пряхин, Беседин, 1998а; 1998б], по сути, обосновывает постулат доно-волжского ареала. В данном контексте тезис ассимиляции воронежских групп населения Среднего Дона в целом подразумевает культуртрегерскую функцию и собственную неизменчивость содержания абашевской доно-волжской культуры в ходе внешнего взаимодействия. Памятники покровского типа, локализованные в Поволжье и на севере Волго-Донского междуречья, оцениваются в русле данного концепта, как позднеабашевские, представляющие поздний этап естественной эволюции доно-волжской абашевской культуры, на базе которой позже формируется лесостепная раннесрубная культура. Роль памятников воронежской культуры в указанных процессах никак не комментируется.

Между тем анализ некоторых нетипичных раннепокровских комплексов, как поселенческих, так и погребальных, бытовавших в довольно широком ареале на рубеже средней и поздней бронзы, показывает наличие ориги-

нальных воронежских элементов в керамике и наборах украшений, что подразумевает активное участие этих групп населения в культурногенетических процессах [Лопатин, 2012, с. 45–73]. Но если воронежские признаки присутствуют в покровских материалах, логично предполагать их наличие и в абашевских комплексах, поскольку общеизвестно, что основные генетические корни «покровска» произрастают из «абашево».

В отборе основных критериев сравнительно-типологического анализа отдается преимущество наиболее заметным признакам керамических комплексов двух культур (технологическим, формообразующим и орнаментальным). Представляется, что для абашевской посуды наиболее типичны примесь раковины, грубая поверхностная обработка, нередко рельефные горизонтальные или разнонаправленные расчесы, «колоколовидная» форма тулова, массивный утолщенный венчик, отогнутый наружу или с желобком, внутреннее ребро, постепенно истончающаяся стенка, плавно переходящая в округлое или уплощенное, слабоустойчивое днище, геометрические, реже криволинейные орнаменты в верхней части сосудов (зигзаги, ромбы, кресты, горизонтальные ряды коротких оттисков штампа).

Сосуды воронежской культуры характеризуются примесью мелкого песка, тщательно заглаженной (до лощения) внешней поверхностью, вертикальными пропорциями характерного «яйцевидного» тулова, короткими массивными венчиками различных типов (воротничковые, со скошенным наружу краем, двучастные, с аморфными внешними наплывами), эклектичными орнаментами, выполненными преимущественно гладким штампом или прочерчиванием, насечками и пальцевыми защипами, где наиболее характерны горизонтальные ряды и «паркетное», или «елочное», построение с вертикальным разделительным «стеблем».

В сравнительно-типологический анализ введена небольшая выборка памятников, которая может быть значительно расширена фронтальным обзором на значительной территории, включающей не только север Нижнего Поволжья и Волго-Донское междуречье, но и Волго-Уралье, а также прикаспийские области вплоть до северо-восточного Устюрта, где воронежские признаки отмечены в керамике токсанбайского типа [Самашев и др., 2009]. Особое внимание уделяется новым памятникам, открытым и частично исследованным в последние годы в лесостепном Прихоперье, где также должно было проходить активное абашевско-воронежское взаимодействие.

Значительный интерес представляет поселение «Разнобрычка», исследованное А. А. Хрековым в 2005 г. на задернованной дюне при впадении в Хопер р. Карай. Раскопками были получены разновременные материалы, среди которых есть значительный комплекс керамики, оставленный на рубеже средней и поздней бронзы. Компактная коллекция фрагментов воронежских сосудов

была опубликована автором раскопок в специальной статье, посвященной прихоперским памятникам воронежской культуры [Хреков, 2012, с. 53, рис. 8, 1-10], и здесь она упоминается с целью обозначить культурно-хронологическое соотношение в самом начале абашевской инвазии. Этот комплекс, уже лишенный иванобугорских реминисценций, характеризует чисто воронежскую культуру первого (по А. Д. Пряхину и В. А. Беседину) этапа.

Небольшим количеством представлена керамика поздней среднедонской катакомбной культуры, которая попала в слой уже в период активных контактов воронежцев с абашевской группой. Это фрагменты сосудов с высокими слабо отогнутыми венчиками и налепными, треугольными в сечении валиками, которые иногда покрыты мелкими насечками или пальцевыми защитами.

К начальному периоду контактности можно отнести типично абашевскую посуду Разнобрычки (рис. 9, 1, 2), для которой характерны все приведенные выше черты, а результаты симбиоза весьма любопытны, поскольку демонстрируют удивительно плодотворный сплав двух традиций. В причудливой комбинации, которую где-либо еще вряд ли можно отметить, соединились абашевские признаки формообразования с технологическим решением в подготовке формовочной массы по воронежскому образцу (рис. 9, 3, 4). И, что еще очень важно, мы не можем считать формы этих сосудов в полной мере абашевскими. Хотя они имеют резко отогнутые укороченные венчики с внутренним ребром, но их стенки равномерны по толщине от шейки до дна, которое, к тому же абсолютно плоское и устойчивое. А самое главное – фактура этих горшков по-воронежски плотная, с примесью мелкого песка, и внешняя поверхность тщательно подложена. Имитация вертикальных расчесов на плечике одного экземпляра (рис. 9, 3) выглядит настолько упорядоченной, что больше напоминает регулярный орнамент, составленный из вертикальных отрезков, построенных в горизонтальный опоясывающий ряд. Очень заметен сосуд, украшенный короткошаговым зигзагом по шероховатой поверхности с расчесами (рис. 9, 6), у него ракушечная примесь и слабо выделенное подобие внутреннего ребра. Но прочие детали не позволяют считать его абашевским, это уже не колоколовидная, а банкообразная форма, к тому же край венчика резко скошен наружу, и совершенно ясно, что здесь также наблюдается один из вариантов симбиоза⁵.

Абашоидные признаки есть в керамических материалах и других воронежских памятников Прихоперья, представленных в сводке А. А. Хрекова.

⁵ Абашевские и абашевско-воронежские сосуды Разнобрычки были изучены по материалам, хранящимся в фондах Саратовского областного музея краеведения. Инв. №№ 45/70-80; 67/80-90; 71/80-90; 72/60-90.

Любопытен один сосуд из Никольевки, в котором сочетаются, с одной стороны, абашевские колоколовидность и криволинейный (волнистый) фриз, а с другой – воронежские скошенный край устья и «елочка» с разделительными вертикальными стеблями [Хреков, 2012, с. 49, рис. 4, 6]. В разновременном комплексе поселения Алмазово I можно отметить фрагмент сосуда с внутренним ребром и воронежским прочерченным орнаментом (имитация «паркета») [Там же, с. 52, рис. 7, 20]. Сосуд, обнаруженный на поселении «Аленкин Курган», имеет типично абашевскую колоколовидную форму, его стенки постепенно истончаются от массивного венчика с внутренним ребром к узкому уплощенному днищу, но вся внешняя поверхность украшена в воронежской манере прочерченным «паркетом» и косыми отрезками с вертикальными разделителями [Там же, с. 53, рис. 8, 11].

В последние два года исследованиями на городище «Гривки», которое находится в среднем течении Хопра, на территории Турковского района Саратовской области, получены новые материалы воронежской культуры, а также свидетельства ее контактов с абашевской керамической традицией. Поскольку вся керамика Гривок фрагментирована, основным абашевским маркером является внутреннее ребро на обратной стороне резко профилированной шейки (рис. 10). Здесь относительно чистый абашевский вариант посуды – это фрагмент ритуального сосудика с высоким отогнутым венчиком и внутренним ребром (рис. 10, 1). С воронежской стороны в симбиоз включены такие показатели, как скошенные наружу, орнаментированные закраины и особенно декор – горизонтальные прочерченные линии, паркет, «елочки», крученный шнур, защипы и имитации пальцевых вдавлений, выполненные овальными оттисками. Последний тип орнаментации абашевско-воронежского сосуда (рис. 10, 10) весьма примечателен, поскольку такие многорядные фризы, набранные пальцевыми и овальными вдавлениями, маркируют покровский керамический комплекс, а сама традиция переходит и в раннесрубные материалы.

Широко известный раннепокровский комплекс из второго погребения кургана № 15 Покровского могильника с архаичным наконечником копья абашевского типа содержал также оригинальный сосуд с едва намеченным внутренним ребром под вертикальным венчиком и декором, выполненным в поздневоронежской традиции (рис. 18, 1, 2). Анализ этого артефакта, хранящегося в фондах СОМК, показал, что четыре ряда оттисков в широком фризе, занимающем верхнюю часть сосуда от края устья до максимального расширения тулова, выполнены ногтевыми вдавлениями, образующими овальные лунки. Подобные монотонные композиции, набранные ногтевыми оттисками, пальцевыми защипами и прочими вдавлениями, очень характерны для поздневоронежского декора. Они неоднократно отмечены в материалах

донских поселений Чертовицкое, Сенное, Чижовское 5, Малое Боршевское, Воргольское, Мостище I, Аверино [Пряхин, 1982, рис. 26, 11; 27, 4, 10; 29, 6; 32, 10; 35, 12; 38, 6, 7, 18]. Данная ситуация позволяет оценивать воинский комплекс погребения 2/15 Покровского могильника как ярко синкретичный. В этом захоронении соединились покровский обряд (левобочная скорченность, северная ориентировка, расположение скелета у западной стенки обширной прямоугольной могилы), бронзовый наконечник копья с раскованной втулкой абашевского типа и сосуд раннепокровского типа с воронежскими реминисценциями в орнаментации.

Подобный вариант синкретизма, в котором фиксируется соединение элементов тех же самых культур, отмечен также в престижном воинско-колесничном кенотафе у с. Большая Пластица Липецкой области (рис. 21) [Мельников, 2003, с. 239–247]. В едином обрядово-инвентарном комплексе кургана сочетаются типично покровский бронзовый наконечник копья, литая втулка которого оснащена манжетой и ушком (рис. 21, 4), костяные детали деревянного дисковидного псаля (рис. 21, 1, 2), бабинская поясная пряжка (рис. 21, 3), лепные сосуды с чертами «покровска» (рис. 21, 7), «абашево» (рис. 21, 6) и «воронежа» (рис. 21, 5), изготовленные по общей технологии с примесью толченой раковины, причем на последнем экземпляре воронежский декор («елочка» с вертикальными разделительными стеблями) сочетается с абашевской формой (колоколовидное тулово, внутреннее ребро, истончающаяся стенка, тонкое уплощенное днище).

В ходе становления покровского культурного типа носители поликультурных сплавов, в которых абашевские компоненты весьма ощутимы, проникают на юг, в пограничье степи и лесостепи между Волгой и Доном, в нижне-волжское правобережье и даже в Заволжье. В сложных процессах культурогенеза формируются разнообразно микшированные ранние покровские комплексы. Один из наиболее эклектичных памятников – III Алексеевский могильник, исследованный на юге Хвалынского района Саратовской области и в первой публикации интерпретированный как фатьяновский памятник [Пестрикова, 1979]. Керамика, обнаруженная в юго-восточной части раскопа 1, но не связанная с погребениями, первоначально отнесена к доно-волжской абашевской культуре по известным признакам колоколовидности, наличию внутреннего ребра на обратной стороне венчиков некоторых сосудов, ракушечной примеси, но отмечена также неоднородность этого комплекса, один горшок предположительно определен как срубный. Позже могильник был отнесен к кругу памятников вольско-лбищенского типа, но отмечены также широкие контакты этой культурной группы с абашевскими, фатьяновскими и полтавкинско-катакомбными племенами [Васильев, 2003]. Характерные признаки керамики Алексеевки III демонстрируют не чисто абашевский тип,

а заметно микшированный, подвергшийся некоторой трансформации (соотношения широтных параметров, равномерная толщина стенок, плоские устойчивые, а не уплощенные, днища сосудов), что позволяет квалифицировать его как раннепокровский, с присутствием *воронежских* элементов, проявляющихся в характерной форме венчика с приостренным и скошенным краем устья. Погребальная обрядность Алексеевского могильника вряд ли монокультурна, судя по широкому разнообразию поз и ориентировок, здесь зафиксированы признаки, которые могут соответствовать обрядовым показателям абашевской, катакомбной, криволукской, бабинской, срубной культур, не исключается и фатьяновская ритуалистика.

Северные лесные импульсы проявлялись и в керамике раннего «покровска». Явно фатьяноидный сосуд (рис. 8, 23) неожиданно был выявлен в саратовском степном Заволжье [Баринов, 1996]. В характерной морфологии этого горшка отразились свидетельства чрезвычайно широкого взаимодействия лесостепных гончарных традиций – абашоидный слабожелобчатый венчик с внутренним ребром и расчесы на внешней поверхности, воронежская тонкостенность тулова и короткий воротничок, фатьяновские приземистые пропорции и шахматное построение нижнего фриза в декоре. Орнаментация в целом выполнена характернейшей покровской техникой – оттисками короткого зубчатого чекана со сдвигом, имитирующими «рамчатый» штамп иванобугорско-воронежской традиции.

В курганном могильнике у с. Низовка, исследованном в 1975 г. Е. К. Максимовым [Максимов, Лопатин, 2007], среди материалов покровского типа заметны два сосуда из первого кургана, изготовленные в явно воронежских традициях, что особенно проявляется в орнаменте. Раннепокровский сосуд из четвертого погребения (рис. 15, 24) имеет яйцевидное тулово, короткий, резко отогнутый наружу венчик и внутреннее ребро. Он украшен гладким штампом (чисто воронежская техника) и прочерчиванием, орнамент занимает значительную часть внешней, слегка подлощенной, поверхности. Своеобразная форма горшка из шестого погребения находит неожиданные аналогии в керамической традиции имерской культуры Окско-Донского междуречья, для которой типичны подобные Г-образные, резко сдвинутые наружу закраины венчиков⁶. Воронежский принцип орнаментации проявляется в заполнении всей внешней поверхности сосуда, а также в широком диагональном размещении перекрещивающихся парных линий с «бахромой» (рис. 15, 23).

⁶ Контакты воронежской и имерской культур отмечались А. А. Хрековым на примере комплекса из прихоперской Никольевки [Хреков, 2012, с. 55, рис. 10].

Здесь же, в степном Доно-Волжском междуречье, на границе Саратовской и Волгоградской областей, в курганном могильнике «Широкий Карамыш 2» [Дремов, Тихонов, Тупалов, 2005] были зафиксированы раннепокровские комплексы с синкретичной керамикой, в которой соединились признаки абашевской, катакомбной и воронежской традиций. В этих сосудах со сложными многочастными профилями как бы застыл причудливый сплав трех ведущих традиций, определявших эклектику формирования «покровска». Воронежская специфика проявляется здесь в широком фризе подтреугольных отгисков, явно имитирующих ногтевые вдавления (рис. 12, 1)⁷, в неудачной реплике паркетной композиции на одном из ритуальных сосудиков (рис. 12, 3), в характерной тонко прочерченной технике и сюжетном уплощении некоторых орнаментов (рис. 12, 2, 4). Сращивание культурных своеобразий проявляется, например, в удлинении звеньев елочного декора катакомбного по сути, но воронежского по исполнению. Ритуальные сосуды малых размеров с выпуклыми крышками – это заметно видоизмененная абашевская реминисценция (рис. 12, 2, 3).

Иногда абашевское присутствие тонко завуалировано условностями погребального обряда или неполной сохранностью комплексов, вносящей путаницу в курганную стратиграфию. В частности, захоронение из Песковки с типично воронежским «защипным» сосудом (рис. 12, 5, 6), вытянутое и ориентированное к югу, авторы посчитали сарматским, а сосуд, выявленный фрагментами, якобы смещенный, связали с пустой могилой, где, по их мнению, могло находиться криволукское захоронение с воронежской керамической репликой [Дворниченко, Лопан, Мимоход, с. 20, рис. 7, 2–3]. Между тем южная ориентировка и вытянутое положение скелета на спине несколько не противоречат описанным обрядовым характеристикам воронежской культуры. Воронежское погребение здесь могло быть сопроводительным подхоронением к катакомбному или абашевскому разрушенному комплексу.

Типично воронежская малая чаша с уплощенным дном и защипами обнаружена в детском погребении из заволжской Шумейки [Юдин, 2007, с. 172, рис. 2, 5–6]. Авторская трактовка связывает этот сосудик с ямно-катакомбными традициями лесостепных районов Среднего Дона. Но примечательно, что ребенок был погребен на спине, в слабо скорченной позе, головой к ССВ, а в примеси сосуда присутствовала толченая раковина. В качестве репликанта воронежской культуры эта находка не рассматривается, хотя здесь уместнее видеть именно абашевскую атрибуцию погребального обряда. В таком случае сосуд воронежского типа вполне совместим с колонкой стратиграфии, где по-

⁷ По этому признаку сосуд из Широкого Карамыша (к. 4, тризна № 2) близок горшку из Покровского могильника (2/15).

гребение 4, в котором он найден, следует за позднекатакомбными комплексами погребений 1, 2, 5 или даже им синхронно. Из этого следует, что носителями отдельных элементов воронежского типа, транслированных на Волгу, могли быть, в числе прочих культурирегеров, и абашевские племена.

В ходе освоения вмещающего пространства лесостепных районов на севере Волго-Донского междуречья племена абашевской культуры вступали в разнообразные контакты с автохтонным постэнеолитическим населением, еще не повсеместно перешедшим к производящему хозяйству. Скотоводческая абашевская культура находилась на более высоком уровне развития хозяйства, была более подвижной и активной в военном отношении. Но эти контакты вряд ли приводили к односторонней ассимиляции местных племен, скорее всего, наблюдались взаимные аккультурации, порождавшие сложносинкретичные и, тем не менее, плодотворные симбиозы. Они были разноплановыми: в одном синкретичном комплексе могли сочетаться признаки абашевского обряда и воронежский сосуд, абашоидный по форме горшок мог быть украшен в воронежском стиле, на одном сосуде могли совмещаться абашевские и воронежские орнаментальные мотивы, в культурных слоях поселений могут совмещаться чисто абашевская и воронежская посуда, а также керамика, уже испытавшая некую трансформацию в плане сближения на встречах дискурсах. В этих процессах следует искать сложно завуалированные тенденции образования некоторых ранних форм покровского культурного типа.

2.2. Воронежско-покровская архаика. Свыше ста памятников воронежской культуры сосредоточены в основном в лесостепном регионе, по берегам Среднего и Верхнего Дона, а также на донских притоках. На западе они известны на реках Сейм и Псел, северные памятники отмечены на южных притоках Оки, на востоке локализация ограничивается бассейном Хопра, южные пределы совпадают с границей лесостепи [Пряхин, Беседин, 1988а, с. 91]. Разумеется, анализируя проявления воронежских черт в формообразовании раннепокровской керамики, обнаруженной в курганах степного Заволжья, необходимо проверять возможности проникновения этих западных культурных признаков так далеко к востоку. А. Д. Пряхин и В. И. Беседин отмечали неясность ситуации с распространением воронежской культуры в этом направлении, самыми восточными на их карте помечены два поселения на Хопре – Никольевка и Алмазово⁸. Недавно А. А. Хрековым была опубликована

⁸ В последнее время открыты еще два интересных пункта – городище Гривки и поселение Кукшина Горка, расположенные в 60 км выше по течению Хопра. Не так давно, также в Прихоперье, представительная коллекция воронежской керамики с признаками абашевского влияния была получена раскопками А. А. Хрекова на поселении Разнобрычка (материалы хранятся в Саратовском областном музее краеведения).

полная сводка воронежских поселений в бассейне Хопра, где автор, помимо собственно воронежского горизонта, выделяет еще смешанную группу – иванобугорско-воронежскую, а также имеркский и катакомбный комплексы [Хреков, 2012, с. 38–55]. Но, как показал фронтальный обзор известных памятников с материалами эпохи средней бронзы, хопровским рубежом восточное распространение воронежских культурных черт не ограничивается.

Учитывая исключительность погребальных комплексов воронежской культуры, вновь отметим захоронение из Песковки, обнаруженное в Жирновском районе Волгоградской области (рис. 12, 5, 6) [Дворниченко и др., 2006, с. 20, рис. 7, 2–3], а также типично воронежскую малую чашу с уплощенным дном и защипами из заволжской Шумейки [Юдин, 2007, с. 172, рис. 2, 5–6]. Весьма небезынтересно, что этот материал выявлен далеко к востоку от коренной локализации воронежских памятников, причем, в открытой степной местности.

Довольно близкий вариант подобной трансляции можно отметить по материалам Низовского курганного могильника, где во впускном разрушенном погребении ребенка (курган № 1, погребение 4) обнаружен уже упомянутый выше неполный развал сосуда позднепокровского типа, украшенного в воронежском стиле – гладким штампом и прочерчиванием [Максимов, Лопатин, 2007, с. 139, 158, рис. 1, 4]. Орнаментальная композиция как будто взята из арсенала воронежского декора: сверху оттиснуты однорядная «елочка» и горизонтальный ряд коротких вертикальных оттисков, а ниже парными линиями прочерчен фриз, состоящий из ромбов (рис. 15, 24). В целом этот признак вполне уместно вписывается в контекст покровских погребальных комплексов первого низовского кургана, где четвертое погребение с сосудом, украшенным в воронежском стиле, было устроено в свите детских захоронений, планиграфически ориентированных на центральный, абсолютно пустой кенотаф [Там же, с. 158, рис. 1, 1]. Здесь мы наблюдаем сращивание различных компонентов в ходе развития покровского керамического комплекса, где сочетаются признаки «абашево» (примесь ракушки, внутреннее ребро) и «воронежа» (яйцевидное тулово и орнамент). Отметим также, что этому сосуду, и в том же первом низовском кургане, синхронен и близок по культурному содержанию горшок из раннесрубного погребения 6 (рис. 15, 23). В данном случае мы встречаемся с ситуацией, когда воронежские реминисценции (декор по всему тулову, бахрома, характерный яйцевидный профиль) транслируются в раннесрубный пласт в ходе продолжающегося генезиса через покровский вектор.

Керамика с воронежскими признаками встречается на бытовых высококорасположенных памятниках нижеволжского правобережья. Поскольку это преимущественно фрагментированный материал, то проявляются эти

признаки в характерном устройстве венчиков, а также в узнаваемых чертах декора.

На Ахматском городище, расположенном в саратовском правобережье Волги, обнаружены фрагменты сосудов, которые практически идентичны некоторым вариантам керамики Донского региона. Короткий венчик с приостренным и скошенным наружу краем, украшенный зубчатым штампом, как по внешней поверхности, так и по внутренней, соответствует характеристикам раннего воронежского комплекса (рис. 14, 4). Сложнопрофильный венчик с внутренним ребром и желобком, покрытый узкими горизонтальными валиками, на которых имеются округлые вдавления (рис. 14, 3), находит аналогии в воронежских материалах донского поселения Чижовское 5 [Пряхин, 1982, с. 105, рис. 32, 8–10].

На поселении Мартышкино, находящемся в 6 км ниже Ахмата по правому берегу Волги, также известна компактная серия фрагментов от сосудов со сложными профилями, орнаментированных в типичной поздневоронежской манере оттисками короткого гладкого штампа, в том числе и на внутренней поверхности венчиков (рис. 14, 5–7). Один из них (рис. 14, 7) своей формой уже довольно близок покровским стандартам по такому признаку, как резко отогнутый наружу желобчатый венчик с внутренним ребром.

Среди опубликованных фрагментов керамики эпохи средней бронзы Даниловского городища [Лапшин, 2003, с. 261, рис. 4, 4] замечен один экземпляр с внутренним ребром и воротничковым оформлением венчика, который украшен вертикальными короткими оттисками, выполненными концевкой гладкого штампа. В целом, отражая определенные черты воронежской орнаментации, этот фрагмент (рис. 15, 5) близок всем прочим сосудам микшированных серий, которые зафиксированы на Волге в финальнокатакомбных и вольско-лбищенских комплексах.

В формовке венчиковых отделов сосудов вольского, лбищенского, финальнокатакомбного, примокшанского, воронежского типов заметна общая тенденция построения сложных профилей (скошенные обрезы устья, воротнички, валики, внутренние наплывы, ребро на обратной стороне венчика, приостренный верх и т. д.). В орнаментальных комплексах сквозит общая стилистика узкозональных композиций с разделительными линиями, набранных преимущественно короткими оттисками зубчатого и гладкого штампов, пальцевыми защипами и ногтевыми отпечатками в виде горизонтальных рядов, «елочек», короткошаговых зигзагов, зигзагов с бахромой, штрихованных треугольников.

Складывается впечатление об интенсивном взаимодействии блоков посткатакомбных и постшнуровых культур, о некоем активном движении лесостепного населения Дона в восточном направлении, сопровождавшемся взаимными ак-

культурациями и мозаичным распределением различных этнокультурных компонентов в пределах вмещающих ландшафтов. За внешней пестротой и яркой эклектикой керамических комплексов разнородных групп населения той эпохи, несомненно, стоит единство общеисторического явления.

О том, насколько глубокими были проникновения этого движения в восточном направлении, свидетельствуют такие же поликомпонентные комплексы керамики, выявленные на памятниках степного Заволжья, Южного Приуралья, Прикаспия и даже Устьярта. На многие находки подобного типа чаще всего не обращали внимания. К примеру, в одну из публикаций по заволжскому энеолиту попали некоторые материалы явно не энеолитического облика – фрагменты сосудов со скошенными венчиками и защипами [Юдин, 1986, с. 44, рис. 4, 1, 6, 7], более близкие показателям воронежского и вольского типов.

В материалах рубежа средней и поздней бронзы степного Приуралья и Северного Казахстана В. В. Ткачевым выделены позднекатакомбные (Болдырево, Медведка, Герасимовский II, Новотроицкий I, Покровка VIII, Турганикская) и вольско-лбищенские (Тамар-Уткуль VII, Большой Дедуровский Мар) комплексы [Ткачев, 2007, с. 339–341, рис. 74–76], синтез которых с уральским «абашево», возможно, отчасти отражает суть активизации местного очага культурогенеза.

Керамика со сложными профилями и узкозональной орнаментацией есть в материалах условного «раннего» комплекса Кузьминковского II поселения, исследованного в Оренбуржье [Моргунова и др., 2001, рис. 10, 3; 11, 6]. Ранняя керамика Кузьминок соотносится авторами с памятниками новокумакского круга, но ими отмечено также, что некоторые фрагменты с валиками [Там же, рис. 12, 3; 13, 5] могут иметь позднекатакомбное происхождение. В первоначальной публикации материалов энеолитической Кузьминковской стоянки присутствуют некоторые фрагменты керамики, весьма похожие на воронежские варианты с приостренными венчиками и узкозональным декором [Моргунова, 1986, с. 33, рис. 4, 1].

В Рын-Песках Северного Прикаспия самарские исследователи выявили целый ряд стоянок сезонного типа (Кызыл-Молла, Кошалак, Кара-Кудук, Кара-Узек, Северный Букей, Тау-Тюбе II, Же-Колган), где вместе с обломками полтавкинских сосудов залегала керамика вольско-лбищенского облика, имеющая много сходных черт с воронежской посудой [Васильев и др., 1986, с. 128–129, рис. 13–14]. Заметим, что и собственно полтавкинские сосуды этой коллекции нередко имеют некоторые признаки «вольска» и «воронежа» – характерные воротнички и валики, защипы, оттиски гладкого штампа, узкозональное построение орнамента и др. [Там же, рис. 2, 5; 7, 2; 8, 1; 9, 4, 15; 12, 1].

Своеобразную эклектику демонстрирует керамика «токсанбайского» типа, полученная раскопками на поселениях Северо-Восточного Устьярта [Самашев и др., 2009, с. 159–167]. Происхождение памятников Токсанбая авторы связывают с культурным импульсом из доно-волжского региона, в частности с трансляцией именно воронежских традиций в изготовлении керамики, в которых заметны даже иванобугорские элементы [Там же, с. 166]. Действительно, венчики токсанбайских сосудов напоминают воронежские варианты своими сложными профилировками (скошенные закраины, валики, воротнички), в орнаментации присутствуют зигзаги с бахромой, косые решетки, «елочки», горизонтальные ряды коротких отрезков, заметна узкозональная организация декора (рис. 8, 1–6). Но здесь же присутствуют многочисленные и разнообразные насечки (подтреугольные, зерновидные, овальные, линзовидные) – позднее явление для донских памятников, а также характерные для синташтинского и потаповского арсеналов ступенчатые пирамидки и меандры, что отличает «токсанбай» от «воронежа» [Там же, рис. 1, 8, 9, 17; 2, 1, 3, 5, 13, 14; 4, 5, 8]. Абсолютная дата 2133–2075 гг. до н. э., полученная по надежному материалу из слоя пожара одного из токсанбайских комплексов, в целом соответствует времени становления синташтинской культуры, в котором население северного Устьярта, явно пришлое, имевшее колесницы, и активное в военном отношении, могло принимать непосредственное участие. Данное обстоятельство опосредованно указывает также на более ранние позиции памятников воронежской культуры Подонья и Волго-Донского междуречья, вероятно, не начало II, а последняя четверть III тыс. до н. э.

Возвращаясь к вопросу о некоторых сюжетах становления «покровская», рассмотрим наиболее заметные покровские комплексы, в керамике которых присутствуют воронежские реминисценции. В непосредственной близости от кургана Усть-Грязнухи, в могильнике Советское 3 Д. Г. Баринным было исследовано погребение 8 кургана № 3, где обнаружен раннепокровский сосуд синкретичного облика со сложным профилем (рис. 8, 23). В характерной морфологии этого горшка отразились свидетельства чрезвычайно широкого взаимодействия лесостепных гончарных традиций – покровская абашоидность (слабожелобчатый венчик с внутренним ребром и расчески на внешней поверхности), воронежская тонкостенность тулова и короткий воротничок, фатьяноидные приземистые пропорции и шахматное построение нижнего фриза в декоре. Орнаментация в целом выполнена характернейшей покровской техникой – оттисками короткого зубчатого чекана со сдвигом, имитирующими «рамчатый» штамп иванобугорско-воронежской традиции.

Вероятно, в сложной векторности культурогенеза фатьяновско-балановские импульсы были не случайны, но южные проникновения лесных элементов порождают многие вопросы к данной специфике многоком-

понентных синтезов, на которые невозможно ответить однозначно. Отдельные находки подобной керамики комментировать сложно, как, например, фрагмент сосуда из керамического комплекса Ивановского селища, в целом относящегося ко времени финальной бронзы, но, вероятно, имевшего и более ранний пласт (рис. 14, 8) [Изотова, 2001, с. 61, рис. 1, 3].

Некоторые примеры объясняются активизацией катакомбного мира в период, когда племена среднедонской катакомбной культуры вступали в контакты с населением лесного волго-окского региона. В данном контексте весьма показателен комплекс парного погребения 2 из кургана № 1, раскопанного во втором Богучарском могильнике (среднедонское правобережье). Здесь зафиксированы два сосуда, один из которых изготовлен в типично катакомбной традиции, а второй – по «опш-пандинскому» типу фатьяновско-балановского комплекса [Березуцкая, 1999, с. 65, рис. 1, 3]. Точно такой же «бомбовидный» сосуд с округлым дном зафиксирован в комплексе погребения 3 кургана 8 из Тростянского могильника на территории саратовского Прихоперья [Хреков, 2005, с. 14, рис. 6, 4].

Для нас очень важно, что участие лесных культур, прямое или опосредованное, действительно имело место в сложных культурногенетических процессах на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Эта причастность определялась общим контекстом эпохального взаимодействия постшнурового и посткатакомбного миров. Очень многие вопросы остались без ответа, когда на севере Саратовской области, в хвалынском правобережье самарскими археологами был раскопан III Алексеевский могильник. В первой публикации [Пестрикова, 1979, с. 99–110] памятник был квалифицирован, как фатьяновский, на что указывали характернейшие украшения из бронзы, собранные в местах разрушения абразионными процессами и обнаруженные в могилах, особенно крупная очковидная подвеска из погребения 11 [Там же, с. 102, рис. 3]. Керамика, обнаруженная в юго-восточной части раскопа 1, но не связанная с погребениями, отнесена к доно-волжской абашевской культуре, по известным признакам колоколовидности, наличию внутреннего ребра на обратной стороне венчиков некоторых сосудов, ракушечной примеси, но отмечена также неоднородность этого комплекса, один горшок предположительно определен как срубный. Позже могильник был отнесен к кругу памятников вольско-лбищенского типа, но отмечены также широкие контакты этой культурной группы с абашевскими, фатьяновскими и полтавкинско-катакомбными племенами [Васильев, 2003].

Оценивая материалы Алексеевского могильника в контексте поставленной проблемы, необходимо обратить внимание на следующие принципиальные обстоятельства:

– во-первых, такие важные индикаторы, как очковидные подвески, проволочные спиралевидные украшения, подвески, свернутые из плоско раскованных узких пластин, характерны для многих культур ранней и средней бронзы на широкой территории лесной и лесостепной полосы Восточной Европы (среднеднепровская, восточно-донецкая, сосницкая, фатьяновская, вольско-лбищенская, абашевская, а также *воронежская*);

– во-вторых, характерные признаки керамики демонстрируют не чисто абашевский тип, а заметно микшированный, подвергшийся некоторой трансформации (соотношения широтных параметров, равномерная толщина стенок, плоские устойчивые, а не уплощенные, днища сосудов), что позволяет определять его как раннепокровский, с присутствием *воронежских* элементов (характерная форма венчика с приостренным и скошенным краем устья сосуда № 9) [Пестрикова, 1979, с. 101, рис. 2, 8];

– в-третьих, погребальная обрядность Алексеевского могильника вряд ли монокультурна, судя по широкому разнообразию поз и ориентировок, здесь зафиксированы признаки, которые могут соответствовать обрядовым показателям абашевской, катакомбной, криволукской, бабинской, срубной культур, не исключается и фатьяновская ритуалистика.

Представляется, что как никакой другой памятник этого типа, грунтовый могильник на правом берегу Волги близ хвальинской Алексеевки отражает суть переходного времени на переломе эпох средней и поздней бронзы, в нем отчасти запечатлены сложные и скоротечные⁹ процессы активизации культурогенеза с участием абашевского или абашевско-воронежского (одного из вариантов раннего покровска), фатьяновского, возможно, посткатакомбного (бабинского или криволукского) компонентов. Оценивать подобные процессы возможно исключительно в контексте анализа культурных блоков.

Давно и широко известный комплекс (погребение 2, курган № 15) с ранним наконечником копья абашевского типа из Покровского курганного могильника содержал также оригинальный сосуд с декором, выполненным в поздневоронежской традиции (18, 1, 2). Варианты изображений этого горшка в большинстве из известных мне публикаций страдают неточностями [Памятники..., 1993, с. 145, табл. 15, 32; Дремов, 2003, с. 90, рис. 1, 3-А; Горбунов, 1985, с. 13, рис. 6, 9]. Принципиально важные особенности строения венчика и элементов орнамента нашего сосуда на них трудноразличимы. Исключением является рисунок в статье Н. М. Малова, где точно показан слож-

⁹ По всей вероятности, сосуды с примесями шамота, обнаруженные на участке жертвоприношений, фиксируют самый поздний пласт Алексеевского могильника, продолжавшего функционировать и на этапе стабилизации культурогенеза, в ходе становления срубной культуры.

ный профиль венчика¹⁰ и верно изображен «ногтевой» орнамент [Малов, 2003, с. 212, рис. 6, 1]. Действительно, анализ этого артефакта, хранящегося в фондах СОМК, показал, что четыре ряда оттисков в широком фризе, занимающем верхнюю часть сосуда от края устья до максимального расширения тулова, выполнены ногтевыми вдавлениями, образующими оральные лунки¹¹. Подобные монотонные композиции, набранные ногтевыми оттисками, пальцевыми зажимами и прочими вдавлениями, очень характерны для поздневоронежского декора. Они неоднократно отмечены в материалах донских поселений Чертовицкое, Сенное, Чижевское 5, Малое Боршевское, Воргольское [Пряхин, 1982, рис. 26, 11; 27, 4, 10; 29, 6; 32, 10; 35, 12; 38, 6, 7, 18]; Мостище I, Аверино [Синюк, Березуцкий, 2001, рис. 24, 2; 33, 2, 5; 60, 3–6].

Данный вариант сосуда весьма заметен, поскольку его форма и декор в рамках «раннепокровского» комплекса едва ли не уникальны. Но показательно, что на следующем этапе монотонность орнамента в срубном декоре, набранного одинаковыми элементами и расположенного в один, два и более опоясывающих рядов, становится обычным явлением. Военский комплекс погребения 15/2 Покровского могильника ярко синкретичен, в нем соединились покровский обряд (левобочная скорченность, северная ориентировка, расположение скелета у западной стенки обширной прямоугольной могилы), бронзовый наконечник копья с раскованной втулкой «абашевского» типа, оригинальный сосуд с воронежскими реминисценциями в орнаменте.

Подобный вариант синкретизма (соединение тех же самых культурных элементов) зафиксирован в отмеченном выше престижном военно-колесничном кенотафе у с. Большой Плавицы Липецкой области (рис. 21) [Мельников, 2003, с. 239–247].

Катакомбные («елочные») элементы орнаментации также отмечались в раннепокровских керамических комплексах. Как правило, они оцениваются в качестве реминисценций предшествующей эпохи. В заволжской Терновке разреженный «елочный» орнамент по всему тулову сочетается с типично покровской формой сосуда, выполненной в видоизмененной абашевской традиции (колоколовидность, внутреннее ребро, ракушечная примесь) [Памятники..., 1993, с. 135, табл. 5, 19].

¹⁰ Короткий вертикальный венчик выделен с внутренней стороны заметной гранью, и ее прообразом, несомненно, является внутреннее ребро абашевской традиции. Различие вариантов и нивелировка этого признака отражали внутренние тенденции развития покровского керамического комплекса.

¹¹ Подобные элементы орнамента не редки в арсенале срубного керамического комплекса, но широкими фризами они не представлены. При нанесении такого оттиска нажим на сырую (необожженную) глиняную фактуру производится под углом относительно поверхности украшаемого сосуда.

Но еще более показательным в данном контексте является упомянутый синкретичный комплекс из кургана 4, исследованного в могильнике Широкий Карамыш 2 (рис. 12, 1–4) [Дремов и др., 2005, рис. 8, 11].

Подобные тенденции неожиданно всплывают в комплексах приуральной абашевской культуры. Крайне редкие проявления катакомбно-воронежского и вольско-лбищенского характера в орнаментах отдельных сосудов представляют эти экземпляры как, с первого взгляда, нетипичные для восточного абашевского ареала, но ставят новые вопросы к проблемам поликомпонентности волго-уральского культурогенеза, характера и направленности культуртрегерских векторов. Таков, к примеру, фрагмент сосуда из погребения 1 кургана № 1 Чукраклинского могильника (рис. 15, 25) [Васюткин и др., 1985, с. 72, рис. 3, 8]. Это был горшок со сложным профилем венчика и узкозональным орнаментом, выполненным в «елочном» стиле, но с разделительными горизонтальными линиями. Первый чукраклинский курган с каменной кольцевой выкладкой вокруг единственной могилы, по всей вероятности, был либо кенотафом, либо начисто ограблен, поскольку ни одной целой вещи, ни костей погребенного здесь человека не найдено. Кроме уже отмеченного, опубликован найденный в могиле фрагмент еще одного сосуда, округлоболого, с коротким отогнутым наружу венчиком и внутренним ребром, орнаментированного в абашевском волго-уральском стиле [Там же, с. 74, рис. 4, 4]. Любопытно, что в насыпи этого кургана найден кремневый наконечник стрелы позднекатакомбного типа с выемчатым основанием и удлиненными жальцами [Там же, рис. 4, 12]. Это обстоятельство еще более подкрепляет предположение о синкретичности данного погребального комплекса, в котором, возможно опосредованно через катакомбный импульс, отражены вольско-воронежские черты.

Думается, что несколько иной, новый взгляд на хорошо известные и получившие освещение в печати материалы покровских комплексов Волго-Донского и Волго-Уральского регионов позволит на уровне микросрезов выделить многие поликультурные особенности формирования «покровска». Интересующий нас воронежский культурообразующий вектор чаще всего присутствовал в этих процессах как транслированные и временно фиксированные наборы незначительных реплик. В археологических материалах они могут проявляться отдельными чертами погребальной обрядности, некоторыми предметами инвентаря, но в большей степени в керамике – самом чувствительном реагенте культурных трансформаций. Порой они едва уловимы, как, например, на сосуде покровского типа с характерным сложным профилем из Нижней Красавки (рис. 15, 7) [Лопатин, 2010а, с. 151, рис. 4, 7] или позднепокровском горшке из Преображенки I (рис. 15, 6) [Лопатин, 2002, рис. 12, 23], в котором сочетаются колоколовидность, ракушечная примесь, петровско-

алакульский каннелюр на шейке, а в качестве воронежских реминисценций, – сложный венчик и шахматное размещение треугольных оттисков на тулове. На других сосудах покровского типа из Преображенки зафиксирован такой присущий «воронежу» признак, как орнаментация обратной стороны венчика (рис. 50, 18) [Там же, рис. 12, 8, 11, 13]. Сплав традиций в данном случае также инициирован позднекатакомбным импульсом, реликты которого отмечены в Преображенке (рис. 49, 45, 46) в виде фрагментов керамики с кольцевидными оттисками, отпечатками перекрученного шнура, фестонами и «елочкой» [Там же, рис. 12, 1–5, 17–19]. Наконец, в основном захоронении (3/2) курганного некрополя Преображенки при скорченном, с западной ориентировкой, скелете взрослого человека зафиксирован сосуд, форма которого и паркетный орнамент также близки покровско-воронежским показателям [Лопатин, Филимонова, 2003, с. 251].

Неоднократно отмечалось, что истоки представленных явлений следует искать в сложно диагностируемых процессах развития лесостепных энеолитических культур обширного Волго-Донского региона, изучение которых вскрыло множество проблем преемственности в культурогенезе. Ведущая роль на юге Восточной Европы в эпоху раннего энеолита принадлежала культурам мариупольского круга (нижнедонская, азово-днепровская, прикаспийская, самарская), которые оказывали заметное влияние на лесостепные районы от Среднего Дона до Волго-Камья. Именно здесь лесным населением, экономическую основу которого составляло *присвоение* природных ресурсов, воспринимались передовые скотоводческие традиции, транслируемые активными степными племенами – носителями культур воротничковой керамики. В результате последовали трансформации местных неолитических комплексов. Формированием памятников русско-азибейского типа в Среднем Поволжье отмечены изменения в камской неолитической культуре [Васильев, Габяшев, 1982, с. 5], к западу от Волги, сложившаяся на основе нижнедонской азово-днепровская энеолитическая культура оказывала заметное влияние на днепро-донецкий регион [Котова, 1989, с. 26]. Эти настойчивые трансляции уже тогда порождали причудливую эклектику в керамических комплексах культур буферной лесостепной зоны. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы многослойной Черкасской стоянки, исследованной на Среднем Дону в Воронежской области, где отмечено взаимодействие между нижнедонской энеолитической и местной среднедонской неолитической культурами. В результате этого контакта сформировался своеобразный «черкасский» керамический комплекс, в сосудах которого сочетаются воротничковое оформление венчика и накольчато-ямочная орнаментация [Васильев, Сивнюк, 1984, с. 118–121].

Столь глубокие экскурсы в древнейшие процессы взаимодействия степных и лесных культур необходимы, чтобы понять слишком широкое и причудливое разнообразие лесостепной керамики эпох ранней и средней бронзы. Вероятно, высокое процентное содержание воротничковых форм в это время имеет весьма архаичные истоки и связано с наследованием этой традиции от раннеэнеолитических степных культур. Степь продолжала оказывать свое влияние на эти субстраты и в дальнейшем. Под воздействием репинской культуры и репинско-ямного деривата на Среднем Дону складываются комплексы иванобугорского типа. А. Т. Синюк и И. Б. Васильев рассматривали этот генезис как трансформацию гончарных традиций пришлых репинских групп населения в результате взаимодействия с лесными позднеэнеолитическими племенами [Васильев, Синюк, 1984, с. 125]. Примечательно, что как в репинском, так и в иванобугорском комплексах керамики присутствуют сосуды с венчиками сложных многочастных профилей.

В то же самое время на обширной территории степного Заволжья и лесостепного Правобережья на смену памятникам хвалынской энеолитической культуры приходят синкретичные комплексы алтатинского и алексеевского типов, сложившиеся в результате не вполне ясных процессов взаимодействия степных и лесных племен на рубеже энеолита-бронзы. По мнению И. Б. Васильева и Р. С. Габяшева, в сосудах Алексеевской стоянки, с одной стороны, проявляются черты ранних ямных традиций, а с другой – заметные признаки волосовской керамики [Васильев, Габяшев, 1982, с. 10]. В первой публикации материалов алексеевского типа была отмечена близость этих памятников керамике Алтаты и Среднего Стога II по характерному устройству венчиков (резкие профили с загибом внутрь края устья) и сходство с северными комплексами по орнаментации [Васильев, Непочатых, 1977, с. 66–76]. Местонахождения такой и подобной керамики отмечены также у Старой Яблонки и Ивановки на севере Саратовской области, возле Старой Елшанки на р. Самаре, в урочище Мартышкино на юге саратовского правобережья (рис. 14, 1). Керамика алексеевского типа, действительно, весьма своеобразна, и для нас особенно важно, что, как и в репинско-иванобугорских вариантах, здесь особенно вышукло представлен наш искомый признак – сложный многочастный профиль сосуда [Васильев, Непочатых, 1977, с. 68, рис. 1, 1–4, 9, 15]. Вероятно, эти позднеэнеолитические памятники некогда довольно плотно распределялись вдоль правого берега Волги, в лесостепном сложнопересяченном ландшафте с байрачными лесами, но к настоящему времени большинство из них разрушено абразионными процессами.

Мы видим, что керамическая традиция лесостепного Волго-Донского региона вырабатывала свой ярко выраженный эклектизм на протяжении длительного времени от раннего энеолита до рубежа средней и поздней бронзы.

Воронежский комплекс занимает в этих процессах на Среднем Дону финальную позицию. Его формирование – результат таких же сложных процессов взаимодействия местных культур пережиточного энеолита, среди которых наиболее заметно участие памятников иванобугорского типа, со среднедонской катакомбной культурой.

Параллельно, на волжском правобережье, задержавшиеся в развитии пережиточно-энеолитические культуры круга Алексеевки и Вольска испытывали последовательное влияние позднеямной, полтавкинской, средне-донской и волго-донской катакомбных культур. В результате алексеевский культурный тип оказывается полностью сnivelированным, а на основе памятников вольского типа формируются лбищенский и примокшанский комплексы.

Дальнейшие процессы трансформации воронежского и вольско-лбищенского субстратов связаны с активизацией доно-волжской абашевской культуры, а также с экспансиями позднекатакомбных и посткатакомбных культур, оставивших в регионе памятники круга «бабино-кривой луки». В это время наблюдается одна из пиковых фаз культурогенеза на широчайшей территории от Среднего Дона до Зауралья, распространяются комплексы бронзового оружия и колесницы, быстро формируются культуры, усиливающие активизацию политогенеза (Синташта, Потапово, Новый Кумак, Петровка, Покровск).

В сложении памятников покровского типа отразились драматические процессы взаимодействия, с неравнозначными долями участия, таких культур эпохи средней бронзы, как доно-волжская абашевская, *воронежская*, поздняя среднедонская катакомбная, вольско-лбищенская, ранняя бабинская. В ходе становления и развития покровский комплекс, в котором доминируют генетические признаки абашевской культуры, сосуществует и взаимодействует с поздними абашевско-воронежскими, бабинскими, потаповскими, синташтинскими, криволюкскими комплексами.

Этот заключительный абрис некой перспективы дальнейших исследований, разумеется, не бесспорен, поэтому отметим пока, что роль лесостепной воронежской культуры в интеграционных процессах, приведших на рубеже средней и поздней бронзы к формированию памятников покровского типа, была существенной, а сами воронежские признаки отмечены на широчайшей территории вплоть до Устюрта и как яркий индикатор подтверждают активное участие волго-донского населения в ключевых событиях культурогенеза начала II тыс. до н. э.

ГЛАВА 3

ПОКРОВСКИЙ ВЕКТОР КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

Памятники покровского типа – доминирующий и консолидирующий компонент, имеющий ключевое значение в решении проблем пиковой фазы культурогенеза и социогенеза на переходном этапе и в начале эпохи поздней бронзы [Малов, 2003, с. 157]. Как одно из явлений блока т.н. «колесничных» культур, покровский феномен столь же неоднозначен, как Синташта, Потаповка, Новый Кумак. Не ясен генезис «покровска», хотя особенности керамического комплекса явно указывают на связи с абашевской культурой, транскультурный военизированный инвентарь свидетельствует о широких связях, мобильности и активной инкорпорированности покровцев в системы и процессы политогенеза. По сравнению с посткатакомбными культурами Нижнего Поволжья «покровск» – это еще и более высокий уровень социоструктуры.

Проблема первых контактов покровцев с автохтонным (посткатакомбным) этнокультурным фоном между Доном и Уралом весьма загадочна, и основной вопрос в том, насколько лабильны были эти взаимодействия. Воинский характер многих погребальных комплексов покровского типа не является веским аргументом в пользу враждебного противостояния. Напротив, стратиграфия и планиграфические ситуации в курганах, но особенно в Смеловском могильнике [Лопатин, 2010, с. 168], нередко демонстрируют плодотворный симбиоз двух культурных групп, а часто и почтительно-подчиненное положение погребений с покровскими признаками по отношению к основным захоронениям криволукского типа.

В настоящий момент возможный вариант локальных культурно-генетических преобразований в степном Заволжье прослежен на материалах Смеловского могильника, где на основе взаимодействия позднепокровских и посткатакомбных групп, близких криволукскому и «волго-уральскому» ти-

пам, фиксируется формирование раннесрубного пласта, со временем вырастающего в классический вариант степных памятников срубной культуры.

Участие культур южно-уральского очага в нижневолжском культурогенезе было опосредованным. Отдельные признаки синташгинских и раннеалакульских (петровских) традиций в изготовлении керамики транслировались в степную среду Заволжья и далее, в Волго-Донское междуречье, именно покровцами [Лопатин, 2009, с. 78]. Пока трудно сказать, было это изначальное движение покровской группы из Приуралья или данная картина в целом отражает известные сложности переходного времени, в котором некоторые социальные страты, ориентированные на военную парадигму, были наиболее подвижны в пространстве, предельно лабильны в межэтнических контактах, но также резистентно уязвимы и внешне изменчивы по показателям материального комплекса. Данное обстоятельство, неизбежно связанное с разносторонним взаимодействием культур «героической» эпохи, с яркой многокомпонентностью, составляет известные сложности и требует учета максимально большего количества элементов материального комплекса и обрядовых признаков, проявленных в процессах культурогенеза.

Изучение «покровского феномена» – это длительный исследовательский процесс, наполненный блестящими полевыми открытиями и историографическими коллизиями, который продолжается уже целое столетие. По мере накопления яркого фактического материала неоднократно менялся характер взглядов на покровскую проблему, которая и теперь еще весьма далека от однозначного решения.

В самом начале, когда термин «покровск» еще не фигурировал в списке оперативных задач первых исследований, немногочисленные коллекции¹, идентифицированные через многие годы как покровские, рассматривались и анализировались исключительно в общем контексте изучения памятников бронзового века. Но в начале XX столетия малый объем информации еще не позволял представить даже относительно достоверную картину развития и смены культур эпохи бронзы Нижнего Поволжья. Общая периодизация культур бронзового века, разработанная В. А. Городцовым по материалам его исследований в южнорусских степях Украины [Городцов, 1905, с. 226–340], хотя и рассматривалась в качестве эталонной схемы, но к оценке памятников Поволжья была еще не вполне применима. Несомненно, в тот период она не могла работать на восприятие особенностей абашевских и покровских комплексов.

¹ Еще в начале XX в. А. Н. Минх передал в музей СУАК коллекцию керамики из сборов на поселении бронзового века, расположенного у с. Нижняя Красавка Аткарского уезда Саратовской губернии, в которой, кроме фрагментов срубного типа, были и обломки покровских сосудов с примесью толченой раковины. Тогда эти материалы были определены как наиболее архаичные среди обнаруженных в регионе [Минх, 1909, с. 217].

Положительная динамика исследовательского процесса наметилась с выделением в Нижнем Поволжье первых памятников срубной культуры после раскопок 1914 г. близ Адоевщины Хвалынского уезда Саратовской губернии [Городцов, 1915, с. 222]. Это было начало продолжительной, плодотворной работы, в ходе которой памятники с оригинальной колоколовидной керамикой попутно рассматривались в контексте осмысления срубной культуры эпохи поздней бронзы на территории Нижнего Поволжья. Заслуга в обозначении этого исследовательского вектора всецело принадлежит выдающемуся русскому ученому В. А. Городцову, благодаря которому в начале XX столетия российская археология бронзы в кратчайшие сроки вышла на достойный европейский уровень [Бочкарев, 2001, с. 10].

Заметный подъем исследований в этом направлении наблюдался также в послеоктябрьский период, когда в 1920-х гг. работами П. С. Рыкова в Нижнем Поволжье были получены новые материалы эпохи бронзы, в целом подтверждавшие выводы В. А. Городцова, но отчасти вносящие в его схему некоторые коррективы. Анализ новых памятников позволил П. С. Рыкову разработать для Нижнего Поволжья региональную схему развития культур эпохи бронзы. С легкой руки В. А. Городцова они изучались как единая «хвалынская культура». В. А. Городцов никогда не относился к своей периодизации как к незыблемому постулату и сразу обратил внимание на специфику поволжских материалов, близких изюмским, но не абсолютно им идентичных. К кругу хвалынских древностей он относил в большей степени памятники типа Сосновой Мазы [Городцов, 1927, с. 621–622], но в разработках его последователя П. С. Рыкова под термином «хвалынская культура» значились все памятники эпохи бронзы, исследованные в Поволжье. Группы памятников со сходными признаками были маркированы в духе времени как последовательные или синхронные стадии (ABCDE), которые имели не только культурное, но и социально-экономическое содержание. Относительно схемы В. А. Городцова это была весьма существенная поправка методологического характера. Вместе с тем, в условиях резкой критики теоретического наследия В. А. Городцова сторонниками «марризма» профессор Саратовского университета П. С. Рыков продолжал настаивать на непреходящей ценности периодизации культур степной бронзы, разработанной его учителем. Он рассматривал ее в качестве основного и универсального эталона, очень удобного при корректировке отдельных положений, по мере поступления в науку новых материалов [Рыков, 1936, с. 24].

Применительно к будущей «покровской» теме схема П. С. Рыкова оказалась реальным шагом вперед, поскольку его стадия «С» отражала специфику комплексов с колоколовидной керамикой или, по выражению исследователя, «вазообразными» сосудами с грубо обработанной поверхностью [Рыков, 1927].

Таким образом, в развитии хвалынской культуры автор видел два направления: будущий абашевско-покровский вектор (стадии С-D) и параллельную срубную линию (стадии В-E), куда он включал и сосновомазинский клад [Рыков, 1923, с. 19; 1927, с. 77-100]. Это разделение было неслучайно. Поскольку на эталонных для того времени изюмских памятниках срубного типа колоколовидные сосуды с примесью раковины были не известны, обнаруженные в Поволжье², они были выделены в отдельную группу, а их специфика объяснялась сейминским влиянием.

Принцип «стадиальности» в исторических исследованиях, инициированный переориентацией на марксистско-ленинскую методологию, вынуждал автора талантливого системного анализа заключать свои выводы в рамки условной периодизации некоего глобального культуuroобразующего процесса. Это делало схему П. С. Рыкова громоздкой и малопонятной, отчасти именно из этих обстоятельств позже проистекали противоречия в оценке его теоретического наследия. Правда, после многих лет забвения, в конце XX столетия, исследователи не раз обращались к его осмыслению в связи с активным изучением абашевских и покровских древностей, отмечая, что многие позиции рыковской схемы оказались верными [Сагайдак, 1989, с. 38]. Теперь вполне очевидно одно из главных достижений профессора Саратовского университета П. С. Рыкова: уже тогда он представлял развитие бронзового века Нижнего Поволжья как многокомпонентный процесс с участием различных культурных групп и множественными внешними воздействиями.

Но в определенный период становления археологической науки трагическая судьба П. С. Рыкова наложила заметный отпечаток на дальнейшее движение концепций развития культур эпохи бронзы Нижнего Поволжья. С конца 1930-х г. имя ученого и все его труды были под строгим запретом, а само научное направление, заложенное саратовским археологом, незаслуженно игнорировалось вплоть до середины XX столетия. Уже в послевоенный период, когда в отечественной науке оформилась новая концепция по развитию культур эпохи поздней бронзы, автором которой была О. А. Кривцова-Гракова, никто не решался развивать перспективные разработки погибшего в опале предшественника. Зато двухчленная схема, предложенная в новой и, следует признать, талантливо написанной работе [Кривцова-Гракова, 1955], была проста и доступна для широкого понимания, поэтому она быстро получила всеобщее признание. Нижневолжские материалы с колоколовидной керамикой абашевского облика, которые маркировали рыковскую стадию «С»,

² Ключевое значение имеют материалы раскопок П. С. Рыкова в 1924-1928 гг. на курганах Покровска, к сожалению, при жизни автора получившие лишь частичное освещение [Rykov, 1927].

в новой периодизации автоматически составили ранний пласт срубной культуры. За ними следовала срубная классика, которая на позднем этапе (втором, «срубно-хвалынском») сменялась комплексами с валиковой керамикой типа Ивановского селища, одновременными сосновомазинскому кладу.

Поскольку внешние проявления комплексов из погребений Покровского могильника демонстрировали известный синкретизм (здесь сочетались срубный обряд и абашоидная керамика), то декларация раннего «покровского» этапа срубной культуры в монографии О. А. Кривцовой-Граковой повлекла за собой несколько неожиданный подход сразу к многим проблемам эпохи бронзы. Отныне усилия исследователей были сосредоточены на уточнении проблемной хронологической преемственности между срубными и абашевскими комплексами. Рабочие процедуры моментально породили понятие о срубно-абашевском взаимодействии, и вскоре данная категория преобразовалась в самостоятельную и весьма обширную тему исследований, поскольку источниковая база лавинообразно умножалась. На данном исследовательском этапе материалы покровского типа первоначально оценивались как следствие срубного влияния на формирование абашевской археологической культуры, но вопрос преемственности в таком виде решался не вполне однозначно. Допускалось также сосуществование этих двух культур и соответственно их активное взаимодействие, следствием которого было появление смешанных комплексов [Равдоникас, 1947, с. 386; Мерперт, 1954, с. 143–150; Синицын, 1956, с. 84; 1959, с. 193; Смирнов К. Ф., 1959, с. 315; Смирнов А. П., 1961, с. 22–26].

Поступление в науку новых материалов, особенно целевые раскопки памятников абашевского типа на Среднем Дону и в Приуралье, уже к концу 1960-х гг. радикально изменили понимание основного императива срубно-абашевского взаимодействия. Теперь покровские памятники рассматривались как результат проникновения носителей абашевской археологической культуры из Подонья на Волгу [Либеров, 1964, с. 148–150; Сальников, 1967, с. 132–135]. Одновременно наблюдалось развитие собственно абашевского концепта. Первые памятники этого типа, среди которых наиболее заметны Тюнинские курганы, были исследованы на Среднем Дону близ г. Задонска [Пряхин, 1981, с. 22–23] задолго до раскопок В. Ф. Смолина 1925 г. у с. Абашево в Среднем Поволжье. Однако этим материалам, в силу известных причин, тогда не придали значения, и новая культура была выделена исключительно по материалам чувашских исследований [Smoline, 1927; Смолин, 1928], а к концу 1950-х годов окончательно обоснована как яркое явление эпохи поздней бронзы лесостепного и лесного Поволжья [Абашевская..., 1961].

Волна борьбы приоритетов постепенно нарастала по мере открытия и планомерной систематизации новых абашевских памятников в Подонье, в Поволжье, в Приуралье. Одновременно предпринимались попытки решения проблем генезиса указанных локализаций. Вначале было предложено рассматривать донские памятники в качестве переходного субстрата между среднеднепровской культурой и поволжским «абашево» [Ефименко, Третьяков, 1961, с. 87–89]. К. В. Сальников, оценивая позицию донских комплексов в сложившейся системе памятников этого круга, также склонялся к мнению о западных (среднеднепровских) связях. Но это влияние он рассматривал в качестве специфики, которая определяла отличия материалов Среднего Дона при их сравнении со средневожскими и южноуральскими памятниками [Сальников, 1967, с. 130–131].

А. Х. Халиков рассматривал Окско-Донское междуречье в качестве общего культуроформирующего региона абашевской культуры, упоминая среди памятников этой территории также Тюнинский могильник и Частые курганы [Халиков, 1961, с. 224–226]. Считая памятники покровского типа в Поволжье раннесрубными или срубными с абашевскими чертами, А. Х. Халиков делал вывод о синхронном развитии двух близких культурных групп (покровской и абашевской), обосновывая данный тезис известным сходством в керамике и некоторых категориях металлического инвентаря [Халиков и др., 1966, с. 29–31].

Позже А. Х. Халиков оценивал фактор «покровска» как гораздо более широкое явление. На первых Рыковских чтениях 1984 г., проходивших в Саратове и посвященных 100-летию со дня рождения П. С. Рыкова, он представил большую работу, в которой рассмотрел обширный регион (Подонье, Поволжье, Приуралье), определил локальные своеобразия памятников покровского типа и предложил выделить особый «покровский этап», с которого фактически начиналась эпоха поздней бронзы. В вопросе генезиса «покровска» автор однозначно придерживался мнения об абашевских истоках, имея в виду все три ареала (донской, средневожский, приуральский). Признаки влияния «покровска» отмечены им в материалах поздняяковской, чирковско-сейминской и приказанской культур, что предполагало активное продвижение покровских племен в лесную зону Восточной Европы [Халиков, 1989, с. 78]. Но более всего однозначно вырисовывался сюжет становления срубной культуры. Исходя из позиций концепта А. Х. Халикова, начало ее формирования открывал именно покровский этап, причем этот процесс проходил на широкой территории от Среднего Подонья до степного и лесостепного Поволжья и Южного Приуралья. Таким образом, пространственная совокупность памятников покровского типа уже тогда приобретала очертания некой

вполне завершенной культурной целостности с четким ощущением ее центричности в Волго-Донском междуречье и на севере Нижнего Поволжья.

Но в начале 1960-х гг. абашевская концепция Среднего Дона была еще не вполне определенной. П. Д. Либеров предположил, что донские памятники были основаны в ходе миграции абашевских племен с территории Среднего Поволжья, причем не ранее последней четверти II тыс. до н. э. [Либеров, 1964, с. 111–156].

В первом монографическом исследовании А. Д. Пряхина были обобщены наблюдения за ходом исследований памятников абашевского типа в Среднем Подонье, проводился также сравнительный анализ погребальной обрядности, керамики, вещевого комплекса [Пряхин, 1971]. Наконец, с открытием целого ряда абашевских поселений (Шиловское, Масловское, Тавровское, Отрожкинское), и особенно курганов с престижными воинско-колесничными захоронениями [Пряхин, 1969, с. 52–53; 1972, с. 233–234; 1976; Синюк, Килейников, 1976, с. 160–161], воронежская концепция в целом оформилась, и в докторской диссертации А. Д. Пряхина было окончательно закреплено выделение оригинальной доно-волжской абашевской культуры, имевшей своеобразные отличия от средневожского и приуральского вариантов. В дальнейшем наличие этих ярких локализаций абашевской культуры или, точнее, средневожской, южноуральской и доно-волжской абашевских культур, потребовало обоснования обширной культурно-исторической общности [Пряхин, 1976, с. 50–52; 1980, с. 7–32; 1981, с. 21–55].

Одновременно претерпела изменения схема преемственности абашевской и срубной культур во времени. Полтавкинская основа сложения срубной культуры (по О. А. Кривцовой-Граковой) не объясняла причин наличия абашевской керамики в «раннесрубных» комплексах покровских курганов. В связи с этим было предложено синхронизировать абашевскую и полтавкинскую культуры, из чего следовал вывод о более ранней позиции «абашево» относительно срубной культуры [Черных, 1970, с. 98; Пряхин, 1977, с. 102–110]. Факт синкретичности смешанных комплексов, где срубный обряд (лево-бочная адорация) сочетался с абашоидной керамикой, был очевиден и при новом подходе А. Д. Пряхин интерпретировал их как абашевско-срубные памятники, появляющиеся на позднем этапе развития абашевской культуры [Пряхин, 1977, с. 119–121]. Таким образом, воронежский исследователь не только констатировал генетические связи абашевской и более поздней срубной культуры, но и включал также в культурный ареал донского «абашево» Нижнее Поволжье, по материалам которого он составил полную сводку смешанных комплексов абашевско-срубного (покровского) типа [Пряхин, 1971; 1976; 1977]. Так новая совокупность памятников расширенного западного ареала получила наименование «доно-волжская абашевская культура».

К началу 1980-х гг. обсуждение проблем срубно-абашевского взаимодействия принимает активный характер, причем отправными комплексами в ряде исследований синкретичных памятников традиционно являются классические материалы Покровского могильника. Е. К. Максимов, проверяя данные П. С. Рыкова о наличии здесь двух синхронных групп захоронений эпохи поздней бронзы и предлагая варианты их датировки, приходит к почти аналогичным выводам, но в интерпретации придерживается современной ему концептуальности. В срубной группе (линия В-Е) он отмечает также некоторые андроновские элементы, а в срубно-абашевской группе (линия С-Д) видит абашевско-сейминские черты [Максимов, 1978, с. 57-58].

Сторонник воронежской концепции В. И. Сагайдак, проводивший подобный анализ покровских материалов, считал две группы погребений в схеме П. С. Рыкова разнокультурными. Комплексы группы В-Е он относил к срубной, а смешанные материалы группы С-Д – к абашевской культуре [Сагайдак, 1979, с. 57-70], а также исходя из именно абашевской интерпретации последних указал на сомнительность выделения на их основе раннего «покровского» этапа срубной культуры [Сагайдак, 1989, с. 39].

В вопросах датировки покровских материалов единодушного мнения не наблюдалось. В целом они оценивались как комплексы, синхронные выдающимся культурно-хронологическим реперам, известным в тот исследовательский период, – Сейме, Турбино и Бородинскому кладу. Последние, в свою очередь, привязывались к авторитетным относительным шкалам дальневосточного Аньяна, шахтовых гробниц Балкан и памятников Кавказа, поскольку по некоторым вещам привлекались впечатляющие микенские, китайские, египетские и ближневосточные аналогии. Вне всяких сомнений, основанием для синхронизаций послужили факты обнаружения в престижных абашевских и покровских захоронениях ярких образцов оружия, инсигний власти, некоторых категорий украшений и фурнитуры конской упряжи (копья, стрелы, кинжалы, топоры, булавы, браслеты, подвески, кольца, бисер, псалии).

Данные обстоятельства требовали объяснения, и основной вопрос сводился, прежде всего, к определению места указанных реперов в системе культурных течений эпохи бронзы Восточной Европы, Средиземноморья и степной Евразии. Активное обсуждение проблемы Бородинского клада вызвало к жизни целых три хронологические схемы. Сторонники так называемой «длинной» хронологии относили клад к XVI-XV вв. до н. э. [Hachmann, 1957; Мерперт, 1962, с. 119-121; Кузьмина, 1964, с. 136-137; Тереножкин, 1965, с. 64]. Согласно среднему варианту хронологии предметы из Бородино и Сеймы датировались XV-XIV вв. до н. э. [Gimbutas, 1957; Бочкарев, 1968]. В короткой хронологии бородинских находок обозначились две позиции: XIII в. до н. э. [Сафронов, 1968] и XIV-XII вв. до н. э. [Кривцова-Гракова, 1949].

Хронологические позиции Сейминского и Турбинского могильников опирались на даты Бородинского клада, но имели также некоторые уточнения: XVI–XV вв. до н. э. [Бадер, 1964]; XV в. до н. э. [Мерперт, 1962, с. 20]; XV–XIII вв. до н. э. [Gimbutas, 1966]. По аньянским аналогиям выгнутообушковым ножам с прорезными рукоятями Е. Н. Черных датировал Сейму и Турбино XIV–XII вв. до н. э. и точно таким же временем определял позиции Покровского могильника, где были найдены наконечники копий, близкие сейминским [Черных, 1970, с. 99–104].

Но в целом датировка покровских курганов в представлениях различных исследователей выглядела тогда довольно спорной проблемой и однозначности здесь было еще меньше, чем по вопросу Бородина, Сеймы и Турбино. Теперь эта несогласованность кажется странной, но, возможно, все объясняется незавершенностью решения вопроса о полной публикации материалов могильника, которая до сих пор остается насущной. По-существу, эти материалы все еще довольно плохо известны исследователям.

Покровские материалы считались основой первого (раннего) этапа срубной культуры, и дата могильника открывала ее *terminus post quem*. Но примечательно, что некоторые предлагавшиеся исследователями нижние даты Покровского могильника и, соответственно, начала срубной культуры не укладывались в реперные шкалы Бородинского клада, Сеймы и Турбино. Особенно широкими казались интервалы, предлагавшиеся М. Гимбутас (XVIII–XII вв. до н. э.) и Н. Я. Мерпертом (XVII–XIV вв. до н. э.) [Буров, 1974, с. 45]. Со временем их интуитивное понимание древности «покровска», основанное на ощущении архаичности некоторых категорий инвентаря, подтвердилось радиоуглеродной хронологией.

Проблема «покровска» требовала детального осмысления предметов материальной культуры, признаков погребальной обрядности, учета возможных мест обитания и конкретизации ареала распространения. Очень важно было разобраться с главным вопросом – самобытностью этого культурного явления, особенно в аспекте погребальной обрядности, а также определить степень близости керамических комплексов «покровска» и доно-волжского «абашево», выяснить причины транскультурности ведущих категорий инвентаря.

Впервые четкий анализ погребальных памятников покровского типа предпринял Н. М. Малов, который представил результаты этой большой работы на форуме, весьма значительном для развития покровской проблемы, – Первых Рыковских чтениях, состоявшихся в Саратове в 1984 г. [Малов, 1989, с. 82–101]. Позже в специальных работах он рассмотрел покровские и абашевские украшения, а также на материалах натальинских курганов, инсигнии власти и детали стрелкового оружия [Малов, 1991б; 1992б].

Автор систематизировал типы могильников, грунтовых и курганных, уточнил обстоятельства их топографии, выделил в общем массиве погребальных сооружений три основные группы могильных ям, отметил признаки социально-имущественной дифференции. Как наиболее заметная категория погребального инвентаря, охарактеризована керамика, причем именно планиграфические особенности размещения сосудов в могилах. Представлены ведущие группы предметов вооружения, орудий труда, украшений и фурнитуры одежды. Примечательным достоинством анализа является соотношение предметов сквозного инвентаря с историческими культурными центрами производства. Эти наблюдения выводили саратовского исследователя к проблеме контактности покровских племен в ходе культурогенеза и последующего развития. Немаловажным является вывод об очевидности активного участия кавказских и катакомбных традиций в культурогенезе «бабино», «синташты», «покровска», срубной и алакульской культур.

На том этапе своих многолетних исследований в области покровской проблематики Н. М. Малов еще допускал вариант с проникновением абашевского импульса на территорию Нижнего Поволжья и его воздействием на местную срубную среду, особенно в военной сфере. Эта позиция проистекала отчасти из преобладавшего тогда мнения о срубном характере покровских памятников (раннесрубный «покровский» этап). Но его авторский сравнительный анализ погребальной обрядности демонстрировал однозначный вывод о резком различии похоронной ритуальности в абашевской культуре, с одной стороны, и в покровских, а также срубных комплексах – с другой. Он видел достоверное соответствие покровского обряда срубному, а элементы абашевского ритуала выглядели на этом фоне как случайные проявления [Там же, с. 96].

Фундаментальный концепт по проблеме «покровска» на том же форуме представил А. Х. Халиков [Халиков, 1989, с. 66–82]. На тот момент изученности регионов территория распространения памятников покровского типа, по мнению автора, соответствовала лесостепным и степным районам Поволжья, от устья Камы на севере до сближения нижеволжского правобережья с донской излучиной на юге. Отмечена расплывчатость широтных рубежей культурного ареала, но определена пространственная контактность покровцев с абашевцами Дона, Средней Волги и Урала, с ареалами лесных культур (балановской, приказанской, поздняяковской, чирковско-сейминской). На востоке указаны синхронные памятники андроновского типа, имеющие черты, близкие покровским показателям (Кумак, Увак, Орск, Герасимовка). Высказано мнение о проникновении поволжских покровцев на территорию донского «абашево». Основанием для этого являлись факты открытия здесь погребений с покровскими признаками в ритуале (левобочная адорация с ориенти-

ровкой на север), практически идентичными срубным. Своим происхождением покровские памятники связывались с древнейшими ямно-полтавкинскими генетическими корнями, общностью происхождения на данном культурно-генетическом векторе объяснялись также заметные черты сходства в покровских и абашевских культурных признаках. Хронологический интервал покровского этапа, открывавшего эпоху поздней бронзы, А. Х. Халиков ограничивал XV–XIII вв. до н. э., что полностью соответствовало времени действия Сеймы-Турбино по М. Гимбутас.

Такого рода обстоятельные подходы к изучению памятников покровского типа предопределили дальнейшее движение темы в сторону обоснования культурной целостности и оригинальности этого яркого явления начала позднего бронзового века. В работах Н. М. Малова через длительное осмысление содержания этого феномена постепенно вызревает концепция самостоятельной покровской культуры, которая не только открывала в Нижнем Поволжье начало новой эпохи, но и закладывала основы будущего срубного мира [Малов, 1991, с. 50–53].

Понимание культурной целостности «покровска» приходило к исследователям на фоне развития идей В. С. Бочкарева о волго-уральском и карпато-дунайском очагах культурогенеза [Бочкарев, 1991, с. 24–27; 1995, с. 18–29]. В рамках новой теории тезис «покровского типа» звучал как один из компонентов местного культурного блока, равный по значимости другим компонентам – «синташте», «петровке», «потопово». Расцвет этих ярких культур автор связывал с бурным развитием металлургии бронзы и технологии металлообработки, обособлением специализированных ремесел, ориентированных на военную сферу, активизацией политогенеза и углублением социогенеза в комплексных евразийских обществах. Моторика указанных признаков составляла суть взрыва культурогенеза в Волго-Уралье, естественным следствием которого в дальнейшем стало образование двух крупнейших мегаобщностей эпохи поздней бронзы – срубной и алакульской. Истоки формирования синташтинско-петровско-покровского военизированного блока указаны автором вполне однозначно – это абашевские культуры (средневожская и приуральская) с участием культур катакомбного круга и под активизирующим влиянием сейминско-турбинского фактора [Бочкарев, 1995].

В конце 1980 – начале 1990-х гг. Н. М. Маловым были разработаны основные позиции нового концептуального подхода к оценке культурногенетических процессов на протяжении всего позднего бронзового века Нижнего Поволжья. Исследователь предложил исключить из понятийного аппарата такую категорию, как срубная культурно-историческая общность, приняв вместо нее новую таксономическую модель. На всю срубную эйкумену предлагалось распространить территориально-хронологическое понятие «сруб-

ная культурно-историческая *область*», в рамках которой должны были выделяться более дробные диахронные таксономические ранги, причем не только срубные, но и другие «культурные группы» [Малов, 1994, с. 8].

Диахрония эпохи поздней бронзы вписывалась, таким образом, в процесс естественного развития срубной культурно-исторической области. Весь интервал начинался с покровской культуры, на позднем этапе которой зарождались черты будущей срубной культуры, затем следовал ее классический период, на излете которого формировались признаки хвалынской культуры валиковой керамики. Последняя, в свою очередь, представляла в Нижнем Поволжье финал всей эпохи бронзы. Сопоставление культурных показателей «покровска», срубных и хвалынских древностей в обряде, керамике, инвентаре, в данных стратиграфии и планиграфии позволили автору отметить отсутствие «резкой прерывности» при смене культурных ритмов. Это указывало на внутреннюю последовательность культурогенеза в рамках выделенной культурно-исторической области с плавными переходами из предыдущего культурного фона в последующий [Там же, с. 9].

Так, весьма плодотворно, обосновывался новый концепт феномена срубной культуры, которая генетически восходила к покровской культуре, а затем трансформировалась в одну из валиковых культур – хвалынскую. Таким образом, в некоторой степени отдавалась дань памяти научному подвигу П. С. Рыкова, а также, что немаловажно, снимались известные моменты терминологических несоответствий, которых к концу 1980-х гг. изрядно накопилось в историографии. Кроме того, недвусмысленно вырисовывалась возможность конкретной идентификации указанных процессов, фиксируемых археологически, с историческими реалиями индоиранской проблемы. Другими словами, зарождение праиранского мира более явственно просматривалось в недрах срубной культурно-исторической области, а не в абстрактных просторах степной и лесостепной Евразии.

Но в тот исследовательский период движение темы «покровска» и сопутствующих проблем начала эпохи поздней бронзы наблюдалось не только в указанном направлении. Концепция доно-волжской абашевской культуры, которая разрабатывалась воронежской школой А. Д. Пряхина, изначально была и остается активной альтернативой идее Н. М. Малова о правомерности выделения покровской археологической культуры. Соответственно по поводу срубного генезиса также декларируются иные подходы. Традиционно доно-волжская версия предполагала становление лесостепной срубной культуры в контексте последовательного развития абашевских памятников в широком ареале Подонья и северной части Нижнего Поволжья, включая левобережные районы.

Резкая активизация указанных подходов в контексте обоснования ключевых положений абашевской концепции, как соответствующая реакция, последовала в связи с обращением целого ряда исследователей к интерпретации материалов начала эпохи поздней бронзы на широкой территории от Урала до Приазовья и Поднепровья в духе покровской идеи [Литвиненко, 1991; 1993; 1994, с. 51–56; Шарафутдинова, 1994, с. 44–50]. Причем порой вялотекущая полемика в печати взрывалась довольно решительными оценками известных материалов, что начинало угрожать устойчивости привычных научных конструкций. В некоторых обобщающих работах ареал памятников покровского типа расширяли «от Южного Приуралья до Среднего Дона включительно», а его буферную периферию доводили до Нижнего Подонья и Северского Донца, где соответствующие материалы прежде рассматривались как позднеабашевские или срубно-абашевские [Шарафутдинова, 1995, с. 94]. По существу основной проблемы, подобные переоценки означали закадровый пересмотр сущности доно-волжской абашевской культуры, поскольку включение Среднего Подонья в покровский ареал извлекало на поверхность целый ряд вопросов, касающихся происхождения донских памятников, а также их культурного содержания.

Очень скоро полемика по существу доно-волжской абашевской и покровской культур приобрела очертания широкой историографической дискуссии, в ходе которой оппоненты вновь и вновь приводили в порядок критерии оценок погребальной обрядности и керамических комплексов, инвентарных наборов и бытовых поселенческих материалов. Основной целью сторонников «покровска» в ходе диспута является стремление показать особенные своеобразия, которые разводят обе культуры за линию типологической идентичности [Малов, 1991а; 1992а; 2003; 2007; Кузьмина, 1995]. Весьма показательной в этом смысле была попытка О. В. Кузьминой представить в обзорном сравнительном анализе специфику покровских комплексов и их принципиальные отличия от абашевской культуры. В анализ были введены такие показатели, как погребальная обрядность, керамический комплекс, металлические предметы вооружения и орудия труда, украшения, изделия из кости [Кузьмина, 1995, с. 27–51]. В выводах по данному исследованию признаются известные генетические связи покровской и абашевской культур, но «покровск» не рассматривается как поздняя фаза «абашево», а представлен в качестве самостоятельного культурного явления, которое, по образному выражению автора, «стоит на плечах абашевской культуры» [Там же, с. 50]. Но в целом между ними больше различий, нежели сходств. Максималистские обоснования идентификации донского «абашево» в качестве покровской культуры открыто пока не звучали.

Предостережения сторонников концепции доно-волжской абашевской культуры от скоропалительных ревизий на данном этапе проблематики следует признать объективными. Всерьез анализируя «покровские» вопросы в рабочем режиме и склоняясь к определению этого явления в качестве производного от донского абашево, эта группа, преимущественно воронежских специалистов, справедливо указывает на слишком широкий диапазон интерпретаций «покровска» (раннесрубный этап, вариант срубной культуры, культурный тип, переходный тип, культура). Этот разнобой во мнениях по поводу критериев и культурного содержания, а самое главное – отсутствие полной публикации материалов эпонимного Покровского могильника – представляют нашу проблему как не вполне упорядоченный исследовательский процесс, пока еще не подведенный к завершению [Молодин, Пряхин, 1998, с. 6].

С другой стороны, пристальное внимание к покровской теме позволило затронуть глубинные пласты этой сложной проблемы, и в результате стало более очевидно, что процесс культурогенеза на рубеже среднего и позднего периодов эпохи бронзы – это чрезвычайно насыщенная и поликомпонентная линейно-дискретная динамика культурных явлений. Оставаясь в целом на позициях концепции А. Д. Пряхина о генетической преемственности срубной и абашевской культур, в которой покровские материалы рассматриваются как позднеабашевские и маркируют буфер перехода, некоторые представители воронежской школы не могли игнорировать фактов заметного различия ведущих черт этих культур (обряд, керамика). Требовалось прокомментировать также причины трансформации абашевской культуры в срубную, выявить реальные реагенты, приведшие к перевоплощению. Наиболее диагностична в подобных исследованиях керамика.

Сюжет эволюции гончарных традиций на материалах лесостепного Подонья рассмотрен в специальной работе В. И. Беседина, где автор подчеркнул бессмысленность прямого сопоставления «классической» абашевской керамики с посудой развитой срубной культуры. Но, вместе с тем, он отметил бесспорность существенной роли абашевского компонента в процессе ее формирования, обозначив, таким образом, ситуацию, в которой «дискутируется» исключительно характер этого опосредованного абашевского влияния, но сам факт преемственности сомнению не подлежит. Взаимосвязь керамических комплексов доно-волжской абашевской культуры, памятников покровского типа и ранней срубной культуры обосновывается автором по результатам анализа технологии изготовления посуды, формообразования и орнаментации сосудов. Представлялось, что через сложные трансформации абашевских памятников и вызревание синкретичного абашевско-срубного (по-

кровского) комплекса шло поэтапное формирование будущей лесостепной срубной культуры [Беседин, 1994, с. 36–39].

Ю. П. Матвеев объясняет проявления нестандартов в абашевских погребениях Среднего Дона (левобочная адорация и северные ориентировки) как следствие перемещения абашевцев с коренных верхнедонских территорий в позднекатакомбный ареал и их активной контактности с местным населением. Особенно заметными эти изменения в абашевской погребальной обрядности становятся в результате взаимодействия с посткатакомбными бабинскими племенами, когда в арсенале «абашево» появляются костяные пряжки, ножи с округло раскованной пяткой черешка, начинает трансформироваться керамика [Матвеев, 1998, с. 8–21]. Таким образом, признаки погребального обряда, типичные для покровской и срубной культур, отмеченные в абашевских комплексах Среднего Дона, объясняются как следствие катакомбного и посткатакомбного влияния и, что немаловажно, рассматривается как автохтонное среднедонское явление.

К концу XX столетия проблема осмысления памятников покровского типа приобретает в работах воронежской школы характер особо значимого научного направления. Историография этого вопроса изучается тщательнейшим образом, подробно комментируется, а в полемическом контексте, обозначающем различные ситуации сиюминутных исследовательских процессов, подход специалистов Воронежского госуниверситета в этих обзорах всегда декларируется как «особенно перспективный» [Припадчев, 2003, с. 53].

Отмеченные выше разработки по керамике и погребальной обрядности В. И. Беседина и Ю. П. Матвеева и выводы о преемственности традиций доно-волжского «абашево» и донской лесостепной срубной культуры на этом исследовательском этапе подкрепляются изысканиями в других плоскостях проблемы. В результате анализа материалов Подклетненского могильника, безусловно, весьма значимого опорного памятника, А. Д. Пряхин и В. И. Беседин выделили три хронологических горизонта абашевской культуры. Самый поздний горизонт, соответствующий четвертой обрядовой группе (впускные погребения в небольших ямах с северо-восточной ориентировкой), по мнению авторов, демонстрирующий покровские обрядовые показатели, следует понимать как позднеабашевскую и одновременно как раннесрубную группу памятников [Пряхин, Беседин, 1996, с. 34–51].

Тезис о пространственном ареале доно-волжской абашевской культуры, включающем также степное Заволжье, обосновывается теми же авторами на примере сравнительного анализа ритуальной миниатюрной посуды и диско-видных псалиев. Метод статистического сравнения реберчатых сосудиков с крышками в работе А. Д. Пряхина и В. И. Беседина показал, по их мнению, свидетельство культурно-хронологической близости памятников среднедон-

ской лесостепи и нижневолжских степей, что является доказательством глубокой юго-восточной экспансии абашевских племен [Пряхин, Беседин, 1998а, с. 60–71]. Вместе с тем, в уже упоминавшейся работе О. В. Кузьминой по сравнению абашевского и покровского материальных комплексов показано, что ритуальные сосуды донской, средневолжской, приуральской абашевских культур не абсолютно идентичны, тем более собственную специфику имеют артефакты из покровских памятников. Эти различия обнаруживаются в общих пропорциях, в расположении максимального расширения реберчатого тулова, в форме днища, в характере орнаментации [Кузьмина, 1995, с. 32–35]. Указано, в частности, что покровские миниатюрные сосуды, утрачивая смысловую нагрузку ритуальной функциональности, в большей степени близки реберчатым сосудам крупных размеров, они имеют плоское, а не округлое днище, максимальное расширение находится в средней, а не в нижней части тулова, заметно упрощен декор.

Костяные и роговые псалии из покровских комплексов Нижнего Поволжья анализируются А. Д. Пряхиным и В. И. Бесединым как предметы конской узды, впитавшие все основополагающие традиции абашевской доново-волжской культуры, но изготовленные с типичными для восточной части ее ареала упрощениями. Эти конструктивные особенности касаются принципов крепления нащечных и храповых ремней. В отличие от классических абашевских псалиев староярьевского типа покровские (позднеабашевские поволжские, по мнению авторов) лишены специального бокового выреза, который заменен сквозным отверстием в щитке или лункой с костяным штифтом. Заметно упрощен орнамент степных псалиев, тогда как донские варианты пышно украшены «микенскими» мотивами [Пряхин, Беседин, 1997, с. 79–81; 1998б, с. 60–71].

В коллективной монографии специалистов Воронежского университета подводится черта под этими многими направлениями анализа культурных процессов на рубеже средней и поздней бронзы в Волго-Донском регионе с однозначными выводами. Квинтэссенция этих результатов: данные погребальной обрядности, керамического комплекса, металлургии и металлообработки, признаков использования транспортных средств подтверждают идею о трансформации доново-волжской абашевской культуры в лесостепную донскую срубную культуру; срубно-абашевские комплексы (памятники покровского типа) отражают ситуацию перехода, культурной изменчивости (вышеупомянутой трансформации); развитие идеи самостоятельной покровской культуры не имеет перспективы [Пряхин и др., 2001].

К началу нового тысячелетия заметным событием в развитии проблематики абашевской культуры, памятников покровского типа и генезиса срубной культуры стала серия разработок В. В. Отрощенко [Отрощенко, 1994,

с. 150–153; 2001; 2003, с. 68–96]. Его идея о двух линиях становления и развития срубной культурно-исторической общности несколько упрощенно, по принципу природно-ландшафтного соответствия разграничивает два основных варианта (по сути две срубные культуры), в совокупности закрывающие весь огромный ареал от Волго-Уралья до Днепра.

Возникновение синташтинского феномена, при крайне узкой локализации очага культуругенеза (исключительно Южное Приуралье), В. В. Отрощенко связывает с абашевским (средневожским) и катакомбным импульсами. После этого, как он считает, ненадолго возвышается «Страна Городов», совместимая с ареалом распространения синташтинских памятников, а затем наблюдается обратное движение в западном направлении, но теперь уже синташтинцев и уральских абашевцев, которые переустроили Волго-Донской регион. Так возникает доно-вожская абашевская культура.

Несколько удивляет мотивация этих глобальных явлений, комментируемая автором в духе сочинений Л. Н. Гумилева. Формирование предсрубного горизонта на юге Восточной Европы (бабинская и доно-вожская абашевская культуры), в Поволжье и Приуралье (Потаповка, Новый Кумак) объясняется им как результат распада южноуральского очага культуругенеза и определяющего влияния синташтинской колесничной традиции [Отрощенко, 2003, с. 75–76]. Именно с памятниками переходного (предсрубного) времени в этих построениях ассоциируются «культуры горизонта боевых колесниц», которые окончательно вытеснили или ассимилировали остаточный «позднекатакомбный массив» в степи и лесостепи Восточной Европы. В представленной схеме не оказалось места криволюкским комплексам, а памятники покровского типа разнесены в доно-вожское абашево и в ранний период покровско-мосоловской срубной культуры (XVII–XVI вв. до н. э.). В аспекте генетической подосновы покровско-мосоловской срубной культуры данная схема представляет собой, по сути, попытку «модернизации» эволюционной концепции А. Д. Пряхина – Ю. П. Матвеева о прямой преемственности абашевской и срубной культур в диахронии средней и поздней бронзы Доно-Поволжья [Матвеев, 1991, с. 27–28; 1994; 1999, с. 60–71; Пряхин, 1997, с. 69–70].

Как показано выше, отличительные особенности покровских материалов, в том числе и керамики, указывались для Поволжья в ряде исследований Н. М. Малова и О. В. Кузьминой, но они не учитывают всего обширного массива Среднего Дона, не выделены покровские элементы в Синташте, Потаповке и ранней Петровке. Все еще не получили должного освещения материалы эпонимного памятника – Покровского курганного могильника, хотя первые шаги в этом направлении предпринимались в начале 1990-х годов с изданием в Саратове свода по срубному ареалу степного Волго-Уралья, а позже были продолжены в работах Н. М. Малова [Памятники..., 1993; Ма-

лов, 2003, с. 157–219]. Думается, что ключ к конструктивному решению «покровского вопроса» содержится именно в анализе всего объема данных, полученных на широкой территории от Дона до Урала, анализе, который доказательно отчленил «покровск» от позднего доно-волжского «абашево» и продемонстрирует его культурную целостность.

Нет никаких сомнений в том, что позиции противников «покровского культурного типа» прямо зависимы от упрощенного восприятия концепции культурогенеза. В данном контексте версия эволюции, или трансформации абашевского массива в срубную культуру при известном вмешательстве извне того или иного культуртрегера, безусловно, имеет право на существование, но порождает соответствующие, лаконично упрощенные модели производных культурных образований. Покровско-мосоловская (лесостепная) и бережновско-маевская (степная) срубные культуры, сведенные в рамки единой общности, вполне соответствуют простому алгоритму, в котором отсутствует очень важный переходный этап, соответствующий начальной фазе культурогенеза срубных племен.

В действительности становление и дальнейшее развитие срубной культуры представляется гораздо более дискретным и многообразным явлением. Как уже отмечено, определяющую роль в этих процессах играли яркие памятники покровского типа, но прочие компоненты взаимодействия до недавнего времени были завуалированы условностями сложно диагностируемой обрядности. К примеру, анализ материалов Смеловского могильника и полученные результаты [Лопатин, 2010] позволяют наметить пути устранения этих сложностей, уже теперь выявить некоторые культурные группы, втянутые в симбиоз с «покровском», обозначить параллельные варианты взаимодействий. В подобных направлениях анализа памятников бабинского, криволукского, вольского, лбищенского, воронежского типов, как представляется, содержится принцип моделирования многокомпонентного культурогенеза.

Отчасти концепт бережновско-маевской культурной группы восходит к идее «бережновского горизонта» Н. К. Качаловой [Качалова, 1978а, с. 69–79; 1978б, с. 58–60]. В историографии конца XX в. укоренилось мнение о том, что новый культурно-хронологический горизонт вводился ею в научный оборот как начальный этап срубной культуры, предшествующий времени памятников покровского типа. По-существу, оно является следствием многочисленных противоречий, возникших в ходе незавершенных диспутов 1970–80-х гг. прошлого столетия по проблемам генезиса срубной культуры, периодизации и хронологии памятников эпохи поздней бронзы.

Причина данной ситуации, очевидно, заключается в попытках определения различными исследователями культурно-хронологических соотношений в курганной стратиграфии, а именно преемственности и синхронизации

погребений с абашевскими, покровскими и срубными признаками. Поскольку сама исследовательница достаточно уверенно определяла набор признаков бережновского обряда, то в известной степени унифицирующими элементами здесь выступали восточная ориентировка и левобочная адорация скелетов. Не удивительно, что в выборку «бережновки» могли войти безы Inventарные комплексы или погребения со специфическими показателями обряда, стратиграфически более ранние, чем покровские, и которые теперь анализируются как комплексы посткатакомбного типа.

С другой стороны, позднепокровские захоронения с северной ориентировкой могли оказаться в подкурганных ситуациях как более ранними, так и одновременными раннесрубным, составляя с ними планиграфически единые комплексы. В контексте анализа особенностей обрядовых групп на стадии становления данные соотношения вполне закономерны. Но исследователи, автоматически относившие раннесрубные комплексы к бережновскому горизонту, усматривали здесь конкретные примеры синхронизации «бережновки» с «покровском» и даже ее несколько более ранней позиции [Васильев и др., 1985, с. 71; Пятых, 1984, с. 151–152; Мыськов, 1991, с. 150–161]. В обстоятельной статье Е. П. Мыськова особенно отчетливо обозначен дискурс на некую доработку идеи Н. К. Качаловой. В своих рассуждениях автор адресует исследовательнице мысль о синхронизации памятников покровского типа с раннесрубным бережновским горизонтом, ссылаясь на ее тезис об одновременности лесостепного и степного вариантов срубной культуры и предполагая при этом некий синкретизм срубников лесостепной зоны (высокое содержание покровских элементов) [Мыськов, 1991, с. 162]. Покровские памятники лесостепи воспринимались в Среднем Поволжье как раннесрубные и синхронизировались с «бережновкой» [Васильев и др., 1985, с. 73].

Между тем в ходе изучения материалов и стратиграфии Покровского могильника Н. К. Качалова приходила к выводам об особом характере эталонных комплексов, а срубные захоронения этого памятника с ними не синхронизировала и считала более поздними, чем погребения бережновского горизонта [Качалова, 1978, с. 69–79; Малов, 1986, с. 29]. Своей основной задачей исследовательница считала решение проблемы периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья. Оно было представлено ею в специальной работе, где вопрос «покровска» она не рассматривала [Качалова, 1985, с. 28–59].

Несомненной заслугой анализа Е. П. Мыськова является его вывод о явной связи бережновских комплексов с традициями культур эпохи средней бронзы. В большей степени она проявлялась в погребальной обрядности: в формах и размерах могил, ориентировке, положении рук при левобочной скорченности [Мыськов, 1991, с. 156]. Усматривая известную преемственность,

автор абсолютно верно ориентировался на посткатакомбный пласт, в частности, наиболее полно изученной тогда культуры многоваликовой керамики (бабинской). Теперь можно уверенно говорить о реминисцентном (остаточном) характере этих признаков, задержавшихся в раннесрубном обряде от целого блока посткатакомбных генетических компонентов (бабинских и криволюкских). Но процессы начального генезиса раннесрубной культуры – явление более раннее, нежели оформление в общих чертах производного образования, которое в трудах Н. К. Качаловой получило название «бережновского культурно-хронологического горизонта», а позже было расширено В. В. Отрощенко в бережновско-маевскую форму.

Существование и взаимодействие памятников покровского типа с развитой срубной культурой объективно было невозможно, поскольку она стала производным образованием несколько более ранних контактов и активного взаимодействия «покровска» с посткатакомбными культурами, проникшими в Нижнее Поволжье и далее, вплоть до Приуралья, в конце эпохи средней бронзы. Анализ материалов курганных могильников степного Волго-Уралья позволяет установить не только преемственность, но и синхронизацию памятников покровского и посткатакомбного типов, убеждает в активном взаимодействии этих культурных групп, которое приводит к возникновению одного из многих локальных вариантов будущего срубного мира. Покровский шлейф недолго присутствует в материалах самых ранних срубных комплексов и вскоре окончательно нивелируется.

Очевидно, идея синхронизации «покровска» и «бережновки» все же содержала некое рациональное зерно, и это могло бы стать наиболее близким подходом к решению проблемы генезиса срубной культуры в Заволжье, если бы «бережновские» комплексы тогда удалось расчленить на собственно срубные и посткатакомбные (с восточной ориентировкой).

Векторы культурогенеза с участием покровских групп были ограничены во времени (приблизительно XVIII–XVII вв. до н. э.), а в пространстве чрезвычайно разнообразны. В степной аридной зоне Нижнего Поволжья и Приуралья они вступали в симбиоз с постлюлинскими и криволюкскими культурными группами. На западе, в нижневолжском правобережье, на эти процессы могли влиять также бабинские традиции, а на востоке, в Южном Приуралье, они, несомненно, испытывали позднесинташтинские воздействия. Примерно на границе степи и лесостепи должно было наблюдаться своеобразие северной области срубного генезиса, где покровские племена контактировали с носителями потаповских, лбищенских, воронежских и бабинских лесостепных традиций. Труднорешимым остается вопрос об участии в указанных процессах на Нижней Волге донского позднеабашевского населения, решить

который, возможно, удастся после конструктивного разграничения проблем доно-волжской абашевской культуры и памятников покровского типа.

Очевидно, ранний пласт срубной культуры был представлен множеством вариантов, которые объективно отражали многокомпонентность культурогенеза. Свои особенности, несомненно, имели группы, формировавшиеся между Волгой и Доном, в Среднем Поволжье, в Приуралье. В Заволжье складывался именно степной субстрат населения, ориентированного на экстремальное отгонно-пастушеское скотоводство, оставившего на протяжении дальнейшего развития компактные поселения хуторского типа (Мирный, Покровское, Чапаевка 2-3, Преображенка, Максютово, Чесноково) и очень скоро освоившего обширные сухостепные и аридные пространства между Волгой, Уралом и Каспием.

Опорные комплексы покровского типа представлены в данной работе различными археологическими памятниками (погребения, поселения, отдельные яркие находки и др.). Особое место в выборке занимают так называемые комплексы памятников – одновременно изучавшиеся места обитания (поселения) и некрополи (грунтовые и подкурганые), где погребены представители гипотетических социумов указанных поселений. Основным критерий отбора опорных комплексов – это их особый характер, содержание таких ярких элементов, которые наглядно подтверждают включенность в активные культурные процессы. Здесь имеются в виду ситуации преемственности по соотношению культурных слоев на поселениях, данные прямой стратиграфии и особенности планиграфии в погребальных комплексах, технологические и морфологические показатели керамики и инвентаря, демонстрирующие культурную динамику.

3.1. Поселения покровского времени, в материалах которых известны соответствующие культурные слои, характерная керамика или прочие предметы покровского типа, на севере Нижнего Поволжья довольно многочисленны, но не все из них обстоятельно изучены. В большей степени это лишь зафиксированные объекты, никогда не подвергавшиеся археологическим раскопкам.

Наиболее полная сводка поселений, относящихся к началу эпохи поздней бронзы, в которых отмечены покровские материалы, была составлена Н. М. Маловым [Малов, 2007, с. 34-92]. Автором учтены около 40 памятников, большинство которых сгруппировано в саратовском правобережье и приурочено к ареалу распространения плодородных черноземов, темно-каштановых и каштановых почв волго-донской и заволжской природных провинций. В современном ландшафте это соответствует пограничью степи и лесостепи с разнотравно-злаковой растительностью. В Заволжье таких памятников намного меньше, причем, находки покровской керамики на некоторых из них буквально единичны [Там же, с. 68]. Один из выводов автора весьма важен. На

основании фактического материала показано, что некоторые проявления оседлости носителей покровской культуры фиксируются только на севере нижеволжского правобережья, а в целом покровские племена этого периода, практикуя подвижное скотоводство, предельно активны и заняты в интенсивных процессах культурогенеза.

3.2. Поселение «Нижняя Красавка 2». Покровские материалы Нижней Красавки³, частично уже представленные в печати [Лопатин, 2010б, с. 126–156], для нас особо важны, поскольку в ходе раскопок на поселении выявлены участки сплошной и рассеянной дисперсии типичных для «покровска» артефактов, а также вертикальная локализация соответствующей литологии. Перекрытый более поздними отложениями срубного времени покровский слой демонстрирует в Красавке явно выраженную культурногенетическую преемственность.

Первые сведения о поселениях и курганах бронзового века в окрестностях Нижней Красавки были получены в 20–30-х годах XX века, когда здесь проводили разведки, сборы и ограниченные раскопки П. С. Рыков, Н. К. Арзютов и И. В. Силицын. П. С. Рыков одним из первых в Саратове начал развивать идеи В. А. Городцова по бронзовому веку Восточной Европы, используя, в частности, материалы Нижнего Поволжья. Поскольку В. А. Городцов был знаком с коллекциями саратовского и покровского музеев, поволжские археологи активно развивали контакты с научными центрами столицы и даже зарубежными специалистами, проводились совместные консультации, и взгляды на эпоху бронзы Нижнего Поволжья постепенно оформлялись в виде научной концепции. Но поначалу в общей массе полученных материалов специфика колоколовидной керамики с ракушечной примесью не получила специальных комментариев [Малов, 2007, с. 37–38].

В инвентарной книге Саратовского областного музея краеведения под № 1158 записана коллекция керамики, происходящая из раскопок Н. К. Арзютова и Н. Федорова 1928 г. на первом Нижнекрасавском селище, расположенном между железнодорожным мостом и селом Нижняя Красавка. Указано, что этот памятник удален от станции Красавка на 1,5–2 км. Здесь же в 1929 г. Н. К. Арзютов собрал в осыпи берега фрагменты лепной посуды, кости животных и обнаружил двулезвийный нож с коротким черешком, который, по определению Е. Н. Черных, изготовлен из меди группы ВК и относится к срубному типу с перекрестьем, перехватом и продольным ребром на клинке [Малов, 2007, с. 50–51; Черных, 1970, с. 62–66, рис. 57, 18, 129, табл. I, шифр № 1776].

³ Поселение Нижняя Красавка 2 исследовано автором на севере Волго-Донского междуречья, на р. Медведице в 2007–2010, 2012–2014 гг. Памятник расположен у с. Нижняя Красавка Аткарского района Саратовской области.

Весьма сомнительными представляются сведения о постройке земляночного типа с южным ступенчатым входом, якобы раскопанной на этом поселении. Ее размеры (3,6 x 2,65 м) явно не соответствуют традиционным типам жилищ бронзового века, которые известны в материалах Нижнего Поволжья и были несравнимо более крупными. Тем не менее, эти факты обсуждались в литературе [Круглов, Подгаецкий, 1935, с. 117-119] при сравнении нижнекрасавского строения с землянкой из Ершовки (такой же миниатюрной), раскопанной И. В. Сеницыным на Кольшлее [Сеницын, 1932, с. 17-29]. В 1936 г. Н. К. Арзютов даже составил реконструкцию древнего поселка близ Аткарска, отметив, что таких землянок здесь могло быть «не менее 10», а вся территория была окружена плетнем [Арзютов, 1936, с. 37, 43]. Дальнейшие исследования поселений бронзового века в Нижнем Поволжье не подтвердили подобные предположения по поводу сельской топографии. На всех известных памятниках (Максютово, Успенка, Быково, Преображенка, Смеловка I и др.) выявлена типично хуторская застройка, соответствующая такому типу социума, как большесемейная община, с двумя-тремя котлованами больших полуземляночных сооружений [Лопатин, 2002, с. 90]. Такие же крупные, почти до 200 кв.м. площади, сооружения строились и на Нижнекрасавском поселении.

В 1945 г. поселение Нижняя Красавка I посетил И. В. Сеницын и собрал подъемный материал на разрушающихся участках берега, а в 1966 г. здесь побывал Ю. В. Деревягин, который неожиданно указал для памятника совершенно иные координаты (1 км к СВ от с. Нижняя Красавка и 3-4 км к югу от ж/д станции) [Малов, 2007, с. 51].

Возможно, частые посещения разрушающегося памятника у Нижней Красавки разными исследователями, разноречивой привязкой поселения на местности, которые указываются в отрывочных сведениях, создали некоторую путаницу в идентификации многочисленных коллекций. Н. М. Малов различает два объекта, расположенные между селом и станцией с похожими названиями, – Нижняя Красавка I и II. Второе поселение, по его данным, находится ближе к деревне, всего в 0,4 км. Это, действительно, так, если считать сельской околицей разросшийся дачный массив. Оно отмечено также Ю. В. Деревягиным, который развернул в 1960-х гг. активный поиск новых памятников археологии в бассейне Медведицы и составил инструкции и карты древних памятников, адресованные в помощь кружкам юных краеведов [Деревягин, 1976, с. 128].

Открытие поселений бронзового века у Нижней Красавки не осталось незамеченным. По материалам, хранящимся в Саратовском областном музее краеведения, а также разведок и сборов 1960-х гг., нижнекрасавские комплексы были отнесены воронежским исследователем А. Д. Пряхиным к кругу па-

мятников доно-волжской абашевской культуры [Пряхин, 1971, с. 103]. Для позднего этапа ее развития автор указывал реальные изменения, которые произошли в результате контакта абашевцев с ранними срубниками и выражались в формировании групп синкретичных (абашевско-срубных) памятников [Пряхин, 1976, с. 105, 119]. Смешанный характер керамической коллекции из Нижней Красавки позже был отмечен Н. М. Маловым, который выделил ее в группу памятников срубно-абашевского типа [Малов, 1986, с. 30].

Далее, по мере развития концепции культурной трансформации на рубеже средней и поздней бронзы и постоянной активизации исследовательского интереса к данной проблематике, особенно с постановкой проблемы формирования и развития Волго-Уральского очага культурогенеза [Бочкарев, 1991, с. 24–27; 2010, с. 52–53], все большее число специалистов склоняется к мнению об особом характере срубно-абашевских комплексов, которые Н. М. Малов объединил в рамках покровской культуры [Малов, 1991, с. 50–53]. В данном контексте рассматриваются теперь и материалы поселения Нижняя Красавка II, относимые к позднепокровскому периоду и началу развития срубной археологической культуры [Малов, 2007].

Известно, что в 1973 г. доцент Саратовского государственного университета В. А. Фисенко проводил на поселении Нижняя Красавка II раскопки методом закладки разнонаправленных траншей, в результате чего было вскрыто более 120 кв. м. Следы этих раскопок до сих пор заметны на внешней поверхности в виде длинных заплывших углублений шириной от 2 до 6 м и задернованных отвалов. Тяжелая болезнь В. А. Фисенко и его скоропостижная кончина тогда не позволили обработать и опубликовать материалы раскопок 1973 г. К сожалению, не известна судьба этих коллекций, не был составлен научный отчет, утрачена полевая документация. Вышедшая недавно в свет заметка В. И. Мельника, который был участником экспедиции В. А. Фисенко, вносит некоторую ясность в топографию памятников эпохи бронзы, расположенных близ Нижней Красавки, в порядок исследований и характер материалов, полученных раскопками того сезона. По своим студенческим записям и зарисовкам автор представил серию поселенческих и погребальных объектов, которые компактным скоплением сосредоточены между селом и железнодорожной станцией, а также подборку образцов керамики, где присутствуют покровские, срубные и бондарихинские экземпляры [Мельник, 2008, с. 234–244].

В апреле 1998 г. Д. А. Хоркин обследовал второе Нижнекрасавское поселение, отметил признаки разрушения памятника и собрал подъемный материал на осыпях северо-западной части террасы (более сотни фрагментов лепной керамики и кости животных). Тогда же в обресе берега была зафик-

сирована «линза» заполнения котлована почти полностью разрушенной полуземляночной постройки.

В следующем 1999 г. на этом месте был заложен небольшой раскоп площадью 30 кв. м, выявлен невысокий борт земляночного котлована и пристенный участок постройки № 1. Сохранившаяся часть жилища была полностью исследована. Здесь не было ям от столбовых опор или углублений хозяйственного назначения, но в культурном слое и на дне котлована обнаружено большое количество керамики и костей животных, которые отмечены как длинное скопление у борта постройки, ориентированного параллельно берегу с юго-запада на северо-восток. Фрагментированный керамический комплекс представлял примерно 70 сосудов. Автором раскопок была составлена его подробная характеристика: отмечены технологические особенности (примеси толченой раковины, песка, шамота, дресвы, растительной органики), формы сосудов, где преобладали слабопрофилированные (60%) и баночные (40%), а колоколовидные покровские и срубные остросереберные представлены единичными экземплярами, описаны традиционные для срубной культуры орнаменты (зубчатые и прочерченные зигзаги, кресты, линии, различные насечки и вдавления), подчеркнут костровой, восстановительный тип обжига [Сергеева, Хоркин, 2001, с. 90–92]. Глазомерный план памятника, составленный Д. А. Хоркиным в 1998 году, не совсем точен, но исследователь верно определил наличие здесь еще, как минимум, двух построек, что обусловило дальнейший интерес к продолжению раскопок.

С 2007 г. исследования на поселении Нижняя Красавка II ведутся каждый полевой сезон, а сведения о раскопках поступают в печать [Лопатин, 2008; 2009а; 2010б]. За годы раскопок вскрыто около 1500 кв. м площади культурного слоя, полностью исследована большая полуземляночная постройка № 2, а также два кургана в расположенном неподалеку некрополе. В юго-западной части раскопа выявлена локальная концентрация покровского культурного слоя, перекрытого более поздними отложениями срубной культуры. По данным вертикальной стратиграфии, это литологическая линза рыхлого грунта серого цвета, насыщенного золистыми фракциями. По направлению к южной балке, у самого ее края, толщина покровского слоя увеличивается до 1 м, а к северо-востоку он, напротив, полностью выклинивается уже через 8 м. Далее, по направлению к срубной постройке, наблюдается рассеянная дисперсия покровского материала, где он в микшированном состоянии залегает совместно с фрагментами срубных, бондарихинских и золотоордынских сосудов.

Только в юго-восточной части раскопа 2007 г. были зафиксированы два наружных очага с каменными выкладками [Лопатин, 2008, с. 79], в одном из которых был обнаружен развал покровского сосуда (рис. 37, 7). Данная си-

туация позволила определить локальное соотношение покровского и срубного культурно-хронологических горизонтов на этом участке памятника, было установлено, что позднепокровский горизонт перекрыт раннесрубным слоем. Такое же соотношение подтверждается наблюдениями 2009 г. на юго-западном участке, где, кроме того, отмечено детское срубное погребение с двумя сосудами, прорезавшее покровский пласт на склоне южной балки [Лопатин, 2010, л. 51–52].

Покровский комплекс на поселении Нижняя Красавка II отчетливо диагностируется керамикой колоколовидных форм (рис. 37, 6–15). По примеси толченой раковины, или принадлежности к чистому покровскому слою, к нему же относятся некоторые баночные сосуды и фрагменты днщц. Среди идентифицированных в культурном отношении керамических форм эпохи бронзы покровские сосуды составляют здесь около 20%, из них более половины орнаментированы. Арсенал технических элементов декора невелик: это оттиски зубчатого штампа, овальные, каплевидные и клиновидные насечки, прочерченные линии. Композиционные решения декора в основном просты: горизонтальные ряды и линии, криволинейные сюжеты. Наиболее сложны орнаменты миниатюрной ритуальной посуды, где сочетаются горизонтальные линии и зигзаги, есть «решетка», а также некоторых крупных форм, урощенных вертикальной «елочкой» (рис. 37, 9, 11).

В первой публикации Красавки, где также были представлены покровские материалы, отмечалось, что они наиболее близки и, вероятно, синхронны керамике поселений «Вишневое» и «Вихляный Овраг» [Дремов, 1992, с. 74–86; Лопатин, 2002, с. 117, рис. 14, 1–23], которые Н. М. Малов определяет как позднепокровские, отражающие процессы начавшейся трансформации покровской культуры и вызревания элементов срубного комплекса [Малов, 2007, с. 67].

Скорее всего, конечная динамика «покровска» в Красавке, действительно, стыкуется с начальной фазой срубной культуры, что заметно по нивелировке абашевских признаков в керамике. Но первые раскопки затронули участок рассеянной дисперсии покровских артефактов, и сами находки были здесь немногочисленны. Во втором сезоне 2008 г. их было еще меньше, поскольку исследования шли в основном в пределах котлована срубной постройки. Работы 2009 г. выявили покровско-срубную стратиграфию и дали наибольшее количество керамики покровского типа. Представляется, что первоначально покровский слой формировался именно в юго-западной части памятника, у склона балки, где его мощность достигает метровой толщины. Теперь можно предпринять предварительную систематизацию керамики и попытаться выявить наиболее ранние экземпляры сосудов, а также просле-

дить сам процесс нивелировки и деформации покровских форм в направлении срубных показателей.

Группа наиболее ранних сосудов покровского типа отражает сложности генетического характера. В генезисе «покровска» особенно выражен исходный абашевский компонент. В данном контексте в коллекции Красавки наиболее заметны экземпляры с высокими, сильно отогнутыми желобчатыми или утолщенными венчиками, резко выделяющимся внутренним ребром и глубокими горизонтальными расчесами, покрывающими иногда как внешнюю поверхность всего тулова, так и внутреннюю, на венчике. Соотношения широтных параметров, где максимальным, как правило, является диаметр устья, вполне вписываются в критерии абашевских признаков, и этот показатель, как представляется, также может быть индикатором раннего «покровска». Некоторые варианты ранней керамики Красавки близки отдельным сосудам второй обрядовой группы Смеловского могильника, где имеются экземпляры с резко выделенным внутренним ребром, желобчатыми венцами и криволинейным орнаментом типов 1.1 и 1.3 [Лопатин, 2010, с. 228, рис. 32].

В ходе формирования покровского керамического комплекса среди элементов формообразования или в декоре на некоторое время возникали признаки культур, которые взаимодействовали или влияли как на исходный абашевский компонент, так и на развивающийся «покровск» в процессе его становления. Здесь наиболее примечателен и узнаваем орнаментальный элемент катакомбной культуры – вертикальная «елочка», выполненная зубчатым штампом (рис. 37, 9, 11). Такие сосуды известны в погребальных памятниках покровского типа и всегда рассматриваются в качестве наиболее ранних, например, в заволжской Терновке (4/11, 15 и 5/5), где отмечено такое же разреженное расположение «елочного» декора [Памятники..., 1993, с. 135, табл. 5], а также в могильнике Широкий Карамыш II (4/9 и тризна), где вместе с типичной покровской посудой зафиксированы синкретичные сосуды с «елочной» орнаментацией (рис. 12, 1, 4) [Дремов и др., 2005, с. 32, рис. 8, 4; с. 35, рис. 11, 3]. Отчасти ранние позиции такого синкретизма подтверждаются абсолютной датой (XVIII в. до н. э.), полученной для Терновки [Малов, 2003, с. 196]. На одном смеловском сосуде покровского типа (1.2) елочный мотив в единой узкозональной композиции сочетается с элементами, как будто взятыми из арсенала орнаментации вольской керамики (рис. 8, 8) [Лопатин, 2010, с. 228, рис. 32].

В покровском комплексе Нижней Красавки воронежские и вольские черты выражены крайне слабо. Они присутствуют в характере многочастной формовки некоторых венцов с нависающим внутрь краем устья (рис. 15, 7), в подражании воронежским широким фризам ногтевых оттисков (рис. 37, 7), в одном очень редком орнаменте на керамической крышке в виде круглых

вдавлений по прочерченным линиям (рис. 37, 2). Такие же вдавления по гребенчатым линиям есть в декоре вольского сосуда из Екатериновки [Ставицкий, 2004, с. 27, рис. 5, 11], похожей решеткой украшена крышка ритуального реберчатого сосуда из Баранниково (рис. 40, 4) [Мыськов и др., 2004].

Очень редкий тип покровской керамики с внутренним ребром и валиком на слабом прогибе шейки с внешней стороны из Нижней Красавки можно комментировать двояко. С одной стороны, такая черта могла быть заимствована в ходе формирования от вольского вектора, поскольку валиковые и воротничковые утолщения встречаются на вольской и лбищенской посуде [Малов и др., 2009, с. 38, рис. 5, 6, 13; Васильев, 2003, с. 113, рис. 1, 14, 15, 18–21], а с другой стороны, они могли появиться в ходе взаимодействия уже сформировавшегося «покровска» с бабинской культурой. Второй вариант вполне вероятен, поскольку фрагменты многоваликовых сосудов, украшенных рельефными налепами подтреугольного сечения, обнаружены в покровском слое Нижней Красавки раскопками сезона 2012 г.

Наконец, последний тип наиболее ранних сосудов Нижней Красавки – крупная банка закрытой профилировки, украшенная многорядным зигзагом в технике прочерчивания. Данный тип орнаментации – это надежный индикатор синташтинско-петровских контактов «покровска», возможно, еще на фазе становления, но также и в ходе развития. Находки сосудов с таким декором, который исполнен различными техническими приемами (прочерчивание, зубчатый штамп, линии насечек), в покровских погребениях или на поселениях нечасты. Как правило, они всегда являются репликантами, подражаниями южноуральской традиции. Отметим наиболее известный аналог в погребении 2 кургана 35 эпонимного Покровского могильника [Памятники..., 1993, с. 146, табл. 16, 13], а также в ранних комплексах погребений 31 и 37 второй (покровской) обрядовой группы Смеловского могильника (рис. 37) [Лопатин, 2010, с. 204, рис. 8, 3, 12]. Связи волго-донского населения этой поры с Южным Зауральем, вероятно, были традиционны, поскольку в абашевских поселенческих комплексах Подонья подобная посуда также встречается. Типичная синташтинская банка с многорядным зигзагом есть, к примеру, в материалах поселения Капитаново II [Пряхин и др., 2000, с. 10, рис. 5, 7].

Наиболее ярко выраженный стандарт покровского керамического комплекса Нижней Красавки – это колоколовидные сосуды с округленным туловом, выделенным внутренним ребром, иногда с утолщенным венчиком или слабо вогнутым желобком на его внутренней стороне (рис. 37, 7, 12–15). Самый яркий сосуд покровского типа – округлобокий колоколовидный горшок, у которого диаметры устья и максимального расширения тулова примерно равны. На внешней стороне венчика имеется небольшое утолщение типа воротничка, а на обратной стороне – внутреннее ребро. Сосуд богато украшен

гребенчатыми зигзагами по венцу и пологому плечу, четырьмя прочерченными линиями по шейке и двумя горизонтальными рядами овальных оттисков, обрамляющими сверху и снизу всю композицию (рис. 37, 15).

Весьма любопытна выборка реберчатых покровских сосудов, которые также имеют внутреннее ребро, а иногда и желобчатый изнутри венчик (рис. 37, 6, 8). Острореберные сосуды могут иметь крупные и средние размеры, особняком стоит группа миниатюрных экземпляров, в комплекте с которыми (в абашевских и покровских погребениях) часто встречаются крышки. К двум экземплярам ритуальных сосудиков, выявленных в Красавке в 2007 г., теперь добавились еще два фрагмента. Один украшен многорядным зигзагом, построенным из прочерченных линий, а второй – зубчатым штампом, в виде узкозональных группировок косых отрезков и штрихованного зигзага. Определенно в комплекте с одним из таких миниатюрных сосудов когда-то находилась оригинальная керамическая крышка со сквозным, продавленным по сырой глине отверстием (рис. 37, 2). Выше уже было отмечено, что на крышке имеется не совсем обычный для декора поздней бронзы орнамент, находящий редкие аналоги в вольском комплексе.

Приведенный, весьма поверхностный, анализ покровской керамики Нижней Красавки демонстрирует наличие самых разнообразных типов, распределяющихся в классические колоколовидные округлобокие и реберчатые, баночные группы сосудов, где возможно выделение вариантов по соотношению широтных и вертикальных показателей, пропорций и размеров, степени орнаментированности. Необходима подробная систематизация керамического комплекса, где важно также проследить соответствия технологическим критериям состава глины, толщины венцов, стенок, дна, поверхностной обработки. Только так возможно будет конкретизировать своеобразие покровской керамики, зафиксировать ее культурную целостность и, вместе с тем, вычленив элементы генетических компонентов, принимавших участие в сложении покровского феномена. Эту работу невозможно проделать на базе только одной коллекции, все выборки будут обладать собственной неповторимостью, но единый алгоритм анализа позволит сопоставить результаты и получить обобщенную картину.

Среди находок в Нижней Красавке присутствует компактная подборка предметов, свидетельствующих о местной металлообработке. В разрозненном состоянии были зафиксированы три фрагмента массивной толстостенной глиняной плавильной чаши с округлым дном и слабо каннелированной внешней поверхностью. На небольшом участке внутренней поверхности округлого дна заметны структурные изменения глины под воздействием высоких температурных перепадов в виде вертикальной сквозной кристаллизации толстой стенки. Посудина имела закрытую профилировку и округлые стенки

толщиной до 1,8 см. Толщина днища 2,2 см. Внешняя поверхность шершавая, светло-коричневая, на изломе темно-серая, с включениями песка и шамота.

Идентичные чаши с рельефной внешней поверхностью мне не известны, однако функционально аналогичная посуда, интерпретируемая в качестве плавильных емкостей, встречается в разнокультурных поселенческих комплексах, как правило, связанных с металлургией и металлообработкой. Округлодонная толстостенная чаша с зацепами по всему тулову, на манер воронежской традиции, опубликована В. В. Ставицким в комплексе вольско-лбищенской керамики Екатериновского поселения на реке Суре [Ставицкий, 2004, с. 24, рис. 2, 2]. Серия оригинальных плавильных чаш на ножках-поддонах выявлена при раскопках поселения Тюбяк в Южном Приуралье, где исследован металлургический комплекс в постройке 1 [Горбунов В. С., Горбунов Ю. В., 2006, с. 119, рис. 2]. Не исключено, что некоторые емкости без поддонов, отнесенные авторами к разряду тиглей [Там же, с. 118, рис. 1, 4], также выполняли функции плавильных чаш, близких по морфологии нижнекрасавскому экземпляру.

В Красавке обнаружен также небольшой фрагмент глиняной литейной формы с частью глубокой ячейки. Судя по толщине фрагмента и внушительной глубине ячейки можно предположить, что форма могла служить для отливки бронзового топора. Но это не более чем предположение, поскольку фрагмент слишком малоинформативен. На поверхности ячейки заметны следы каолиновой обмазки. Фактура довольно плотная, с примесью песка и шамота в глине.

Другой фрагмент литейной формы, отличающийся от предыдущего меньшей массивностью и толщиной, имеет небольшой участок ячейки для отливки плоского орудия типа тесла. Обратная сторона этой створки формы имела несколько выпуклую поверхность.

Весьма интересен предмет, квалифицированный как фрагмент проушиного вкладыша для отливки бронзового топора в двухстворчатой форме. Это глиняный цилиндр овального сечения со следами каолиновой обмазки на внешней поверхности. Фактура плотная, с примесью песка и шамота.

Как кузнечные инструменты определены каменные изделия ударного и абразивного действия. Кроме них выявлены и прочие предметы из камня и кости с различными функциональными назначениями, некоторые из них весьма оригинальны.

Интересно также кварцитовое орудие типа сверла-развертки. Предмет имеет каплевидную форму, обработан по всей поверхности пологой оббивкой и краевой ретушью. Рабочее острие выделено в виде слегка загнутого клова. Техника обработки каменных изделий из кварцита и кремня в Кра-

савке весьма архаична, что наглядно подтверждается и другими находками – сечениями пластин с краевой ретушью, массивным скребком на отщепе.

В коллекции представлен набор костяных орудий, изготовленных из пястных костей крупного рогатого скота. В центре дорсальной поверхности каждого изделия, на диафизальном уровне фаланг просверлены сквозные отверстия (в одном случае несквозное) с развальцованными краями. Несквозные предметы квалифицированы как упоры для костяных проколов в кожевенном производстве. Одна из таких проколов также была зафиксирована в покровском слое. Она изготовлена из кости мелкого рогатого скота, хорошо заполирована по всей поверхности, но рабочее острие обломлено.

Обнаружена серия костяных тупиков для мездрения сырых шкур. В большей степени они фрагментированы, но есть и целые экземпляры, которые залежали в покровском слое. Инструменты изготовлены из нижних челюстей лошади.

Своеобразна каменная фигурка – песчаниковая конкреция подтреугольной формы, условно напоминающая головку быка (рис. 37, 5). Фигурка заглажена по всей поверхности, в профиль отчетливо узнаваема выпуклость лба опущенной вниз головы, отростки опиленных рогов отходят в разные стороны от лобной части. Не исключено, что это вполне реальный тотемный предмет, символизирующий животное. Высота фигурки 7 см, ширина 8,8 см, толщина 3,2 см.

Полусферическое пряслице изготовлено из эпифиза бедренной кости молодой особи крупного рогатого скота (есть признаки незаросшей хрящевой прослойки). По-видимому, это бракованное изделие, поскольку просверленный канал для веретена заметно смещен относительно центра. Такие типы пряслиц характерны для покровских и раннесрубных комплексов. Аналогичное орудие шерстопрядения известно в комплексе производственного помещения на Преображенском поселении [Лопатин, 2002, с. 112, рис. 9, 6].

Отметим также сломанную пластинчатую заготовку для костяной пряжки. Плоские варианты поясных пряжек без бортиков с большим центральным и малыми боковыми отверстиями маркируют наиболее поздние погребения бабинской культуры [Литвиненко, 1998, с. 48–50, табл. XI, рис. 4]. А. Д. Пряхин фиксировал такие пряжки в комплексах доно-волжской абашевской культуры, например, в Кондрашкинском кургане в комплексе с дисковидным псалием староюрьевского типа [Пряхин и др., 1989, с. 17, рис. 5, 4]. Н. М. Малов отмечает типичность таких изделий для памятников покровского типа и относит их к особому варианту У-29 [Малов, 1992, с. 40, рис. 4, 18, 20–22; с. 43–44]. В. В. Рогудеев считает такие предметы нагрудными медальонами и приводит аналогии из ближневосточной иконографии [Рогудеев, 2004, с. 191–193, 201, рис. 3]. В 2013 г. были обнаружены еще несколько за-

готовок для костяных пряжек подромбических форм, крупных размеров, с круглыми отверстиями.

Изделий из бронзы в Нижней Красавке мало. В 2009 г. была найдена бронзовая скрепа для починки треснувшей глиняной посуды. Она представляет собой плоско раскованный стержень с зауженными концами длиной 9,7 см, шириной 0,5 см, толщиной 1,5 мм. Обычно такие скрепы изредка фиксируются на сосудах в очень престижных покровских захоронениях. Гораздо чаще они встречаются в синташтинско-петровских комплексах [Сотникова, 2008]. В ближайшем пространстве отметим такой элемент в погребении колесничего из курганного могильника Калмыцкая Гора (1/21), где сосуд с покровско-петровскими чертами был закреплен двумя бронзовыми скрепами (рис. 25, 5) [Лопатин, 2009б, с. 93, рис. 8, 4].

Особая находка – бронзовый вислообушный топор (рис. 37, 3) был передан в Аткарский краеведческий музей (филиал Саратовского областного музея краеведения) местным предпринимателем А. Г. Полковым в мае 2009 г. Он сообщил, что обнаружил этот предмет несколько лет тому назад в реке Медведице под обрывистым берегом Нижнекрасавского поселения, занимаясь дайвингом.

Вероятность случайности совпадения местонахождения топора и расположения поселения, безусловно, остается вполне весомой. Но и обратная возможность причастности этой замечательной находки к нашему памятнику, как предположение, не может не рассматриваться. Учитывая факты продолжительного разрушения культурного слоя в северо-западной части Нижнекрасавского поселения, в том числе и постройки № 1, а также бесспорного наличия здесь признаков металлообработки (шлаки, фрагменты литейных форм и тиглевой чаши, вкладыш под проушину для отливки топоров) уместно связывать бронзовый вислообушный топор, найденный в реке под обрывом, разрушающим культурный слой, с покровско-срубным комплексом.

Топор представляет собой прекрасно сохранившийся экземпляр, отлитый по высокой технологии позднего бронзового века в двусторчатой форме с использованием цилиндрического вкладыша овального сечения под проушину. Он покрыт благородной устойчивой патиной, поверхность мелкозернистая шершавая, на внешней стороне обуха имеются неглубокие каверны, связанные с несущественными погрешностями отливки. На продольной оси спинки слабо выступает литейный шов шириной 1,5–2 мм, на брюшке он полностью зашлифован. На нижнем краю проушины есть незначительное повреждение от удара острым и тяжелым предметом, отчего образовался отогнутый вверх шиповидный заусенец.

Морфологические и качественные характеристики топора полностью соответствуют показателям категории боевого вооружения. У него массивный

удлиненный клин с расширяющимся, округло раскованным и заточенным лезвием, прямой горизонтальной спинкой и плавно вогнутым брюшком, прочные стенки проушины, слегка выступающий обух с коротким приостренным гребнем. Сечение клина в средней части округлое, с двускатной спинкой. Его высота составляет 3 см, ширина 2,7 см. Высота спинки относительно боковых поверхностей 0,8 см. Общая длина топора от лезвия до гребня обуха 17 см, ширина лезвия 5 см, длина клина 11 см, продольный размер обуха 6 см, поперечный 4,3 см. Со стороны спинки обушок скошен в сторону гребнеобразного затылка, поэтому высота передней стенки проушины составляет 7 см, а задней – 5,3 см. Выступающая часть вислого обуха относительно брюшка клина без учета плавного перехода равна 3 см. Толщина стенок проушины неодинакова. При рассмотрении в вертикальной проекции со стороны спинки правая стенка имеет толщину в 0,8 см, левая – 0,6 см, задняя стенка вместе с выступающим гребнем – 1,2 см. Нижняя часть обуха имеет плавное закругление-обвальцовку, что предусмотрено конструкцией литевой формы. Размеры верхнего края проушины 4,8 x 3,4 см, нижнего края – 4,3 x 2,9 см. Это означает, что насад деревянного топорища осуществлялся со стороны спинки топора. Данный способ насада был наиболее эффективен и не требовал последующих многократных поправок расклина рукояти.

В ближайшем пространстве аналогичные бронзовые топоры (такие же случайные находки) были обнаружены в Подстепном и Краснополье (Preis) [Памятники..., 1993, с. 160, табл. 30, 5, 15]. Морфологически наиболее близок нижнекрасавскому топору экземпляр из Подстепного, но окончательно это можно будет установить после соответствующего сравнения по параметрам и весовым показателям. В сводке Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых наиболее близок нашему топору экземпляр из Турбино, отнесенный авторами к типу Т-2 (грацильные, узкообушные, с дуговидным абрисом) [Черных, Кузьминых, 1989, с. 127, рис. 70, 1]. У него похожая расковка лезвия клина, но наш топор массивнее, особенно в обушной части, а спинка его более прямая. По всей вероятности, турбинский вариант появился раньше и связан с абашевской традицией, поскольку топоры с «узким вислым обухом» исследователи относят именно к абашевской культуре [Кузьмина, 2008, с. 50]. С другой стороны, абашевские вислообушные топоры, вероятнее всего, были прообразами более поздних производных вариантов покровского и раннесрубного типов. Топор, обнаруженный под берегом Нижнекрасавского поселения, скорее всего, не связан с покровским комплексом этого памятника. Его можно соотносить со следующим, раннесрубным культурно-хронологическим этапом, когда на высокой террасе была возведена большая постройка № 2, а в 300 м к северо-востоку от поселения заложен некрополь, позже перекрытый земляной насыпью первого кургана.

В покровском слое Нижней Красавки обнаружена редкая деталь конской упряжи – костяной дисковидный псалий бесшипной конструкции с крупной треугольной планкой (рис. 37, 1). В основании планки при соединении с диском с обеих сторон выделены заостренные, направленные вниз шипы (правый шипик обломлен в древности). Толщина края планки уменьшена выборкой до 0,3 см, узким бордюром шириной 1 см, в котором просверлены пять одинаковых отверстий диаметром 0,4 см для крепления храпового ремня – одно на месте вершины треугольника и по два отверстия на боковых сторонах. Характер сверления цилиндрический. Расстояния от верхнего отверстия до средних противоположащих 3 см (на левой стороне) и 2,3 см (на правой стороне). Расстояния от средних отверстий до нижних равны (по 2 см). Расстояние от нижних отверстий до заострений шипов – 1,5 см (на левой стороне) и 1,8 см (на правой стороне).

На краю диска, около правого шипа у основания планки имеется узкая несквозная лунка с костяным штифтом в виде усеченного конуса. Глубина лунки 0,9 см, длина штифта 1 см. Диаметр входного отверстия лунки 0,5 см, в глубине она суживается до 3 мм. Данная деталь, очевидно, служила для фиксации нащечного ремня, который набрасывался петлей на основание планки и удерживался боковыми шиповидными выступами.

Диаметр диска псалия составляет 8,6 см, а максимальная толщина 1,6 см. Нижний край диска тоньше (всего 0,5 см). В центре имеется сквозное отверстие с прямым цилиндрическим каналом под ременные удила диаметром 0,8 см. На правом краю отверстия заметна характерная потертость, которая указывает на то, что это была левосторонняя деталь конской узды.

Высота треугольной планки от края диска 4,5 см. Ширина основания между окончаниями боковых шипов 7,3 см. Длина слегка выпуклых боковых сторон планки 7 см (левая) и 6,5 см (правая). Толщина планки относительно максимальной толщины диска заметно меньше (с обратной стороны была сделана выборка по всей плоскости треугольника). При соединении с диском она составляет 1,1 см, а в направлении к вершине треугольника уменьшается до 0,9 см. Это обстоятельство позволяет предполагать, что окончание храпового ремня подшивалось именно к нижней (обратной) плоскости треугольной планки. Причем ширина ремня должна была составлять не более 6 см, поскольку при этом свободно выступали боковые шипы, на которые набрасывалась петля нащечного ремешка. Расположение прошивных отверстий на боковых гранях планки в виде угла, обращенного вершиной в сторону натяжения, очевидно, значительно увеличивало прочность крепления храпового ремня и надежность фиксации ременных удил в пределах диастемы (промежутка между коренным и передним отделами зубов лошади).

На внешней стороне диска имеется уникальный циркульно-гравированный орнамент. Разметка и организация композиции велась от центра костяной заготовки еще до сверления большого отверстия. В центральной части изображены две концентрические окружности диаметрами 2 см и 2,4 см, образующие круглое кольцо шириной 2 мм.

Разметка прочих деталей центральной композиции проведена с геометрическими погрешностями. Очевидно, мастер действовал по наитию и не совсем верно рассчитал расположение точек, от которых так же, циркулем, нарезаны полуокружности трехлучевой свастики. Точки образуют вершины треугольника повернутого вправо на 25 градусов. При этом треугольник не получился равно-сторонним (две стороны равны, по 3,2 см, а третья, правая – 3,5 см).

Каждая полуокружность-луч состоит из трех линий, которые начинаются от внутреннего края центрального кольца и завершаются стилизованными изображениями конских головок. Так же лаконично косторез наметил циркулем окружности головок с центральными точками-глазами и окружности поменьше, имитирующие ноздри. Вытянутые головы лошадок – это клиновидные пары линий, соединяющие окружности-головки и окружности-ноздри. Парами гравированных маленьких треугольников на краях круто изогнутых загибков обозначены ушки лошадок.

Внешний край диска украшен двумя кольцами, между которыми выгравированы два ряда треугольников, обращенных вершинами навстречу. При этом образовался контурный бордюр в виде короткошагового зигзага – орнамент, типичный для костяных изделий эпохи поздней бронзы. Он чаще всего присутствует именно на псалиях, как дисковидных, так и желобчатых. Общая ширина контурного бордюра вместе с кольцами 0,85 см.

Создается впечатление, что вначале на костяной заготовке (тазовая кость КРС или лошади) мастер циркулем выполнял разметку и нарезку орнамента, гравировку резцом, затем размечал контур планки, высверливал центральное отверстие под ременные удила и лунку под фиксацию нащечного ремешка костяным штифтом. Затем обрезал ненужные части заготовки, оконтуривая шлифовал края диска по линии внешнего кольца и края треугольной планки, оставляя их слегка выпуклыми. В последнюю очередь он делал выборку под толщину храпового ремня с обратной стороны псалия, после этого вытачивал на внешней стороне планки краевую выборку под прошву и, наконец, аккуратно, чтобы не повредить канал лунки, вырезал боковые шипы и сверлил пять малых отверстий на вершине и краях планки.

Псалий из Нижней Красавки представляет собой уникальнейший артефакт начальной фазы позднего бронзового века. Культурно и хронологически он связан с наблюдаемым здесь комплексом покровского типа, возможно, поздним этапом его развития в ходе формирования ранней срубной культу-

ры (приблизительно конец XVII–XVI вв. до н. э.). Конструктивные особенности псалия безусловно восходят к прообразам староюрьевского типа, что выражается в общей дисковидности формы, традиционном зигзагообразном бордюре, принципе фиксации в узде, но имеет типично покровскую специфику, а также индивидуальные особенности. С покровской группой псалиев Поволжья его сближает треугольная форма массивной планки и отсутствие бокового выреза под ремень, идущий на оголовье. В данном контексте здесь присутствует элемент, отмеченный А. Д. Пряхиным именно для нижневолжских псалиев (отверстие или лунка в щитке для фиксации нащечного ремня). Только это представляется не упрощением староюрьевского типа [Пряхин и др., 2001], а образованием симбиозного варианта, выработанного покровскими мастерами в результате контактов с синташтинско-петровскими племенами [Лопатин, 2009б, с. 75]. Разумеется, широкие контакты, как правило, порождают разнообразные, порой причудливые симбиозы, поэтому покровская группа псалиев из Сторожовки (рис. 38, 1, 2), Старицкого (рис. 38, 15), Калмыцкой Горы (рис. 25, 3), Идолги (рис. 28, 5), Клещевки (рис. 27, 1), Березовки (рис. 25, 14), Золотой Горы (рис. 29, 1–3, 7, 8), Нижней Красавки (рис. 37, 1), Баранниково (рис. 40, 1, 2), Тарумовки (рис. 40, 9) столь эклектична.

Похожие, но не идентичные нашему, бесшипные псалии покровского типа с треугольными планками были обнаружены С. В. Ляховым в Сторожовке (2/2) в комплексе с керамикой позднепокровского облика (38, 1, 2) [Ляхов, 2009, с. 144, рис. 9, 5, 6]. По своей внешней морфологии они кажутся, скорее, некими репликантами синташтинско-петровских роговых прообразов простых конструкций. Строгие псалии с шипами и бесшипные варианты могли сосуществовать, выполняя в упряжи одинаковые функции, но несколько различные задачи. Отсутствие шипов может не быть индикатором времени, поскольку более поздние желобчатые псалии ими как раз оснащены. Сторожовские и нижнекрасавские экземпляры имеют массивные (усиленные) треугольные планки, кроме того, у нашего варианта отверстия под прошву расположены совершенно иначе, чем у всех прочих псалиев, не в линию на верхней границе диска, а углом, по краям планки. Все это указывает на стремление усилить натяжение именно храпового ремня, широкого и прочного. При такой особенности узды, вероятно, была особенно надежно фиксирована, при этом не требовались шипы как строгие средства стимуляции. Поэтому не исключено, что щадящие бесшипные псалии с мощным храповым ремнем могли использоваться в особых действиях по управлению лошастью, например, при тренинге.

Самая яркая индивидуальная особенность псалия из Нижней Красавки – это центральный сюжет декора свастического типа, где окончания трехлучевого элемента украшены стилизованными конскими головками. Не будет

преувеличением сказать, что это первый случай сюжетно-реалистической трактовки солнечного символа на костяном изделии бронзового века степного Доно-Волго-Уралья. В сводной работе В. И. Беседина, где автор представил «микенские» орнаменты Восточной Европы, украшающие костяную фурнитуру, наборные рукояти, элементы упряжи и бронзовые бляхи ябалаклинского типа, солярно-астральная символика встречается нередко. Однако трехлучевой вариант на костяном дисковидном псалии впервые зафиксирован в Нижней Красавке. До сего момента были известны две металлических бляхи из шахтовых гробниц Микен и Каковатоса, а также часть костяного диска из Сепсе, где в стилизованной орнаментальной манере представлены криволинейные трехлучевые свастики [Беседин, 1999, с. 51, рис. 4, 3, 4, 12].

Примечательно, что все эти аналоги территориально далеки от Волго-Донья и относятся к Балкано-Дунайскому региону. Вместе с тем, представляется, что все свастические символы (трех-, четырех-, пяти-, шести-, семилучевые) объединены общей солярной темой. Обычно классической свастикой по традиции принято считать четырехчастный символ с ломаными под прямым углом лучами, трехлучевой вариант обычно не комментируется, а варианты с большим количеством плавно изогнутых коротких лучей (от пяти до семи) получили в литературе обозначение, взятое из области механики («сегнерово колесо»), как, например, в случае с псалием староюрьевского типа из погребения 4 кургана Селезни-2 [Пряхин и др., 1998, с. 20–21, рис. 11, 5].

Все расставляет на свои места именно реалистическая трактовка сюжета из Нижней Красавки, где на концах лучей показаны три головки – имитация конских протом с гордо изогнутыми шеями. Удивительно, но в еще более реалистической манере эта свастическая тема подается много лет спустя на уздечных фаларах раннего железного века [Переводчикова, Фирсов, 2005, с. 396, рис. 2, 2; Засецкая, 2006, с. 99, 4, 5, 7, 12]. Известен и стилизованный свастический символ на бронзовом зеркальце-подвеске из позднесарматского комплекса [Кривошеев, 2005, с. 67, рис. 1-А, 1]. Этот образ чрезвычайно устойчив, предельно канонизирован, и вывод однозначен – любой тип свастики, геометрически закодированный в криволинейные или угловатые варианты, может рассматриваться как символика солнечной колесницы, где количество лучей, возможно, соответствует числу упряжных лошадей. Косвенные подтверждения данному предположению можно найти в гимнах Ригvedы, где в колесничных упряжках многочисленных богов, в том числе и солярных, фигурируют от двух до семи чудесных скакунов⁴.

⁴ Среди множества эпитетов (более 15), посвященных лошади в текстах Ригvedы, встречаются и такие, где конь символизирует солнце [Щетенко, 2008, с. 260].

По каким-то причинам тройная упряжка в Ригведе менее всех прочих конкретно персонифицирована и выглядит, скорее, как условный мифопоэтический символ. К примеру, в «Жалобе певца» из десятой мандалы мы видим совершенно обезличенное действие, очень краткий фрагмент (очевидно, утраченного мифа) с участием тройной упряжки:

«Чьи *три* буланные кобылицы при колеснице
Везут меня прямо к цели, ...»
[РВ. X, 33. 5].

Косвенный намек на тройную упряжку содержится в гимне, посвященном Соме, который нередко, подобно Индре, разъезжает на паре буланных скакунов, но часто в его колесницу запряжено и большее количество коней, что выглядит как поэтический гротеск:

«Его запрягают, чтобы (он) двигался,
В *трехспинную* колесницу с тремя сиденьями
Силой поэтических творений семерых риши».
[РВ. IX, 62. 17].

Крайне мифологизированный сюжет содержит солнечную субстанцию в гимне, адресованном Агни, где языки пламени внезапно преображаются в фантастических коней, и здесь изначальные пределы мироздания – солнечная колесница, количество коней в которой не имеет значения, персонифицированный средний мир – предстают в некоем завершенном комплексе, в образе, абсолютно понятном его современникам:

«Кто ухватился за макушку двоих родителей,
(Того) они вложили в обряд как бушующее море солнца.
Во время его полета красноватые (языки пламени),
кончающиеся конями,
Радовались самим себе в лоне закона».
[РВ. X, 8. 3].

Для нашего артефакта это наиболее близкий вариант текстового микросреза древнего нарратива, здесь условная эмблематика военного (колесничного) дела полнее всего соответствует праиндоиранской мировоззренческой парадигме эпохи поздней бронзы.

В исторических реалиях тройная упряжка имеет давнюю традицию, о чем косвенно может свидетельствовать, к примеру, роспись на месопотам-

ском сосуде середины III тыс. до н. э. из Хафаджас [Рогудеев, 2008, с. 74, рис. 2, 1]. Свой мир (смертных) люди древних эпох стремились максимально приблизить к миру богов и предков. Не нарушая священных границ, они, тем не менее, наделяли «высших и всемогущих» собственной повседневной атрибутикой, вкладывая в эту узнаваемость особый смысл. Поэтому боги Риг-веды и прочих текстов антропоморфны, а сопровождающие их животные и вещи морфологически ничем не отличаются от земных.

3.3. Поселение на р. Мокрая Песковатка и его некрополь под земляной насыпью были исследованы в 2004–2005 гг. в ходе охранных раскопок на трассе строительства газопровода «Починки–Фролово–Северо-Ставропольское ПХГ». Поселение представляет собой типичный скотоводческий хутор, где проживала одна большая патриархальная семья. Здесь обнаружены остатки двух полуземляночных построек каркасно-столбовой конструкции и наружный хозяйственный дворик с ямами-хранилищами на открытой террасе (рис. 31).

В первой жилой постройке зафиксированы штольни трех колодцев, до настоящего времени дающих устойчивый водосбор. Их влажное, сильно минерализованное заполнение сохранило около 40 деревянных предметов, изготовленных из дуба и ольхи. Среди них наиболее интересны ярмо для запряжки волов, крюк-подъемник, молоток-киянка, различные жезлы и стержни, шпатели, бурдючные пробки, обломки досок и брусев (рис. 34; 35). На изделиях хорошо заметны следы обработки бронзовыми инструментами. На дне колодца № 2, стенки которого были закреплены ивовым плетнем, лежали каменные наковальня и молот-пест, а также глиняный горшок для подъема воды. Колодец № 3 связан единой воздуходувной системой с домашним очагом, на котором выполнялись мелкие бронзолитейные операции. В одной из корчаг, стоявших в очаге, зафиксирован приготовленный для переплавки лом мелких бронзовых предметов, здесь же встречались сплески и шлаки.

Вторая полуземлянка выполняла исключительно хозяйственные функции, служила хранилищем припасов или загоном для скота. В отличие от жилого сооружения с двускатной крышей, она имела шатровую кровлю. Между постройками и на площадке хозяйственного дворика зафиксированы развалы крупных сосудов-корчаг, обломки керамики, каменные песты, глиняные и костяные пряслица, проколки, терочки.

Петрографический анализ показал, что все обнаруженные здесь каменные предметы изготовлены из местного сырья, встречающегося в радиусе 25 км на водоразделах, в обнажениях речной долины Медведицы, в оврагах близ г. Жирновска. Спорово-пыльцевой анализ почв из заполнений колодцев позволил составить представление о характере климата и растительности песковатской ниши в середине II тыс. до н. э. Климат был несколько суше и прохладнее, чем в настоящее время, а в растительных покровах преобладали

марево-попынные популяции. Несколько богаче был растительно-древесный мир речных пойм и глубоких балок. Здесь произрастали сосновые боры, осиново-березовые рощи, дубравы, ольшаники, тополь, ветла и сочное разнотравье. Химические исследования состава воды, питающей колодцы, показали, что несмотря на ее органолептическую привлекательность, она все же была непригодна для употребления в сыром виде и могла вызывать целый ряд опасных заболеваний.

Характер выявленных раскопками материалов, и особенно керамики, позволил уточнить культурно-хронологические позиции памятника. Он возник в конце покровского времени и начале становления срубной культуры, примерно в XVI в. до н. э. Здесь имеется компактная коллекция фрагментов типичных покровских сосудов колоколовидной формы, с примесью толченой раковины и глубокими внешними расчесами (рис. 32, 8–19). Прочая керамика чисто срубная, представленная баночными, округлобокими и острореберными сосудами, украшенными горизонтальными линиями, зигзагами, крестами и ромбами. Время бытования подобного комплекса XV в. до н. э.

3.4. Некрополь Песковатского поселения под курганной насыпью археологическая экспедиция Саратовского государственного университета исследовала в 2005 г. В совокупности поселение и курган представляют собой типичный «комплект памятников» – место обитания и могильник.

В конце прошлого столетия при обсуждении проблем, связанных с определением категорий археологических культур и их этнокультурной идентификации, было сформулировано понятие о «комплекте памятников» [Захарук, 1987, с. 16–20; 1987, с. 10–25; 1990, с. 8]. Под некоторыми совокупностями исследовательских объектов подразумевалось наиболее удачное сочетание мест обитания и захоронения гипотетических групп первобытного населения. Признавалось несомненным, что данный тип артефактов открывает для археологии широкие возможности исследований на качественно более высоком уровне. Комплексное соотнесение всех культурообразующих признаков: типов жилищ и погребальных сооружений, инвентаря и керамики бытового и ритуализированного комплексов, остеологических компонентов, – формировало максимально полную источниковедческую базу. Ее систематизация и культурно-историческая интерпретация позволяли в дальнейшем вплотную подойти к решению вопросов этносоциокультурного моделирования, в том числе реконструкции религиозно-мифологических систем.

Следует отметить, что попытки соотносить поселения эпохи поздней бронзы с ближайшими погребальными памятниками – курганами и грунтовыми могильниками – предпринимались неоднократно. Так, уже в конце 1920-х гг. Т. М. Минаева высказывала предположение о том, что некоторые курганные комплексы эталонного Покровского могильника могли быть ос-

тавлены обитателями ближайшего Покровского селища [Минаева, 1929, с. 319–321]. Исследователи тех поколений видели возможную преемственность не только в пространственной близости памятников, но, работая с археологическими материалами, прежде всего обосновывали свои выводы на сравнении керамических комплексов – наиболее доступных индикаторов культурной близости.

Публикации «комплектов памятников», представленные в системе общего анализа, до сих пор крайне редки. Как правило, эти данные вводятся в научный оборот отдельно, иногда с обычной констатацией возможного этнокультурного единства поселения и могильника. Отметим известную работу О. А. Кривцовой-Граковой, вышедшую вскоре после Великой Отечественной войны, и две статьи В. С. Стоколоса о кизильских поселениях и могильнике, опубликованные в одном сборнике, определенно отражающие попытки представить соотношения комплексов [Кривцова-Гракова, 1948; Стоколос, 2004, с. 207–236; Стоколос В. С., Стоколос Г. И., 2004, с. 237–256].

Недостаточно полно представлен в печати некрополь Преображенского поселения [Лопатин, Филимонова, 2003, с. 248–253]. Основное внимание авторов было уделено выявлению типологических связей между погребальным и поселенческим керамическими комплексами. Правда, это принесло некоторые результаты. Был сделан вывод о реально возможной принадлежности отдельных погребений, исследованных в трех курганах Преображенской группы, населению расположенного поблизости поселения ранней срубной культуры. Отмечено также, что баночные сосуды представлены в культурных отложениях и в погребальном обряде почти в равном соотношении, а резко диссонируют остросеребряные и слабопрофилированные формы. Реберчатые сосуды используются в захоронениях гораздо чаще, чем округлобокие [Лопатин, Филимонова, 2003, с. 249, табл. 1]. Выведенная статистика конкретизировала, таким образом, сакральные характеристики керамических форм преображенского комплекта памятников, но прочие многочисленные параметры остались вне анализа.

Наиболее фундаментально в большой монографии опубликован Большакараганский некрополь Аркаима, где авторам удалось осуществить поистине полное, комплексное исследование на многих уровнях археологического анализа с привлечением данных палеоантропологии, металлографии, остеологии, петрографии, биохимии и даже археоастрономии [Зданович и др., 2002]. Вполне убедительны и показательны результаты этносоциокультурных реконструкций, полученные для воссоздания гипотетической модели позднепервобытного общества зауральской «страны городов».

Совершенно очевидно, что «комплекты памятников» необходимо исследовать в комплексе, представляя в печати полные и разноуровневые характе-

ристики артефактов: топографические наблюдения, жилищные комплексы поселений, планиграфию и стратиграфию могильников, сравнительный анализ систематизированных керамических комплексов мест обитания и захоронения, подобное же исследование по вещевому инвентарю и остеологическим материалам, антропологические заключения, результаты почвоведческих, минералогических, спорово-пыльцевых, спектральных, радиоуглеродных анализов. Безусловно, подобный фундаментальный подход к проблеме «комплекта памятников» требует значительных средств, времени, гигантских трудозатрат. Прежде всего, обе составляющие «комплекта» – как поселение, так и могильник – должны быть полностью раскопаны, а полученные материалы необходимо обстоятельно систематизировать.

Курганная насыпь стояла на слабом всхолмлении первой надпойменной террасы правого берега речки Мокрая Песковатка. Данный участок террасы ограничен заболоченной речной поймой и устьем обширной древней балки, ложе которой подпитывается слабыми родниками. Расстояние между курганом и поселением составляло всего 100 м (рис. 31, 1, 2). Других курганов поблизости нет.

Искусственная насыпь была хорошо заметна на дневной поверхности. Несколько растянутая с юга на север, она имела овальную форму в плане и полусферический профиль. Северная пола кургана более крутая, южная заметно положе. К моменту раскопок насыпь была полностью задернована, но с юго-запада на северо-восток через ее центр проходил земляной вал шириной 0,75 м и высотой 0,2 м, ограничивавший старопахотный участок. Современные размеры насыпи 24 x 19 м, высота на дневной поверхности – 0,6 м.

В Песковатском кургане выявлено 11 погребений, он представляет собой типичный родовой могильник, синхронный ближнему поселению срубной культуры. Прежде всего, отметим, что оба элемента «комплекта памятников» находятся в непосредственной близости друг от друга. Кроме того, технологические показатели керамических комплексов поселения и могильника (характер обжига, состав отощителей-присадок в глиняном тесте, способы поверхностной обработки) очень близки. Зачастую отмечаются прямые совпадения форм и декора некоторых сосудов из погребений кургана и культурных отложений хутора. Наиболее яркое сходство демонстрируют, например, сосуды из погребений 3 и 4 с корчагой, зафиксированной в 2004 г. на краю котлована постройки № 2 (рис. 32, 1–3), здесь оно выражено в очень близких формах и глубоких горизонтальных расчесах, придающих внешней поверхности посуды характерную рельефность. Налицо абсолютное единство гончарной технологии. То же самое можно адресовать сосудам из девятого погребения и хозяйственной ямы № 8, относящимся к одному типу слабопрофилированных горшков с высокими венчиками (рис. 32, 4, 5). Факт местного

происхождения костяной втулки от рукояти плети или скипетра опосредованно подтверждается находкой в столбовой ямке № 23 из первой постройки Песковатского поселения (рис. 32, 7). Это поперечный спил трубчатой кости, явно заготовка для изготовления поделки, аналогичной втулке из девятой могилы (рис. 32, 6). Мелкие бронзолитейные операции и придомная металлообработка также производились на хуторе. Фрагмент бронзовой облатки от деревянной посуды из третьей могилы (рис. 33, 2) имеет аналог в очажном комплексе первой постройки, где в развале крупной корчаги, стоявшей в кострище на краю колодца № 3, лежала такая же, тонко прокованная пластинка с загнутым краем, приготовленная к переплавке.

Данные вертикальной стратиграфии насыпи (отсутствие могильных выкидов, признаков подготовки подкурганного пространства) и планиграфии (ярковыраженная меридиональная рядность погребений) позволяют предполагать, что первоначально это место захоронений обитателей поселения функционировало как грунтовое кладбище (рис. 31, 2). В связи с этим точное определение наиболее раннего комплекса в могильнике представляется неоднозначным.

По таким признакам, как размеры и сложность погребальной конструкции, пышность обряда и характер инвентаря, проще всего было бы считать основным и наиболее ранним комплексом погребение 9 в сложной яме с продольными ступенями, где отмечено относительное обилие вещей и даже инсигния власти – кальцитовая булава. Ясно, что погребенный здесь человек при жизни был отмечен особым статусом, скорее всего положением родового старейшины или руководителя большесемейной общины. Но совершенно очевидно, что не обязательно он был первым умершим и похороненным здесь членом коллектива. Скорее, наоборот, его смерть, повлекшая за собой естественную сегментацию как большой семьи, так и хозяйственной системы, привела к завершению культовых отправлений на родовом кладбище, что выразилось именно в сооружении здесь курганной насыпи. По принципу социального ранжирования девятое захоронение, безусловно, является главным, но не самым ранним в могильнике. И этому не противоречат такие признаки, как северная ориентировка умершего, его традиционная поза адорации, типично срубный сосуд и другие предметы инвентаря, маркирующие устоявшиеся культурные традиции развитого периода.

С другой стороны, погребения 3 и 4, при очевидной своей синхронности, наиболее вероятно являются и самыми ранними. Прежде всего, следует отметить восточную ориентировку, явно отличающую их от всех остальных комплексов, а затем характер керамики, поверхностная обработка которой (глубокие горизонтальные и косые расчесы, образующие характерную рельефность) напоминает внешний облик покровских сосудов. Анализ керамического ком-

плекса Песковатского поселения показал, что время жизни здешней общины начинается именно в позднепокровское время формирования срубной культуры, а завершается уже на развитом этапе. При подавляющем большинстве чисто срубной керамики в материалах поселения имеется компактная группа фрагментов, отмеченных известными покровскими признаками (рис. 32, 8–19), скорее всего позднего характера. На это указывают угасающая колоколовидность формы и чаще всего сглаженное внутреннее ребро на обратной стороне венчика, характерный широкий каннеллюр (рис. 32, 10) и расчесы штампом на шейке (рис. 32, 18), узкозональное построение декора, наличие в примесях некоторых фрагментов толченой раковины. В целом этот небольшой комплекс – индикатор позднепокровского времени.

По-видимому, две первые смерти обитателей поселения (погребения 3 и 4) пришлись как раз на период нивелировки последних покровских традиций в развитии местного гончарства. На сосудах из указанных могил (рис. 33, 3, 5; 32, 1, 3) присутствует только один покровский признак – расчесы – и уже нет характерной колоколовидности и ракушечной примеси. По-видимому, остатками тризны, посвященной третьему захоронению, следует считать кости мелкого рогатого скота, отмеченные в насыпи, в непосредственной близости от могилы, и это также выделяет его как первичный комплекс. Восточная ориентировка умерших также подтверждает их ранние позиции в хронологии кургана. Этот показатель обрядности соответствует аналогичным признакам первой обрядовой группы Смеловского грунтового могильника, исследованного в Заволжье, где могилы с восточной ориентировкой одни из самых ранних и ложатся в покровский период формирования срубной культуры [Лопатин, 1997, с. 73–75].

Возможно, относительно одновременно первым двум захоронениям погребение 2 с северной ориентировкой, где обнаружены глиняный сосуд и костяная поясная пряжка ромбической формы (рис. 33, 1, 4). Это предположение основано на позиции данного комплекса в западном ряду могил вместе с погребениями 3 и 4, а также в связи с наличием здесь характерного и довольно раннего для срубной культуры атрибута – поясной пряжки. Поясная фурнитура из кости типична для комплексов культуры многоваликовой керамики, которая, по некоторым сведениям, принимала участие в формировании срубной культуры в западных областях Нижнего Поволжья. Исследованиями последних лет установлен даже ареал восточной периферии «бабинского очага культурогенеза», влиявшего здесь на культуuroобразующие процессы в посткатакомбное время [Литвиненко, 2004, с. 102–108].

Чрезвычайно интересен сосуд из второго погребения (рис. 33, 1). При всей типичности его формы для срубного керамического комплекса, орнаментальная композиция имеет глубокие корни в предшествующей средне-

бронзовой эпохе. Декор выполнен коротким зубчатым штампом и занимает верхнюю треть внешней поверхности. На венчике и шейке сосуда оттиснут короткошаговый зигзаг, от вершин которого вверх и вниз отходят короткие прямые отрезки. Для срубной керамики это крайне редкий вариант орнаментации. В одной группе с ним следует поместить более поздние производные мотивы: зигзаги с косыми заполнителями (штрихованные) и зигзаги с «бахромой». Между тем эти весьма отдаленные аналоги в орнаментах поздней бронзы можно воспринимать как угасающие реминисценции некогда важной идеологии.

Прообразы данного мотива отмечены в некоторых орнаментальных комплексах катакомбной керамики и связаны они со сложной семантикой иконографии змея [Кияшко, 2001, с. 25–43]. Сам по себе зигзаг – один из наиболее распространенных сюжетов в срубном комплексе орнамента. «Особенное» привносится аранжировкой, дополнительными деталями, которые представлены короткими отрезками. В исследовании А. В. Кияшко подобные аранжировки «зигзага – змея» трактуются как технические приемы формовки зигзаговидного валика, переходящие позже, уже при чисто начертательной технике исполнения, в «самоценный, демиургический процесс и сексуальную символику». Это вполне вероятно, поскольку в подобных сюжетах катакомбного орнамента можно заметить не только фаллические прямые отрезки, обрамляющие «змея», но и классические женские знаки в виде полукруглых фестонов [Кияшко, 2001, с. 38, рис. 8]. В целом отражающие идеи плодородия, эти мотивы фаллических и более древних женских культов представляют в орнаментальных кодах некую динамику идеологических воззрений на фоне становления патриархальных позднеродовых отношений. Этот вопрос требует специального исследования, нам же интересен сам факт реальной преемственности древней орнаментальной традиции в раннесрубном комплексе. В инвентаре второго погребения Песковатского могильника зримо присутствуют элементы посткатакомбного влияния. Это оригинальный декор сосуда и костяная фурнитура пояса (рис. 33, 4).

В своей сводной работе Н. М. Малов отметил пряжки ромбовидной формы как наиболее характерные для погребальных комплексов с покровской керамикой, сосредоточенных именно в Волго-Уралье [Малов, 1992, с. 44]. О. В. Кузьмина возводит костяные пряжки к культурной традиции культуры многоваликовой керамики, но при этом уточняет позицию фигурных вариантов, и в том числе ромбические, в рамках покровских древностей [Кузьмина, 1995, с. 44, 45, рис. 7, 3, 4]. Фиксируемые в ранних комплексах Северского Донца подобные типы пряжек, по мнению В. В. Отрощенко, относятся к местному варианту «покровской срубной культуры», предшествующему дальнейшей диахронии поздней бронзы [Отрощенко, 2001, с. 277, рис. 31].

Принимая во внимание вышеизложенное, предположим, что ромбовидные типы поясной фурнитуры из кости, представляя собой одно из поздних направлений развития пряжек КМК, получили наибольшее распространение именно в ареале покровских памятников, в том числе на стадии формирования срубной культуры. Таким образом, планиграфически обособленные в западном ряду могильника захоронения 2, 3, 4 следует признать здесь наиболее ранними и относящимися к завершающему этапу формирования срубной культуры. И теперь необходимо отметить, что круглая поясная пряжка из погребения 9 (восточный ряд могил), изготовленная из фоссилизованной раковины (рис. 33, 12), явно представляет другую линию развития классических круглых пряжек КМК и, видимо, самый поздний вариант, выработанный уже срубной традицией. Они известны в погребениях развитой срубной культуры Поволжья и Приуралья, например, в погребении 6 кургана 8 Лузановского могильника [Васильев, 1977, с. 43, рис. 20, 10], а также в погребении 5 кургана 3 из башкирского Акназарово [Обыденнова и др., 1985, с. 45, рис. 4, 10]. Не исключено, что они могли быть относительно синхронны костяным ромбическим пряжкам. В позднесрубных комплексах подобные вещи не отмечены.

Девятое захоронение пожилого человека отмечено инсигнией власти – скипетром с каменным навершием (рис. 33, 11). Вряд ли песковатская булава могла быть предметом вооружения, слишком непрочен и хрупок материал, из которого она изготовлена. Вместе с тем, многочисленные аналоги из диорита, гранита, серпентинита, встречающиеся на огромном историческом пространстве Евразии, справедливо оцениваются как эффективное оружие ближнего боя, а также знаки воинской власти. По классификации Н. М. Малова наше навершие относится к варианту «А» второго типа каменных булав – «грушевидных с бортиком в основании», характерных для раннесрубных комплексов и продолжающих линию развития архаичных образцов эпохи средней бронзы [Малов, 1991, с. 31, 34, рис. 6, 5–7; с. 35–36]. В исторической диахронии процесс развития и время существования таких булав занимает довольно значительный период. Они отмечены в катакомбных, синташтинских, покровских и срубных комплексах на огромной территории Волго-Уралья.

Зафиксированная здесь же, в погребении 9, костяная втулка (рис. 33, 13) интересна, прежде всего, с точки зрения своей функциональности. Подобные вещи встречаются в погребальных комплексах чаще всего в одном экземпляре, в единичных случаях в богато орнаментированных наборах, составляя рукояти плетей или стержни скипетров. Наш вариант не совсем ясен, поскольку предмет мог быть как деталью плети, так и скипетра с каменным навершием. Вторая трактовка вполне вероятна, поскольку втулка лежала около умершего на

одной линии с булавой, как бы фиксируя нижний конец скипетра и определяя его общую длину размером в 87 см, параметр абсолютно аналогичный изображениям в древнеегипетской и ближневосточной иконографии. В любом случае булава, плеть, пояс, присутствующие в комплексе, направлены на подтверждение высокого статуса умершего. Характерный орнамент на костяном кольце – резные зигзаги в виде краевых опоясывающих фризов – типичен для данного времени, в основном для костяных дисковидных и желобчатых псалиев, аналогичных колец и втулок, встречаемых в престижных покровских, потаповских, синташтинских, срубных захоронениях. Но нам не известен абсолютно точный аналог «пригалаенной» песковатской втулке.

Возвращаясь к аспекту знаковой символики булав, заметим, что эти инсигнии не обязательно маркировали исключительно воинскую власть. Подобное мнение уже высказывалось в добротном исследовании В. В. Цимиданова и А. В. Евглевского, где авторы провели широкий пространственный анализ различных инсигний, выделили их основные типы, районы наибольшей концентрации и, в частности, отметили реальную градацию булав из разряда вооружения к знаку власти [Цимиданов, Евглевский, 1993, с. 99–112]. Думается, что в срубное время булава еще могла входить в оснастку воина. Но навершия из кальцита, порфирита, мела, прочих известняков и нефрита принципиально не могли быть оружием в силу уже отмеченных показателей низкой прочности. Эти минералы легки в обработке и красивы, они эффектно выглядят именно в качестве знаков, венчая вотивные скипетры. Поэтому уместно предположить, что булавы как атрибуты власти отмечали не только военачальников, но и другие социально выраженные категории, например родовых старейшин и даже глав больших патриархальных семей. Похоже, что в девятой могиле Песковатского кургана погребен человек, соответствующий именно данной социальной категории. Яркая выраженность, материальная вещественность знака его власти предполагает значимые общественные функции руководителя первичной ячейки позднепервобытного общества. По всей вероятности, это, прежде всего, представительство в собрании племени с правом совещательного голоса, подтвержденного наличием у делегата инсигнии определенного ранга. Не исключено, что конкретные формы булав, их цвет, материал могли соответствовать определенной знаковой символике родов, фратрий, племен, так же как украшения или традиционные орнаменты отмечали эту специфику у этнографических народов уже на уровне семейно-родовых различий.

На фоне данных рассуждений не вполне понятен статус подростка, погребенного с булавой во втором кургане Кизильского могильника [Стоколос В. С., Стоколос Г. И., 2004, с. 239, рис. 2]. Ситуация в Кизильском «комплексе памятников» очень похожа на песковатскую. Срубные комплексы по-

селения соответствуют некоторым захоронениям в ближних курганах, это отмечено авторами, правда, только в первой части статьи и исключительно в порядке констатации. Второй кизильский курган, действительно, является культовым местом гипотетического рода, проживавшего на поселении в срубное время. Вначале это было грунтовое детское кладбище, позже перекрытое земляной насыпью. Здесь такая же рядная планиграфия, но не меридиональная, а широтная, отсутствует выкид из центральной могилы, представлены исключительно северные ориентировки. Думается, что сосуды, зафиксированные в насыпи, все же являются остатками детских захоронений, а не тризнами. Очень часто скелеты маленьких детей не сохраняются в агрессивных кислотно-щелочных почвах. Поэтому ситуация примерно соответствует той, что отмечена в Песковатке: вначале возникал грунтовый могильник с размещением погребений по линии «восток – запад», а после прекращения родового культа был насыпан курган. Странно то, что в центре ритуальной площадки погребен подросток с инсигнией родовой власти – каменной булавой, по форме почти идентичной песковатской [Там же, с. 240, рис. 3, 5]. Этот факт требует объяснения, но вряд ли следует муссировать возможности неких династических проявлений на данном этапе, или наделения подростков властными полномочиями. Не убедительна и «версия амулета», приведенная в авторской публикации [Там же, с. 255]. Может быть, в данном случае мы имеем дело с редким вариантом обряда трансферной коммуникации, а именно попыткой передачи именной инсигнии из мира живых в мир мертвых человеку, обладавшему властью при жизни и погибшему на стороне. И этот вариант трактовки также требует специального исследования.

Представляется, что строительство погребальной площадки Песковатского могильника начиналось именно с западной линии погребений (2, 3, 4), оставленных в позднепокровское время жизни поселения, затем были устроены захоронения восточного ряда (6, 9, 10, 11), после чего образовавшийся грунтовый могильник перекрыли земляной насыпью. Керамика, обнаруженная в комплексах восточного ряда, характеризуется чисто срубными показателями (рис. 33, 9, 10). Типичны для этого времени и бронзовые узкожелобчатые украшения, зафиксированные в погребениях 6 и 11 – овалы височные подвески и браслеты.

Уже в насыпь кургана и на уровень древнего горизонта самыми поздними обитателями поселка бронзового века были впущены погребения 1, 5, 7. Два сосуда из этой группы могил имеют такие же типично срубные характеристики (рис. 33, 7, 8). Предполагается, что причины ухода людей с этого места могли быть связаны с естественными изменениями в самой экологической нише. Прежде всего, это истощение кормовых пастбищных ресурсов, возможно, временное исчезновение древесных видов растительности, создавшее

дефицит топлива и стройматериалов. Но эти разрушительные антропогенные факторы совпали во времени еще и с катастрофическим подъемом уровня грунтовых вод, сделавших существование на поселении не совместимым с нормами жизни и ведения хозяйства. Вода, активно поступавшая снизу в штольни домашних колодцев, постоянно подтапливала жилище, что подтверждается рудообразованиями в нижних пластах заполнения котлована. Этот водный режим наблюдается и в настоящее время.

Диапазон развития поселка и могильника на реке Мокрая Песковатка невелик, не более 100 лет. Приблизительно его можно поместить в рамки второй половины XVI–XV вв. до н. э.

Ошибочно расценивать «комплекты памятников» в качестве исключительного явления. Археологические культуры как объекты исследований представлены именно поселениями и некрополями, за исключением тех вариантов, где погребальный обряд завуалирован особой спецификой древней идеологии. В любом случае гипотетическая модель первобытного общества не может не отражать духовных идей жизни и смерти. Всегда в истории человека присутствовали сферы обитания и пределы жизни, материализованные в особых погребальных объектах. Поэтому любому поселению должен соответствовать свой некрополь – кладбище, место сожжения или сокрытия в водах, сакрального оставления на земной поверхности или в ветвях деревьев. В срубной культуре эпохи поздней бронзы некрополи поселений могли представлять собой простые грунтовые могильники (Алексеевский, Танавский, Смеловка, Съезжее, Калач, Новопривольное, Генеральское), грунтовые кладбища, перекрываемые в определенный момент земляной насыпью (Песковатка, Кизильский, Преображенка, Кайбелы), более древние курганы, которые рассматривались в качестве предковых. Думается, что во многих курганах группы впускных однокультурных захоронений, фиксируемых в определенных планиграфических системах, следует рассматривать как родовые некрополи, соответствующие ближайшим поселениям. Чтобы убедиться в этом, достаточно по-новому пересмотреть известные материалы. Поэтому «комплекты памятников» это не исторический феномен, не редкое стечение обстоятельств в ходе археологических исследований, а логически естественная, культурно-историческая закономерность.

3.5. Грунтовый некрополь Смеловка 2, исследованный автором во второй половине 1990-х гг. [Лопатин, 2010], представляет определенный интерес, поскольку наглядно демонстрирует одну из возможных моделей локального культурогенеза в степном Заволжье. Здесь мы рассмотрим две взаимодействующие обрядовые группы – автохтонную криволукскую и пришлую покровскую (рис. 36), на основе которых позже формируются комплексы ранне-срубного типа.

1-я обрядовая группа (ОГ) (погребения 6, 9, 12, 20, 24, 33, 34-А, 38, 67, 70, 111, 112, 128) характеризуется разнообразием форм погребальных сооружений и деталей их оснащения: овальные, округлые, прямоугольные, с подбоями и подбитыми стенками, со ступенями. Особенно сложна конструкция комплекса коллективного погребения 34 (мавзолей № 1), в основе которого, впрочем, угадывается обычная могила с подбоем в восточную сторону (34-А), позже многократно переоборудованная в ходе последующих детских подхоронений (34-Б, В, Г). Разнообразны также ориентировки могильных ям и скелетов: северная, северо-восточная, восточная, юго-восточная, юго-западная, западная. Отсутствуют только строго южное и северо-западное направления. Отмечены различные позы погребенных, большинство – левобочные, с разной степенью завала на грудь или спину, и неустойчивым положением рук, что как маркирующий признак представляется существенным для комплексов переходного от средней к поздней бронзе типа. Только в двух погребениях отмечены глиняные сосуды (6 и 34), в одной могиле найдены три бронзовые обоймы, свернутые из тонких пластин (№ 67), в пяти захоронениях обнаружены кости мелкого, реже крупного, рогатого скота (20, 33, 70, 111, 112), в двух – кости лошади (9, 12). Следы огня присутствуют в обрядности двух комплексов (6, 24). В первом случае это небольшое углистое пятно на дне могилы, а во втором углями и золой было насыщено все могильное заполнение. Столь скудный погребальный инвентарь характеризует указанные комплексы как «аскетичные», что в целом является одним из важнейших типобразующих признаков для всей первой обрядовой группы.

Между тем при всей внешней пестроте погребального обряда представляется возможным разделить эту группу на два основных стандарта по типам могил и, таким образом, отразить неоднозначность комплексов по горизонтали. Синхронные хронологически, эти стандарты, вероятно, демонстрируют этнокультурную мозаичность переходного периода. Один из них – первый стандарт первой обрядовой группы (рис. 36, 1С1ОГ) – ямы подпрямоугольных и овальных форм с широтными ориентировками, в которых умершие лежат в скорченных левобочных позах головами к востоку, северо-востоку, реже к югу, юго-востоку (24, 38, 67, 111, 112, 128). Другой – второй стандарт первой обрядовой группы (рис. 37, 2С1ОГ) – могилы подбойных конструкций (6, 9, 12, 20, 33, 34, 70), которые ориентированы на север, северо-восток, реже к востоку, западу, юго-западу. Причем некоторые комплексы 1-й обрядовой группы являются промежуточными типами между указанными стандартами (6, 20, 33, 70). В конструкциях этих могил наблюдаются либо деградации признаков названных стандартов, либо их миксация.

Подчеркнутый аскетизм погребенных с восточными ориентировками, их престижные позиции в планиграфических ситуациях (например, цен-

тральные положения на площадках с ровиками) следует расценивать как отражение особого прижизненного статуса умерших. Именно захоронения этих «пращуров» сопровождаются многочисленными свитами могил и только к ним совершались подхоронения детей – «посланников из мира живых в мир мертвых» [Лопатин, 2000, с. 100–101].

Комплексы подбойных могил Смеловки наиболее похожи на захоронения из Мурманского кургана [Лопатин, Малов, 1988, с. 130–139]. Планиграфия внутреннего расположения ям в мавзолее № 1 имеет такую же широтную направленность, абсолютно идентична мурманской конструкция ровика № 1, размещенного на этой же площадке. Разница лишь в ширине восточных «ворот». В Мурманском кургане она составляет целых 7 м, а в Смеловке проход значительно уже.

Реминисценция подбойной конструкции могильных сооружений весьма заметна в комплексах раннесрубного времени, поскольку она необычна и в целом характерна для предшествующей эпохи средней бронзы. Позже она встречается как под курганными насыпями, так и в грунтовых погребальных памятниках, весьма редко и при интерпретации всегда заставляет обращаться к проблемам культурогенетического порядка. До открытия Мурманского кургана в Ровенском районе Саратовской области срубные подбои в степном Заволжье вообще не были известны [Лопатин, Малов, 1988, с. 137]. Вместе с тем, к западу от Волги отрывочные сведения о могилах катакомбного типа в срубной культуре уже тогда рисовали картину довольно широкой географии этого явления – от нижневолжского Правобережья [Шилов, 1964, с. 97, 98, рис. 5, 4, 5] до Северного Причерноморья, хотя последние [Братченко, 1977, с. 13, рис. 1, 19–22], скорее всего, ошибочно связывались с финалом бронзы. В посткатакомбный период подбои тогда были известны в материалах бабинской культуры (КМК) [Березанская, 1979, с. 5; 1982, с. 29; Отрощенко, 1978, с. 84; Шарафутдинова Э. С., 1978, с. 79; Шарафутдинова И. Н., 1982, с. 51].

В настоящее время выделена уже целая свита посткатакомбных культурных типов, которые маркируют сложное порубежное время между эпохой средней бронзы и поздним бронзовым веком, причем в степных ареалах этих образований катакомбные реминисценции в устройстве могил фиксируются весьма устойчиво. В частности, раскопками двух Белогорских могильников на юге правобережной Саратовской области были выявлены позднекатакомбные и переходные комплексы, которые содержали элементы подбоев и их имитаций [Дремов, 1996, с. 105, рис. 4, Д, 3; с. 106, рис. 5, Б, 1; с. 108, рис. 6, Г, 2]. Еще до первой публикации этих уникальных материалов вышла малоизвестная работа В. В. Филипченко, в которой автор предложил оригинальный вариант интерпретации материальных комплексов двух белогорских погребений, связав их с памятниками вольско-лбищенского типа, что отражало опре-

деленный этап в развитии идеи о многокомпонентности начальной фазы культуругенеза в Поволжье [Филиппченко, 1993, с. 149–152]. В той же статье был упомянут комплекс с подобной керамикой вольского типа в саратовском Заволжье [Там же, с. 152], в полном объеме опубликованный только три года спустя [Баринов, 1996, с. 92, рис. 3, В, 4]. Насколько разнообразен был в степном Волго-Уралье, на данном хронологическом этапе, погребальный обряд и неустойчив идеологический канон, можно судить по необычным комплексам с вольской керамикой из Дедуровского Мара и кургана 4 могильника Тамар-Уткуль VII, исследованных в Оренбургской области, где зафиксированы скорченные, причем в сидячем положении, погребения, устроенные в курганной насыпи [Богданов, 1998, с. 31, рис. 6; с. 36, рис. 10; с. 37, рис. 11, 1]. Весьма необычна катакомбная конструкция, выявленная в 1981 г. в могильнике Спартак (к. 2) на территории Северо-Западного Казахстана [Ким, Кригер, Малов, 1993, с. 152–161]. Это, бесспорно, двухступенчатая катакомба (авторы сообщают о сохранившемся своде погребальной камеры), которая устроена в южной стене обширной входной штольни квадратной формы, причем здесь наблюдается преднамеренное смещение ступеней, ведущих к погребальной нише, в западную сторону, на общем плане захоронения явно заметен разрыв меридиональной оси. Умерший лежал в подбое, около южной стенки, в слабоскорченной на левом боку позе адорации, головой к западу и лицом к входной яме [Там же, с. 155, рис. 2]. Инвентарь, сопровождавший погребенного, в целом можно отнести к покровскому времени, хотя керамический сосуд по всем признакам более соответствует раннесрубным показателям, на что указано в публикации [Там же, с. 157, рис. 3; с. 159–160]. Вместе с тем, в его орнаментации присутствуют элементы, характерные для позднесинташтинского декора (глубоко прочерченные линии на шейке и свисающие треугольники в нижнем ряду), сама композиция, кроме того, построена по принципу узкозональности. Прочие предметы (нож, булава, шило, орнаментированные костяные кольца) бытуют как в покровское, так и в раннесрубное время. Определенно можно отметить главное – катакомбные реминисценции в погребальной обрядности и инвентаре маркируют отдельные культурные группы конца средней начала поздней бронзы на очень широкой территории и фиксируются в материалах бабинского, криволукского, вольско-лбищенского, синташтинского, потаповского, покровского, раннесрубного и раннеалакульского типов.

В совокупности оба стандарта первой обрядовой группы и их промежуточные варианты в Смеловке наглядно иллюстрируют нестабильное состояние степных культур Заволжья в указанный период [Мерперт, 1985, с. 3–10]. Ослабленное, дезинтегрированное степное население, видимо, утратившее этническую резистентность, становится в это время очень восприимчивым к

инокультурным влияниям, что и привело впоследствии к скоротечной трансформации всего местного этнокультурного массива.

Не исключено, что большинство комплексов, составляющих первую группу, может быть синхронизировано с материалами «раннесрубных» сезонных стойбищ дюнного типа [Лопатин, 1989, с. 137–138]. Неразвитый характер керамического комплекса, выявленного на этих временных стоянках, заметное содержание реликтовых и инокультурных элементов также показательны иллюстрируют эпоху перехода. Такая же картина нестабильности, полное отсутствие идеологических канонов ощущается в сфере погребального обряда. Видимо, это главный признак времени, в котором происходят процессы культурообразования на рубеже двух эпох в степном Волго-Уралье.

Вместе с тем, в последние годы наметились некоторые подходы к решению проблемы культурно-генетической интерпретации погребений 1-й обрядовой группы Смеловского могильника. Это стало возможным после конкретизации локальных особенностей погребальных комплексов посткатакомбного круга в степях Нижнего Поволжья, Восточного Подонья и Северо-Западного Прикаспия [Мимоход, 2004, с. 108–114; Ковалюх, Мимоход, 2007, с. 35–39; Литвиненко, 2004, с. 102–108]. Они обладают определенным своеобразием, которое выражается в строго выдержанном обрядовом «аскетизме» и довольно низкой культурно-хронологической информативности, что проявляется прежде всего в преимущественной безынвентарности погребений. Неслучайно этот хронологический пласт долгое время не получал должной интерпретации для территории Нижнего Поволжья, да и в настоящее время остается слабоизученным, хотя, разумеется, исследователи, занимавшиеся разработками проблем эпохи средней бронзы, по-разному, в контекстах своих концепций предлагали решения для ее финала и перехода к позднему бронзовому веку. Среди существующих вариантов (позднекатакомбный, позднеполтавкинский, посткатакомбный, бабинский, финальный) [Кияшко, 2002; 2003, с. 26–36; Филиппченко, Малов, 1995; Литвиненко, 2004] очень интересен один из последних подходов к решению проблемы, предложенный Р. А. Мимоходом, который выделил в посткатакомбном массиве Нижнего Поволжья группу погребений «криволукского» типа, очертив ареал их распространения (от Астрахани до севера Саратовской области), преимущественно в правобережье Волги, а также указал их основные культурообразующие признаки.

Погребения криволукской группы встречаются в курганах в качестве основных и впускных комплексов. Могильные ямы имеют овальную, реже подпрямоугольную форму. Положение скелетов – скорченное на левом боку, головой к северу и северо-востоку, к востоку и юго-востоку, гораздо реже в южные сектора. При этом в позициях скелетов отмечено неустойчивое положе-

ние рук, явно восходящее к катакомбной традиции («скачущий всадник»). Как редкие признаки указаны также органические подстилки и минеральные подсыпки (охра, мел). Определенным стандартом криволукских комплексов является размещение в могилах костей ног мелкого рогатого скота, как правило, перед скелетом человека. Обычно эти захоронения безынвентарны. Крайне редко в них встречаются разнотипные сосуды и фрагменты керамики, в облике которых присутствуют позднебабинские и вольско-лбищенские черты. Отмечены различные, как ни странно ранние, варианты бабинских пряжек, в том числе редкие, сложнофигурные экземпляры поясной фурнитуры из кости, бусы катакомбных типов, наконечники стрел с выемчатым основанием, выпрямители [Мимоход, 2004, с. 109, 113–114, рис. 1–4]. Отдельные экземпляры керамических сосудов из погребений криволукского типа [Там же, с. 114, рис. 4, 2, 3], не имеющие бабинских валиков или характерных орнаментальных признаков «вольска-лбища», по своим показателям близки смеловской посуде из пп. 6 и 34 (1 ОГ). Эти невыразительные баночные сосуды закрытых и открытых профилировок, неорнаментированные и явно отражающие неразвитость и отсутствие стандартов в керамическом комплексе, по-видимому, открывают динамику сосудов баночных форм эпохи поздней бронзы и полностью на данном этапе соответствуют начальной фазе становления срубной культуры.

В данном контексте интересно проследить также преемственность закрытых широкодонных банок, выявленных в поздних погребениях Смеловки (3 ОГ), от известных реповидных прообразов в катакомбном керамическом комплексе. Присутствие промежуточных вариантов (приземисто-шаровидные широкодонные банки) в покровских курганных комплексах уже было отмечено, например, в могильнике Золотая Гора [Юдин, Матюхин, 2006, с. 111, рис. 26, 6], а также в недавно исследованном автором кургане у разъезда Ивановский [Лопатин, 2007, рис. 25]. Наличие таких форм в материалах 3 ОГ и их отсутствие в более ранней 1 ОГ совсем не означает, что здесь нет преемственности. Очевидно, знаковая схема ранней обрядности Смеловки категорически исключала из принятой ритуалистики инвентарь и в том числе керамику. Те два сосуда, которые мы имеем в 1 ОГ, – безусловно, случайные исключения из правила. Здесь налицо факт дискретной преемственности через 1 ОГ, либо опосредованной передачи катакомбной традиции изготовления широкодонных банок, через покровские векторы культурогенеза.

Даже при самом поверхностном сравнении совершенно очевидна близость культурообразующих признаков криволукских погребений аналогичным показателям захоронений первого стандарта (в простых ямах) 1-й обрядовой группы Смеловского могильника. Совпадения выражаются в большинстве признаков: восточная ориентировка, положение рук, кости мелкого ро-

гато́го скота, безы́нвентарность. Что касается второго стандарта (подбойные варианты могил и их имитации), то в посткатакомбном ареале им, возможно, наиболее близки признаки лолинской культуры (по Р. А. Литвиненко) и IV обрядовой группы криволукского типа (по Р. А. Мимоходу), где встречаются подбой и катакомбы с западным размещением погребальной камеры, северной ориентировкой скелетов, столь же «аскетичные» комплексы, но часто с костями животных, прежде всего мелкого рогатого скота. Правда, степень достоверной преемственности позднекатакомбных (лолинских) показателей и наиболее ранних подбойных погребений Смеловки еще необходимо обстоятельно анализировать и уточнять.

Единственная категория металлических изделий, зафиксированных в 1 ОГ Смеловки, – бронзовые обоймы, свернутые из тонких пластин, – также подтверждает определенную преемственность с памятниками посткатакомбного типа. Подобные изделия фурнитуры для фиксации окончаний шнуров наиболее часто встречаются в материалах бабинской культуры Украины [Археология..., 1985, с. 456, рис. 123, 5].

Ареал распространения криволукских памятников также нуждается в уточнении, что справедливо отмечено Р. А. Мимоходом [Мимоход, 2004, с. 112]. По крайней мере, весьма перспективный вектор подобных исследований намечается в рамках пересмотра культурно-хронологических позиций некоторых известных погребальных комплексов степного Поволжья. Захоронения криволукского типа, похоже, составляли весьма устойчивую компактную группу в открытой степи между Волгой и Уралом. Причем носители этого культурного признака довольно уверенно контролировали территорию Поволжья, поскольку большинство зафиксированных здесь на данный момент захоронений криволукского типа являются в курганах основными. Это касается весьма выразительной группы комплексов, исследованных на Малом Карамане [Жемков, Лопатин, 2008, с. 93–118], а также в курганном могильнике Светлое Озеро, частично раскопанном на границе Саратовской области и Казахстана [Лопатин, 1988, с. 6, 7, рис. 25; 1989, с. 6, 11, 12, 15, 21, рис. 18, 2, 35, 6, 49, 4, 71, 4]. В Бережновском I могильнике выявлены 24 комплекса криволукского типа, которые прежде расценивались как срубные или катакомбные. Наиболее интересен курган 35, где в центре выделяется безынвентарное погребение в простой яме, в позе скачущего всадника с западной ориентировкой (бабинская традиция), окруженное кольцевидным ровиком [Синицын, 1959, с. 94–101]. Непосредственно в ровик (как в Смеловке) впущены детские погребения с восточной ориентировкой и раннесрубной керамикой, что указывает на единство похоронно-поминального обряда, в котором заметно различаются культурные признаки центрального и сопровождающих комплексов.

В кургане 2 южной группы Иловатки [Смирнов, 1959, с. 218] основное криволукское погребение 20 сопровождается расположенными по кругу детскими захоронениями, как покровского, так и криволукского типов, причем в орнаментах некоторых покровских сосудов заметны реминисценции катакомбных традиций.

В одиночном кургане у с. Политотдельского [Гам же, с. 303] криволукское погребение пожилой женщины (п. 2) сопровождается срубными захоронениями, скорее всего, раннего типа.

Пересмотр известных материалов должен значительно расширить ареал криволукской группы. Так, например, только среди опубликованных комплексов из зоны сооружения Сталинградской ГЭС выявлены 60 погребений с соответствующими посткатакомбными характеристиками. Примечательно, что криволукские могилы пока ни разу не отмечены как впускные или сопроводительные относительно покровских захоронений. С одной стороны, это безусловный факт известной хронологической преемственности. Но отмеченные выше курганные комплексы, в которых сочетаются основные посткатакомбные погребения и расположенные по кругу покровцы и ранние срубники, по видимому, следует рассматривать как результат реального взаимодействия. Особо отметим центральное, престижное положение в погребальном обряде именно криволукских погребений, как правило, безы Inventарных, канонизированно «аскетичных» в своих идеологических проявлениях. Вместе с тем, именно принцип аскезы в обрядности переходных культурных типов, видимо, стал причиной столь быстрой смены внешних культурных приоритетов. Покровско-криволукское взаимодействие стало катализатором культурно-исторической переориентации степного населения.

Внутригрупповая динамика, на примере первого стандарта (рис. 36), ощутима в переходе от неустойчивых ориентировок и положений рук умерших (пп. 111, 112, 128) к восточной обращенности и позе адорации (пп. 24, 38, 67). Второй стандарт 1 ОГ демонстрирует тенденцию деградации подбойно-катакомбной конструкции погребального сооружения. Наиболее ярко архаичные конструкции представлены комплексами 9, 12, 34-А. В погребениях 20 и 33 уже заметно сокращаются размеры погребальных камер, но еще сохраняются ступени. Бесступенчатые ямы 6 и 70 имеют лишь подбитые стенки, в одну сторону или по всему периметру. Кроме того, погребенные здесь люди ориентированы в широтных направлениях, в отличие от предыдущих захоронений, направленных меридионально. В целом, наблюдаемая динамика как бы стирает различия между двумя стандартами 1-й обрядовой группы, выравнивает основные культурообразующие признаки (устранение обособленной погребальной камеры, устойчивость позы адорации и обращенности к востоку–северо-востоку).

2-я обрядовая группа (погребения 1, 2, 4, 7, 11, 17, 18, 19, 26–28, 31, 32, 37, 41, 43, 54, 56, 63, 65, 66, 69, 78, 101, 108) представлена простыми прямоугольными ямами (исключение округлая форма могилы погребения 31), иногда со ступенями в одной из коротких сторон (рис. 36). В Смеловке это, как правило, детские захоронения, планиграфически приуроченные к родовым участкам, в центре которых погребены представители 1 ОГ. Сохранившиеся скелеты лежат в устойчивых позах адорации и ориентированы в меридиональные сектора (север, северо-северо-восток, северо-северо-запад). Лишь два детских погребения (28 и 65) имеют широтную ориентировку, где умершие лежат головой к востоку. Прочие отклонения проявились в правобочной скорченности (шп. 26, 28) и обращенности к юго-западу (п. 26).

Нередко в могилах этой группы присутствуют кости животных, как правило, мелкого рогатого скота и лишь в одном случае (п. 78) отмечены путовые кости лошади. Кости овец или коз представлены фрагментами черепов и ног, уложенных в качестве тризн на специальные ступеньки, а иногда, как в п. 37, они перекрывают погребение в толще заполнения. Здесь остатки сразу двух взрослых особей мелкого рогатого скота, очевидно, шкуры, снятые вместе с головами и ногами, перекрывали южную часть ямы на уровне ее материкового края. Перед скелетом ребенка уложенные цепочкой лежали игральные альчики. Два альчика МРС обнаружены перед погребенным ребенком и в могиле 56. Таким образом, кости животных в Смеловке присутствуют в погребальных комплексах в тризнах либо в качестве детского инвентаря в пространстве могилы (игральные альчики).

Внутреннее устройство могильных ям очень простое. Лишь в одном случае (п. 54) отмечены следы органической подстилки с вкраплениями охры, которые сохранились, впрочем, только под днищем горшка, стоявшего у колен погребенной здесь женщины. Признаки огненного обряда зафиксированы в парном детском погребении 17. Здесь зольный валик окружал комплекс в виде полукольца с запада и севера.

Погребения 2-й обрядовой группы гораздо лучше обеспечены инвентарем, а на основании особенностей посуды здесь также выделены два условных стандарта. Динамика первого стандарта (шп. 1, 2, 4, 7, 11, 17, 26–28, 31, 32, 37, 41, 43, 54, 56, 65, 66) в рамках группы (рис. 36, 1С2ОГ) выглядит как постепенное стирание покровских признаков в керамике (деградация колоколовидности, сглаживание внутреннего ребра, сокращение высоты венчика, исчезновение расчесов на внешней поверхности сосудов и примеси раковины в тесте).

В основе первого стандарта 2-й (покровской) обрядовой группы – комплексы детских погребений 1, 26–28, 31, 37, 41. Обнаруженные здесь сосуды представляются для Смеловки наиболее архаичными в своих культуурообразующих показателях, хотя в рамках известного покровского массива – они не самые ранние и,

по-видимому, относятся к развитому «покровску». Особенно выразительны сосуды из погребений 26, 27, 28 (утолщенные, высокие венцы с каннелированными шейками, резко выраженной внутренней реберчатостью, иногда подчеркнутой желобками, характерными рядами насечек и треугольных отгисков в верхней части сосудов, орнаментацией в виде волнистых линий).

Здесь же особо отметим керамику инокультурного облика из погребений 31, 37, 41. Сосуды с многорядными зигзагами явно близки синташтинским образцам, особенно реберчатая форма из п. 37. Такие варианты, с характерно скошенным наружу обрезом устья, известны на коренной территории синташтинской культуры, например, в материалах Большекараганского могильника, расположенного около Аркаима [Зданович и др., 2002, с. 33, рис. 15, 5; с. 38, рис. 20, 6]. Наиболее близок смеловскому сосуду экземпляр из погребения 10 кургана 25, в орнаментации которого походят сочетаются штрихованные ромбы на шейке и многорядный зигзаг на придонной части тулова [Там же, с. 45, рис. 25, 5].

В сводной работе В. В. Ткачева и А. И. Хаванского по классификации синташтинского керамического комплекса сосуды с подобной орнаментацией отмечены в Каменном Амбаре (подтип острореберных форм I.1.3.) и Синташтинском могильнике (подтип II.1.1. в группе форм со сглаженным ребром) [Ткачев, Хаванский, 2006, с. 35, рис. 35, 12; с. 156, рис. 52, 6]. В монографии А. В. Епимахова, посвященной могильнику Каменный Амбар 5, представлены еще два сосуда с подобными орнаментами из погребений 11 и 15 кургана 2 [Епимахов, 2005, с. 47, рис. 39, 6; с. 60, рис. 49, 2].

Любопытно, что в материалах средневожской Потаповки в подобных композициях, вместе с ромбами и многорядными зигзагами, обязательно присутствует еще один сюжет – сложные меандры-пирамидки [Васильев и др., 1994, с. 124, рис. 20, 2; с. 125, рис. 21, 5]. Не исключено, что это региональная особенность средневожских памятников, близких Синташте, или следствие воздействия времени и некой нивелировки синташтинских стандартов в ходе развития потаповского керамического комплекса.

Представляется, что такая частая встречаемость композиций, где сочетаются цепочка ромбов и многорядный зигзаг, позволяет считать их одним из устойчивых инвариантов в синташтинском декоре, при всей известной его эклектичности. Возможно, наиболее ранний экземпляр среди синташтинских сосудов с подобной орнаментацией представлен в материалах могильника Танаберген II (к. 7, п. 18). Здесь на внешней поверхности горшка, вместе с ромбами и многорядными зигзагами, разделенными вертикальными линиями (что несколько напоминает воронежскую традицию «елочки со стеблями»), сочетаются налепные шишечки, размещенные на линиях шейки и максимального расширения тулова [Ткачев, 1998, с. 49, рис. 1, 4]. Примечательно

в связи с этим, что своей формой сосуд из Танабергена заметно отличается как от смеловского, так и от приведенных синташтинских аналогов. Он более приземист и наибольшее расширение его тулова приходится на середину общей высоты. В том же кургане (п. 23), в богатом колесничном комплексе (с ранним щитковым псалием), есть подобный реберчатый сосуд с парными шишечками на линии максимального расширения тулова и такой же композицией декора [Ткачев, 2007, с. 32, рис. 11, 4].

Наблюдаемая синташтинская традиция в ходе развития донесла эти орнаменты до раннеалакульского времени, что можно отметить на примере сосуда из комплекса погребения 3 кургана 23 могильника Жаман-Каргала I (к. 23, п. 3) [Ткачев, 2005, с. 58, рис. 4, 2]. В декоре данного сосуда, как и в потаповском экземпляре, очевидны явные искажения канона – появляются дополнительные сюжеты, нарушается четкость многорядного зигзага. В этом ряду укажем также на сосуд из Новокумакского могильника (к. 25, п. 11), в орнаментации которого появляются дополнительные простые зигзаги с коротким шагом, ромбы смещаются на линию максимального расширения тулова в верхней трети общей высоты, а многорядный зигзаг в придонной части выполнен подчеркнуто небрежно [Ткачев, 2007, с. 61, рис. 31, 5].

Разумеется, нельзя утверждать, что в Смеловке мы имеем дело с абсолютно чистым синташтинским импортом. В большей или меньшей степени это, скорее всего, местные репликаны. Особенно это касается баночного сосуда открытой профилировки с каннелюром и многорядным зигзагом, нанесенным цепочками подтреугольных оттисков. Этот сосуд, обнаруженный в погребении 31, изготовлен и декорирован с использованием инокультурных элементов, но среди каннелированных синташтинских «банок» (горшечно-баночные сосуды подтипа V.2.2. по В. В. Ткачеву) ему нет даже отдаленного аналога.

В упомянутом сводном издании [Ткачев, Хаванский, 2006] следует отметить также аналоги смеловскому сосуду из погребения 41 – толстостенному экземпляру с вертикальным, расчесанным по горизонтали венчиком, у которого максимальное расширение тулова превосходит диаметр устья. Два похожих сосуда отмечены в Приуралье, в Ишкиновских могильниках, и один за Уралом, в Каменном Амбаре V [Там же, с. 155, рис. 51, 3, 4, 13]. Наиболее ранний вариант подобной посуды отмечен в могильнике Ишкиновка I (к. 3, п. 5), в комплексе с ранним синташтинским горшком, в декоре которого присутствуют парные налпные шишечки [Ткачев, 2007, с. 66, рис. 34, 2, 3]. На сосуде из Ишкиновки наблюдаются такие же следы горизонтальной обработки, но по всей поверхности тулова, и даже несколько напоминающие каннелирование. В показателях формы он весьма близок толстостенному экземпляру из смеловского погребения 41. Подобный сосуд имеется также в материалах мо-

гильника Жаман-Каргала I (к. 23, п. 5) [Ткачев, 2005, с. 60, рис. 5, 3]. Это почти такая же форма с вертикальным утолщенным венчиком и горизонтальными расчесами верхней части, но здесь нижнее пространство тулова украшено парным и многорядным зигзагами. Автор представляет жаман-каргалинские комплексы как элитные захоронения, связанные с раннеалакульской фазой культурогенеза, что реально соответствует времени существования первой и второй обрядовых групп Смеловки.

Нельзя не отметить, что подобные формы керамики (округлое тулово, вертикальная цилиндрическая шейка) характерны для степных культур эпохи средней бронзы западных территорий. В частности, на них похожи кубковидные сосуды, а также компактная серия ритуальной посуды раннедонецкой катакомбной культуры. В орнаментах этих сосудов ярко выражены иконографические элементы змеиной и женской символики, в том числе сосцевидные налесты, похожие на рельефные шишечки (иногда парные) раннесинташтинских форм [Лихачев, 1981, с. 72–76].

Весьма своеобразен также сосуд из смеловского погребения 7, у которого деградирующая колоколовидная форма сочетается с реликтовым сюжетом (чеканная трехрядная «елочка»), самым заметным в узкозональной композиции декора. Реликтовые орнаменты в срубном комплексе, в целом характерные для эпохи средней бронзы («елочки», фестоны, кольцевидные оттиски, налестные, треугольные в сечении валики, отпечатки витого шнура), прежде отмечались автором как индикаторы ранних фаз культурогенеза на материалах срубных поселений степного Волго-Уралья [Лопатин, 2002, с. 105, рис. 2, 13, 16, 17, 29–32, 34; с. 106, рис. 3, 19, 20; с. 107, рис. 4, 3, 19, 40; с. 115, рис. 12, 1–5, 17; с. 119, рис. 16, 5]. Это явление характерно именно для раннесрубных поселений покровского времени, на развитых классических срубных памятниках яркие реликты крайне редки.

В последнее время все более очевидно, что реликтовые элементы средней бронзы в керамическом декоре были характерны и для некоторых погребальных покровских комплексов. Недавние исследования курганного могильника Широкий Карамыш 2 выявили захоронения, по всей вероятности, раннепокровские (к. 4, п. 9 и тризна?), в материалах которых присутствуют сосуды синкретичного характера [Дремов и др., 2005, с. 32, рис. 8, 4; с. 35, рис. 11, 3]. Необычными, привлекающими внимание, их делает сплошная, по всему тулову, «елочная» орнаментация, сочетающаяся с насечками и рядами треугольных оттисков. В комплексе с этими сосудами отмечены и покровские экземпляры с широко открытыми устьями, глубоко, на синташтинский манер, прочерченными горизонтальными линиями на венчиках и шейках, а также ритуальный сосудик с крышечкой, «покровско-катакомбный» нож и круглая желобчатая подвеска [Там же, рис. 8, 11]. Объясняя подобное сочета-

ние, авторы предположили возможность сосуществования катакомбной и «срубно-покровской» культур и, вместе с тем, констатировали редкость фактов, подтверждающих данное предположение [Там же, с. 24].

В заволжской Терновке (к. 4, п. 15) также выявлен подобный сосуд [Памятники..., 1993, с. 135, табл. 5, 19], у которого катакомбная «елочная» орнаментация по всему тулову сочетается, в отличие от карамышских экземпляров, с традиционными покровскими показателями (колоколовидность, внутреннее ребро, ракушечная примесь). Заметим, что «елочный» декор далеко не всегда заполнял всю поверхность катакомбных сосудов, например, донецкого типа. Часто он размещался в виде ленточных фризов на верхней, средней и даже нижней части горшка, иногда сочетаясь с прочими сюжетами композиций. В этом смысле показателен факт существования сосуда из смеловского погребения 7, а также тех аналогий, где на покровских или раннесрубных горшках имеются «елочные реминисценции» в виде одного или нескольких рядов. Это можно отметить на примере покровских сосудов из той же Терновки (п. 5, к. 5 и п. 11, к. 4), раннесрубного сосуда из Старой Полтавки на севере волгоградского заволжья (п. 2, к. E25), раннесрубного горшка с примесью ракушки из Успенского могильника в среднем течении Ахтубы, сосуда из насыпи кургана 2 Новобелогорского срубно-алакульского могильника, исследованного в северо-западном Казахстане [Там же, с. 135, табл. 5, 14; табл. 6, 2; табл. 11, 3; табл. 26, 12; табл. 27, 2]. В третьей обрядовой группе (первый ранний стандарт) Смеловки также имеются два сосуда с подобной орнаментацией из шп. 73 и 97.

Этот ряд аналогий можно было бы продолжить и проследить остаточность реликта на сопредельных территориях, но мы ограничимся степным Волго-Уралем и в связи с этим должны отметить, что пункты обнаружения сосудов с катакомбными реликтами в большей степени ложатся в южную часть региона и связаны с сухостепными и аридными ландшафтами, которые на востоке органично переходят в степное Южное Приуралье – часть ареала Синташты, где наиболее ярко были выражены процессы начального культурогенеза в Волго-Уралье.

Общеизвестен тезис о влиянии катакомбного мира на происхождение синташтинского феномена. Исследовательские модели формирования Синташты предполагают многокомпонентность этого сложного процесса, но большинство авторов, наряду с доно-волжскими абашевскими, местными постнеолитическими, вольско-лбищенскими, турбинскими культурными группами, указывают на участие мощного юго-западного (степного катакомбного) импульса [Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 8–18; Боталов и др., 1996, с. 64–68, рис. 1; Ткачев, 2007, с. 308]. Весьма небезынтересна доля традиционно катакомбной «елочной орнаментации» в декоре синташтинской керамики.

Примечательно, что здесь она несравнимо выше, чем в покровском или раннесрубном керамических комплексах, и может покрывать как все тулово синташтинского сосуда, так и его часть, сочетаясь с прочими элементами декора, заполняя, например, пространства сложных фигур. В синташтинском комплексе «елочки» связаны в большей степени с определенными типами посуды, составляя в их орнаментах весомый процент [Ткачев, 2007, с. 161]. Приблизительно такая же картина наблюдается в орнаментах потаповской керамики, где указанный «мотив» составляет внушительную долю в 10,1% [Мочалов, 2008, с. 138–139].

Таковы наиболее ранние комплексы Смеловки, относящиеся к 2-й (покровской) ОГ. Они представлены развитой покровской керамикой и синхронными ей инокультурными индикаторами позднесинташтинского и раннеалакульского типов. Дальнейшее развитие покровского комплекса в рамках всей группы, как видно, шло по линии изменений форм сосудов и орнаментации, все большего приближения их к будущим срубным стандартам. Так, при сохранении некоторой колоколовидности и при наличии внутреннего ребра некоторые формы приобретают реберчатость в верхней трети общей высоты (шп. 56 и 65) и, по существу, уже представляют собой типичные острореберные сосуды. Их орнаментация (штрихованные зигзаги и ромбы) в срубное время получает широкое распространение. Другая тенденция – сокращение высоты венчика при сохранении внутреннего ребра на линии отгиба (шп. 7 и 43). В данном случае мы наблюдаем трансформацию округлобких колоколовидных (покровских) форм в слабопрофилированные и округлобкие варианты срубного комплекса. Примечательно также, что чисто технологический признак внешней обработки поверхности покровских сосудов (хаотичные разнонаправленные расчесы) в какой-то момент приобретает функции декора и маркирует часть керамики позднепокровского времени. Расчесы покрывают уже не все тулово, а лишь узкую полосу на шейке (шп. 2 и 19) или венчике (п. 4), и похожи на ряды вертикальных отрезков. Возможно также, что о деградации покровских форм можно судить по изменениям в соотношении диаметров устья и максимального расширения тулова. Наблюдается устойчивая тенденция к зауживанию устья, тогда как для ранних покровских сосудов характерна обратная картина: диаметры устья часто равны показателям максимального расширения тулова, а иногда их превосходят. В Смеловке эти процессы отразились в материалах погребений 11 и 17. Но особенно показателен в этом отношении сосуд из погребения 66, у которого сочетаются зауженное устье, короткий венчик с внутренним ребром и непропорционально широкое днище, превосходящее по размеру диаметр шейки. Это наглядная иллюстрация реальной утраты покровской традиции керамического производства в ходе развития культуuroобразующих признаков Смеловки.

Динамика орнамента в рамках первого стандарта 2-й (покровской) ОГ выразилась в переходе от горизонтальных рядов насечек и вдавлений (пп. 26–28), коротких оттисков штампа, иногда построенных в виде «елочки» (п. 7) к вполне срубным композициям, где присутствуют узнаваемые зигзаги, треугольники, ромбы, наклонные линии (пп. 4, 11, 17, 18, 56, 66). Правда, они продолжают сохранять присущую «покровску» узкозональность в вертикальном размещении сюжетов, разделенных горизонтальными линиями.

Аналогичные процессы перерастания покровских традиций керамического производства в срубные стандарты были отмечены в работе А. П. Семеновой на примере лесостепных средневожских материалов из раскопок курганов [Семенова, 2001, с. 273–279]. При существенной разнице в критериях отбора значимых признаков в смеловском и средневожском керамических комплексах для последующей систематизации тенденция трансформации вполне узнаваема. Представляется очевидным, что ранняя «покровская» группа керамики, по А. П. Семеновой, в рамках известного покровского массива является наиболее поздним вариантом, в котором уже заметно преобладают собственно срубные признаки. Смеловской 2-й (покровской) обрядовой группе здесь полнее соответствуют сосуды т. н. «редких» форм, в которых наиболее выпукло выражены отмеченные выше черты покровска [Семенова, 2001, с. 275, рис. 1, Г].

Среди погребений первого стандарта 2 ОГ лишь в одном (п. 32) было зафиксировано металлическое украшение – желобчатая височная подвеска округлой формы (рис. 8, 5). Здесь этот тип инвентаря сочетается с пастовыми бусами и слабопрофилированным сосудом, на придонной части которого заметны вертикальные расчесы (рис. 8, 4, б). Сосуд представляет собой уже вполне сложившийся раннесрубный тип (слабопрофилированный с коротким венчиком). Вместе с тем, округлая подвеска и особенно планиграфическая близость погребения 32 с детским захоронением 31, в котором находился баночный сосуд с каннелюром и подражанием синташтинскому декору, позволяют помещать 32-й комплекс по соседству с начальной, покровской, фазой развития могильника, если не в конце этого этапа. Пастовые бусы и округлые желобчатые подвески с широкими лопастями отмечены как типы инвентаря, свойственные покровску и заходящие во времени в арсенал срубной культуры [Малов, 1992, с. 34, 44–45].

Аналогичным образом определяются культурно-хронологические позиции другой категории украшений – сурьяного бисера, входившего в состав женских уборов наряду с пастовыми (фаянсовыми) бусами. В рамках первого стандарта 2 ОГ бисер выявлен в двух женских захоронениях 11 и 54. Этот тип украшений весьма обоснованно представлен в указанной сводной работе Н. М. Малова, который отметил появление фаянсовых бус и сурьяного би-

сера в катакомбных культурах, предположил их привозной характер (Передний Восток, Кавказ), широкое бытование в бабинских, покровских, раннесрубных и раннеалакульских комплексах [Там же, с. 44–45]. В целом, подтверждая данную точку зрения, отметим, что в Смеловке таких украшений совсем нет в 1 ОГ, в позднем стандарте 3 (срубной) ОГ они отмечены лишь однажды, но довольно хорошо представлены в покровской 2 ОГ и ранних стандартах срубной 3 ОГ.

Особое место во 2 (покровской) ОГ занимает компактная выборка погребений (пп. 63, 69, 78, 101, 108), которая на основании специфики керамических сосудов условно выделена как второй стандарт (рис. 36, 2С2ОГ). Это исключительно детские захоронения, в которых умершие лежат на левом боку, в позе адорации, головой к северу, иногда с незначительными отклонениями к востоку или западу. Здесь отмечены два случая подхоронения: в первом, к погребению 78 второго стандарта 2 ОГ, на край могилы впущено детское погребение 77 второго раннесрубного стандарта 3 ОГ; во втором – парное детское погребение 108 второго покровского стандарта подхоронено к погребению 111 («пращур» из 1 ОГ). Подхоронения в Смеловском могильнике – это особая тема, которая представлена в публикации памятника, при реконструкции погребального обряда, в частности, сакральной символики трансферной коммуникации [Лопатин, 2010].

Самая яркая черта второго стандарта 2 ОГ – это удивительно стойкий инвариант декора посуды, в котором настойчиво повторяются сочетания горизонтальных гребенчатых линий и рядов подтреугольных оттисков. Иногда в композициях орнамента встречаются дополнительные аранжировки в виде вертикальных или наклонных отрезков, как, например, на сосудах из пп. 101 и 108 (примечательно, что это баночные формы), но общей идеи декора они не искажают. Устойчивый стандарт такого орнамента отмечен на округлобких сосудах с плавной профилировкой и высокими венчиками. Как правило, на шейках и плечиках таких сосудов размещаются от двух до шести горизонтальных линий, под которыми проходит один ряд треугольных оттисков. Исключение представляет сосуд из п. 78, украшенный двумя рядами оттисков, между которыми размещены шесть гребенчатых линий.

Причастность этой группы именно к покровской фазе динамики Смеловки не бесспорна, поскольку формы сосудов не имеют признаков явной колоколовидности. Но представляется, что это именно тот случай, когда внешние морфологические черты покровского сосуда уже полностью сnivelированы, а сохранились другие, более устойчивые признаки. К таковым можно уверенно отнести ракушечную примесь, а также композиционное (узкозональное) построение орнамента.

По поводу этих захоронений автор уже высказывался в печати [Лопатин, 1999б, с. 22–24; 2000б], отмечая, с одной стороны, их возможную принадлежность к некоей гипотетической родовой группе в планиграфии Смеловки, с другой – вполне очевидную стойкость определенной гончарной традиции, внешне отличной как от ярких покровской, потаповской, синташтинской, несомненно, участвовавших в культуuroбразовании, так и от завершенного производного – весьма монотонной срубной посуды.

Поиск аналогий в материалах широкой географической зоны, от Северного Приазовья и Поднепровья до Южного Зауралья, показал значительную пространственно-хронологическую устойчивость указанного типобразующего признака. Было установлено, что смеловской выборке наиболее близки два сосуда из покровских комплексов Саратовского заволжья: один экземпляр из детского захоронения в кургане у пос. СХИ на северной окраине г. Энгельса (зона известных покровских могильников), хранящийся в фондах городского краеведческого музея [Лопатин, 2000б], второй – из материалов покровского поселения Вихляный Овраг, обнаруженного также в черте г. Энгельса, только на его южной окраине [Дремов, 1992, с. 84, рис. 7, 1]. Они полностью повторяют канон: горизонтальные линии, выполненные зубчатым штампом, сочетающиеся с одним рядом подтреугольных оттисков. Кроме того, отмечено, что основной орнаментальный элемент (подтреугольные оттиски), возможно, изначально связан с технологическими приемами уплотнения швов на стыках частей сложных керамических форм, а также имеет смысловую преемственность с зигзагами и свисающими треугольниками, которые обычно сопровождаются горизонтальными линиями. На известных раннесрубных памятниках степного Волго-Уралья подтреугольные оттиски встречаются как в погребальных, так и в поселенческих комплексах. В более позднее время развитой срубной культуры они часто сочетаются не только с горизонтальными линиями, но и другими элементами декора.

В южном Приуралье абсолютно аналогичное построение орнамента отмечено на сосуде из позднекатакомбного (по В. В. Ткачеву) погребения могильника Медведка (к. 7, п. 1) [Ткачев, 2007, с. 237, рис. 69, 1]. Здесь же отметим, что поза и обращенность умершего из этого захоронения удивительно точно соответствуют криволукским показателям – восточная обращенность сочетается с левобочной скорченностью и «катакомбным» положением рук. Два ряда подтреугольных оттисков в сочетании с горизонтальными линиями есть на очень близкой смеловским керамической форме из Болдыревского I могильника, там же в Приуралье, правда, знакомый сюжет сопровождается еще крупными свисающими треугольниками и дополнительным орнаментальным фризом в придонной части [Там же, с. 239, рис. 71, 5].

В степном Заволжье, в Преображенском построечном комплексе № 2 (кожевенная мастерская), на крупном сосуде инокультурного облика также представлены два ряда оттисков в шахматном построении, сочетающиеся с широким каннелюром на шейке и косыми гребенчатыми отрезками на венчике (рис. 17, 6) [Лопатин, 1996, с. 149, рис. 5, 18].

Украшения из металла – две бронзовые желобчатые височные подвески слабоовальной формы выявлены в погребении 78, и это единственный случай во втором стандарте 2 ОГ. Овальные формы подвесок были выработаны именно в покровское время, и дальнейшее их развитие в арсенале срубной культуры шло по линии увеличения в размерах, удлинения и одновременно зауживания лопастей. Наш экземпляр уже приближается к раннесрубным вариантам и, вероятно, в рамках могильника относительно синхронен такой же подвеске из погребения 32 (первый стандарт 2 ОГ).

Группа погребений второго стандарта вряд ли может быть отнесена к времени первых «строителей» сакрального комплекса в Смеловке. С относительной долей уверенности ее можно синхронизировать с захоронениями первого стандарта 2 ОГ, которые уже отражают процесс нивелировки покровских признаков (шп. 2, 7, 19, 32, 54, 56, 65), а в первой обрядовой группе ей могли быть одновременны поздние «аскеты» с восточными ориентировками в позах адорации (шп. 24, 38, 67, 70).

ГЛАВА 4

ЗАВОЛЖСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПЕРИОДА СТАНОВЛЕНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Материальные основы срубной археологической культуры складывались в степном Волго-Уральском междуречье в ходе поликомпонентного культурогенеза, где бытовые комплексы, которые могли соответствовать начальной фазе становления, все еще малопонятны. Можно указать лишь на небольшую серию временных дюнных стойбищ: Теликовка, Прапорский Бугор, Тонкошуровка и поселение с незначительным и, вероятно, уже разрушенным слоем Березовка. О характере данного материала автор уже высказывался в печати [Лопатин, 1989, с. 137–138] и, в частности, было отмечено, что для сезонных стоянок раннесрубного времени характерны слабая мощность культурного слоя, еще неразвитый керамический комплекс, отсутствие стационарных жилищ. Неразвитость керамики выражается в подавляющем большинстве баночных и полном отсутствии острореберных форм, простейшей орнаментации, а также в наличии так называемых реликтовых элементов, керамикой со шнуровым и «елочным» орнаментом, с налепными, треугольными в сечении, валиками (рис. 49, 2–17).

Традиции оседлости и домостроительства были привнесены в раннесрубную культуру, когда многие ее ведущие признаки (погребальный обряд, керамические формы, элементы декора, некоторые категории инвентаря) уже прошли начальную стадию своего оформления. Сложность процесса становления основных ведущих признаков срубной культуры ярко отражается, например, в своеобразии Мурманского погребального комплекса, где типично срубный обряд и категории инвентаря смешанного срубно-андроновского характера сочетаются с катакомбным типом могильного сооружения [Лопатин, Малов, 1988, с. 130–139].

Хронологическую выборку, характеризующую ранний период срубной культуры, составили 29 поселений: Теликовка, Прапорский Бугор, Чапаевка 2, Александровка, Ружьевка, Алтата 18, Натальино 1, 5, Сор-Айдын 1, Мост 2, Богатое, Караульское, Трумбицкое, Преображенка 1, Светлое Озеро 16, Скатовка, Вихляный Овраг 1, 2, Покровское, Верхнесаратовское, Учхоз, Федоровка 1, Крутоярровка, Красный Яр, Успенка, Малая Тарасовка, Чесноково. Причем в ядро выборки можно включить всего 5 памятников, на которых проводились раскопки (Чапаевка 2, Трумбицкое, Преображенка 1, Успенка и Чесноково) и которые располагают самыми полными наборами артефактов, представленными в комплексах постройками, керамикой и предметами инвентаря. Материалам остальных поселений в анализе отведена вспомогательная роль.

4.1. Поселение Чапаевка 2 является, пожалуй, промежуточным типом между дюнными стойбищами и первыми стационарными поселками. Оно расположено в среднем течении Малого Карамана, на краю левобережной террасы, возвышающейся над широкой пойменной луговиной. Тяготение древнего поселка непосредственно к речному руслу, возможно, пересыхавшему в наиболее знойные периоды аридной фазы, достаточно очевидно. Но близость коренной высокой террасы, на которой можно было спастись от наводнения, указывает на то, что временами весенние паводки могли реально угрожать обитателям поселения.

В северной части раскопа расчищен котлован полуземляночного строения (рис. 49, 1). Оно имело аморфно-подпрямоугольную форму и размеры 9,5 x 6 м, глубина в материке 0,3 м. Более длинной стороной постройка ориентирована с юго-запада на северо-восток. Выход из помещения конкретно никак не обозначен, если не считать таковым небольшой выступ в северо-восточной торцевой стене. Стационарного очага не было, лишь около юго-восточной продольной стены зафиксирован прокол грунта от светового очажка на полу сооружения. Нет ни одной столбовой ямки, поэтому конструкцию каркаса и кровли представить трудно. Находок в котловане было очень мало, преимущественно мелкие фрагменты посуды.

Эти данные позволили отнести чапаевскую постройку к четвертому, чисто хозяйственному функциональному типу. Это отдельно стоящее от основного жилья помещение, служившее, вероятно, в качестве загона для скота или хранения топлива и припасов [Лопатин, 1992, с. 72].

Жилая постройка наверняка была разрушена оврагом, пересекавшим поселение с востока на запад. На южном его склоне расчищены остатки развала крупной корчаги, наполовину врытой в грунт. Именно такой принцип размещения приочажных корчаг в жилищах отмечен на многих поселениях срубной культуры Заволжья. Интересно также, что на дне корчаги лежал камень со следами раскалывания его на огне. Способ быстрого нагрева воды в

глиняных сосудах при помощи раскаленных камней отмечен как в археологических, так и в этнографических материалах. Поэтому данный комплект артефактов и сама логическая ситуация в раскопе также подчеркивают вероятную возможность существования в данном месте хозяйственно-очажного комплекса, присущего жилью.

Керамический комплекс поселения Чапаевка 2 характерен теми же показателями, которые свойственны временным стоянкам. В целом это неразвитый комплекс (рис. 49, 8–13, 21–25). Баночные сосуды только закрытой профилировки составляют 52% от общего состава форм. Композиционное построение орнамента простое. Как правило, это односюжетные композиции. С комплексами ранней фазы становления чапаевскую керамику сближает также наличие фрагментов с реликтовыми элементами в орнаментации (рис. 49, 22–23). Чеканная «елочка» и оттиски перевитого шнура, в виде колечек и полукруглых фестонов, были характерны для орнаментации сосудов местной посткатакомбной среды.

Появление в степном Заволжье зачаточных форм домостроительства и бытовых керамических комплексов срубного облика с включениями реликтовых элементов, а также инокультурных индикаторов, в определенной степени явилось отражением процесса утверждения здесь традиций оседлости и трансформации скотоводческих систем с переходом от подвижных форм к придомным (пастушеским и отгонным).

4.2. Поселение Трумбицкое, исследованное автором в 1990 г., демонстрирует наиболее раннюю постройку, где зафиксирована организация жилого пространства. Памятник расположен на правом склоне балки Трумбицкий Лог, по которой некогда протекал ручей, на небольшом пониженном участке, закрытом с южной напольной стороны склоном террасы. Продолговатый котлован был ориентирован длинной стороной в широтном направлении. В восточной части он заметно суживался. Здесь обозначен выход из жилища. Аморфный тамбур несколько углублен относительно пола землянки. Длина котлована по продольной оси 24 м, максимальная ширина в западной части 9,5 м, ширина в восточной части перед тамбуром входа 7 м, ширина тамбура 3,5 м (рис. 49, 28).

В юго-западной части котлована расчищены остатки овального столообразного возвышения, вырубленного в материковой глине, размеры которого составляли 5 x 1,5 м. В средней части оно рассечено поперек овражком, который нарушил также всю западную часть постройки. Здесь зафиксированы остатки стационарного открытого очага, развалы двух приочажных корчаг, врытых в пол, разбитые сосуды, один из которых удалось реконструировать.

Неглубокие столбовые ямки зафиксированы только в тех местах котлована, где при его сооружении слой плотной материковой глины был проко-

пан до лежащего ниже песка. Это позволяет предполагать, что опоры кровли изначально не были зарыты в грунт, а просто стояли на полу, закрепленные жесткостью самой каркасно-столбовой системы. Небольшие ямки появились там, где столбы каркаса углубились в рыхлый песок под тяжестью кровли.

По их расположению с относительной уверенностью можно говорить о том, что в системе каркаса был контурный обвод столбов вдоль стен котлована и одна осевая линия опор, несколько смещенная от середины к южной стене (обычная асимметрия кровли двускатного типа). Тамбур входа, возможно, имел ряд дополнительных подпорок. Жесткость каркаса достигалась за счет фиксации опорных столбов раскосинами-фахверками [Арутюнов, 1989, с. 39], а также кривизны системы коньковых балок [Гетманский, 1986, с. 109]. Эти существенные признаки продолжают сохраняться, даже когда повсеместно на срубных поселениях внедряется традиция специально закапывать в грунт основания столбовых опор [Мерперт, 1958, с. 116].

Вдоль южной стенки котлована в ходе раскопок был выявлен длинный валообразный затек плотного суглинка, который интерпретирован как завал защитной глинобитной стенки. Глинобитная стена типа среднеазиатского дувала плавно огибала юго-западный угол постройки, вплотную проходила вдоль южной ее стены на 13 м, а затем отворачивала от жилища в юго-восточном направлении еще на 5 м. После четырехметрового промежутка, обозначавшего, вероятно, проход в стене, выявлено ее продолжение в восточную сторону. Создается впечатление, что стена не только фиксировала южную часть контура каркаса и отводила от котлована дождевую воду, стекающую с террасы, но и образовывала перед входом в дом небольшой дворик, куда загоняли на ночь скот.

Постройка реконструируется как длинная полуземлянка с неровными стенками котлована и пологим бесступенчатым входом. Асимметричная пологая двускатная кровля поддерживалась столбами контурного обвода, располагавшимися вдоль стенок котлована, и одной осевой ломаной линией, несколько смещенной в южную сторону. Стены надстройки несколько возвышались над земляными бортами котлована. Их основу составляли столбы контура, работавшие на сжатие под воздействием тяжести кровли [Арутюнов, 1989, с. 39]. Промежутки между опорами заполнялись обрешеткой из жердей, которые крепились горизонтально в паз, на тех же столбах, с промежутками примерно в полметра. Обрешетка, в свою очередь, оплеталась ивово-лозой, и все это сообщало каркасу дополнительную жесткость. Снаружи на плетень накладывали слой глины, перемешанной с золой, а изнутри драпировали его шкурами или камышовыми матами. Подобные способы заделки каркасных стен известны в этнографических материалах Волго-Камья [Шитова, 1983, с. 136, рис. 9]. Крепление горизонтальных жердей обрешетки в

пазы на опорных столбах на примере обуглившихся деталей сгоревшей постройки отмечено в Поднепровье [Березанская, 1974, с. 24–40].

Организация внутреннего пространства постройки из Трумбицкого в целом типична для большинства крупных полуземлянок срубной культуры Нижнего Поволжья. Жилая часть отведена в противоположной входу половине котлована. Центр жилья – открытый очаг, устроенный в простой яме, выполнял как хозяйственно-бытовые, так и обогревательные функции. Отверстие дымохода находилось в крыше, вероятно, непосредственно над очагом. Рядом с костровой ямой располагались врытые в пол крупные корчаги, предназначенные для хранения припасов и приготовления пищи. К южному краю очага вплотную примыкало столообразное возвышение, напоминающее аналогичные комплексы внутреннего убранства жилищ Усова Озера [Березанская, 1990, с. 86–87]. Там по специфическому характеру культовых предметов, зафиксированных на столообразных вымостках из глины, камней или костей, подобные комплексы интерпретированы как домашние жертвенники. Наш вариант может быть отнесен также к одному из типов спальных нар, бытовавших наряду с пристенными вариантами, уже отмечавшимися ранее для срубных жилищ степного Заволжья [Качалова, 1985, с. 200]. Вполне вероятно, что в целях лучшей теплоизоляции жилого помещения в средней части постройки имелась поперечная перегородка, отделявшая привходовую (холодную) половину, где можно было хранить топливо, различные припасы, а в зимнее время содержать молодняк скота.

Непосредственно с постройкой связан весьма выразительный комплекс керамики и вещей (рис. 49, 29–37). По существу, это уже вполне развитый вариант срубного керамического комплекса, все три формы которого (баночная, округлобокая и остроредерная) достаточно представительны в своих основных типах. Среди баночных сосудов, многие из которых орнаментированы, большинство имеет закрытую профилировку (36,9%), но достаточно представительны и прямостенные банки (10,4%), встречаются открытые экземпляры. Крупные корчаги не только банкообразные, некоторые имеют профилированное тулово.

Слабопрофилированные сосуды Трумбицкого, в отличие от чапаевских, имеют уже довольно рельефные профили. В этой группе доминируют сосуды коротковенчикового типа (23,2%). Некоторые имеют сильно зауженные устья, что очень похоже на аналогичные формы Покровского селища (рис. 49, 29, 32). Есть такие категории, как миниатюрные сосудики и сковороды.

В группе сложнопрофилированных сосудов выделяются экземпляры, пышная орнаментация которых занимает не только верхнюю часть тулова, но и спускается ниже максимального расширения тулова (рис. 49, 30, 31). Такие типы декора Н. К. Качалова определяла в качестве ярких признаков ке-

рамики первого этапа развития срубной культуры Нижнего Поволжья, названного вначале бережновским [Качалова, 1985, с. 33, 40].

Среди предметов инвентаря отметим две костяные рукояти (рис. 49, 35), крупный каменный пест, фрагмент глиняной модели колесика с утолщенным ободом (рис. 49, 37) и обломок кремневого наконечника стрелы (рис. 49, 36). О местной металлообработке может свидетельствовать небольшой аморфный слиток меди, найденный на полу постройки.

Примитивизм основных конструктивных показателей постройки из Трумбицкого (неровные стенки котлована, невыразительность входа, отсутствие принципа специального углубления опор кровли в грунт) указывает, вероятно, на незрелый уровень развития техники домостроения раннесрубных племен того времени. Даже наличие здесь глинобитной защитной стенки (этот признак не имеет пока ни одной аналогии на известных срубных поселениях) говорит о неумелом выборе места для жилья, – на площадке, которая в дождливые периоды заливалась водой с близко расположенной террасы.

После того как постройка была оставлена, ее котлован очень скоро заполнился паводковым аллювием и пойменной луговиной, которые отмечены в виде стерильных прослоев суглинка и темного гумусированного грунта.

Очень выразительная керамическая серия, где присутствуют фрагменты с ракушечной примесью, представляющие колоколовидные сосуды, может быть отнесена к покровскому культурному типу. Признаки покровской керамики общеизвестны: ракушечная примесь, колоколовидность тулова, как правило, отогнутый наружу венчик с характерным внутренним ребром или желобком, глубокие расчески на внешней стороне тулова. По обыкновению такие сосуды синкретичны. На одних и тех же экземплярах отражены как срубные, так и абашевские признаки. Так, внутренняя реберчатость и желобчатые венчики могут сочетаться с сильно расширенным туловом, тогда как для классических абашевских сосудов характерен максимальный широтный показатель диаметра устья. Или в одной орнаментальной композиции присутствуют типично срубные каплевидные насечки и покровские глубокие скользящие оттиски короткого штампа. Пока в качестве определяющих для покровской посуды данного региона выделяются такие элементы орнамента, как глубокие подтреугольные оттиски, отпечатки сдвинутого в сторону зубчатого штампа, глубокие вертикальные расчески в верхней части тулова, которые, надо полагать, выполняли функцию декора.

Покровская посуда, в основных своих показателях, – вполне сформировавшийся продукт поликомпонентного взаимодействия позднеабашевской, воронежской, лбищенской, поздней среднедонской катакомбной, бабинской культур. Эти контакты имели место, вероятно, в лесостепных районах Поволжья и Волго-Донья, граничащих со степью. Здесь абашевские слои на по-

селениях перекрыты срубными отложениями. И в этой же контактной зоне развивается затем тип срубных поселений, в керамических комплексах которых, как правило, присутствует покровская керамика. Формирование смешанных срубно-покровских комплексов в первой половине II тыс. до н. э. отмечено исследователями и в более северных лесостепных районах Поволжья [Кузьмина, 1978, с. 45].

Все это неизбежно предопределило своеобразие лесостепной срубной культуры на протяжении всей дальнейшей ее истории, а также обусловило существенные различия в материальной культуре срубных племен поволжской лесостепи и степного Волго-Уралья. Представляется, что волго-уральская степь и лесостепные районы Доно-Поволжья становятся гигантским полигоном, где на фоне многокомпонентного культурогенеза формируются и развиваются прообразы локальных вариантов единой срубной культуры. Яркие покровские комплексы – один из неотъемлемых элементов процесса становления срубной культуры на территории от Дона до Урала, причем более отчетливо этот элемент проявил себя в лесостепном варианте срубного массива. Данное явление было временным, постепенно нивелирующимся в ходе общекультурного развития, что хорошо заметно на материалах степных поселений. Если покровские элементы в керамических комплексах поселений лесостепного правобережья как реминисценции сохраняются довольно долго, то в Заволжье они перестают проявляться вскоре после исчезновения здесь богатых погребений покровского типа.

Несомненно, взаимодействие локальных вариантов срубной культуры привело к существенным сдвигам в динамике строительной традиции, возможно, и в развитии металлообработки, вероятно, кардинально менялась социальная структура общества.

4.3. Поселение Преображенка 1. Здесь мы встречаем несколько видоизмененный вариант постройки хозяйственно-жилого типа. В понятие «комплексная хозяйственно-жилая постройка» вкладывается именно суть функциональных особенностей данного типа строений, основанных на конкретном стремлении их обитателей совместить в одном доме, как жилую, так и хозяйственные площади. Комплексные строения иногда создавались простым перегораживанием, то есть разделением первоначально единого помещения, а иногда посредством добавления новых построек [Арутюнов, 1989, с. 41]. Не станем утверждать, что этот тип постройки (рис. 49, 38) появляется в степном Заволжье именно как следствие культурных контактов с лесостепью. Видимо, тенденция к разграничению внутреннего пространства дома на жилую и подсобные площади возникает еще раньше (Трумблицкое). Но чрезвычайно показателен тот факт, что к длинному котловану преображенского жилища с восточной стороны пристроено еще одно дополнительное помещение, что

очень сближает его с комплексом построек 7 и 42 Мосоловского поселения, исследованного в лесостепном Подонье [Гетманский, 1986, с. 109].

Динамика заметна и в деталях: тамбур входа не только имеет четкие очертания, но и оснащен длинными ступенями, зафиксированными глиняной обмазкой; столбовые опоры кровли зарыты в грунт, здесь уже две, а не одна осевые линии несущих опор; стены надстройки снаружи утепляются зольной обваловкой; совершенствуется приочажный комплекс (появляется некоторое количество хозяйственных ям внутри котлована); магистральный канавообразный проход из жилого помещения в переднее подсобное указывает на конкретный проем в поперечной перегородке; наконец, ярко выражен один из оформившихся домашних культов (человеческое жертвоприношение, посвященное факту возведения жилья).

Керамика Преображенского поселения, о классификации которой также сообщалось в специальной статье [Лопатин, 1991, с. 42–52], отразила некоторые признаки сложного взаимодействия местных племен с сопредельными культурами на этапе становления местных структур. В многочисленной серии сосудов Преображенки (рис. 49, 39–46; 50, 2–20) имеется типичная раннесрубная посуда, которая прежде характеризовала бережновские комплексы. Вместе с тем, в одном комплексе с ней присутствуют фрагменты сосудов характерного покровского типа.

Крупный сосуд с налепным, треугольным в сечении валиком в виде зигзага, налепная горизонтальная ручка и фрагменты бронзового сосуда с имитацией защитного валика, находящие отдаленные аналогии в материалах некоторых срубных поселений западных территорий, расцениваются как следствие опосредованных контактов с Подоньем и Поднепровьем (рис. 50, 20). И, кроме того, в материалах Преображенки имеется несколько фрагментов керамики с реликтовыми признаками предшествующей эпохи средней бронзы (рис. 49, 45, 46).

В целом керамика Преображенки характеризуется как сформировавшийся во всех своих основных типах срубный комплекс. Традиционно доминируют баночные сосуды, особенно закрытый и прямостенный типы (соответственно 41,12% и 21,32%). В группе слабопрофилированных наиболее весом коротковенчиковый тип (14,44%). В преображенском керамическом комплексе появляется тип сосудов с раструбовидными венчиками. Доля их невелика, всего 1,78%. Несомненно, что это местная реплика колоколовидной посуды, отражающая уже значительную степень нивелировки покровских традиций.

Инвентарь, характеризующий комплекс постройки № 1, представлен обуглившимся фрагментом деревянного сосуда; костяными проколкой и рукоятью; каменным терочником и бронзовой швейной иглой (рис. 49, 47–50). В качестве косвенных признаков возможного существования домашнего

жертвенника могут служить овалный глиняный предмет, напоминающий головку змеи, и сосуд с необычной, явно сакральной, орнаментацией. Культурным деревянным моделям повозок могли принадлежать также глиняные колесики, на одном из которых утолщением показана втулка.

Разнообразие предметов инвентаря из постройки № 1 в их функциональной значимости (игла, терочник, рукоять, проколка, тупики) – лучшее свидетельство полифункциональности самой хозяйственно-жилой постройки, обитатели которой занимались здесь различными мелкими придомными производствами. Но в то же время некоторые трудоемкие виды производства уже выносятся за пределы жилья в специально построенные для этого помещения. Такова постройка № 2 – кожевенная мастерская (рис. 50, 1). Ее реконструкция представляется затруднительной, поскольку здесь не зафиксировано ни одной столбовой ямки. Грунт, в котором был вырыт котлован этой полуземлянки, – плотный суглинок, поэтому ни одна из опор не погрузилась в него даже под тяжестью кровли. Как и в постройке Трумбицкого, столбы здесь явно не были зарыты. Котлован неправильно-прямоугольной формы, с выступом пологого входа в северной короткой стене, ориентирован с юга на север. Размеры 12 x 9 м, глубина в материке 15–20 см. В южной части помещения расчищен очаг, возле которого зафиксированы развалы двух крупных сосудов. Тот, что поменьше (типично срубная корчажка), был вставлен в более крупный сосуд покровского типа с воронежскими и петровскими чертами (рис. 50, 14).

Около западной стенки выявлена обширная яма, заполненная золой и обломками костей животных. Еще два углубления с пологими краями, связанные со скоплениями керамики, костей и различными инструментами, как бы фиксировали конкретные места производственной деятельности. Благодаря тщательной расчистке пола с оставлением материала на месте, удалось точно проследить распределение орудий труда в помещении.

Всего было найдено 17 предметов (рис. 50, 21–29), отвечающих функциям тех или иных орудий труда: костяной струг из лопатки крупного животного, обломки костяных тупиков, рукояти; проколки, упор со специальным отверстием – приспособление для усиления нажима на проколку, крупная кварцитовая пластина и скребок, костяное полусферическое пряслице, обломки каменных сверленных топоров со следами вторичного использования как орудий для разминания кож. В непосредственной близости от постройки № 2, около наружного очажка найдено бронзовое тесло с секировидным лезвием (рис. 50, 23).

Специфический состав орудийного набора позволяет предполагать определенную производственную специализацию второй постройки как мастерской по обработке шкур животных, выделке кож, пошиву кожаной одеж-

ды и обуви, шерстопрядению. Яму, заполненную золой, в данном случае можно интерпретировать как аналогичную в этнографических материалах зольную ванну для обезжиривания свежих шкур – технологического приема, облегчавшего мездрение и волососгонку [Малинова, Малина, 1988, с. 78].

Среди фрагментов нестандартной керамики, происходящих из второй постройки, выделим, кроме упомянутого синкретичного сосуда, несколько обломков явно покровского облика, интересных тем, что у некоторых орнаментирована внутренняя часть венчика. Необычен фрагмент желобчатого изнутри венчика с налепным валиком, расположенным на внешней стороне (рис. 50, 20).

Еще одно производственное помещение на Преображенском поселении – постройка № 3 – представляет собой котлован прямоугольной формы, ориентированный с юго-востока на северо-запад (рис. 50, 2). Его размеры 25 x 13 м, глубина в материке до 0,5 м в западной части и 0,3 м на восточном краю, выходящем к склону балки, куда сбрасывали очажные массы, шлаки и прочие отходы. Система столбовых опор также не установлена из-за отсутствия ямок. К северо-западной торцевой стене вплотную примыкает дугообразная канава шириной от 1 до 2 м. Глубина ее постепенно понижается от 0,5 м в северо-западных отрожках до 1 м в той части, где она примыкает непосредственно к котловану постройки.

Среди обычной срубной керамики здесь присутствует еще один фрагмент каннелированного сосуда (рис. 50, 15), а также небольшая серия находок, свидетельствующая о местной металлообработке. Это сливной край глиняного тигля с ошлакованной внешней поверхностью (рис. 50, 29), фрагменты глиняного сопла (рис. 52, 3), два обломка бронзового сосуда, видимо, утилизированного для переплавки (рис. 52, 22), а также фрагмент глиняной формы для отливки тесла. Этот специфический набор артефактов позволяет предполагать, что третья постройка Преображенского поселения функционировала как литейная мастерская. Дугообразная траншея около котлована может быть интерпретирована как арычная система водоснабжения, обеспечивающая мастерскую дождевой водой, собираемой на верхних участках террасы. Около мастерской зафиксировано большое количество шлаков (некоторые куски содержат окислы не полностью выделившейся меди).

Реконструкция постройки также затруднительна из-за отсутствия здесь следов столбовых опор кровли. Но среди всех известных в регионе специализированных строений, связанных с металлургическим производством, преображенскому варианту наиболее близка литейная мастерская, исследованная на поселении Липовый Овраг [Агапов, Иванов, 1989, с. 137]. Это было сооружение без стен, с пологим двускатным навесом, который опирался на столбы каркаса и перекрывал лишь половину котлована.

Все три постройки Преображенского поселения были сооружены в одно время и представляли собой застройку типичного большесемейного хутора, специализировавшегося на разведении скота и обработке продуктов животноводства. Данные стратиграфии показывают, что литейная мастерская функционировала недолго и была оставлена, когда жизнь в большом доме еще продолжалась и действовала мастерская по обработке кож. Заполнение котлована третьей постройки состоит из смеси золы, костей и битой посуды – в последнее время обитатели хутора использовали ее в качестве мусоросборника.

Период жизнедеятельности Преображенки представляется довольно продолжительным. Здесь четко прослеживается раннее взаимодействие степных и лесостепных традиций. Они весьма наглядно отразились в сложном облике керамического комплекса. Материалы других (малоинформативных) памятников региона, отнесенных к покровскому времени, в той или иной степени насыщены реликтовыми или инокультурными индикаторами, фиксирующими эпоху бытования данных комплексов. Небольшие керамические серии, происходящие из Александровки, Ружьевки, Алтаты 18, Натальино 1, Сор-Айдын 1, поселения Мост 2, Богатого, Караульского, помимо типичной срубной керамики, представлены также фрагментами с реликтовыми элементами (это кольцевидные отгиски, отпечатки перевитого шнура, оформление венчика по типу вольско-лбищенской посуды).

4.4. Успенское поселение. И. В. Сеницыным здесь исследована большая хозяйственно-жилая постройка № 3, типологически очень близкая постройке № 1 из Преображенки (рис. 50, 38): прямоугольный котлован, ступенчатый тамбур входа с торцевой стороны, очаг в противоположной входу половине, приочажные корчаги. Скорее всего, конструкция каркаса была аналогичной преображенской, хотя в успенском жилище выявлено очень мало ямок от столбовых опор. Отличие в том, что здесь уже не одна, а две боковые пристройки, интерпретированные автором раскопок как загон для зимнего содержания молодняка домашних животных. Вероятно, как и в Преображенке, жилую часть от привходового пространства отделяла поперечная перегородка. Отмечены здесь и следы такого же наружного утеплителя – зольной обваловки стен надстройки.

Керамика Успенского поселения – типичный сформировавшийся комплекс срубного облика (рис. 50, 39–47). Отдельными признаками покровские остаточные черты все-же фиксируются, например, в виде подтреугольных отгисков и «протащенного» штампа, все еще присутствуют реликтовые элементы орнаментации.

Процентное содержание отдельных типов посуды очень напоминает ситуацию Преображенки. В группе баночных сосудов доминируют закрытый и прямостенный типы (соответственно 38,9% и 23,5%), в группе слабопрофили-

рованных – тип коротковенчиковых (14,4%), как и в Преображенке, есть сосуды с раструбовидными венчиками (1,8%).

И. В. Синецын относил Успенку к позднесрубному времени, впрочем, как и все известные в то время заволжские поселения. И хотя здесь не было валиковой керамики, костяной наконечник «скифского» типа, обнаруженный в комплексе заготовок в одной из причажных корчаг (рис. 50, 37), позволил автору раскопок довести верхнюю дату памятника до начала I тыс. до н. э. [Синецын, 1949, с. 223].

Используя периодизационную схему О. А. Кривцовой-Граковой, автор самых первых исследований на Успенском поселении А. И. Тереножкин, напротив, относил этот памятник к первой покровской ступени срубной культуры (XVI–XIV вв. до н. э.).

Н. К. Качалова относала успенский комплекс ко второму этапу своей периодизации срубной культуры Нижнего Поволжья, что соответствует покровскому времени, но непосредственно с покровскими памятниками Успенку не связывала [Качалова, 1985, с. 40, 57, рис. 4; с. 58, рис. 5].

Опыт статистико-комбинаторного анализа и сравнения керамики заволжских поселений показал самую раннюю позицию Успенки среди всех известных к началу 80-х г. комплексов Заволжья [Лопатин, 1987, с. 134]. В то время еще не были исследованы Трумбицкое и Преображенка, поэтому в периодизационной схеме для степных поселений между самыми ранними донными стойбищами и Успенкой можно было поместить только Чапаевку 2 [Лопатин, 1989, с. 138].

Учитывая близость конструктивных особенностей комплексных хозяйственно-жилых построек Преображенского и Успенского поселений, а также другие признаки, проявляющиеся в керамике и инвентаре, например, реликты средней бронзы и элементы покровска, следует, видимо, относить их к единому кругу памятников, оставленных срубным населением во время становления культуры. Этот период характерен активным взаимодействием степных племен Волго-Уралья с родственными им племенами лесостепи в широком диапазоне (вероятно, от Дона до Зауралья), а также появлением здесь социально значимых групп, оставивших в степи выдающиеся погребальные памятники типа Покровских курганов.

Немногим более ранним представляется построечный комплекс Трумбицкого поселения. С Преображенкой его сближает характерный ранне-срубный керамический комплекс с позднепокровскими реминисценциями.

Н. К. Качалова отмечала, что проникновение лесостепных культурных традиций в Заволжье не могло существенно повлиять на естественное развитие степных племен [Качалова, 1984, с. 33], в керамике здешних поселений покровских признаков мало. Да и расположены эти памятники исключи-

тельно вдоль Волги и в тех районах степи, что непосредственно граничат с лесостепной зоной.

Известны еще 11 малоинформативных комплексов, материалы которых содержат покровскую посуду и которые находятся именно в контактной зоне: *Скатовка*, *Светлое Озеро 16*, *Натальино 5*, *Вихляный Овраг 1, 2*, *Покровское селище*, *Верхнесаратовское*, *Учхоз*, *Федоровка 1*, *Крутояровка*, *Красный Яр* (рис. 50, 30, 31, 32–36; 51, 1–22, 31). Но даже на таких незначительных материалах отчетливо заметна нивелирующая динамика покровской традиции в срубном массиве.

Среди указанных памятников особняком стоит Скатовское поселение – одно из самых ранних (заволжских) в рамках покровского времени. Наряду с типично срубной и покровской посудой традиционных форм и декора, здесь присутствует небольшая серия сосудов, оформление венчиков и орнаментация которых напоминает вольско-лбищенские традиции. Им близки также некоторые экземпляры поселения Натальино 5. К наиболее ранним покровским образцам, видимо, следует отнести также сосуды с широкими пальцевыми каннелюрами на шейке – ярчайшим признаком, пришедшим, скорее всего, из синташтинско-петровских традиций. В пользу ранней даты Скатовки наглядно свидетельствуют и два фрагмента литейных форм для отливки крестовидных подвесок (рис. 50, 35, 36). Аналогии им известны в допетровских и петровских материалах лесостепного Зауралья [Малов, 1992, с. 38].

Весьма интересны материалы двух комплексов Вихляного Оврага. Большинство представленной здесь керамики имеет ракушечную примесь. Непосредственно покровские сосуды – четко выраженных колоколовидных форм. Они близки аналогам из материалов поселения Вишневое, раскопанного на противоположном берегу Волги [Дремов, 1992, с. 74–84]. Видимо, в это время ближнее Заволжье постоянно ощущает давление лесостепных племен с покровскими чертами материальной культуры, плотно заселивших правобережье. Но восточнее прибрежных районов, в консервативную глубинную степь эта экспансия так и не проникла.

В материалах Покровского селища, поселений Верхнесаратовское, Учхоз, Красный Яр, Федоровка, Крутояровка, Трумбицкое чувствуется заметный спад покровского воздействия. Колоколовидность формы в ее классическом варианте уже не соблюдается, венчик (внутреннее ребро, желобок) оформляется небрежно, и скоро сnivelированные покровские признаки едва улавливаются только в декоре типично срубных форм.

Такова динамика покровского времени на поселениях контактной зоны. На бытовые памятники глубинной степи вдоль Узены и северной полупустыни Прикаспия элементы покровска вообще не проникали. С Волги на Урал они могли перемещаться только по традиционному водному пути степных рек – Большому Иргизу, Камелику, Чалыкле и Деркулу (рис. 1) [Рыков, 1929, л. 7].

Отчасти вероятность широтных перемещений синташтинско-петровских и покровских традиций по этому пути косвенно подтверждается некоторыми признаками, отмеченными на керамике малоинформативных поселений Малая Тарасовка (р. Камелик) и Светлое Озеро 16 (р. Большая Чалыкла). Более всего показательна в этом плане характерная орнаментация сдвигом штампа на глиняной крышке из Малой Тарасовки.

4.5. Поселение Чесноково 1. На Деркуле, на самом финале покровского времени, мы встречаем интереснейший тип постройки, которую пока, без сомнения, можно считать венцом строительного мастерства срубных племен (рис. 51, 23). Она была исследована в 1987–1988 гг. Н. М. Маловым на поселении Чесноково 1 [Малов, 1987, с. 30]. Среди комплексных хозяйственно-жилых строений региона это самый сложный и развитый по своей инфраструктуре объект.

Постройка состоит из трех помещений, соединенных между собой короткими тамбурами. Котлован основного помещения правильной прямоугольной формы, размерами 15 x 10,5 м и глубиной до 1 м в материке, ориентирован с юго-запада на северо-восток. В его левом северном углу имеется проход, оформленный ступенями на подъем в боковую пристройку – длинное узкое помещение с автономным котлованом, который отделен от основного узкой, специально оставленной грунтовой перегородкой шириной всего 85 см. Размеры пристройки 12,5 x 3,4 м, уровень пола несколько выше, чем в основном помещении. Через северо-восточную торцевую стенку короткий тамбур выводит в небольшое привходовое помещение подквадратной формы, где уровень пола также повышается. Размеры передней пристройки 7,4 x 5,7 м. Ее правый северо-восточный угол оформлен двумя ступенями, где был оставлен проем внешнего входа в дом.

Обычай зарывать основания столбов каркаса в грунт к этому времени уже становится традиционным явлением, поэтому следы опор хорошо фиксировались в чесноковской постройке. Вдоль стенок всех трех помещений прослеживались ямки от контурных обводов, несущих стены. Интересно, что основное помещение и боковую пристройку разделяли две каркасные стены, между которыми оставалось длинное и узкое пространство. Оба котлована, несомненно, были перекрыты одной общей кровлей, и между ними оставался сухой тупичок – место хранения домашнего инвентаря или зимнего корма для животных. Соответственно и сама боковая пристройка, вероятно, была предназначена для содержания молодняка скота.

Две осевые линии опор в котловане основного помещения поддерживали продольные маточные балки, роль которых в конструкции каркаса была не равнозначна. Линия опор, смещенная в юго-восточную сторону, играла вспомогательную роль. Она только поддерживала один скат кровли. А стол-

бы второй линии фактически фиксировали ось комплекса, которая проходила от южной стенки основного котлована до центрального столба в передней пристройке. На этих столбах лежали балки верхнего конька, от которого начиналось «падение» скатов единой кровли. Северо-западный скат удлинился выступом над боковой пристройкой, а юго-восточный сплошной наклонной плоскостью проходил над правой половиной всего комплекса. Уместно предположить, что своеобразное устройство внешнего входа и наличие центрального столба в передней пристройке подразумевают именно шатровое окончание кровли над северо-восточной частью дома.

Основное помещение обогревалось открытым очагом, расположенным по традиции в противоположной входу половине. Около него расчищен развал крупной корчаги, наполовину врытой в пол. Еще один очажок с характерным прокалом грунта зафиксирован в передней пристройке, непосредственно перед тамбуром, ведущим в основное помещение. Он создавал эффект теплоизоляции перед входом. В правом северо-восточном углу жилого помещения расчищены длинная траншея, заполненная золой, и подпрямоугольная хозяйственная яма. Местами вдоль стенок прослеживались полосы золы просочившегося снаружи утеплителя.

Организация внутреннего пространства чесноковской постройки красноречиво свидетельствует о расширении именно жилой сферы строения и частичного выведения за ее пределы хозяйственных объектов. Котлован основного помещения был предназначен исключительно для жилья. Заполненная золой траншея, по мнению ряда исследователей, – это приходящий на смену земляным нарам новый тип спального места с подогревом теплой очажной массой [Зданович, 1970, с. 148, 151; Зданович и др., 1973, с. 448; Игина, 1977, с. 202]. Теплоизолирующее действие дополнительного привходового очага в переднем помещении вполне позволяло использовать в качестве жилья всю основную камеру, а не только ее заднюю, противоположную входу часть. Поэтому и спальное место с подогревом не тяготеет к очагу, как это было с земляными нарами в более ранних постройках.

Некоторые артефакты отражают достаточно полно выраженный комплекс домашних культов. Погребение около южного края постройки, по местоположению очень напоминающее ситуацию в Преображенке, мы можем предположительно расценивать как посвященное жилью человеческое жертвоприношение. А в южном углу основного помещения зафиксирована ритуальная площадка, в центре которой в специальном углублении вертикально располагался каменный фаллоидный предмет с двумя незаконченными встречными сверлинами (рис. 51, 33). Вокруг него расчищена серия мелких ямок с посвященными символическими жертвами (обломки костей, створки раковин, мелкие фрагменты керамики). Фаллические культы, широко

распространенные на востоке в большом хронологическом диапазоне, издревле были связаны с символикой плодородия.

Керамический комплекс Чесноковского поселения (рис. 51, 24–25, 31, 32) характерен значительными изменениями, касающимися, прежде всего, процентного соотношения отдельных его типов. И хотя по-прежнему перевес имеют баночные формы (закрытые – 21,9%, прямостенные – 14,6%), заметно возрастает удельный вес острореберной посуды, и особенно типы прямоплечих (12,1%) и вогнутоплечих (14,6%) горшков. Столько же составили типы прямостенных банок и коротковенчиковых сосудов в группе слабопрофилированных. В этой же группе совсем исчезает тип с раструбовидным венчиком.

В декоре некоторых сосудов отчетливо проявляются алакульские заимствования – меандр, многорядный зигзаг, косо свисающие цепочки. Небольшое количество покровских признаков отразилось в керамике как отживающие реминисценции. Толченой раковины в примеси уже нет, отсутствуют и характерные расчесы, желобки и реберчатость на внутренней стороне венчиков некоторых фрагментов не так явно выражены. Вместе с тем, в комплексе чесноковской постройки имеется костяной наконечник стрелы с приостренным черешком и выделенными жальцами (рис. 51, 35). Наряду с костяными трехгранными и кремневыми сейминскими образцами, такие стрелы встречаются в погребальных комплексах покровского времени [Васильев и др., 1985, с. 88, рис. 4, 18]. О том, что стрелковое вооружение здесь же и производилось, отчасти может свидетельствовать фрагмент выпрямителя древков стрел, изготовленного из мелкозернистого песчаника (рис. 51, 34).

Фрагмент небольшого сосуда с зауженным устьем, коротким вертикальным венчиком и резным геометрическим орнаментом, размещенным в узких зонах, намечает еще один аспект внешних контактов местного населения, а именно с земледельческими оазисами Средней Азии, где похожая посуда встречается в материалах тазабагьябской культуры Южного Приаралья (рис. 51, 32) [Итина, 1977, с. 36, рис. 40, 4]. Определенное сходство с чесноковской постройкой обнаруживают и тазабагьябские полуземлянки, особенно на поселениях группы Кокча [Там же, с. 48, рис. 6; с. 53, рис. 9; с. 54–55, рис. 10–12]. Создается впечатление, что приаральские постройки с длинными тамбурами, соединяющими основные котлованы с передними пристройками, – не что иное, как позднейшее развитие именно чесноковского типа комплексного жилища.

Аналогии тазабагьябским предвходовым сооружениям (айван), конструктивно идентичным передней пристройке в Чесноково, М. А. Итина находит в работах Л. Бинфорда, исследовавшего постройки культуры «корзинщиков» на американском Юго-Западе, и вслед за ним объясняет их как необходимый элемент южного строения, обеспечивающий вентиляцию жилого

помещения. Она особо отмечает, что уровень пола айвана выше, чем пол жилой камеры. Этот же признак зафиксирован в Чесноково. Интересно, что архаичный «гостевой» дом (мехмонхона) таджиков верховьев Зеравшана, этнографически наблюдавшийся еще в начале XX в., был оснащен привходовой террасой (айвон), которая выполняла те же функции [Рахимов, 1975, с. 78]. Е. Е. Кузьмина отмечала, что каркасно-столбовые дома, до настоящего времени распространенные на Памире и в Северном Индостане, не имеют генетических корней в местном домостроительстве, и традиция их возведения была привнесена туда в процессе расселения индоиранских племен из степной Евразии [Кузьмина, 1988, с. 39]. Объясняя появление в Южном Приаралье прямоугольных домов-полуземлянок, М. А. Итина связывает этот факт непосредственно с приходом в Среднеазиатский регион срубно-андроновских групп населения из северных степей [Итина, 1977, с. 198]. Вполне вероятно, что время чесноковского построечного комплекса характерно установлением связей степного населения Волго-Уралья со Средней Азией. Не исключено также, что имел место и некий исход отдельных племенных групп в юго-восточном направлении.

ГЛАВА 5

ПРЕСТИЖНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ПОКРОВСКОГО ТИПА

Престижные погребальные комплексы и отдельные случайные находки, представляющие собой предметы вооружения или детали конской упряжи, неординарная синкретичная посуда и прочие артефакты героической эпохи очень важны для понимания процессов культурогенеза. Они представляют лицо своего сложного времени, наполненного яркими событиями этнокультурных подъемов, миграциями, противостояниями, борьбой за вмещающие пространства и богатые рудные источники.

Само понимание престижности фатально (и весьма поверхностно) складывалось в среде исследователей под влиянием фактора насыщенности комплекса яркими и редкими артефактами, каковыми являются предметы вооружения, конской упряжи, богато орнаментированная и хорошо диагностируемая в культурном отношении керамика. Все эти вещи представляют собой надежные культурно-хронологические реперы, а по социокультурному содержанию всегда ассоциируются с гипотетическими стратами аристократов героической эпохи. В расчет принимается также планиграфическая центричность богатых воинских погребений в больших курганах и явная подчиненность сопровождающих захоронений рядовых общинников, женщин и детей с менее эффектным инвентарем.

Поверхностность данного восприятия напрямую зависит от представительности материальных показателей археологических комплексов. Известны центральные погребения в больших курганах покровского времени, в обширных ямах с деревянными конструкциями, где представлен невзрачный инвентарь или вещей совсем нет. Неизбежно возникает сложность с социокультурной интерпретацией таких погребенных, и чаще всего их относят к рангу духовных лиц (жрецов). Неизменно срабатывает стереотип, экстрапо-

лируемый из фиксированных систем ведического типа, где представители одной из высших варн брахманов – всегда аскеты, лишенные тягот богатства, а кшатрии – воины и всадники – отмечены блеском оружия и роскоши.

Такие ситуации в археологии неизбежны, поскольку археолог всегда идет к пониманию проблемы от материала. Данные, накопленные раскопками в нашем северном регионе Нижнего Поволжья, отчасти позволяют представить культурно-хронологическое соотношение престижных воинских комплексов покровского времени. Это соотношение устанавливается по результатам многолетних исследований в области типологии предметов вооружения, конской упряжи и керамики. Предлагаемая здесь схема преемственности основана на принципе внутрикомплексных связей артефактов, связей, в которых ведущая роль отводится диагностируемому керамическим сосудам покровского типа (рис. 43–48).

Схема условно подразделяется на три раздела: соотношение комплексов по типам ножей-кинжалов (рис. 43–44), по наконечникам копий (рис. 45–46) и по щитковым псалям (рис. 47–48). Сочетания в одном комплексе всех компонентов (горшок, нож, копье, псалий) очень редки. Здесь представлен только один архаичный набор из Кондрашкино (рис. 43, 1; 45, 2; 47, 3). Во всех остальных случаях имеются лишь парные сочетания или же предметы фиксировались в единственном числе.

Каждый раздел нашей схемы стратифицирован по простому формальному принципу – на ранний и поздний горизонты, и это указывает на ее открытый (рабочий) характер. Схему следует в дальнейшем дорабатывать и усложнять, дополняя ее синхронными материалами покровского, абашевского, синташтинского, потаповского, воронежского, катакомбного, криволукского, токсанбайского, бабинского типов, а также имеющимися абсолютными датами. Со временем это позволит более объемно и широкоформатно представлять сложное время начала эпохи поздней бронзы.

Пока лишь отметим, что на ранней фазе, соответствующей рубежу и началу позднего бронзового века, намечаются две линии развития металлических ножей-кинжалов. Прообразы этих форм (простые листовидные) следует искать в поздних комплексах средней бронзы (Светлое Озеро) (рис. 43, 5), пластинчатые с округлой расковкой черешковой пятки (Пещера братьев Гриве) (рис. 43, 4), восходящие к бабинским образцам типа Даумяны, продолжают в материалах Токсанбая (рис. 43, 6), в покровских памятниках (Идолга, Золотая Гора) (рис. 43, 7; 44, 4). Вторая линия типично покровских ножей с ромбическим окончанием пятки черешка восходит к абашевской традиции. Здесь наиболее архаичны предметы из Кондрашкино, Дубового Гая, Скатовки, Линево (рис. 43, 1–3, 8), которые диагностируются специфическими чертами керамики (абашоидные реминисценции сосудов Дубового Гая, абашев-

ско-бабинский синкретизм Кондрашкино, абашевско-синташтинские черты Скатовки). На более позднем этапе подобные формы ножей сохраняются, но в комплексах с покровскими сосудами появляются также волго-уральские варианты, которые позднее становятся типичными для срубных памятников (рис. 44). Заметно, что покровско-абашевские признаки этих сосудов начинают постепенно нивелироваться в сторону осрубнения. Но здесь же присутствуют исключительно материалоемкие и неоднозначные наборы, как, например, погребение из Баранниково, где в керамическом гарнитуре можно отметить устойчивые абашевские и даже вольско-примокшанские реминисценции в виде специфического орнамента на крышке миниатюрного сосудика (рис. 44, 1).

Традиционно архаичными считаются наконечники копий с раскованной втулкой, которые составили ранний горизонт нашей схемы (рис. 45). Обычно они связываются с развитием абашевской технологии, но, несомненно, восходят к традиции контактов постшнуровых и посткатакомбных культурных групп в конце средней бронзы, что иллюстрируется уникальным комплексом из Сторожовки (рис. 45, 1). Похоже, что все комплексы позднеабашевского и раннепокровского облика, где известны копья с раскованными втулками, отмечены признаками межкультурного взаимодействия, влекущего за собой появление синкретичных керамических вариантов – абашевско-бабинских в Кондрашкино (рис. 45, 2), покровско-воронежских в Покровске (рис. 45, 3).

Этот синкретизм, в частности абашевско-покровско-воронежский, замечен и на более поздней фазе, например в комплексе из большой Пластицы, где есть уже устоявшийся, выработанный покровской традицией тип литого наконечника со слепой втулкой, манжетой и боковой петелькой (рис. 46, 2). Особенности этой группы наконечников копий рассматриваются далее в связи с анализом копья из кургана Ивановского разъезда (рис. 46, 3). Позднекатакомбные реминисценции очевидны в общем облике сосуда из Карамыша (рис. 46, 5), где имеется оригинальный покровский наконечник копья с имитацией архаичного обшлага – предтечей манжеты основания втулки.

Копье из Березовки замыкает линию вариантов с боковыми петлями (рис. 46, 8), а наиболее поздним является наконечник из Медяниково (рис. 46, 9), с которым обнаружены раннесрубные сосуды с покровскими реминисценциями.

Третий раздел посвящен псалям – единственной устойчивой во времени категории конской упряжи (рис. 47–48). Анализ данного вида артефактов содержится в текстах последующих частей данной главы, в связи с характеристиками бородаевского и нижнекрасавского экземпляров. Здесь же, касательно преемственности самих вещей в покровских комплексах, отметим истори-

ческую подоснову покровской группы, которая представлена архаичными староюрьевскими типами из курганов Селезни 2, Дубовый Гай, Кондрашкино, Клещевка, Суворовский (рис. 47, 1–5). Они характеризуются низкими планками с горизонтальными линиями отверстий под прошву храпового ремня, а также отклонениями в способах крепления суголовных ремней. Наиболее ранний вариант покровских псалиев представлен предметом из Идолги с гипертрофированно малой планкой (рис. 47, 6), обнаруженным в комплексе с удивительно архаичным ножом катакомбного типа.

Последующие псалии покровского типа развивались по трем линиям. Самые сложные варианты – трехдисковые: из Баранниково (рис. 48, 1) и более поздний, в сравнении с ним, вариант из Тарумовки (рис. 48, 6). Последний является в большей степени покровским, это следует из особенностей устройства планки, и, кроме того, сопровождающая его керамика несет в себе значительное количество изменений по линии приближения к срубным показателям.

Вторая линия представлена неординарным экземпляром из Бородаевки (рис. 48, 5), который является результатом не вполне удачного симбиоза староюрьевских, синташтинских и раннепокровских традиций. Анализ этого предмета представлен ниже, в характеристиках бородаевского погребального комплекса.

Третью линию характеризуют псалии бесшипных конструкций из Полян (рис. 48, 3), Нижней Красавки 2 (рис. 48, 4) и Сторожовки (рис. 48, 9). Традиционно бесшипные псалии воспринимаются как более поздние по отношению к псалиям с шипами (как цельнорезными, так и вставными), но здесь предложена версия, согласно которой оба типа дисковидных псалиев являются одновременными, выполняющими одинаковые функции, но несколько различные задачи. Бесшипные детали узды были предназначены для определенного этапа тренинга колесничных лошадей, между капцугом и строгой упряжью с шипами. Подробнее об этом – в разделе с анализом псалия из Нижней Красавки. В целом же шипастые (вставные) и бесшипные псалии покровского типа являются наиболее поздними щитковыми изделиями с высокими треугольными планками, где отверстия под прошву храпового ремня иногда располагаются под углом.

В главе, посвященной престижным объектам и отдельным комплексам покровского типа, представлены материалы памятников, которые были открыты и исследованы в основном в последние годы.

5.1. Курган у Ивановского разъезда. Курган стоял на гребне коренной правобережной террасы, основа которой сложена палеогеновыми гравиями. На них чередуются четвертичные пески, глины и суглинки с поверхностными подзолами и черноземами, в зависимости от покровной растительности. Здесь наблюдается активная поверхностная денудация восточных склонов

Приволжской возвышенности, которые рассечены древними балками с байрачными лесами (например, Буркин Буерак с текущим по его ложу ручьем), а также молодыми крутостенными оврагами. Террасы правого берега Волги покрыты реликтовыми широколиственными лесами, в составе которых доминируют дуб, береза, осина, клен. Кромка леса подходит вплотную к гребню Приволжской возвышенности, а западнее наблюдается мозаичное распределение древесных видов. Здесь довольно обширны сухостепные участки с ковыльями и полыньями, в основном распаханые. В древности здесь имели место эоловые процессы, образовывались участки подвижных дюн, которые уже давно задернованы, а в настоящее время засажены лесополосами (преимущественно береза, вяз, ясень, сосна). В общих чертах данную природно-географическую зону можно квалифицировать как южный вариант лесостепи, граничащий с обширными прикаспийскими степями и полупустынями.

Курган у разъезда «Ивановский» сооружен в самом начале эпохи поздней бронзы, в период активных культурногенетических процессов на территории степного и лесостепного Волго-Уралья. Исторически эти явления были обусловлены динамичным развитием скотоводческих обществ древних индоиранцев на обширных территориях Центральной Евразии. Это было явное ускорение общественных процессов, характеризующееся усложнением социальной структуры, подъемом экономики и обособлением ремесел, активным политогенезом в условиях военной обстановки и изменением вмещающих ареалов.

Первым и основным в кургане является погребение 8, сложный и социально престижный комплекс, который в обрядовом аспекте квалифицируется как кенотаф. Знаковая символика погребальной обрядности и сопроводительного инвентаря указывают на то, что здесь был отправлен похоронный ритуал, посвященный представителю воинско-вождеской элиты, по всей вероятности, погибшему далеко от мест постоянного обитания своей родовой общины. Существует мнение, согласно которому кенотафы не обязательно связаны с невозможностью похоронить тело [Шнирельман, 1985, с. 91; Иванова и др., 1993, с. 25], а реальные останки уважаемого представителя коллектива могли использоваться в сложнейшей ритуалистике, связанной с их вещественной фиксацией и увековечиванием в виде частично или полностью мумифицированных объектов. Действительно, в этнографии океанических народов (именно там вышеупомянутые авторы указывают аналогии) существует множество данных об особом почитании умерших родственников и высоким статусе выдающихся предков, которых сохраняли в виде прокопченных мумий и помещали в интерьере поселков (особые хижины) или в специально отведенных для них темных углах жилых помещений. Эти объекты считались особыми членами общества, так называемыми «тихими», с которыми

общались, советовались и которым оказывали соответствующие почести [Фальк-Рённе, 1985, с. 78, 144, 165–166]. Но прямая экстраполяция этого материала на праиндоиранскую археологию Центральной Евразии категорически неуместна.

Кенотафы – явление нередкое в культурах бронзового века Нижнего Поволжья, и с этой специфической ритуалистикой связана определенная историческая преемственность. обстоятельная систематизация символических погребений (кенотафов) катакомбной культуры представлена в книге В. И. Мельника, отметившего наибольшую их концентрацию в Калмыкии и на Нижнем Дону [Мельник, 1991, с. 45]. Интересно замечание автора о возможной связи двух сакральных идей – кенотафа и жертвоприношения. Жертвенники в курганах определенно связываются с теми или иными погребениями как заупокойные и поминальные тризны. В нашем комплексе символическое захоронение было особо почитаемым объектом, поскольку по прошествии некоторого времени здесь была совершена тризна в насыпи кургана, непосредственно на перекрытии могилы.

По данным, приводимым в работе Н. М. Малова, кенотафы были присущи многим культурам эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии (абашевской, катакомбной, покровской, раннесрубной), причем в определенный период [Малов, 1989, с. 93]. И если учесть, что кенотафы – привилегия знати, и в них часты находки оружия, то уместно предполагать военный характер этого времени и связанные с ним значительные людские потери. В сражениях воины нередко пропадают бесследно, но нельзя не воздать герою погребальные почести, поскольку только в этой обрядности умерший может получить возможность перехода из мира живых в мир мертвых для воссоединения с предками и встречи с богами. Это, пожалуй, основная предпосылка такого явления, как кенотаф – символическое погребение без останков умершего.

О высоком положении в обществе человека, которому посвящена центральная могила Ивановского кургана, говорят также такие признаки, как выбор места для кургана – высокий участок коренной волжской террасы на границе лесного и степного массивов, сооружение большой могильной ямы, традиционно ориентированной на север, устройство сложной конструкции деревянного перекрытия со столбовыми опорами, продольными балками и имитацией двускатной кровли священного дома¹. Немногочисленный, но яркий и престижный инвентарь (рис. 23, 3–5, 7, 10) – два сосуда, наконечник копья, нож, острие посоха или стрела – лаконично конкретизируют прижизненную специализацию умершего – военного лидера, пользовавшегося

¹ Пожалуй, наиболее близкий, по характеру перекрытия, объект был зафиксирован в кургане № 11 Кайбельского могильника [Мерперт, 1958, с. 92, рис. 5,а; с. 95, рис. 7].

особыми общественными привилегиями. Посмертная привилегия такого человека – возведение над местом его символического захоронения индивидуальной курганной насыпи.

Большие могильные ямы с северной ориентировкой, занимающие центральное положение в подкурганном пространстве, для сооружения которых требовались наибольшие трудозатраты, типичны для погребений знати в памятниках покровского типа [Малов, 1989, с. 85–86; Кузьмина, 1995, с. 29]. Впрочем, крупные размеры могил – неременный признак всех престижных захоронений с оружием, богатыми жертвоприношениями, керамикой, украшениями, не только в покровских, но и в синташтинских, потаповских, раннесрубных и раннеалакульских комплексах.

Как правило, во всех таких погребениях наблюдаются остатки сложных деревянных конструкций – бревенчатых накатников или перекрытий из плах, которые поддерживались продольными балками, лежавшими на вертикальных, вкопанных в дно могил столбовых опорах [Малов, 1989, с. 84]. В Ивановском кургане зафиксирована одна из самых сложных конструкций перекрытия, по некоторым признакам (три продольные балки, наличие вертикальных опор) близкая описанию комплекса из Покровского могильника (к. 7, п. 3) [Малов, 2003, с. 162, 208, рис. 2]. Центральная продольная балка нашего комплекса частично обожжена, и этот признак имеет аналогии в I классификационной группе потаповских курганов, где некоторые большие могилы перекрыты обожженными плахами [Васильев и др., 1994, с. 54]. Очевидно, древнейший прием флеммберрации, применявшийся при обработке древесины, в данном случае был направлен на предотвращение скорой порчи деревянной конструкции под воздействием грунтовой влаги.

Свита детских захоронений 1–6, 9 также является признаком особого почитания главного персонажа в Ивановском кургане. Данные планиграфии (расположение малых ям по дуге вокруг основной могилы в южных секторах) указывают на явную идеологическую связь детских погребений с основным, что позволяет считать их обрядово-сопроводительным комплексом. Наиболее близки центральному захоронению керамические материалы из детских погребений 2–6 (рис. 23, 1, 2, 6, 8), относящиеся к покровскому культурному типу (показатели технологии изготовления посуды, форм и орнаментации). Погребения 1 и 9, отличающиеся по характеру инвентаря, содержащие сосуды раннесрубного облика и с явными катакомбными реминисценциями (рис. 23, 9), вместе с тем, ничем не выделяются в обрядовом отношении. Они четко вписаны в планиграфическую ситуацию, помещены в грунт, а не в насыпь, в них соблюдается единство ритуала (стандартные сочетания сосудов и тризн). Примечательно также, что признаки наличия костей человека, к тому же очень слабые, отмечены только в одном сопроводительном детском захо-

ронении (2). Не отвергая реальной возможности полного разложения детских скелетов или выноса костей по сурчиным норам, все-же выскажем предположение об абсолютной унификации обряда в данном конкретном случае, в котором центральный кенотаф должны были сопровождать такие же символические захоронения свиты – детские кенотафы.

При рассмотрении керамики покровского типа из детских могил заметно, что в целом она вполне сопоставима с двумя крупными сосудами центрального кенотафа (рис. 23, 7, 10) по показателям формы (колоколовидность, явно выраженное или сглаженное внутреннее ребро) и технологии (ракушечная примесь, поверхностная обработка). Пресловутая «колоколовидность», или «вазообразность» (по П. С. Рыкову), – термин ассоциативного порядка, воспринимаемый как понятийная категория – вряд ли может быть исчерпывающим критерием в отношении к покровской керамике. Более конструктивен признак «внутреннего ребра» на обратной стороне венчика, поскольку он отражает технологические особенности формовки сосуда. Этот признак или близкие ему варианты типичны не только для покровских, но и для синташтинских, потаповских сосудов, а также для абашевских и позднекатакомбных и, более того, даже для репинских и среднестоговских. Орнаменты на покровских сосудах ничем не отличаются от срубного декора.

Керамический комплекс покровского типа чрезвычайно многообразен, в нем встречаются синкретичные варианты, отражающие определенные сложности культурогенеза, поэтому индикатором здесь всегда выступает комплекс признаков. Их полное наличие, равно как и отсутствие тех или иных, очевидно, означает некую динамику покровского феномена во времени. Изменения происходили быстрыми темпами, что фиксируется даже в рамках единых комплексов, как, например, в Ивановском кургане.

Здесь наиболее архаичен сосуд из детского погребения 3, которое, несомненно, абсолютно синхронно центральному кенотафу. Во внешних признаках этого покровского горшка (рис. 23, 2) явно проступают черты синташтинских сосудов: реберчатая форма, равное соотношение диаметров устья и тулова, короткий, утолщенный, резко отогнутый наружу венчик, с четко выраженным внутренним ребром на обратной стороне, орнамент, размещенный на плечике и в средней части тулова, отсутствие декора на венце. Подобные принципы формовки и орнаментации керамики фиксируются особенно часто в могильнике «Каменный Амбар-5» (причем, как и в «Ивановском», на многих синташтинских реберчатых сосудах на плечо наносился именно зигзаг) [Епимахов, 2005, с. 31, рис. 26, 2; с. 41, рис. 34, 4; с. 45, рис. 37, 6; с. 92, рис. 71, 1; с. 99, рис. 75, 4]. Нивелировка архаики уже заметна на сосуде из погребения 4 (рис. 23, 6). Здесь так же свободен от орнамента короткий венчик, украшены только шейка и плечо, кроме того, близки синташтинским и аба-

шевским мотивам три глубоких желобка на шейке и верхней части плечика. Но уже не столь массивен венчик, а диаметр устья заметно меньше максимального расширения тулова, внутреннее ребро слегка сглажено. Этому экземпляру близок сосуд из погребения 6. Тенденция еще более заметна на примере сосуда из погребения 2 (рис. 23, 1). В отличие от прочих покровских сосудов нашего комплекса, здесь уже нет ракушечной примеси, заметно сглажено внутреннее ребро. Но, вместе с тем, еще явно выражена колоколовидность формы, равны диаметры устья и тулова, а внутренняя сторона венчика имеет слабый желобок.

В планиграфической ситуации Ивановского кургана, прежде всего, заметно размещение «особняком» детского погребения 9, вряд ли случайное, поскольку при всей близости обрядовых черт (включенность в круговую систему, отсутствие останков человека, тризна) здесь имеется сосуд явно не покровского облика (рис. 23, 9). Такие шарообразные банки с закрытым профилем устья и очень широким днищем определенно восходят к катакомбным прообразам реповидных и округлобоких безвенчиковых сосудов, например, 1/1 Ажиновского II могильника, где, кстати, в орнаменте присутствуют свисающие треугольники [Рябова, 1983, с. 126, рис. 24, 10], 9/1 из раскопок 1979 г. на Чограе [Андреева, 1989, с. 88, рис. 12, II-2] (ряд аналогий можно продолжить). Присутствие сосудов, подобных ивановскому из девятого погребения, в комплексах позднепокровского типа отмечено в могильнике Золотая Гора в северной части Волго-Донского междуречья [Юдин и др., 2006, с. 111, рис. 26, 6]. Вероятно, такая керамика была выработана местными степными племенами на позднекатакомбном или посткатакомбном этапе развития культур финала средней бронзы. Морфологической основой для формирования данного типа банок последовательно были, скорее всего, маньчские и позднеололинские керамические образцы.

Два типично срубных сосуда из погребения 1 представляются относительно несколько более поздними в рамках всего покровского комплекса Ивановского кургана.

Возвращаясь к анализу планиграфии, отметим, что все перечисленные выше детские погребения из «свиты» центрального кенотафа размещены в системе опоясывающего полукольца по определенному принципу. Во-первых, все они в обрядовом смысле причастны к основной могиле, подхоронения совершались строго в круг с привязкой к центру. Во-вторых, между определенными группами могил свиты имеются пространственные интервалы, что предполагало их культурно-обрядовую обособленность. Это подтверждается характером керамического инвентаря: в восточной части полукольца размещены две могилы, где отмечены два срубных сосуда (п. 1) и сосуд с деградирующими покровскими признаками уже без раковины в примеси

(п. 2); в юго-восточном секторе – компактная группа погребений, где покровские черты выражены наиболее ярко, причем наблюдаются архаические синташтинские элементы (пп. 3–6); с большим отрывом от всех могил сопровождения, в юго-западной части полукольца устроено захоронение, где выявлена банка с катакомбными реминисценциями (п. 9).

В некоторой степени это соотношение напоминает ситуацию в Смеловском грунтовым могильнике, где выделены три обрядовые группы: местная степная криволюкского типа, пришлая лесостепная покровская и срубная, формирующаяся на основе взаимодействия первых двух в ходе локального культурогенеза. Впечатление таково, что для каждой обрядовой группы в подкурганном пространстве «Ивановского» был предусмотрен конкретный участок с перспективой перманентного продолжения культа и последующих подхоронений. Примечательно, что в покровской группе две могилы вписаны во внутренний контур круга (пп. 3, 5) и еще две расположены немного дальше от центра, во внешнем контуре (пп. 4, 6). И этому факту есть объяснение. Керамика из могил внутреннего контура наиболее архаична, а очень близкие по форме сосуды из ям внешнего контура уже несут печать нивелировки и приближаются к срубным стандартам.

В ходе данных наблюдений формируется представление о довольно непродолжительном хронологическом интервале, в рамках которого над позднепокровским воинским кенотафом возник курган, и в течение примерно 50–100 лет продолжалось отправление культа, посвященного героическому предку. При возведении курганной насыпи в ее юго-восточную и юго-западную полы, видимо, одновременно были впущены детские погребения 3, 5 и 9, по прошествии некоторого времени в юго-восточной покровской группе намечен внешний контур (пп. 4 и 6), а в самом конце покровского времени в восточную часть насыпи были впущены раннесрубные погребения 2 и 1.

Инвентарный набор центрального воинского кенотафа имеет ключевое значение в определении культурно-хронологических позиций всего комплекса. Здесь выявлены два типично покровских сосуда с характерными морфологическими признаками, представленными в полном объеме (форма, пропорции, соотношение диаметров устья и тулова, внутреннее ребро на обратной стороне венчика). Традиционные технологические показатели: множество каверн на внешней поверхности, рыхлая фактура с включениями мелких фракций толченой раковины указывают на присутствие в качестве отощителя речной органики (измельченные моллюски *Unio*), поверхностная обработка расчесами и небрежное заглаживание, отсутствие орнамента – именно так, скромно, зачастую выглядит керамика в престижных погребениях.

Бронзовый четырехгранный в сечении стержень (рис. 23, 4) – наконечник посоха или стрекала – всегда знаковый атрибут знатного человека. Стрекала

сопровождают захоронения возничих боевых колесниц, а посохи (а также каменные булавы, скипетры, пояса, плети) – родовых старейшин. Поскольку предметов конской упряжи в нашем кенотафе нет, то вряд ли мы имеем в данном случае дело именно со стрекалом. Между тем пастушьи посохи, наряду с прочими инсигниями власти, имеют высокое значение как индикаторы лидеров в погребальной обрядности эпохи бронзы [Лопатин и др., 2006, с. 40]. Более того, существует мнение о семантической преемственности посохов и копий [Ильюков, 1994; Малов, 2003, с. 198], поэтому весьма показательно, что в Ивановском кургане эти два артефакта присутствуют в одном комплексе, взаимно дополняя и усиливая сакральную значимость друг друга.

Бронзовый нож (рис. 23, 3) с перекрестьем, ромбическим окончанием черешка и продольным ребром, проходящим через лезвие и рукоять, типичен для покровских инвентарных наборов. В классификации Е. Н. Черных такие ножи составляют группу НК-14 [Черных, Кузьминых, 1989, с. 101–102, рис. 58, 2], они распространены в Волго-Камье, на Дону и Южном Урале, были выработаны абашевской традицией металлообработки и заимствованы покровцами, недолго присутствуют в раннесрубном комплексе и вскоре сменяются волго-уральским типом (с простой пяткой черена).

Литые наконечники копий, абсолютно аналогичные ивановскому (рис. 23, 5), немногочисленны. В их сходстве представляется особо значимым сочетание таких конструктивных особенностей, как ромбическое сечение стержня, манжета в основании втулки и округлое ушко. Копья с ромбическими стержнями близки по своему происхождению «вилчатые» наконечникам, но, в отличие от последних, локализуются исключительно в Восточной Европе [Бочкарев, 1986, с. 99]. Наиболее близки нашему экземпляру наконечники из курганов 7 и 8 Покровского могильника (рис. 19, 2; 18, 3), сопровождаемые покровской посудой, стрекалом, кремневыми сейминскими стрелами, черешковым и пластинчатым ножами, причем особо важно, что в кургане 8 находился кенотаф. К сожалению, в известных публикациях покровских материалов на рисунках не всегда достаточно четко представлены характеристики значимых признаков (сечения стержней, формы манжет и петель) [Малов, 2003, с. 209, рис. 3, 3; с. 210, рис. 4, 5, 9; Дремов, 2003, с. 90, рис. 1]. Так, при осмотре уцелевших в СОМК артефактов выяснилось, что форма ушка на копье из кургана 8 не может быть установлена достоверно, поскольку оно сломано и утрачено. А на фотографии копья из кургана 7, опубликованной П. С. Рыковым в Хельсинки, хорошо заметно, что здесь ушко имеет треугольную форму (рис. 19, 2).

В сводке Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых по обобщенному критерию сечения стержня и наличия ушка такие копья помещены в группу КД-30 вместе с наконечниками несколько иных характеристик (отсутствие манжеты, тре-

угольная форма петли, наличие валиков, чеканных зигзагов и даже скульптурных изображений на втулке) [Черных, Кузьминых, 1989, с. 83–84, рис. 42–44], что существенно искажает чистоту типа. В указанной группе к покровскому типу копий можно отнести находки из Сеймы, Курска, Пярну и Подгремячинской [Там же, с. 83, рис. 42, 2, с. 84, рис. 44, 1, 2, 5]. Довольно близок экземпляр из Благодатного (рис. 22, 4) [Там же, с. 83, рис. 43, 5], но ребро его стержня специально приплющено проковкой, а, возможно, это было предусмотрено еще конструктивными особенностями литейной формы(?)².

В синкретичном комплексе с кенотафом, исследованном у с. Большая Плавица в Липецкой области (рис. 21), в жертвенной яме обнаружен бронзовый наконечник копья, идентичный ивановскому [Мельников, 2003, с. 240, рис. 1, 4]. Здесь зафиксированы также костяные шипы дисковидного, очевидно, деревянного псаля, костяная кольцевидная бляшка–медальон, своеобразный набор сосудов абашевского, покровского и воронежского типов (по авторской трактовке Е. Н. Мельникова). По рисунку наконечника копья заметно, что округлое ушко несколько оттянуто в сторону и уже напоминает подтреугольный вариант.

Эта тенденция еще более очевидна на экземпляре из погребения 10 Юринского могильника, исследованного в Марий Эл [Соловьев и др., 2006, с. 174, рис. 3, 3]. Все прочие конструктивные особенности юринского наконечника идентичны плавицким и ивановским, но в культурном отношении он ближе аналогичному варианту из Сеймы. С ним обнаружены также кельт и пластинчатый нож сейминско-турбинского типа.

Более всего наконечники копий, аналогичные ивановскому, характерны для памятников покровского типа, но могут встречаться в сейминско-турбинских комплексах и даже на очень большом удалении от основного Волго-Уральского ареала, например, в Восточной Прибалтике (Пярну) [Черных, Кузьминых, 1989, с. 84, рис. 44, 2] или в Прионежье [Ошибкина, 1984, с. 24, рис. 1, 1, 2]. На Волге, как правило, они сопровождаются покровской керамикой, иногда деталями колесничных комплексов, нередко встречаются в кенотафах. Наряду с ними в престижных памятниках покровского типа могут встречаться копья несколько иных вариантов. Наиболее ранние покровские погребения могут содержать архаичные образцы копий с раскованной втулкой, как, например, в Покровске, 15/2 (рис. 18, 2) и в Кондрашкино, п. 1 (рис. 17, 5) [Малов, 2003, с. 212, рис. 6, 14; Пряхин и др., 1989, с. 16, рис. 4, 1].

² Примечательно одно досадное обстоятельство: прорисовка копья из Благодатного в книге Е. Н. Черных заметно отличается от изображения того же предмета в первой публикации Е. К. Максимова, где нет манжеты, а сечение стержня не ограненное, а круглое [Максимов, 1962, с. 282, рис. 1, 1]. Здесь же отметим, что копья с шестигранными сечениями стержней нигде более в степной, лесостепной или таежной Евразии не известны.

Недавно стал известен наконечник подобного типа, найденный недалеко от Саратова близ хутора Готовицкого (рис. 20).

В более поздних покровских захоронениях военной знати могут быть обнаружены литые наконечники не с округлым, а с треугольным ушком, с манжетой и рельефными валиками на втулке, как, например, в Березовке, 3/2 (рис. 25, 15) [Дремов, 1997, с. 158, рис. 3, 7]. Это может быть безманжетный вариант, но с петелькой и литым зигзагом на основании втулки³, как в погребении с кремацией из Карамыша (рис. 22, 3) [Максимов, 1956; Малов, 2003, с. 215, рис. 9, 3]. Наконечник с манжетой, но без ушка и округлым сечением стержня выявлен в Медяниково (рис. 26, 5) [Малов, 2003, с. 218, рис. 12, 5].

Характерно, что все эти разнообразные наконечники сопровождаются керамикой, в которой наблюдается разная степень нивелировки покровских признаков или явно выраженная синкретичность сосудов [Там же, с. 215, рис. 9, 1, с. 218, рис. 12, 1], но копыя покровского типа в Нижнем Поволжье встречаются в единых комплексах с посудой, в морфологии которой именно покровские черты представлены в полном объеме.

Конструктивные признаки покровских копий близки сейминским, что весьма обстоятельно доказано В. С. Бочкаревым на основе широкого пространственного и морфологического анализа [Бочкарев, 1986; 2004]. Предложенная им методика исчисления индекса общих пропорций наконечников ($D_2 / D_1 \times 100$) помещает Ивановское копые (с индексом 58,5) в группу короткоперых изделий, что полностью соответствует именно покровскому типу. Отметим заметную особенность нашего наконечника – очень короткий переход ребра стержня на выступающую часть втулки (всего 1 см), что весьма близко показателям копыя из Большой Плавиды⁴. В этом смысле им также близки наконечники из Пярну и бывш. Симбирской губ. [Черных, Кузьминых, 1989, с. 84, рис. 44, 2, 3]. Между тем для большинства сейминских наконечников (66,6%) характерно значительное захождение ребра на втулку, иногда до самого устья, тогда как у турбинских копий втулка всегда гладкая [Бочкарев, 2004, с. 394].

Вполне логично выделять экземпляры с ромбическим сечением стержней, манжетами и округлыми ушками в особую «покровскую» группу бронзовых литых наконечников копий: Покровск-7/3, 8; Ивановский-1/8,

³ Не исключено, что литой зигзагообразный валик у основания карамышского копыя функционально подменяет манжету, усиливающую показатели прочности втулки. По мнению В. С. Бочкарева, наиболее ранние манжеты с зигзагообразной (зубчатой) кромкой представляли собой выполненный в технике проковки отворот (обшлаг) нижней части втулки [Бочкарев, 2004, с. 394].

⁴ Примечательно, что индекс экземпляра из Плавиды (67,4), морфологически наиболее близкого нашему наконечнику, выходит за рамки покровско-сейменской группы и более соответствует показателям Турбино.

Бол. Пластица, Сейма, Курск, Пярну, Юрино, Подгремячинская с боковыми вариантами из Карамыша, Медяниково, Благодатного. Но учитывая их определенную вариативность по общим пропорциям, необходимо, может быть, также следовать региональному принципу. Представляется, что длинноперые покровские варианты могли сформироваться в лесостепной зоне, близкой к Сейме, которая испытывала большее влияние турбинской традиции, а короткоперые были выработаны южнее, возможно, на границе степи и лесостепи в Нижнем Поволжье.

Это не значит, что здесь бытовал абсолютно чистый покровский тип наконечников. Копье из Березовки (рис. 25, 15), обнаруженное И. И. Дремовым в степном Заволжье [Дремов, 1997], более соответствует сейминско-каргулинскому типу с валиками [Черных, Кузьминых, 1989, с. 83, рис. 42, 1, 43, 1], а также группе КД-32, в которую входит известный наконечник из Решного [Там же, с. 85, рис. 45, 1, 2, 4], хотя явно выраженная манжета березовского экземпляра заметно отлична от раструбовидных оснований втулок этой группы. Вполне возможно, что копья с раструбовидными втулками и ушками, лишённые валиков и горизонтальных бороздок [Там же, с. 85, рис. 45, 3, 5, 7], происходят именно от «покровского» типа. Наиболее полно может соответствовать такому производному варианту наконечник из Засеченского могильника поздняяковской культуры, исследованного в Рязанской области [Челяпов и др., 1993, с. 199, табл. V, 1].

Наблюдаемая ситуация связана с проблемой памятников покровского типа, точнее позднего этапа развития покровского феномена (примерно XVII – начало XVI в. до н. э.). В материалах кургана у разъезда «Ивановский» опосредованно отразились драматические процессы формирования срубной археологической культуры, в сложении которой в Нижнем Поволжье участвовали многие посткатакомбные культурные компоненты (лолинский, бабинский, криволукский, лбищенский), но ведущим и консолидирующим являлся именно покровский культурный тип.

5.2. Бесшпильные псаши покровского типа. Почти двадцать лет назад в одной из книг Елены Ефимовны Кузьминой, лейтмотив которой содержал дерзновенную по тем временам идею о причастности андроновских племен к становлению индоиранского мира, прозвучало имя Киккули, митаннийца хурритского происхождения, создавшего трактат о тренинге колесничных лошадей [Кузьмина, 1994, с. 5]. И автор трактата, и сам образец древнейшей индоевропейской литературы, составленный на хеттском языке, были упомянуты ею в контексте проблемы первого проникновения индоиранцев на Ближний Восток. Коневодческая терминология в инструкции Киккули, имена иранского звучания в различных договорных документах, клятвы арийскими богами, при отсутствии самих ариев, давали основание удревять со-

бытие инвазии до XVII–XVI вв. до н. э., поскольку во времена службы Киккули на хеттских конюшнях (XIV в. до н. э.) оно фиксировалось исключительно как историческая память и языковая инверсия.

«Окаменевшие глоссы», по выражению А. Камменхюбер [Kammenhuber, 1961], вероятно, использовались в трактате как специальная терминология, не имевшая понятийных аналогов в местных языках и более всего соответствовавшая коневодческой колесничной традиции, транслированной на Ближний Восток из степной Евразии. Связь движения индоиранцев с конем, колесницей и иноязычными глоссами Передней Азии впервые отмечены Б. Грозным, который дешифровал и в 1931 г. опубликовал трактат Киккули, записанный на четырех глиняных табличках из Богазкея. По мнению И. М. Дьяконова, эта первая волна миграции индоариев непосредственно Митанни не достигла. Где-то в нагорной области Ирана и Армении пришельцы были ассимилированы хурритами, которые, усвоив элементы высокой коневодческой культуры, позже донесли в Переднюю Азию передовые познания по уходу за лошадьми, по алгоритму тренинга и всю связанную с этим делом индоевропейскую терминологию [Дьяконов, 1970; 1982].

Начиная с собственного титула Киккули *aswasanni* (арийск. «конь» и «тренировать») до названий мастей и первичной меры расстояния при выезде *wartanna* (круг, поворот) терминология трактата преимущественно индоиранская. Это пособие коневода тщательнейшим образом продумано, оно вобрало практический опыт многих поколений специалистов и весьма авторитетно, поскольку успешно служило делу укрепления военной мощи хеттской державы. Исключительность методики заключалась в возможности готовить по единой системе сразу большое количество коней, способных действовать в боевом строю колесниц.

Единственное, что создает темные места в скрупулезно-подробном руководстве Киккули – это пренебрежение к описаниям упряжных конструкций, которые должны были соответствовать условиям тренинга. Сведения об узде весьма расплывчаты практически во всех известных нарративах. Упряжь упоминается вскользь, как нечто обыденное и само собой разумеющееся⁵, вместе с тем, заметно, что ею дорожили и считали особо ценным имуществом. В своде хеттских законов XIV–XIII вв. до н. э. (§ 58) штраф за кражу узды или упряжи определялся в сикль серебром, а за хищение бронзовых удил по-

⁵ К примеру, читаем в IV мандале Ригvedы <К Дадхикравану>: «Взнузданный на шее, под животом (и) на морде...» [РВ IV, 40. 4]. Здесь указаны важнейшие места расположения упряжи на теле лошади, но ничего конкретного не говорится о самой упряжи. Вместе с тем, в том же четвертом стихе подчеркиваются достоинства хорошо обученного скакуна, который «приносит награды, опережая удар кнута, по своей воле мощно собираясь с силой, резво скача по извилинам дорог». *Aswasanni* в данной ситуации незрим, но его присутствие вполне ощутимо.

терпевший рассчитывал получить 12 сиклей (больше чем за увод годовалого жеребца). Отчасти пробел восполняется некоторыми данными по микенской иконографии, но там представлены сцены с действием уже обученных лошадей, взнузданных оснасткой, в которой присутствуют дисковидные псалии с шипами [Кузнецов, 2004, с. 36, рис. 3, 1–3].

Отсутствие информации по узде значительно суживает возможности нарратива при сопоставлении системы тренинга с данными археологии, которые еще более ограничены в связи с неполной сохранностью артефактов. Теперь многие современные исследователи уже не сомневаются в евразийском происхождении коневодства и боевого использования колесниц. В степях Доно-Поволжья и Волго-Уралья, в престижных захоронениях военных лидеров и колесничих начала II тыс. до н. э., наряду с бронзовым вооружением и одноосными колесницами, найдены самые древние элементы конской узды – роговые и костяные щитковые псалии, особенности которых весьма вариативны. Псалии являются основным и поэтому очень важным видом вещественных источников по реконструкции конской узды бронзового века, мягкой, ременной и недолговечной.

В обстоятельной, развернутой классификации Е. Е. Кузьминой, где учтены желобчатые, стержневидные и щитковые псалии, последние подразделяются на две группы – с шипами и без шипов [Кузьмина, 1994, с. 171–181]. Основное внимание в анализе уделено псалиям андроновской общности, но автор основывает свои выводы на более широком круге источников, привлекая также восточно-европейские, балкано-дунайские, средиземноморские и ближневосточные аналогии. Наиболее архаичные псалии (дисковидные без планок), по мнению Е. Е. Кузьминой, происходят из археологических комплексов бабинской и абашевских культур, распространенных на широкой территории от Днепра до Южного Урала [Кузьмина, 1994, с. 177]. Таким образом, носители признаков этих культур признаются изобретателями колесниц с псалиями. Далее по хронологической шкале следуют различные варианты псалиев с планками, широкими и узкими, треугольными и трапециевидными, вставными или цельнорезными шипами и без шипов. Разнообразие типов вполне логично объясняется обменом культурными инновациями и поиском оптимальных конструкций.

Нам небезынтересен анализ группы щитковых *бесшипных* псалиев, поскольку целью предлагаемой статьи является постановка вопроса об особой функциональности этих изделий. В книге Е. Е. Кузьминой основной вывод по датировке бесшипных псалиев, подкрепляемый радиоуглеродным анализом, напрямую касается предметов типа Алакуля и Новоникольского, это XV–XIV вв. до н. э. [Кузьмина, 1994, с. 181]. Вывод вполне очевиден, поскольку такие псалии имеют высокие (почти стержневидные) планки с боковыми вы-

ступами, по этим признакам они близки надежно датированным экземплярам из Тосега и Ватины и являются наиболее поздними среди щитковых изделий. По поводу происхождения бесшипных предметов с несколько иной, более архаичной морфологией (округлощитковые, с треугольными планками) автор корректно и вполне справедливо предполагает особый характер этого варианта (Поляны), а также в рамках общего генезиса усматривает их связь с щитковыми псалиями, оснащенными шипами, типа Староюрьево.

За последние два десятилетия источниковая база по псалиям стала значительно шире, предпринимались неоднократные попытки обобщения этого материала, проводились реконструкции узды, трасологические анализы, ставились эксперименты по практическому использованию моделированной упряжи. Апострофом этой многолетней работы стало недавнее издание коллективной монографии, содержащей на данный момент наиболее объективные выводы [Бочкарев и др., 2010]. Культурно-хронологические позиции бесшипных дисковидных псалиев с треугольными планками не изменились, относительно псалиев с шипами они традиционно рассматриваются как более поздние варианты колесничной упряжи. Вместе с тем, при всех достоинствах сравнительно-типологического анализа, в ходе которого удается получить группы изделий, обладающих морфологическим сходством, технологический подход А. Н. Усачука, основанный на трасологии, представляется максимально инновационным и объективным.

Установлено, что в степной Евразии наблюдаются две основные традиции в изготовлении щитковых элементов узды – доно-волжская (староюрьевская) и южноуральская (синташтинская). Поволжская группа псалиев формировалась под воздействием этих двух встречных, практически постоянно взаимодействующих дискурсов. Особенно неожиданным стал вывод о присутствии инверсии волго-уральского синтеза в группе причерноморских псалиев [Усачук, 2007].

А. Д. Пряхин отмечал для нижневолжских псалиев характерные отличительные признаки конструктивного характера – отверстия или лунки в щитках для фиксации нащечных ремней. Это, по мнению исследователя, было следствием упрощения староюрьевской конструкции, которая предполагает наличие более сложного при изготовлении бокового выреза [Пряхин и др., 2001]. Идею упрощения поддержал также А. Н. Усачук, принимая все же за основу оригинальности нижневолжских изделий фактор симбиоза между староюрьевским и синташтинским векторами развития колесничной упряжи.

Генетическая преемственность абашевских и покровских традиций вполне очевидна. Она касается динамики керамического комплекса, оформления узкокультурных групп украшений, особенностей вооружения, а также заметной ориентированности на стандарты при изготовлении колесничных

псалиев. Тезис о линейном упрощении староюрьевской традиции представляется не вполне иллюстрирующим нижеволжскую специфику покровских псалиев. Мобильные и активно контактирующие на сопредельных территориях покровские группы были весьма лабильны и восприимчивы к технологическим достижениям. Инокультурные элементы заметны практически во всех категориях покровского материального комплекса. Взятый за естественную основу староюрьевский тип упряжи претерпевал не рациональное упрощение, а совершенствование методом проб и ошибок, посредством соединения оптимальных параметров и элементов. Будучи носителями коренного абашевского (староюрьевского) стандарта, покровские мастера создавали симбиозные варианты в результате изучения и переработки синташтинско-петровских достижений в коневодческой и колесничной практике [Лопатин, 2009, с. 75].

Не вполне традиционную точку зрения по поводу некоторой специфики орнаментации щитковых псалиев, и особенно функциональной вариативности бесшипных изделий, автор уже высказывал в печати в связи с находкой уникального экземпляра из Нижней Красавки [Лопатин, 2010, с. 140–141]. Костяной дисковидный псалий бесшипной конструкции с крупной треугольной планкой (рис. 37, 1) был обнаружен в покровском слое поселения, которое планомерно исследуется с 2007 г. археологической экспедицией Саратовского университета. Конструктивные особенности псалия, безусловно, восходят к прообразам староюрьевского типа, что выражается в общей дисковидности формы, традиционном зигзагообразном бордюре, принципе фиксации в узде, но имеет типично покровскую специфику, а также индивидуальные особенности. С покровской группой псалиев Поволжья его сближает, прежде всего, треугольная форма массивной планки и отсутствие бокового выреза под ремень, идущий на оголовье.

Похожие, но не идентичные нашему экземпляру, *бесшипные* псалии с треугольными планками были обнаружены С. В. Ляховым в Сторожовке (2/2) в комплексе с керамикой позднепокровского облика [Ляхов, 2009, с. 144, рис. 39, 5, 6]. Заметна явная эклектика сосудов из этого погребения, в них присутствуют черты нивелирующегося покровска и КМК, а также раннесрубные показатели (рис. 38, 3–6).

По своей внешней морфологии (рис. 38, 1, 2) псалии кажутся, скорее, некими репликантами синташтинско-петровских роговых прообразов простых конструкций. Округло-овальные щитки сторожовских псалиев по форме тяготеют к сегментовидным вариантам Кривого Озера, Жаман-Каргалы, Восточно-Курайли и Каменного Амбара [Виноградов, 2003, с. 251, рис. 104, 4–7; Ткачев, 2007, с. 343; Епимахов, 2005, с. 38, рис. 31, 2, 3], однако заметна и доля

местной, нижеволжской трактовки (округлость щитка, острые, а не притупленные боковые шипики у основания планки).

Очень интересный вариант *бесшипного* псаля давно известен по раскопкам в Харьковской области Украины на поселении Поляны I. Опубликованный неоднократно, но, к сожалению, в неудовлетворительном графическом исполнении псалий из Полян лишь недавно получил подробнейшую трасологическую характеристику в специальной работе А. Н. Усачука [Усачук, 2005, с. 143–150]. Материалы этого многослойного поселения весьма сложно соотнести с роговым элементом узды, который морфологически близок нижекрасавскому, особенно устройством планки, только суголовный ремень здесь крепился как у староюрьевских, к боковому вырезу (рис. 38, 9). Однако в некоторых деталях конструкции, особенно по орнаментации, псалий из Полян заметно отличается от абашевских и покровских экземпляров. Линейно-точечные бордюры по краю диска и короткие отрезки с бахромой на планке для декоров на костяных изделиях Доно-Поволжья не характерны. В книге С. С. Березанской [Березанская и др., 1986] полянский комплекс представлен скудно, кроме псаля показан фрагмент бабинского сосуда, пест, обломок каменного топора с перехватом, пряжка с высоким бортиком и кремневая стрела (рис. 38, 10–14). Е. Е. Кузьмина, комментируя этот псалий, называет комплекс поселения Поляны I срубным [Кузьмина, 1994, с. 180]. Как представляется, полянский экземпляр следует все же предположительно связывать с позднебабинским комплексом этого многослойного памятника и синхронизировать с нижеволжскими материалами покровского типа.

Бытует мнение о том, что бесшипность дисковидных псаляев является показателем несколько более поздних позиций данного варианта относительно щитковых изделий с шипами, в том числе и в рамках покровских древностей. И если следовать логике такого вывода, то в динамике развития колесничной узды наши бесшипные дисковидные псалии с массивными треугольными планками должны занимать промежуточное положение между щитковыми изделиями с шипами и бесшипными вариантами алакульского типа с высокими планками, синхронными изделиям Тосега и Ватины. И здесь важно отметить, что индикатором культурно-хронологических позиций наших псаляев надежнее всего выступает керамика, и это, безусловно, сосуды покровского типа (Нижняя Красавка, Сторожовка) или предполагаемые синхронные инокультурные комплексы (Поляны). Но поскольку в погребениях с керамикой покровского (и даже раннесрубного, как в Сторожовке или Золотой Горе) типа нередко встречаются костяные и роговые щитковые псалии с шипами, то оценивать в данной ситуации, очевидно, следует не культурно-хронологические позиции, а различия иного характера.

Представляется, что строгие псалии с шипами и бесшипные варианты могли сосуществовать во времени, выполняя в упряжи одинаковые функции, но несколько различные задачи. Отсутствие шипов вряд ли является индикатором времени, поскольку более поздние желобчатые псалии ими как раз оснащены, известны также и бесшипные желобчатые варианты. В данном случае особенно показательна группа изделий усатовского типа (Алексеевское, Шельган, Токское, Мосоловка, Усатово, Капитаново, Шигоны) [Бочкарев и др., 2010, с. 327–329], которые действовали в упряжи так же, как и щитковые, а функционально соответствовали именно бесшипным, нетравмирующим псалиям.

Сторожовские, полянский и нижнекрасавский экземпляры имеют массивные (по-видимому, усиленные) треугольные планки. Кроме того, отверстия под прошву расположены на планках полянского и нижнекрасавского вариантов совершенно иначе, чем у всех прочих псалиев, не в линию на верхней границе диска, а углом, по краям планки. Все это указывает на стремление усилить натяжение именно храпового ремня, широкого и прочного. При такой особенности узды морда лошади, вероятно, была особенно надежно фиксирована, при этом не требовались шипы как строгие средства стимуляции. Поэтому не исключено, что щадящие бесшипные псалии с мощным храповым ремнем могли использоваться в особых действиях по управлению лошадью, например при *тренинге*.

Весьма интересно, что узда с бесшипными нетравмирующими псалиями функционально аналогична древнейшему типу упряжи – кашугу. Он был универсален как при тренинге, так и непосредственно в управлении эквидами, впряженными в тяжелые повозки с монолитными колесами. Тренинг, подчинение лошади определенному алгоритму не допускали жесткого, травмирующего подхода, система была основана на мягком, осторожном воспитании у животного необходимых качеств, органично выводимых из естественных кондиций. С изобретением легких боевых колесниц более строгая узда стала объективно необходима как оптимальное средство стимуляции, соответствующее непредсказуемым в условиях сражения ситуациям. При этом подготовка лошади в кашуге осторожно сменялась работой на дистанциях в узде с бесшипными псалиями, а затем перевести животное на строгую упряжь с шипами уже не представляло собой сложной задачи. Представляется также, что применялась она исключительно в сражении или на состязаниях.

Идея колесницы, скаковых, искусно вышколенных лошадей занимает одно из центральных мест в Ригведе. Такое высокое внимание неслучайно, обожествленные возницы, символизирующие различные силы природы и героических персонажей, играли большую роль в пантеоне, постоянно присутствовали в офантазированном повседневном мышлении древних иранцев. Несомненно, в мире степных скотоводов отправление культов, посвященных

лошади и колеснице, занимали заметное место. В пространстве большого полуземляночного жилища имелись священные уголки, где размещались алтарные комплексы, посвященные опорному столбу, держащему кровлю (символ неба), очагу, где ежедневно рождается Агни, фаллосу, отвечающему за продолжение рода, и многим другим культам. Домашняя демонология археологически изучаемых культур – особая и слабо исследованная тема. Но возможности древнейшего нарратива и здесь не безнадежны. В Ригведе вскользь упоминаются действия, связанные с оснащением домашних алтарей. Так, например, в 32-м гимне IV мандалы <К Индре> содержится гротесковый эпитет буланных коней верховного божества, указывающий на реальность алтарных композиций, в которых присутствуют фигурки лошадей.

«Словно две новые свадебные (?)
Статуэтки маленькие, на деревянной подставке,
Красуется при выездах пара рыжих (коней)».
(РВ. IV, 32. 23)

Определенно алтари, на которых стояли вотивные повозочки и колесницы с впряженными в них «игрушечными» лошадками, должны были сопровождать профессиональные ритуалы особо избранных представителей скотоводческого общества, чей профессионализм был востребован в такой важной сфере жизни, как селекция и обучение лошадей, строительство колесниц и война.

Глиняные модели колесниц довольно редки и все они были найдены в погребениях катакомбных культур. Гораздо чаще на поселениях поздней бронзы находят вотивные глиняные колесики (рис. 39, 2–6), которые иногда путают с пряслицами. На некоторых маленьких дисках имеются неумело прочерченные линии, имитирующие спицы (рис. 39, 6). Вероятно, такие модели колесниц и лошадок чаще всего воплощались в тленных материалах (деревяно, солома).

На Нижнекрасавском поселении, в непосредственной близости от пункта обнаружения псаля, был найден каменный предмет, получивший условное обозначение «шахматный конь» (рис. 37, 4; 39, 1). Он действительно напоминает фигурную головку лошади размерами 4 x 3 x 1,7 см. Большая часть фигурки утрачена, она была разбита еще в древности. Ее изготовили из мелкозернистого песчаника техникой выскабливания рельефных неровностей, обозначивших поверхности храпа, промежутки между нижней челюстью и выпяченной грудью, лоб и дуговидный загривок. Легким желобком намечена пасть лошади, маленькой лункой показана левая ноздря. Головка обломлена на уровне шеи, и составить представление о недостающей части фигурки

можно лишь условно. Своеобразна также другая каменная фигурка – песчаниковая конкреция подтреугольной формы, условно напоминающая головку быка (рис. 37, 5). Фигурка заглажена по всей поверхности, в профиль отчетливо узнаваема выпуклость лба опущенной вниз головы, отростки опиленных рогов отходят в разные стороны от лобной части. Не исключено, что это вполне реальный вотивный предмет, символизирующий животное. Высота фигурки 7 см, ширина 8,8 см, толщина 3,2 см. На том же уровне слоя обнаружен и фрагмент глиняного колесика. Мы можем лишь предполагать, что модель колесницы с домашнего алтаря нижнекрасавского *aswasanni* могла быть похожей на ту, что дается в виде реконструкции (рис. 39, 1, 2). Но факт обнаружения вотивных моделей колесниц в несколько более поздних арийских (индостанских) культурах бесспорен. Одна из таких находок представлена в русскоязычной литературе А. Я. Щетенко в контексте изучения транспортных средств и систем упряжи древней Индии [Щетенко, 2008]. Этот уникальный экземпляр отлит из бронзы по сложной технологии, но нам наиболее интересна мифопоэтическая трактовка антропоморфного персонажа, в котором узнаваем ведический Пушан, а также упряжные животные и тип повозки. Вероятнее всего, модель колесницы может достоверно имитировать реальное транспортное средство, поскольку других образцов к подражанию у литейщика не было.

На домашних алтарях древних индоиранцев размещались узнаваемые предметы, похожие на утварь той эпохи, фигурки богов, ничем не отличимые от реальных людей, статуэтки волшебных коней, впряженных в небесные колесницы, которые полностью повторяли обычные повозки с тягловыми животными. Культы, посвященные солнечным и небесным колесницам, а также связанным с ними божествам, особым образом почитались представителями наиболее престижных профессиональных страт – умельцами, создававшими повозки и упряжь, а также коневодами-*aswasanni*, безымянными степными предшественниками мастера Киккули.

5.3. Бородаевские курганы. Работы автора на Малом Карамане проводились в течение двух лет (1982–1983), в зоне сооружения северного массива Приволжской оросительной системы. Были исследованы срубные поселения Чапаевка 2 и 3, Караманская и Чапаевская курганные группы, отдельные курганы у с. Бородаевка Марксовского района Саратовской области и на землях совхоза «Орошаемый», два кургана в могильнике «Калмыцкая Гора» и один в группе «Рунгаль». В курганах обнаружены погребения ямной, катакомбной, срубной, сарматской культур, покровского и криволукского типов [Лопатин, 1985, с. 158–159; Памятники..., 1993, с. 138–140, 174–175; Лопатин 2002, с. 48–49, 71; Жемков, Лопатин, 2007, с. 93–118; Лопатин, 2009, с. 44–97].

Особый интерес представляют три кургана, раскопанные в 1982 году, – один у Бородаевки и два на Калмыцкой Горе. В общей сложности здесь зафиксированы 32 захоронения, большинство из них были оставлены в начале эпохи поздней бронзы. В культурно-хронологическом отношении эти комплексы распределяются следующим образом:

- одно погребение (2/10) отнесено к криволукскому культурному типу;
- двадцать погребений (1/1–15, 17, 19–21; 2/2) соответствуют показателям комплексов покровского типа;
- пять погребений (одно из одиночного кургана восточнее села и погребения 1–3, 6 из второго кургана Калмыцкой Горы) отнесены к раннему этапу срубной культуры.

Криволукский комплекс весьма условно предшествует в указанной схеме двадцати покровским погребениям из обоих курганов Калмыцкой Горы. Ряд данных указывает на относительную синхронность и взаимодействие криволукского и покровского компонентов в культурогенетических процессах пограничного времени [Лопатин, 2008а, с. 415–419; 2010].

Культурно-обрядовые различия проявляются в характере самих захоронений, как криволукских, так и покровских. Сложности переломной эпохи обусловили ярко выраженное своеобразие вещевого комплекса, особенно покровской керамики, в которой причудливо могут совмещаться элементы абашевских, катакомбных, синташтинско-петровских, формирующихся раннесрубных традиций. Еще не решены окончательно вопросы собственного генезиса, внутренней хронологии, специфики внешней контактности, определявших векторы формирования и последовательного развития «Кривой Луки» и «Покровска». Неясен характер их первого непосредственного соприкосновения. Высказывалось мнение о враждебном противостоянии и последующем вытеснении посткатакомбных групп «колесничными» культурами [Шарафутдинова, 1985, с. 93; Калмыков, Мимоход, 2006, с. 920–921; Федосов, 2007, с. 30]. Но имеются данные и о конструктивном взаимодействии, которое в контексте заволжского культурогенеза вело к сложению одного из локальных вариантов срубной общности [Лопатин, 2008а, с. 419].

Отмечена также стабильность посткатакомбного ареала в степном Волго-Уралье, несмотря на его многокомпонентность и локальные своеобразия. На широком пространстве от «Кривой Луки» на Волге до «Светлого Озера» на границе с Казахстаном [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989, с. 14; Мимоход, 2004, с. 108–114; Жемков, Лопатин, 2008, с. 175], на рубеже средней и поздней бронзы погребения криволукского типа чаще всего являются основными в курганах.

Наш криволукский комплекс (п. 10) – также основной в кургане 2 на Калмыцкой Горе. Примечательно, что данные планиграфии указывают на

явную обрядовую связь основной могилы с впускными детскими захоронениями – позднепокровским (2/2) и раннесрубными (2/1, 3, 6), которые располагаются по кругу с привязкой к ритуальному центру подкурганного пространства. Аналогий данной ситуации, как в грунтовых, так и в курганных вариантах множество. Наиболее яркий пример – культовые ровики Смеловского могильника, где центральным криволюкским могилам посвящены детские подхоронения покровского и срубного типов [Лопатин, 2010].

Покровские подхоронения сопровождают основное криволюкское погребение в «Усть-Грязнухе» [Дремов, Семенова, 1999, с. 59–61, рис. 2, 2, 5].

В Бережновском I курганном могильнике выявлены 24 комплекса криволюкского типа, которые прежде рассматривались как срубные или катакомбные. Наиболее интересен курган 35, где в центре выделяется безынвентарное погребение в простой яме, в позе «скачущего всадника» с западной (бабинской) ориентировкой, окруженное кольцевидным ровиком [Синицын, 1959, с. 94–101]. Непосредственно в ровик (как в Смеловке) впущены детские погребения с восточной ориентировкой и раннесрубной керамикой, что указывает на единство похоронно-поминального обряда, в котором заметно различаются культурные признаки центрального и сопровождающих комплексов.

В кургане 2 южной группы Иловатки [Смирнов, 1959, с. 218] основное криволюкское погребение 20 сопровождается расположенными по кругу детскими захоронениями как покровского, так и криволюкского типов, причем в орнаментах некоторых покровских сосудов заметны реминисценции катакомбных традиций.

В одиночном кургане у с. Политотдельское [Там же, с. 303] криволюкское погребение пожилой женщины (п. 2) сопровождается ранними срубными захоронениями.

Пересмотр известных материалов значительно расширяет ареал криволюкской группы. Так, например, только среди опубликованных комплексов из зоны сооружения Сталинградской ГЭС выявлено 60 погребений с соответствующими посткатакомбными характеристиками. Примечательно, что криволюкские могилы пока ни разу не отмечены как впускные или сопроводительные по отношению к покровским захоронениям. С одной стороны, это безусловный факт известной хронологической преемственности. Но отмеченные выше курганные комплексы, в которых сочетаются основные посткатакомбные погребения, и расположенные по кругу захоронения с покровскими и раннесрубными чертами, по-видимому, следует рассматривать как признак реального взаимодействия в общем ритуале. Особо отметим престижное положение в обряде именно криволюкских погребений, как правило, безынвентарных, канонизированно аскетичных в своих внешних идеологических проявлениях.

Наше основное в кургане погребение 2/10 Калмыцкой Горы вполне соответствует известным криволюкским характеристикам, таким как овальная форма простой могильной ямы, левобочная поза «скачущего всадника», кости МРС перед погребенным, безынвентарность.

Погребения покровского типа. Наиболее поздним в этой группе является детское погребение 2/2 из свиты основного криволюкского захоронения. Индикатором данной позиции является позднепокровский сосуд, который по большинству показателей уже максимально приближен к раннесрубным стандартам. Округленное тулово, стянутая шейка, короткий отогнутый наружу венчик, песок и шамот в примеси, – все выдает в этой форме прообраз будущих округлобоких и слабопрофилированных сосудов срубного комплекса. И лишь одна реминисценция – слабовыраженное внутреннее ребро на обратной стороне венчика – позволяет помещать данный экземпляр в завершающую фазу развития покровской керамики.

Тот факт, что погребение с этим сосудом, как и типично срубные детские комплексы 2/1, 3, 6, посвящены центральному захоронению криволюкского типа, позволяет предложить некоторые возможные варианты выводов:

- на раннесрубном этапе долгое время сохраняется историческая память о полубожественных пращурах-«аскетах», места их захоронений хорошо известны, им посвящаются поминальные тризны и детские подхоронения;

- некоторые слои раннесрубного населения продолжают придерживаться древней традиции погребальной обрядности, основанной на криволюкском принципе аскезы, демонстрируя, таким образом, чистоту первоначальной идеологии;

- отдельные позднекриволюкские группы сохраняются в начале эпохи поздней бронзы, сосуществуя с формирующимися срубниками и поздними покровцами.

Другие погребения покровского типа, представляющие на Калмыцкой Горе единый сакральный комплекс первого кургана, имеют более ранний характер, со всеми сопутствующими показателями в инвентаре. Среди них ярко выражен технологический признак – все сосуды имеют в примеси толченую раковину. Горшечные формы выдержаны в традиции «колоколовидности», но среди них выделяются сосуды с абашевскими признаками и синкретичные экземпляры, близкие некоторым петровским (раннеалакульским) образцам.

Указанные показатели внутри этих двух групп сосудов также не равнозначны и весьма поливариантны. Следует отметить сосуды с ярко выраженными абашевскими признаками и экземпляры, в которых эти признаки выглядят, скорее, как подражания или неумелые реплики. В ходе формирования «покровска» абашевская традиция выступала, вероятно, как наиболее значимая,

определяющая основные черты нового культурного явления. Но те же самые коллизии многокомпонентного культуuroобразования привнесли в покровскую керамику ряд своеобразий, позволяющих отличать ее от морфологически наиболее близкой доно-волжской абашевской посуды. Это плоские устойчивые, а не уплощенные днища, иногда с выступающими закраинами; утолщенные стенки тулова; не столь массивные, как в «абашево», венчики; меняющееся соотношение широтных параметров (диаметр устья равен или нередко меньше наибольшего расширения тулова). Один из опытов разделения абашевского и покровского комплексов был предпринят О. В. Кузьминой, показавшей основные различия керамических типов [Кузьмина, 1995].

В группе сосудов с восточными петровскими признаками во всем многообразии, свойственном зауральской традиции, представлены реберчатые горшки и биконические формы с покатыми плечиками, каннелюрами, отогнутыми наружу и вертикальными венцами. Особо отметим два сосуда, в характеристиках которых наблюдается сплав абашевской округлобкости, характерного устройства обратной стороны венчика (желобок, внутреннее ребро) и петровских каннелюров на внешней стороне шейки.

К раннесрубным стандартам в комплексе первого кургана максимально приближены, прежде всего, банкообразные формы, закрытые и биконические (рис. 24, 1, 6, 8, 17, 20). Причем весьма редким признаком для биконических форм, который замечен в нашей серии, является абашоидная реплика – слабо выделенный внутренний желобок с намеченным ребром на обратной стороне венчика. Такие варианты в покровско-срубном комплексе редки. Можно назвать только одну аналогию из лесостепного самарского Заволжья в могильнике Николаевка II [Мочалов, 2003а, с. 315, рис. 4, 4].

Данные наблюдения подтверждают не самый ранний характер всего покровского комплекса первого кургана, поскольку здесь мы уже видим процесс раннесрубного культуuroобразования. Кроме того, этот комплекс обладает признаками ярко выраженного синкретизма, присутствия черт уральской керамической традиции. Но это вряд ли связано с генезисом покровского феномена, скорее, с активными контактами и взаимодействием уже сложившихся покровцев с соседними петровскими племенами.

В синкретичной группе сосудов наиболее заметны каннелированные экземпляры (рис. 24, 10, 11, 18). Аналогии (но далеко не прямые) этому техническому приему формовки можно найти только в южноуральских традициях изготовления посуды. Отдаленно напоминает наши биконические сосудики каннелированный экземпляр из могильника Верхняя Алабуга, исследованного в лесостепном Притоболье [Потемкина, 1985, с. 193, рис. 83, 4].

Похожие биконические формы с каннелюрами имеются в приуральских материалах петровского времени развития западноалакульской культурной

группы – в могильниках «Танаберген-II» (7/6) и «Учебный полигон». Причем здесь они появляются только на кулевчинской фазе развития раннеалакульских памятников [Ткачев, 1998, с. 51, рис. 3, 5; 2007, с. 343, рис. 78, 74, 77].

Отличие наших каннелированных сосудов от южноуральских прообразов очевидно. Восточные аналоги более тяготеют к горшечным стандартам, у них выделены плечевые и венчиковые параметры. По-видимому, в основе их генезиса лежат каннелированные формы позднесинташтинских керамических комплексов на стадии формирования ранней «петровки». В этом смысле весьма показательны сосуды из могильника «Кривое Озеро» (2/5), исследованного в Южном Зауралье [Виноградов, 2003, с. 74, рис. 28, 3]. Заметно, что в ходе развития этого типа сосудов идет процесс упрощения форм и уменьшения их параметров при сохранении главного признака – каннелюров в верхней части тулова. Миниатюрные баночки из погребений 11 и 17 Калмыцкой Горы (рис. 24, 10, 18) представляют в этом ряду некий конечный вариант эволюции (малые размеры, биконичность, максимальное расширение на средней части тулова, отсутствие орнамента).

Небезынтересен вопрос о происхождении подобных рельефных элементов в традиции керамического производства синташты, петровки и алакуля. В синташтинском и потаповском керамических комплексах такая выборка весьма представительна, причем каннелюры всегда сопровождаются обычными орнаментами, прочерченными или штампованными, которые, как правило, перекрывают волнисто-желобчатый рельеф внешней поверхности сосудов. Весьма показательна в этом смысле позднесинташтинская нестандартно чашевидная форма из могильника Жаман-Каргала I [Ткачев, Хаванский, 2006, с. 170, 8].

На некоторых сосудах потаповского типа из могильника Утевка VI [Там же, с. 163, рис. 59, 3, 11, 12] каннелюры образованы частыми оттисками короткого штампа, построенными в горизонтальные ряды. При этом, как правило, композиционно формируется хорошо узнаваемый «елочный» декор, размещенный в желобках каннелюров, покрывающих всю внешнюю поверхность. Аналогичный сосуд есть в Синташтинском могильнике, а в Новом Кумаке присутствует симбиозный вариант с дополнительным сюжетом в виде многогорядного зигзага [Там же, с. 157, рис. 53, 15; с. 158, рис. 54, 13]. Такие сосуды, встречающиеся в синташтинско-потаповское время, вместе с тем, явно выбиваются из общего контекста и без того чрезмерно эклектичного керамического комплекса «синташты», что дает основание рассматривать эту технико-орнаментальную традицию как внешний инкорпорант на стадии генезиса.

Рельефная орнаментация в виде валиков и каннелюров довольно часто встречается на абашевской посуде, причем как на крупных формах, так и малых ритуальных сосудах. Особо следует отметить экземпляр из среднедон-

ского Подклетного (10/3), на котором каннелюры также образованы частыми оттисками короткого штампа [Пряхин, Беседин, 1998, с. 64, рис. 4, 6]. Необходимо также отметить биконическую форму с каннелюрами из абашевского могильника у Горы Березовой, исследованного в Приуралье. Этот тройной каннелюр напоминает варианты Калмыцкой Горы, но он дополнен горизонтально прочерченными волнистыми линиями [Ткачев, 2003, с. 221, рис. 6, 16]. Принципиально важно, что абашевские каннелированные сосуды нередко дополнительно декорированы поверх рельефных участков. Вероятно, эта особенность получает дальнейшее развитие на синташтинской керамике. Но формы каннелированных синташтинских и потаповских сосудов не имеют ничего общего с абашевскими колоколовидными и реберчатыми прообразами. Кроме того, «елочный» мотив перекрывающего орнамента более близок катакомбной традиции, что позволяет рассматривать еще один возможный вариант экстраполяции в ходе генезиса.

Катакомбный культуuroобразующий импульс, «пробудивший» синташтинский феномен, неоднократно обсуждался в литературе [Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 51; Малов, Филипченко, 1995, с. 61–62; Мочалов, 1996, с. 86; Епимахов, 1998, с. 34–35; Ткачев, Гуцалов, 2000, с. 35]. При всей туманности синташтинского генезиса, пожалуй, лишь два тезиса (абашевский и катакомбный) выглядят наиболее убедительно в ряду многочисленных компонентов, приводившихся в концепциях по поводу формирования южноуральской культуры. Заслуживает внимания также тезис о возможном участии в генезисе «синташты» некоторых доно-волжских и волго-уральских симбиозов (воронежский, токсанбайский, вольско-лбищенский).

Интересующий нас материальный фрагмент культуuroобразования – рельефная орнаментация – представляется в этих сложных процессах явлением сквозным, маркирующим многие и неодновременные локальные модели культуuroгенеза на обширном пространстве доно-волжских и волго-уральских степей. Валики и каннелюры морфологически близки и связаны друг с другом как внешние проявления форм сосудов. Они различаются лишь по технике исполнения (каннелирование, по сути, – имитация валиков, оттянутых на стенке сосуда).

Традиция налепных треугольных в сечении валиков получила наибольшее распространение на западе, в среде позднекатакомбных и бабинской культур, ареалы которых совпадают. Как устойчивый культуuroобразующий признак, такие валики доживают здесь до формирования некоторых локальных групп раннесрубных памятников. В этом смысле весьма примечательны захоронения могильника Подгорное-2, исследованного в лесостепном Подонье, где зафиксированы одинаковые сосуды с тремя нерассеченными валиками в верхней части тулова [Матвеев, 2006, с. 126, рис. 3, 3, 5, 10]. Весьма

близок им сосуд с зигзагообразным валиком из Преображенки (рис. 50, 20). Организация пространства, занятого рельефной орнаментацией, заметно сближает эти сосуды с каннелированными экземплярами Калмыцкой Горы и южноуральскими аналогами.

Треугольные в сечении валики изредка встречаются в переходных и раннесрубных керамических комплексах степного Заволжья, например на поселениях Тонкошуровка, Березовка, Преображенка 1 [Лопатин, 2002, с. 105, рис. 2, 17, 30, 32, 34; с. 115, рис. 12, 17]. Но к востоку от Волги, особенно на Южном Урале, в керамических комплексах синташтинского и петровско-алакульского типов рельефные орнаменты чаще выступают в качестве каннелюров. В погребениях Калмыцкой Горы эта деталь присутствует как мимолетный фрагмент культуургенеза, как свидетельство активных контактов «покровска» и «петровки», что особенно заметно по своеобразному вращению принципа каннелюра в абашоидную колоколовидность. Но в алакульском комплексе очень скоро каннелюр закрепляется в качестве одного из ведущих формообразующих признаков керамики, определяющей «лицо» культуры.

В едином комплексе (п. 17) с каннелированным биконическим сосудиком представлен интересный вариант керамики с нетипичной орнаментацией и поверхностной обработкой (рис. 24, 19). На внешней поверхности этого сосуда горизонтальные узкорельефные расчесы выглядят чересчур упорядоченными. Простейший орнаментальный мотив – частый ряд удлиненно-овальных оттисков на шейке горшка – не характерен для срубного декора, в орнаментальном арсенале «абашево» и «синташты» близкие варианты крайне редки. Удивительное сходство с нашим экземпляром обнаруживают некоторые сосуды самусьско-сейминского типа, которые отнесены М. Ф. Косаревым к среднеишимскому (логиновскому) варианту [Косарев, 1981, с. 90, рис. 31, 1, 9, 10, 13]. Упорядоченная обработка внешней поверхности горшков Логиновского городища, частые ряды удлиненных вдавлений овальной формы здесь отмечены как устойчивый культурный инвариант. Совпадение наблюдается также по профилировке логиновских сосудов (округленное тулово, плавный отгиб венчика, тонкие стенки).

Логиновская аналогия нашему сосуду, столь удаленная в пространстве, тем не менее, вполне сопоставима с хронологическим интервалом глобальных культуургенетических процессов на рубеже средней и поздней бронзы. Это временное единство отчасти маркируется среднеиртышскими памятниками ростовкинского типа, которые синхронны не только логиновскому варианту «самуся» в рамках единой общности, но и периоду формирования «синташты», «потапово», раннего «покровска». В ходе культуургенеза опосредованно определялись векторы дальнейшей динамики памятников покровского типа, раннеалакульской и раннесрубной культур, в керамических материалах кото-

рых нередко проявлялись самые различные, порой весьма архаичные инкорпоранты в виде материальных реплик и подражаний. На определенном этапе это единство пронизывается передовой турбинско-сейминской технологией металлообработки. Престижные металлоемкие погребальные комплексы со сквозными типами оружия и украшений нередко содержат также керамические репликаны, позволяющие устанавливать самые неожиданные генетические и культурные (нивелирующие) связи «покровска».

В данном контексте весьма интересен также крупный сосуд с двумя бронзовыми скрепами из центрального погребения первого кургана Калмыцкой Горы (рис. 25, 5). Этот вариант, несомненно, сложился на основе колоколовидного абашоидного стереотипа. Но от классических форм он отличается профилировкой венчика. Несмотря на такой абашевско-покровский признак, как внутреннее ребро, венец слишком короток, грань устья приострена, на внешней стороне образовано некое подобие воротничка.

Подобные варианты устройства венчиков в покровской классике встречаются редко, но обязательно отметим наиболее значимый аналог – сосуд из эпонимного Покровского могильника (35/2) [Памятники..., 1993, с. 146, табл. 16, 12]. Заметим, что в этом богатом парном захоронении присутствует также синкретичный сосуд с синташтинско-новокумакским орнаментом, что, возможно, и объясняет восточную доминанту наибольшего числа аналогий указанному признаку.

Более всего такие венчики характерны для некоторых синташтинско-петровских сосудов Кривого Озера [Виноградов, 2003, с. 198, рис. 85, 2, 4; с. 212, рис. 92, 6; с. 218, рис. 94, 2], Каменного Амбара V и Ново-Петровки [Ткачев, Хаванский, 2006, с. 144, рис. 40, 3; с. 158, рис. 54, 3], некие подобия отмечены в Потаповке [Васильев и др., 1994, с. 126, рис. 22, 1; с. 127, рис. 23, 5, 7]. Сюда такие формы венцов могли быть заимствованы на фазе генезиса от некоторых абашевских сосудов южноуральской группы. Например, крупный сосуд с подобной формой венчика известен в Тавлыкаево IV, а в Чукраклинском могильнике есть миниатюрные ритуальные сосудики с короткими приостренными венцами [Васюткин и др., 1985, с. 81, рис. 7, 1].

Некоторые миниатюрные формы доно-волжской и средневожской абашевской культуры также оснащены короткими венчиками, напоминающими воротнички. Редкие экземпляры обнаружены в могильниках Сады (1/2), Софьино (4/1), Туруново (5/1) [Пряхин, Беседин, 1998, с. 64, рис. 4, 9; с. 66, рис. 5, 3; с. 67, рис. 6, 14]. Но в целом этот признак для них менее характерен, чем для приуральской группы.

Две бронзовые скрепы, фиксирующие старую вертикальную трещину на большом сосуде из нашего основного погребения 1/21, – весьма значимый элемент, встречающийся в покровских комплексах Поволжья редко и исклю-

чительно в престижных захоронениях. Гораздо чаще эта деталь фиксируется на погребальной посуде в андроновском обряде, что рассматривается в специальной работе С. В. Сотниковой как особая ритуалистика, акцентированная на идею смерти и возрождения. Автор умозрительно реконструирует похоронный обряд, сопровождающийся преднамеренным разрушением и последующим восстановлением (высокоценными бронзовыми скрепами) ритуального сосуда, что через новую «целостность» предмета символизировало аналогичные коллизии человеческой судьбы [Сотникова, 2008, с. 451].

Между тем починка треснувшей глиняной посуды в повседневной жизни людей бронзового века была делом обычным. Об этом свидетельствует огромное количество массового материала поселений, где очень часты находки керамических фрагментов с просверленными на краях изломах отверстиями. Очевидно, гораздо чаще трещины скрепляли не дорогостоящей бронзой, а тленными материалами – тонкими ремешками, текстильными или шерстяными шнурами. В таких «вторичных» горшках уже нельзя было готовить пищу и держать жидкости, но они были вполне пригодны для хранения твердых продуктов и даже сыпучих ингредиентов.

Анализ С. В. Сотниковой чрезвычайно интересен с точки зрения использования нарративного и этнографического материала, но представляется не вполне завершенным в плане привлечения всего объема археологических данных. А это может иметь перспективу, поскольку один из основных ритуальных актов – первый «аспект», разбивание сосуда, то есть преднамеренная порча предмета, имеет известную динамику в исторической диахронии и широко представлен в погребальной обрядности раннего железного века. Преднамеренная порча зеркал, режущих и колющих предметов рассматривается в литературе по-разному, но в том числе и как стремление «убить» вещи умершего человека с целью высвобождения душ предметов, поскольку нематериальную душу человека могут сопровождать только нематериальные души вещей [Шилов, 1959, с. 436]. В скифских, савроматских, сарматских погребениях мы нередко видим преднамеренную порчу инвентаря, но ни в чем не отражаются попытки его восстановления.

Возможно, на более раннем этапе в представлениях людей эпохи бронзы дефиниции души, вещественности ее материальной оболочки и понятие целостности еще не могли выступать в качестве самостоятельных расчлененных категорий. В данной ситуации разрушенный («убитый») объект должен был вновь обрести вещественную целостность (форму), чтобы оставаться символически функциональным. Возможно, та же самая идея отразилась в катакомбной обрядности, связанной с принципами расчленения трупа, декапитации, отделения конечностей, с последующим полным или частичным восстановлением [Мельник, 1991]. В данном случае мы имеем дело с еще более

архаичным ритуалом разрушения вещественной «обложки» и последующей имитации целостности.

Из 20 покровских сосудов первого кургана Калмыцкой Горы орнаментированы только 10 экземпляров. В известной степени декор также является существенным индикатором культурно-хронологических привязок и выявления векторов внешней контактности, даже в тех случаях, когда орнаментальные композиции выглядят как искаженные реплики. Возможны различные уровни систематизации орнамента, даже на материале небольшой выборки, как в нашей ситуации, по принципам: генетической преемственности; внешней инкорпорации; культурной нивелировки.

Генетическая преемственность наблюдается в декоре сосудов из трех детских погребений 1/2,7,10 (рис. 24, 2, 6, 9), причем это исключительно западный вектор наследственной передачи признаков. Большие свисающие треугольники с «бахромой», отмеченные на сосуде из погребения 2, обычны для ритуальной посуды доно-волжского «абашево» [Пряхин, Беседин, 1998, с. 64, рис. 4, 1; с. 66, рис. 5, 6] и передаются в арсенал покровского культурного типа еще на ранней фазе его становления. В этом смысле особенно интересны ритуальный сосудик с поддоном и крупная колоколовидная форма, украшенные одинаково треугольниками с «бахромой», из Покровского могильника (14/1) [Памятники..., 1993, с. 145, табл. 15, 8, 9]. Глубокий семантический смысл треугольников и зигзагов с аранжировками в виде «бахромы» (демиургическая символика мирового «змея») определил такие композиции как устойчивые инварианты, которые были транслированы и в более поздние пласты. Они широко распространены в орнаментах срубной культуры. Но следует также отметить, что исходные позиции подобного декора не вполне ясны. Они встречаются в материалах не только абашевской, но и вольской пережиточно-энеолитической культуры, а также ее лбищенского продолжения на рубеже средней и поздней бронзы (рис. 3, 12; 5, 5, 6).

На этом же уровне систематизации рассмотрим реберчатую форму из погребения 10, украшенную кривой решеткой (рис. 24, 9). Следует обратить внимание на явную небрежность или, скорее, неумелость выполнения этой орнаментальной композиции. Цепочки короткошаговых зигзагов, которые «строят» решетку, часто не стыкуются вершинами, дополнительные отрезки вносят еще большую путаницу. По всем признакам это явный репликант. Во всех культурах времени «покровска» такие орнаменты редки, как и редко встречаемый прообраз решетки – так называемые «шахматные» орнаменты, дисперсно распространяющиеся в Волго-Уралье на исходе эпохи средней бронзы [Мочалов, 2003б, с. 121]. Как редкие проявления «шахматные» орнаменты отмечены в позднем «абашево», «воронеже», «синташте» и «потаповке», из арсенала которых они в искаженных вариантах транслировались в

покровские и петровско-алакульские традиции. В данном случае вульгаризация декора выразилась в упрощении, в утрате принципа штриховки ромбов, которые составляли в узоре именно шахматный мотив. Пожалуй, наиболее близок нашей орнаментальной композиции в ближайшем пространстве вариант из могильника Владимировский I (4/1), где точно так же небрежно выполнено сотовое построение и нет заштрихованных ячеек [Кузьмина и др., 2003, с. 259, рис. 22, 2].

Внешняя инкорпорация отразилась в орнаменте уже упоминавшегося сосуда из погребения 17 (рис. 24, 19) и в декоре реберчатой формы из погребения 12 (рис. 24, 12). В первом случае результатом активных внешних контактов стало заимствование орнаментального элемента самусьско-логиновского типа, а во втором – заметно редуцированное правило изображения многорядных зигзагов, наиболее широко распространенных в синташтинской и петровско-алакульской традициях. Заметим, что многорядные зигзаги в более полных вариантах буквально единичны в материалах «покровска» (Покровский могильник, 35/2; Смеловский могильник, погребения 32, 37) и без труда диагностируются как следствия восточных контактов [Памятники..., 1993, с. 146, табл. 16, 13; Лопатин, 2008а, с. 416, рис. 1; 2010, с. 204, рис. 8, 3, 12]. Внешними инкорпорантами также являются уже отмеченные каннелированные сосуды (рис. 24, 10, 11, 18).

Культурная нивелировка наиболее наглядна в декоре тех позднепокровских форм, которые уже приближены к раннесрубным стандартам. Они обнаружены в детских погребениях 1/9, 15, 19, которые расположены на одном участке рядом друг с другом в восточной половине подкурганного пространства. Эти сосуды очень близки, явно изготовлены в одно время и одним мастером (рис. 24, 8, 17, 20). По всей вероятности, они уже отражают процесс формирования срубной керамической традиции на фоне нивелировки покровских канонов. Их почти идентичные орнаменты представляются устойчивым инвариантом, который может диагностировать ранние пласты срубной культуры как поселенческих, так и погребальных памятников. В этом инварианте сочетаются две горизонтальные зоны, разграниченные парной разделительной линией. Верхняя узкая зона заполнена рядом косых коротких отрезков или короткошаговым зигзагом, она размещается в верхней части плеча. С внутренней стороны венчик оформлен абашоидной репликой в виде желобка с намеченным ребром. Нижнюю часть плечика, до максимального расширения тулова по ребру, занимает косо штрихованный зигзаг, и это наиболее канонизированный сюжет композиции, который в дальнейшем очень долго сохраняется в срубном декоре. Не исключено, что в покровские орнаментальные комплексы подобные узкозональные сюжеты, набранные

короткими отгисками, могли быть инкорпорированы из арсенала вольско-лбищенских культурных групп.

Вещевой инвентарь из покровских комплексов первого кургана весьма разнообразен. Из 18 предметов только 3 (16,6%) обнаружены в детских погребениях (1/14,19), а остальные были сосредоточены в двух взрослых захоронениях, основном мужском (1/21) и расположенном рядом с ним женском (1/20). Рассмотрим некоторые ведущие категории инвентаря, имеющие особое значение.

Бронзовые рифленые пронизи (рис. 24, 15), по мнению Н. М. Малова, близки подобным украшениям из абашевских, кротовских и турбинских комплексов [Малов, 1992б, с. 37].

Редкий вариант браслетов (пластинчатые с завернутыми наружу окончаниями) характерен для «турбино», доно-вожского и приуральского «абашево», а также для поздних «среднеднепровских» захоронений начала II тыс. до н. э. (рис. 24, 16) [Там же, с. 24–25].

Массивные браслеты из круглого в сечении дрота с зауженными и заходящими друг за друга окончаниями (рис. 24, 28) находят аналогии в сейминско-турбинских и средневожских абашевских материалах, но более типичны для абашевцев Подонья и «покровска», а в срубной культуре они уже не встречаются [Там же, с. 27].

Костяную шпильку с кольцевидной головкой (рис. 25, 7), точный аналог которой не известен, Н. М. Малов отнес к кругу фурнитурных изделий Пепкинского кургана [Там же, с. 42]. Булавки с кольцевидными навершиями встречаются и в более поздней закарпатско-поднепровской культуре Гава-Голиграды, но это металлические варианты [Березанская и др., 1994, с. 125, рис. 37, 12].

Из предметов вооружения наиболее ярки два ножа, которые различны как по размерам, так и конструктивно. Небольшой листовидный экземпляр из парного погребения двух подростков 1/19 (рис. 24, 22) имеет одну любопытную деталь, довольно редкую для наших бронзовых ножей, – рельефный бордюр между лезвием и рукоятью. Такие волнистые бордюры, отделяющие лезвия от рукоятей, характерны для сейминских кинжалов группы КЖ-6 [Черных, Кузьминых, 1989, с. 111, рис. 63, 3]. На кинжалах бордюр, вероятно, образовывался в результате сложной технологической операции прилива рукояти к клинку. Наш вариант выглядит как имитация, подражание (именно в данной детали) кинжальной форме. В детской культуре любой эпохи всегда присутствуют престижные предметы, имитирующие вещи взрослых людей.

Большие ножи функционально могли использоваться в качестве боевых кинжалов и поэтому часто присутствуют в инвентарных наборах воинских захоронений, как в случае с нашим основным комплексом 1/21. Этот нож ха-

рактен продольным ребром жесткости на широком клинке, у него укороченный черешок и ромбическая расковка пятки (рис. 25, 4). В упомянутой сводке подобный вариант из Турбино вошел в аморфную группу НК-14 [Там же, с. 102, рис. 58, 2]. Близки нашему ножу также два клинка из погребения колесничего (п. 2) в кургане Селезни 2 доно-волжской абашевской культуры [Пряхин и др., 1998. С. 13, рис. 6, 1, 2]. В том же Донском регионе абсолютно аналогичный нож был найден на Шиловском поселении [Пряхин и др., 2001, с. 95, рис. 24, 4]. Близок ему также экземпляр с роговой рукоятью из Потаповского могильника (5/8), но у него максимальное расширение клинка смещено, в отличие от бородаевского, к острию [Васильев и др., 1994, с. 135, рис. 31]. К этой же группе относится клинок из Баранниково (рис. 40, 8), где он встречен в одном комплексе с редким типом трехдискового псаля.

По всей вероятности, большие бронзовые ножи с короткими черешками, оснащенными ромбическими пятками, и едва намеченными перехватами в основании клинков являются продуктом абашевской технологической традиции. В качестве культурных инкорпорантов они могут присутствовать в сейминско-турбинских материалах, в наиболее выдающихся захоронениях синташтинского, потаповского и покровского типов.

Костяной дисковидный псаля с удлиненной планкой и вставными шипами из основного погребения 1/21 (рис. 25, 3) неоднократно обсуждался в литературе [Памятники..., 1993, с. 139, табл. 9, 12; Пряхин, Беседин, 1997, с. 79–81, рис. 1, 4; Усачук, 2000, с. 130–132, 263, рис. 13, 4; Пряхин и др., 2001, с. 52, рис. 14]. Необычность его конструктивных особенностей выражается в форме нестандартно удлиненной планки. Анализ псаля весьма сложен в связи с его фрагментированностью. Отдельные уцелевшие части предмета с центральным большим отверстием и два вставных шипа стыкуются по местам изломов. Полностью уцелело только одно отверстие под шип, остальные три фиксировались частично, но все подтверждало именно четырехшипный тип псаля. Сохранившаяся часть планки стыкуется с диском по расположению трудно различимых трех малых отверстий под прошву храпового ремня. А. Н. Усачук предположил, что на линии стыка планки с диском, по краям должны были размещаться еще два коротких боковых шипика [Усачук, 2000, с. 263, рис. 13, 4]. Похожая, но не совсем аналогичная, деталь присутствует в конструкции известного алакульского псаля, у которого шиповидные боковые выступы удалены от диска почти на край высокой стержневидной планки [Там же, с. 263, рис. 13, 1]. Таким образом, намечалась линия более поздних алакульских типов упряжи.

Отметим, что высокие планки петровских и алакульских дисковидных псаляев морфологически довольно похожи на бородаевскую конструкцию [Зданович, 1988, с. 168, табл. 10-А, 8; с. 169, табл. 10-Б, 5], но есть и существен-

ные различия. Незаконченный полуфабрикат с поселения Петровка II и парадно украшенный экземпляр из Новоникольского 5/2 – роговые, цельнорезные, а их конструктивные особенности совершенно иные. Синташтинско-петровские, цельнорезные роговые псалии из Кривого Озера также имеют высокие планки, они оснащены только двумя шипами, а на переходе от диска к планке имеется только одно малое отверстие под прошву храпового ремня [Виноградов, 2003, с. 53, рис. 18, 2, 3]. Здесь же отметим, что прочие типы псалиев Кривого Озера, сегментовидные, с треугольными и трапециевидными планками, трехшипные и четырехшипные, также оснащены короткими боковыми выступами [Там же, с. 251, рис. 104, 4–7].

По конструкции и орнаменту бородаевский псалий, безусловно, ближе восточно-европейским дисковидным типам со вставными шипами, в частности «староюрьевской» группе изделий. Но поскольку сохранность его неполная, остается под вопросом такая важная деталь, как боковое отверстие для нащечного ремня. Староюрьевские варианты, как правило, оснащены специальными торцевыми вырезами.

Существует мнение, что для поволжских псалиев, как упрощенных вариантов староюрьевского типа, часто были характерны отверстия, сверленные непосредственно в щитке со смещением к планке [Пряхин и др., 2001]. В таком случае для нашего псалия боковые шиповидные выступы у основания планки, предполагаемые А. Н. Усачуком, действительно были необходимы для дополнительной фиксации нащечного ремня. Отмечалось также свойственное покровским псалиям упрощение орнамента по сравнению с пышным «волнисто-ленточным» декором абашевских вариантов [Пряхин, Беседин, 1997, с. 81].

По всей вероятности, невзирая на такую выразительную восточную реплику, как удлиненная (высокая) планка, которая выглядит конструктивным излишеством, бородаевский псалий следует помещать в группу покровских изделий (Сторожовка, Старицкое, Березовка, Идолга). Псалий из Идолги (рис. 28, 5) [Малов, 2003, с. 219, рис. 13] имеет своеобразную особенность – слишком миниатюрную относительно большого диска, треугольную планку с тремя малыми отверстиями на стыке (это сближает его с бородаевским псалием), а кроме того, здесь есть признаки бокового выреза под нащечный ремень. Уместно предположить, что технология изготовления покровских псалиев могла испытывать при своем становлении не только конструктивно определяющее влияние абашевской традиции, но и принимала чисто внешние морфологические элементы рудиментарного характера. Пример тому – совершенно не функциональная удлиненная планка бородаевского изделия или гротескно малая треугольная планка идолгинского экземпляра. Учитывая явные признаки контактов поволжских покровских и южноуральских

петровских племен, отразившиеся в керамике Калмыцкой Горы, допустимо предполагать истоки этой поверхностной морфологии некоторых нижеволжских псалиев в синташтинско-петровских материалах, где наиболее близким прообразом могли быть роговые экземпляры Кривого Озера.

Предполагается, что первый курган Калмыцкой Горы был насыпан над одной основной могилой или возрастным ядром погребений 1/21, 17, 20, возможно, одновременно с детскими захоронениями, которые имеют с ними сильные типологические связи по керамике (1/11, 14). В социокультурном аспекте эта ситуация похожа на закладку родового погребального участка (места перехода) по смерти знатного патриарха (пращура, родоначальника), двух его жен и детей двух матрилинейных векторов (1/20, 14 и 1/17, 11). В дальнейшем в ходе продолжения предкового культа в курган осуществлялись исключительно детские подхоронения. При этом в западном направлении развивались два матрилинейных вектора – покровский (1/15, 13) и петровский (1/19, 9, 10, 12), а на южном, восточном и юго-восточном участках устраивали свои посвященные подхоронения родственники более дальних родовых линий (1/1-3, 5-8).

Опосредованно данная картина отражает известные сложности переходного времени, в котором некоторые социальные страты покровского общества, ориентированные на военную парадигму, были не только подвижны в пространстве, но и наиболее лабильны в межэтнических контактах, резистентно уязвимы и внешне изменчивы в показателях материального комплекса. Данное обстоятельство, неизбежно связанное с многообразием взаимодействия культур «героической эпохи», с яркой многокомпонентностью процессов культурогенеза, составляет значительные трудности при определении как относительной, так и абсолютной хронологии, но особенно в синхронизации колесничных комплексов [Епимахов, Чечушков, 2008, с. 488–493]. Возможно, отчасти осветить эти сложности помогут наблюдения за микро-срезами погребальной ритуалистики, наполненной сложными, синкретичными наборами артефактов, подобными комплексу Калмыцкой Горы [Лопатин, 2009, с. 44–97].

5.4. Курганный могильник «Светлое Озеро». Светлоозерский могильник был обнаружен в 1986 г. при проведении разведочных работ в широкой степной зоне, отведенной под сооружение Северо-Ершовской оросительной системы. Памятник находится в Озинском районе Саратовской области, в 1,5 км к юго-востоку от с. Светлое Озеро, на гребне длинного водораздела между реками Большая Чалыкла и Голенькая, в 7 км южнее места их слияния. К востоку, по направлению к Чалыкле, водораздел, плавно понижаясь, переходит в низкую террасу, густо рассеченную старичными западинами, у которых отмечены более двух десятков стоянок и поселений эпох неолита, энеолита и

бронзы. С запада, вплотную к водоразделу, подступает узкая пойма чалыклинского притока – реки Голенькой.

Курганы занимают огромную площадь: с северо-запада на юго-восток эта территория протянулась на 2 км 640 м, а в середине ширина скопления земляных насыпей составляет 650 м. Здесь зафиксировано 173 кургана. В конце 1980-х гг. эта местность не подвергалась распахке и использовалась в качестве пастбища, насыпи и межкурганное пространство были покрыты редкой типчаково-полынной растительностью. Лишь юго-восточная часть группы заходила под лесополосу и на край пахотного поля (курганы 168–173).

В пятнадцати курганах Светлоозерского могильника выявлены 30 захоронений, представляющие комплексы десяти подкурганых культур от ранней бронзы до позднего средневековья, известных в археологии степного Волго-Уралья, целый ряд которых связан с переходным временем от средней к поздней бронзе:

- 5 комплексов с позднекатакомбными, криволукскими и вольско-лбищенскими признаками отнесены к завершающей фазе эпохи средней бронзы (1/1, 4/1, 6/3, 7/1, 10/2);

- 2 захоронения начальной фазы эпохи поздней бронзы относятся к покровскому культурному типу (2/2, 2/3);

- 3 погребения отнесены к срубной культуре эпохи поздней бронзы (5/1, 6/7, 11/1);

Погребения завершающей фазы эпохи средней бронзы весьма вариативны в показателях погребальной обрядности и, как правило, аскетичны (погребальный инвентарь либо отсутствует, либо чрезвычайно скуден), что составляет известные трудности в культурно-хронологической интерпретации комплексов. В Светлом Озере зафиксированы погребения, устроенные в подбойной, трапецевидных и прямоугольных могилах. Уже одно это демонстрирует определенную этнокультурную пестроту населения степного Волго-Уралья в конце эпохи средней бронзы. Представляется, что светлоозерскую выборку этого времени можно предположительно связывать с тремя основными традициями – позднекатакомбной, криволукской и вольско-лбищенской.

К позднекатакомбному типу отнесен один комплекс – 6/3, где зафиксирован скелет с признаками декапитации, левобочная скорченность, восточная ориентировка, поза скачущего всадника, кости МРС, височные подвески (бронзовая и серебряная), обломок кварцитового наконечника и металлическая обкладка деревянного сосуда. В инвентаре наиболее диагностичны подвески – округлые, откованные из овальных в сечении дротов и свернутые узкой спиралью в 1,5 оборота. В целом, они характерны для катакомбных культур довольно глубокого хронологического интервала и широко распространены. Подобные вещи известны в захоронениях донецкого типа из Волго-

Донского междуречья (Антонов – 6/1) и Нижнего Подонья (Кастырский VI, 4/12; VIII, 3/10) [Кияшко, 2002, табл. XXVIII, 7; XXIV, 4, 5, 14]. Но в ближайшем ареале они отмечены именно в позднекатакомбных материалах степного Приуралья (Илекшар I, 5/3) [Ткачев, 2006 с. 59, рис. 14, 5]. Примечательно, что в Илекшаре имеется также листовидный нож [Там же, с. 59, рис. 14, 3], почти идентичный светлоозерскому экземпляру из катакомбного правобочного захоронения 1/2 (рис. 7, 4), что, видимо, подтверждает широкий временной диапазон этого типа изделий.

В остальном погребение 6/3 из Светлого Озера обнаруживает заметную близость с посткатакомбными комплексами степей Нижнего Поволжья и Волго-Донья (простая яма, левобочная поза «скачущего всадника», восточная ориентировка, бедность инвентаря, кости МРС перед умершим). В полной мере эти признаки отражены в захоронениях криволукского культурного типа, выделенного Р. А. Мимоходом для завершающей фазы эпохи средней бронзы и времени перехода к позднему бронзовому веку [Мимоход, 2004, с. 108–114].

В Светлом Озере есть два захоронения, предположительно отнесенные к криволукскому типу. Одно из них (4/1) разрушено, и в точности его интерпретации, безусловно, присутствует доля сомнения. Здесь отмечены простая яма небольших размеров, ориентированная в широтном направлении, и тризна на восточном краю могилы, где, кроме углей, золы и мелких неопределимых обломков керамики, были также кости МРС и фрагмент каменного абразива.

Второй комплекс – безынвентарное погребение подростка (10/2), которое, тем не менее, являлось основным в кургане. По всем показателям (простая яма, сильная левобочная скорченность, восточная ориентировка, неопределенное положение рук, слабые охристые пятна на костях) оно соответствует параметрам криволукского культурного типа. Как основные под курганными насыпями, криволукские захоронения неоднократно отмечены в степном Волго-Уралье, например, в могильниках Малого Карамана (Рунталь, Калмыцкая Гора, Чапаевка, Караман), и это позволяет предполагать на данной территории определенную доминанту посткатакомбных традиций в конце эпохи средней бронзы [Жемков, Лопатин, 2007, с. 93–118]. Вместе с тем, детское погребение в качестве основного – скорее аномалия, чем правило. Нам известен единственный подобный случай в материалах Смеловского грунтового могильника, где криволукское погребение подростка занимало престижное положение в центре родового участка, окруженного ровиком [Лопатин, 2001, с. 82].

Вольско-лбищенская традиция отмечена в двух комплексах Светлого Озера. Парное захоронение взрослого человека и грудного младенца (1/1) устроено в погребальной конструкции, которая интерпретирована как моги-

ла с подбоем. Найденные здесь костяные пронизки (рис. 7, 5) не могут быть уточняющим индикатором, поскольку широко встречаются в хронологическом пространстве средней бронзы. Левобочная адорация и северная ориентировка также иногда характерны для некоторых позднекатакомбных комплексов Заволжья и Волго-Донья. Единственный определенный вольско-лбищенский признак – это остатки двух сосудов из тризны, которая впущена в насыпь кургана как посвящение предковому катакомбному погребению 1/2 при подхоронении нашей пары.

Профилировки и орнаментация этой керамики, действительно, близки лбищенским показателям (рис. 7, 1, 2), прежде всего, в характере формовки венчиков, в системе организации орнаментального поля и в наборах элементов декора (вертикальный, плоско сформованный венец, узкозональность, разделенные горизонтальными линиями наклонные и вертикальные отрезки, короткошаговый зигзаг) [Васильев, 2003, с. 113, рис. 1]. Тем не менее, степные находки керамики с вольскими признаками типа светлоозерских или рунтальской (рис. 7, 6) [Жемков, Лопатин, 2007, с. 118, рис. 4, 4] представляются в известной степени несколько искаженными репликами сосудов, происходящих с лесостепных эпонимных памятников Поволжья. Более того, они, вероятно, и более поздние, представляющие материальную культуру финала средней бронзы, а не ямно-полтавкинского времени, как это отмечалось в литературе для вольско-лбищенской классики [Васильев, 2003, с. 111].

Выделенные, в качестве вольско-лбищенских, погребения Алексеевского III могильника [Там же, с. 3, рис. 3] не имеют обрядовой специфики, которая отличала бы их от криволукских или срубных. В этом смысле наиболее оригинальны «сидячие» захоронения из насыпи кургана 4 в Тамар-Уткуль VII, которые маркированы сосудами вольско-лбищенского типа, шильями с упорами, большими очевидными подвесками и браслетами с треугольным сечением (рис. 7, 7–14) [Богданов, 1998, с. 36–37, рис. 10; 11]. Сидячая поза – косвенный признак, по которому к этой группе отнесено светлоозерское погребение ребенка 7/1, впущенное в курган в качестве подхоронения к основному катакомбному комплексу с кальцитовым навершием и многовитковыми подвесками.

В целом же все захоронения конца эпохи средней бронзы из Светлого Озера отражают известную обрядовую аморфность, характерную для этого времени. Они отчасти близки друг другу по сохранению катакомбных признаков (подбой, охра, элементы орнаментации сосудов, положения скелетов).

Погребения покровского типа появляются в Светлом Озере в начале эпохи поздней бронзы. Из них информативно только женское подхоронение 2/2, посвященное основному парному комплексу 2/3, к сожалению, полностью разрушенному грабителями. Оно было впущено в насыпь на уровень древне-

го горизонта, а рядом, также в насыпи, устроена поминальная тризна. В комплексе имеются женские украшения рук (браслеты), головы (желобчатая и трубчатая подвески) и шеи (фаянсовые бусы), которые традиционны для этого времени. Светлоозерские массивные браслеты с незаходящими концами, согнутые из круглого в сечении дрота, упоминаются в сводке Н. М. Малова, который относит такие изделия к типу У-4 [Малов, 1992, с. 26]. Отмечено, что подобные типы наручных украшений бытуют одновременно с плоско-желобчатыми браслетами, но чаще с прутковыми, полукруглыми или круглыми в сечении и с приостренными, заходящими друг за друга концами.

Такие браслеты, а также височные подвески с широкой желобчатой лопастью и трубчатые украшения типичны для раннепокровских захоронений. Об этом же свидетельствуют характерные абашевские признаки сосуда – максимальный диаметр по линии устья, высокий желобчатый венчик с ребром на внутренней стороне отгиба, узкое днище, широкие горизонтальные расчески на внешней стороне тулова, рельефные настолько, что напоминают каннелюры. По некоторым данным, подвижные группы покровского населения в степном Волго-Уралье могли быть синхронны посткатакомбным племенам (криволукским, вольско-лбищенским, позднекатакомбным), составлявшим здесь автохтонный этнокультурный фон, и активно с ними взаимодействовали, что косвенно отражено в материалах Смеловского могильника [Лопатин, 1997, с. 73–75].

Погребения срубной культуры, к сожалению, малоинформативны, поскольку все они оказались ограбленными. Два из них (5/1, 11/1) – основные и единственные под маленькими насыпями, а третье (6/7) было впущено на уровень древнего горизонта в первичную насыпь кургана ямной культуры.

Взрослое захоронение 5/1, скорее всего, относится к раннесрубному периоду. Оно было устроено в прямоугольной могиле, ориентированной на ССВ. Найденный здесь неорнаментированный горшок изготовлен с примесью толченой раковины, а, кроме того, он еще сохраняет в своей подколоколовидной форме некоторые позднепокровские признаки. Пастовые бусы также характерны для ранних срубных погребений, как реминисценция предшествующего покровского времени.

5.5. Материалы Низовских курганов. Курганный комплекс, состоявший из девяти земляных насыпей, располагался между краем левобережной террасы р. Елань и искусственным прудом. Неровной цепочкой насыпей выстроены в направлении с юго-запада на северо-восток и занимают площадь 130 x 50 м. Поскольку данный участок никогда не подвергался распашке, все курганы были хорошо заметны на дневной поверхности. Округлые в плане, они имели явно выраженные полусферические профили, их северные склоны были относительно круты, а южные более пологи, внешняя поверхность насыпей

плотно задернована. В ходе раскопок установлено, что все насыпи значительно пострадали в результате активной жизнедеятельности землероев, нарушены как литологические составляющие курганов, так и многие погребальные комплексы.

Низовский могильник функционировал более 3 тысяч лет, о чем свидетельствуют разнообразные культурные комплексы, выявленные в его курганах. Здесь открыты погребения рубежа средней и поздней бронзы, срубной археологической культуры, эпохи раннего железа и позднего средневековья. В Низовке наиболее интересны и сравнительно полнее представлены материалы бронзового века, отражающие сложные процессы доно-волго-уральского культурогенеза и становления одной из крупнейших в Евразии срубной мегакультуры. Данный хронологический срез характерен активным взаимодействием многих культурных компонентов на территориях Волго-Донского и Волго-Уральского междуречий, пересечением разнообразных традиций, появлением множества синкретичных образований.

В погребальном обряде этого времени характерно возведение индивидуальной насыпи над основным погребением, которое, как правило, является престижным, социально выраженным. Умерших этого ранга хоронят в больших могилах с деревянными перекрытиями, с оружием, керамикой, украшениями, их сопровождают богатые жертвоприношения в виде костей крупного и мелкого рогатого скота, в том числе в отдельных ямах, а иногда свиты детских захоронений, расположенных по кругу или по дуге в южных секторах [Малов, 1989, с. 83–87; Кузьмина, 1995, с. 29]. Подобная картина отмечена в низовских комплексах курганов 1 и 2.

Наиболее распространенный, массовый признак данной эпохи в Нижнем Поволжье – своеобразная керамика покровского типа. Наиболее ранние и социально значимые покровские комплексы содержат посуду, близкую абашевской и синташтинско-аркаимской [Малов, 2003, с. 200; Малов, Бутров, 2006, с. 148, рис. 2]. Гораздо чаще, как и в Низовке, в массовых покровских материалах мы наблюдаем колоколовидную и близкую ей керамику, в морфологических характеристиках которой присутствуют, представленные в той или иной степени, пережиточные «абашевские» черты (примесь толченой раковины, расчесы на внешней стороне тулова, внутреннее ребро, желобки, каннелюры). В нашей серии есть ярко выраженные экземпляры с внутренними желобками и характерной реберчатостью на внутреннем отгибе венчика, горизонтально расчесанные по внешней поверхности, но имеются также варианты нивелировки тех же признаков, где внутреннее ребро сглаживается, на поверхности тулова все меньше расчесов, а в примеси исчезает раковина. Вполне возможно, что здесь имеет место эволюционная линия формирования некоторых форм срубного керамического комплекса, в частности ок-

руглобоких сосудов, как, например, здесь же, в шестом кургане Низовки, где отмечен горшок позднепокровского облика с заметными чертами нарождающегося срубного «слабопрофилированного» типа.

Биконический сосудик из второго погребения кургана 8 также имеет корни в абашевской керамической традиции [Кузьмина, 1995, с. 35]. Реальное отличие покровских вариантов ритуальных сосудиков от абашевских заключается, прежде всего, в изменении формы, в частности, в смещении реберчатого расширения на середину тулова. Морфологически такая посуда близка реберчатым покровским сосудам и будущей группе биконических банок в срубной культуре.

Два колоколовидных сосуда из Низовки имеют в своем декоре характерные признаки, связывающие их с особым импульсом, который, возможно, воздействовал на культурогенетические процессы кратковременно и лишь на ограниченной территории. На горшке из второго погребения кургана 1 зубчатый штамп отпечатан ряд горизонтальной «елочки», а на сосуде из четвертого погребения того же кургана, в прочерченной технике, такой же сюжет сочетается с рядом вертикальных отрезков и ромбами (рис. 15, 24). Подобная орнаментальная традиция может быть связана с развитием воронежских и абашевско-воронежских культурных групп, которые принимали участие в становлении ранней покровской культуры.

Недавние исследования на севере Волго-Донского междуречья показали, что сосуды покровского типа с катакомбными чертами в орнаментации [Дремов и др., 2005, с. 20–35], или катакомбные признаки обряда в сочетании с покровской керамикой [Захариков и др., 2006, с. 176, рис. 6, А, Б], действительно, могут маркировать определенную территорию (доно-волжская степь и лесостепь), где развивался своеобразный локальный вариант культурогенеза. Подтверждением тому служит также факт сочетания в едином хронологическом горизонте элементов позднебабинского и покровского культурных типов (погребения 3 и 4 кургана 5), отмеченных по планиграфическим наблюдениям. Поздний характер сосуда из третьего погребения выражается в сокращении рельефной орнаментации и сочетании ее с начертательной. На низовском сосуде имеются всего два горизонтальных валика, ниже которых прочерчены парный зигзаг и ряд косых отрезков. Представляется, что небольшое количество горизонтальных валиков, в числе прочих признаков, маркирует поздний этап КМК. По этому показателю нашему экземпляру близок, например, горшок из позднебабинского погребения 3 кургана 1, исследованного у с. Полковое в Приазовье [Санжаров, 1994, с. 105, рис. 2, 7].

Своеобразие волго-донского локального варианта культурогенеза проявляется здесь в относительно непродолжительном взаимодействии этих двух основных компонентов, создающих даже синкретичные комплексы закрыто-

го характера, как, например, в престижном захоронении № 2 Филатовского кургана, где в одной могиле присутствуют ярко выраженные покровский и бабинский сосуды [Синюк, 1995, с. 57, рис. 10, 1, 2]. Подчеркнем, что ведущая роль покровского и бабинского комплексов в сложении срубной культуры уже неоднократно отмечалась в литературе [Малов, 2003, с. 195].

Прочие компоненты, участвовавшие здесь во взаимной аккультурации на рубеже средней и поздней бронзы, выражены значительно слабее или опосредованно, уже в виде элементов синкретичных образований. Возможно, именно таков характер погребального комплекса низовского кургана 6. Его большая прямоугольная яма, ориентированная в широтном направлении, и жертвенник находят аналогии в потаповских материалах Среднего Поволжья [Васильев и др., 1994] и синташтинских памятниках Южного Зауралья [Зданович и др., 2002, с. 85, рис. 52], где представлены богатые коллективные погребения с оружием, колесничными артефактами и жертвоприношениями коней, крупного и мелкого рогатого скота. Вместе с тем, если в погребениях потаповского типа керамика содержит явные синташтинские признаки, то в Низовке встречен сосуд позднепокровского облика, форма и декор которого уже испытали воздействие нивелировки и заметно приближены к срубным стандартам.

Два погребения этого времени (5/3 и 8/2) содержат некоторые категории женских украшений, которые в целом имели довольно широкое хождение в пространстве Юго-Восточной Европы, а в Нижнем Поволжье маркировали именно покровские комплексы и синхронные им культурные группы. Они представляют традиционный и весьма скромный женский убор, состоящий из головных украшений – височных подвесок, шейно-нагрудного ожерелья, в которое входили пастовые бусы и ромбические подвески, и наручных украшений – браслетов.

Пастовые (фаянсовые) бусы – наиболее распространенная категория украшений, заимствованная из ближневосточных технологий стеклоделия [Островерхов, 1982, с. 98]. Чаще всего они встречаются в материалах катакомбных, бабинских, покровских, петровских комплексов, доживают до раннесрубного времени [Малов, 1992, с. 45].

Височные подвески из Низовки относятся к типу широкожелобчатых изделий округло-овальных форм (тип V-11 по Н. М. Малову), они также характерны для памятников Покровска, Петровки, Бабино, реке Абашево, встречаются в раннесрубных комплексах [Малов, 1992, с. 32–34]. Развитие данных украшений идет по линии удлинения овальных форм, возникновения грушевидных вариантов, а также зауживания желобчатых пластин и появления на них пуансонного орнамента.

Широкие желобчатые браслеты занимают более узкий хронологический интервал и вряд ли выходят за рамки покровского периода. Уже одновременно с ними бытуют узкожелобчатые варианты, которые затем переходят в раннесрубные комплексы. Широкие браслеты известны в Покровских курганах, в Терновке, Турбино, Кротовке, Петровке, Потаповке [Малов, 1992, с. 26; Васильев и др., 1994, с. 133, рис. 29]. Не исключено, что они появляются еще в предпокровское время или в процессе формирования этого феномена.

Гораздо более редки орнаментированные ромбические подвески, обнаруженные в погребении 5 кургана 3. Такое же изделие, но иначе орнаментированное, зафиксировано в покровском погребении 8 кургана 5 могильника «Золотая Гора» [Юдин и др., 2006, с. 105, рис. 20, 6]. Подвеска из Золотой Горы занимала центральное положение в ожерелье, где присутствовали также треугольные экземпляры с аналогичными петельками для подвешивания и пастовые бусы. Отметим, что треугольные орнаментированные подвески такого типа известны в Заволжье еще с раскопок К. Ф. Смирнова в Иловатке [Смирнов, 1959, с. 223, рис. 8, 6]. Абсолютно идентичный нашему ромбовидный вариант с решетчатым орнаментом отливался в глиняной форме из Терновки (Саратовское Заволжье), где водами Волгоградского водохранилища полностью размыто поселение с покровской керамикой и раскапывались курганы того же времени. Небезынтересно, что местная металлообработка содержала в своем производственном комплексе изготовление не только орудий, но и ювелирных изделий [Малов, 2005, с. 17, 19, рис. 1, 11]. Фрагмент ромбовидной, перекрестно штрихованной подвески в сочетании с пастовыми бусами зафиксирован в 45-м погребении кургана 1 в Гаевке-Каймакчи XV на Дону [Шарафутдинова, 1995, с. 113, рис. 12, 16], а в кургане «Кирпичный Бугор», найдены аналогичные золотогорским треугольные экземпляры [Там же, с. 105, рис. 5, 5]. В материалах Днепро-Донского междуречья такие изделия рассматриваются, как синхронные поволжским покровским комплексам [Отрощенко, 2001, с. 268, рис. 22, 9].

Представляется, что опосредованно истоки технологий изготовления подобных подвесок (напайка ушка для подвешивания перпендикулярно плоскости щитка) формировались на Кавказе и в предкавказских степях в эпоху ранней и средней бронзы. В комплексах украшений средней бронзы Центрального Предкавказья имеются различные типы подвесок с подобно напаянными ушками, в основном это округлые варианты, реже подтреугольные [Кореневский, 1990, с. 161, рис. 42, 4–7, 32]. Именно отсюда подвески с напаянными ушками были заимствованы в комплексы украшений катакомбных культур Подонья и Северного Причерноморья [Братченко, 1976, с. 52, рис. 25, 1–4, с. 214, табл. XII, 5; Ларенок и др., 1993, с. 41, табл. VII, 7; Евдокимов, 1991, с. 206, рис. 14, 7; Вангородская и др., 1991, с. 227, рис. 7, 3]. Но ни в

одном варианте катакомбных культур нам не известны эти изделия ромбической формы. Возможно, некоторые имитации из камня, присутствующие в материалах КМК (Бабино), например, в комплексе из Андреевки, становятся неким прообразом будущих металлических подвесок ромбовидной формы [Березанская и др., 1986, с. 26, рис. 8, 1].

Можно утверждать, что литые ромбические подвески как тип нагрудных украшений были выработаны именно покровской традицией, время их бытования совпадает с этапом формирования срубной культуры. Они изредка встречаются исключительно в комплексах покровского типа и на очень ограниченной территории Волго-Донского междуречья, не заходя на восток далее узкой полосы нижневолжского левобережья. Западный вектор диффузии более активен, но не далее Днепра, а сами находки единичны. Возможно, некоторые нашивные, орнаментированные чеканкой, пластинки ромбовидных форм, отмеченные в алакульской культуре [Зданович, 1988, с. 169, табл. 10, 12, 13; Денисов, 2001, с. 48, рис. 3, 7], являются отдаленными репликами литых покровских украшений.

На срубном этапе в Низовке линию культурогенеза продолжают относительно немногим более поздние погребения, входящие в свиты основных покровских захоронений курганов 1 и 2, а также кенотаф-сожжение (2/10). Десятое погребение из второго кургана имеет ярко выраженный развитый, срубный, керамический комплекс, а также сопровождается детским захоронением, обрядовые особенности которого и некоторые элементы сосудов уже имеют андроновидный облик.

5.6. Курганный могильник «Мессер V». Местность, в которой проводились исследования, относится к северной части Волго-Донского междуречья. На востоке она ограничена Приволжской возвышенностью, которая пологими уступами понижается в западном направлении. С нее набирают свое течение малые реки Донского бассейна, в том числе Иловля и Карамыш. В соответствии с географическим районированием здесь проходит граница двух природных подзон – степной и лесостепной, а сама местность характеризуется мозаичным чередованием увлажненных долин с разнотравьем и байрачно-пойменными лесными массивами и возвышенных водоразделов, занятых сухостепными участками, березово-осиновыми колками, дубравами и протяженными типчаково-полынными пространствами.

Курганный могильник «Мессер V» располагался на мысовом изгибе высокой надпойменной террасы правого берега р. Карамыш, в 2 км к юго-западу от станции Карамыш Приволжской железной дороги. С северо-востока и юго-запада этот участок берега ограничен двумя неглубокими оврагами, по которым протекают и впадают в реку мелкие ручьи. С западной стороны под террасой сохранилась заболоченная речная старица. В непо-

средственной близости от курганов, с юго-запада на северо-восток проходит линия железной дороги с защитными лесополосами. Поверхность террасы здесь ровная, плотно задернованная, от края она плавно повышается в юго-восточном направлении.

В результате охранных работ в зоне расширения железнодорожных путей у ст. Карамыш были полностью исследованы 4 кургана могильника «Мессер V», и получен интересный материал по истории, культуре и погребальной обрядности локально выраженных групп населения, обитавших на севере Волго-Донского междуречья в бронзовом веке. Эти комплексы размещаются в довольно широком хронологическом диапазоне II тыс. до н. э. и представляют яркие культуры катакомбной эпохи (средняя бронза), посткатакомбного периода (фаза активного культурогенеза на рубеже средней и поздней бронзы) и срубного времени (поздняя бронза).

Курган 3 появился на берегу Карамыша на рубеже средней и поздней бронзы, возможно в конце XVII – начале XVI в. до н. э., в период активных культурногенетических процессов и начального этапа формирования срубной археологической культуры в Нижнем Поволжье. Здесь выявлен комплекс одновременных захоронений, в которых обнаружены сосуды покровского типа, а также отмечены признаки социального ранжирования, соподчиненного положения женского погребения 2 относительно основного мужского 1. Согласно данным планиграфии и стратиграфии погребальная площадка была вначале «очищена» огнем, о чем свидетельствует зольная прослойка под насыпью. Затем выкопана яма основного захоронения, а в ходе сакральной процедуры на ее северном краю совершено сопровождающее погребение (не исключено, что это было жертвоприношение) молодой женщины, которое разместили непосредственно на уровне древнего горизонта, четко маркированном прослойкой сгоревшей растительности.

Обрядность основного погребения не совсем ясна, поскольку оно было ограблено, а кости скелета смещены со своего первоначального положения. Думается, что это была левобочная поза адорации с северной ориентировкой. Но во втором захоронении скелет явно занимает вытянутое положение на спине с легким завалом в левую сторону, что в корне отлично от устойчивой традиции Нижневолжского региона.

В основном захоронении 1 зафиксированы обломки лепного сосуда, который был реконструирован. По всем внешним признакам он соответствует керамическому комплексу покровского типа (характерная колоколовидность, внутреннее ребро, типичная орнаментация). Такой диагностирующий признак, как оттиск короткого штампа со сдвигом в левую сторону, отмечается широко и не только на погребальных покровских сосудах, но и на фрагмен-

тированной поселенческой керамике [Колев, 2002, с. 161, рис. 3, 2–4; Памятники..., 1993, с. 180, табл. 50, 4].

В погребальных комплексах покровского, потаповского, синташтинского типов, от Приазовья до Южного Зауралья встречаются сосуды, весьма близкие нашему экземпляру по таким признакам, как пропорции, реберчатое оформление тулова, горизонтально-зональный орнамент, в котором присутствуют парные зигзаги [Кузьмина, 1995, с. 28, рис. 1, 9; Генинг и др., 1992, с. 129, рис. 55, 3; Литвиненко, 1999, с. 7, рис. 3, 1; Памятники..., 1993, с. 135, табл. 5, 7; с. 145, табл. 15, 8].

Детское погребение 3, очевидно, впускное и несколько более позднее по отношению к двум первым. Оно оставлено уже в раннесрубное время, но покровские реминисценции еще ощутимы в характерном биконическом строении миниатюрного сосуда, который сопровождал захоронение ребенка. Обращает на себя внимание сложная композиция нерегулярного орнамента, приближающаяся по характеру к пиктографии. Она разделена на две горизонтальные зоны, разграниченные ровными линиями. В верхнем ряду расположены треугольники с различными аранжировками в виде уголков (женская геометрическая символика), крестов (солярные знаки) и косой штриховки. Этот набор, возможно, символизирует горообразный ландшафт с некими дополнительными кодами информации. Ниже имеется опоясывающая волнистая линия с заходящими друг за друга концами.

В геометрической символике орнаментов бронзового века змеевидные линии и зигзаги – это стабильно повторяющийся сюжетный элемент, чаще всего предельно стилизованный, но иногда, за счет пиктографических уточнений, вполне узнаваемый [Шишлина, 1998, с. 20–25]. Все чаще он трактуется как персонаж мифологемы, связанной с сакральной идеей перехода из мира живых в мир мертвых, воплощаемый в натуральном артефакте обрядовой практики – пиктограмме на керамическом сосуде. Наиболее полный текст мифологемы пока известен на одном горшке из погребения 108 Смеловского могильника [Игнатова, Лопатин, 2005, с. 70, рис. 1, 2, 3], но думается, что в различных начертательных вариантах, в разной степени стилизации он должен присутствовать на многих погребальных сосудах.

В эпоху поздней бронзы были построены курганы 1 и 2. Наибольший интерес представляет комплекс погребений первого кургана. Не исключено, что это единый семейно-родовой некрополь, о чем свидетельствуют предварительная планировка погребальной площадки и явно выраженная рядность однокультурных захоронений, выстроенных в линию «северо-запад – юго-восток». В этот ряд вписаны также два зольника в ямах, зафиксированные в северо-западном секторе кургана.

Основным захоронением является погребение 1, отличающееся не только размерами могильной ямы, возрастом умершего, но и составом инвентаря. Здесь зафиксированы два керамических сосуда, костяная деталь от деревянной рукояти плетки и два бронзовых наконечника стрекал. Представляется, что все сосуды из погребений 1 и 2 курганов характерны для развитой фазы срубной культуры. Такая керамика многочисленна, как массовый материал она всегда присутствует в подкурганных и поселенческих комплексах XV – первой половины XIV в. до н. э.

Гораздо реже и преимущественно в знаково выраженных погребальных комплексах встречаются так называемые бронзовые стрекала. Они представляют собой короткие стержни квадратных или прямоугольных сечений, рабочий край которых преднамеренно притушен и затерт при употреблении. На противоположном, приостренном черешковом конце нередко отмечаются следы древесного тлена. В литературе часто можно встретить неверную трактовку функциональности стрекал, которые путают с шильями и пробойниками. Правильное прочтение этого вида знаковой символики стало возможно после открытия престижных комплексов (Синташта, Потаповка, Берлик, Большекараганский, Филатовка и др.) с колесницами и костяными псалиями, где в наборах инвентаря присутствовали и стрекала различных типов – жесткие стержневидные и крюкастые из металлов, а также щадящие в виде костяных лопаточек [Генинг и др., 1992; Васильев и др., 1994; Зданович и др., 2002; Синюк, Козмирчук, 1995, с. 37–72]. Был открыт ключ к пониманию тех комплексов, где по принципу *«pars pro toto»* полные смысловые объекты в ходе отправления обряда подменялись их отдельными частями. Поскольку знаковая символика погребального инвентаря в таких захоронениях отражает прижизненную специализацию [Бочкарев, 1978, с. 52–53] и социальные позиции умерших, то в рамках нового подхода наметились пути к социоисторической идентификации археологических комплексов [Епимахов, 2002; Зданович и др., 2002; Лопатин, 2004, с. 13–29]. Теперь отдельный символ – колесо, лошадиные череп и ноги, псалий, стрекало, деталь плети [Смирнов, 1959, с. 226, рис. 9, 6; Шилов, 1959, с. 421, рис. 37, 9; Памятники..., 1993, с. 139, табл. 9, 12, 24, 25; с. 144, табл. 14, 19, 20, 32; Юдин, 1992, с. 58, рис. 2, 4; Кочерженко, 1996, с. 55, рис. 2, 3, 6–12] – воспринимается как индикатор погребения колесничего. Такая трактовка стрекал подтверждается данными иконографии, где представлены как стержневидные, так и крюкастые их типы [Рогудеев, 2000, с. 76, рис. 1, 1, 3–5]. В степях стержневидные варианты стрекал появляются уже в катакомбное время. Экземпляр с сохранившимися остатками шеста обнаружен в 3-м погребении 5-го кургана могильника Чограй VIII [Андреева, 1989, с. 83, рис. 7, 6]. Тип могильной ямы и деревянная конструкция здесь явно имитируют повозку, но автор раскопок интерпретировала интересующий

нас бронзовый стержень как шило. Это один из примеров ошибочной трактовки стрекал. Наиболее поздний вариант подобного средства стимуляции упряжных животных задержался в хозяйственно-культурном типе тундровых оленеводов, где используется длинный шест без наконечника [Балабина, 2004, с. 206, рис. 11, 1].

И все же, видимо, не следует безоговорочно относить абсолютно все стержневидные стрекала к гипотетическим «колесничным» комплексам. Существуют иконографические материалы, на основе которых наши артефакты можно комментировать иначе. Они изображают погонщиков скота, оснащенных бичами и посохами [Смирнов, 2004, с. 70, рис. 2, 1; с. 71, рис. 3]. В Месопотамии и Египте эти два предмета неизменно рисовали в качестве пастушеской атрибутики, поэтому их, очевидно, следует воспринимать как иконографический канон. Таким образом, сочетание в нашем комплексе 1-го погребения стрекал и костяной втулки от рукояти плети можно объяснить и с этих позиций, а умершего предположительно считать не колесничим, а пастухом. Это вполне вероятно, поскольку никаких предметов вооружения в могиле нет.

Различные кольца и втулки из кости, фигурные, искусно орнаментированные и простые, порой даже не отшлифованные, очень широко распространены в евразийской степи и отмечены в основном в погребальных комплексах эпохи поздней бронзы [Памятники..., 1993, с. 145, табл. 15, 58; Юдин, 1992, рис. 58, 3; Васильев и др., 1994, с. 134, рис. 30, 12, 13; с. 150, рис. 46, 8; Зданович и др., 2002, с. 40, рис. 21, 4; Варфоломеев, 2003, с. 103, рис. 5, 8; Генинг и др., 1992, с. 268, рис. 148, 6; Епимахов, 1996, с. 22, рис. 11, 7; Синюк, Погорелов, 1985, с. 145, рис. 4, 4; Шарафутдинова, 1985, с. 171, рис. 3, 31; Миронов, 1991, с. 59, рис. 4, 1; Васильев, 1977, с. 43, рис. 20, 6; Халяпин, 1998, с. 86, рис. 12, 5]. Отмечалось, что такие изделия весьма полифункциональны, а в оснастку рукоятей должны были входить чаще всего те кольца, которые имели крупные размеры втулок с прямоугольными отверстиями [Малов, 1992, с. 39]. В указанной серии костяных втулок довольно много прямых аналогов нашему изделию. Они характерны валикообразным выступом-упором в основании. Очень похоже на данный вариант оформление рукояти двухвостой плети на росписи фиванской гробницы Сеннеджема, где изображается сцена пахоты на быках [Смирнов, 2004, с. 96, рис. 3, 2]. Уникальна парадная, полностью наборная рукоять с такой же деталью основания, богато орнаментированная меандрами и свастиками, обнаруженная в курганном могильнике Красноселки I [Кузьмина, 1995, с. 45, рис. 7, 18].

Очевидно, такие же функции выполняло костяное кольцо из 4-го погребения. Два рельефных каннелюра и обвальцовка основания придают ему характерную фигурность, и следует отметить, что подобные варианты втулок

очень редки и фиксируются, как и в нашем погребении, в одних комплексах с бронзовыми ножами [Максимов, 1994, с. 113, рис. 3, 7]. На этом основании уместно предположить, что такие типы костяных наконечников сопутствовали деревянным рукояткам именно ножей, а не плеток. Возможно, косвенно это можно подтвердить находкой из погребения 8 кургана 5 Потаповского могильника, где очень похоже оформлено наконечник, вырезанное на роговой рукоятки бронзового ножа [Васильев и др., 1994, с. 135, рис. 31].

Наш нож представляет собой один из вариантов развитого волго-уральского типа подобных изделий с характерным листовидным лезвием, ромбическим перекрестьем и прямоугольным черешком. Подобные экземпляры появляются уже в покровских комплексах вместе с ножами, у которых пятка раскована наподобие змеиной головки, но наиболее широкое распространение получают в срубное время на очень широкой территории от Поволжья до Приазовья и Северного Казахстана [Синицын, 1947, с. 81, рис. 55; 1959, с. 88, рис. 24, 7; Памятники..., 1993, с. 144, табл. 14, 31; табл. 15, 59; Литвиненко, 1999, с. 16, рис. 11, 1]. По классификации Е. Е. Кузьминой, наш вариант может быть отнесен к II типу эволюционного ряда ножей с намечающимся перекрестьем. На востоке от Урала подобный тип зафиксирован в Герасимовке и Царевом Кургане [Кузьмина, 1994, с. 427, рис. 29; с. 428, рис. 30, 36, 45].

Фрагмент костяного втульчатого предмета конической формы с ошлифованной внешней поверхностью из нашего 4-го погребения морфологически близок так называемым пулевидным наконечникам стрел, которые Н. К. Качалова относил к развитой фазе срубной культуры. Примечательно, что в типологическом ряду III этапа ее периодизации пулевидные наконечники из Черебаево [Синицын, 1959, с. 42, рис. 2, 1] синхронизированы с волго-уральскими ножами из Быково I [Качалова, 1985, с. 54-55, рис. 2, 63, 64]. Такие наконечники в Поволжье весьма редки. Наряду с черебаевскими, два экземпляра известны из старых раскопок П. Д. Рау 1929 г. на Калмыцкой Горе (*Kalmikienberg*), обнаруженные в комплексе с бронзовым волго-уральским ножом и типично срубным сосудом [Синицын, 1947, с. 78-79, рис. 51-53]. Известны сабашиновские аналогии наконечникам черебаевского типа.

На основании приведенных данных можно сделать некоторые выводы о характерных особенностях материальной и духовной культуры, а также социальной структуры локально выраженных групп населения, обитавших на севере Волго-Донского междуречья во II тыс. до н. э. Практикуя подкурганный обряд захоронения, степные скотоводы, очевидно, рассматривали определенно ограниченное сакрализованное пространство на речных террасах как места перехода из мира живых в мир мертвых, что отражалось в специфической ритуалистике и инвентаре. В частности, подкурганные площадки подвергались «очищению» огнем, а в геометрических орнаментах кодирова-

лись некоторые фрагменты мифологемы «перехода». Признаки социальной стратификации косвенно фиксируются в покровском комплексе из 3-го кургана XVII–XVI вв. до н. э., где отмечено соподчинение женского погребения центральному мужскому. Срубные захоронения 1-го и 2-го курганов (XV–XIV вв. до н. э.) также явно демонстрируют обрядовую выраженность знаковой символики некоторых типов инвентаря, маркирующих социально значимые или основные (уважаемые) профессии (колесничие, пастухи). Все отмеченные признаки косвенно отражают сложные культурногенетические процессы становления и раннего развития индоиранского общества.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ (К МОДЕЛИ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА)

Формационное «квантование» исторического процесса всегда являлось поводом для дискуссий. Изначально сформулированная К. Марксом, как рабочий вариант, теория общественно-экономических формаций в социологической полемике 1920–30-х гг. XX в., под воздействием авторитета В. В. Струве, приобрела незыблемую форму «пятичленного» постулата. Неудобство этой схемы неоднократно приводило к возобновлению дискуссии о соотношении первобытного общества с рабовладельческой и феодальной формациями. Предпринимались попытки творческой доработки формационной системы в духе Маркса, что пробудило к жизни гигантскую литературу об «азиатском способе производства». Всякий раз, начиная новую полемику, сторонники разных направлений, выступающие против «пятичленной» схемы, единодушно декларировали, что «в прокрустово ложе концепции В. В. Струве, которая в свое время не была должным образом обоснована, не укладываются новые факты, добытые наукой» [Никифоров, 1977, с. 12].

К концу XX столетия в отечественном ирановедении и археологии бронзового века сложилась концепция о своеобразии культурногенетических процессов в Волго-Уральском регионе, в результате которых в середине II тыс. до н. э. образовался срубно-андроновский культурный ареал. Тогда же началось широкое обсуждение проблем т. н. «комплексных феноменов» как особых категорий позднепервобытных обществ Старого Света. В «комплексном» позднепервобытном обществе градации социального характера и соответствующее обособление различных субэтнических или производственных групп – это закономерное явление, которое, наряду с прочими признаками, демонстрирует своеобразие именно данной категории социума [Епимахов, 1999, с. 64].

В археологии чрезвычайно сложная задача выявления и фиксации «социофактора» не может быть решена без тщательного анализа наличной базы данных, прежде всего, той ее части, что отражает погребальную обрядность. В этой работе необходимо заполнить пространственно-хронологический ас-

пект анализа, выявить и систематизировать социально выраженные комплексы, рассмотреть их на уровне знаково-символических характеристик обряда. «Социальное» проявляется не только в ярких погребальных комплексах, но и в массовых поселенческих материалах, и вообще в совокупностях всех объектов археологических культур (могильники, поселения, клады, случайные находки). Поэтому воспроизвести отдельные элементы в системе социоструктуры комплексного индоиранского общества Центральной Евразии, возникшего во II тыс. до н. э., возможно лишь на основе всех имеющихся данных и, что весьма существенно, вряд ли усилиями одного исследователя.

Для конкретизации социально выраженных погребальных комплексов принципиально важной представляется идея В.С. Бочкарева об отражении в погребальном обряде некоторых археологических культур информации о прижизненной специализации умерших [Бочкарев, 1978, с. 52–53]. В частности, было высказано предположение, что хранители наиболее престижных ремесел, социально значимые при жизни, после смерти также окружались особыми знаками обряда. В комплекс канонизированных элементов (тип погребального сооружения, поза, ориентировка, стандартный инвентарь) вводили знаковый признак высокого и всеми почитаемого профессионализма. Это были особо ценные личные инструменты, иногда образцы готовых изделий.

В свое время эта идея в большей степени касалась погребений мастеров-литейщиков, а также прочих выделившихся в бронзовом веке профессий. Но, думается, она вполне применима и в анализе социоструктуры, особенно, если учитывать, что в эпоху бронзы ремесленники-металлурги уже были престижно ранжированы. В литературе уже фигурируют комплексы захоронений вождей и военачальников, отмеченные инсигниями власти и почетным оружием (булавы и копья). Погребения воинов маркированы колчанными наборами, топорами, кинжалами. В захоронениях колесничих и возничих присутствуют боевые одноосные колесницы или их элементы, детали сбруи (псалии, бляхи ременных перекрестий) и сопутствующий инструментарий (средства стимуляции упряжных лошадей – стрекала разных типов). Причем чаще всего признаки вождей и воинов представлены с признаками колесничих в единых комплексах. Несколько особняком стоят чрезвычайно редкие погребения мастеров (литейщики, стрельники, косторезы), которые в публикациях также всегда причисляются к рангу престижных.

Акцентируя внимание именно на социоструктуре степных скотоводческих комплексных обществ, сформировавшихся в недрах Волго-Уральского очага культурогенеза, мы все же исходим из того, что круг источников, связанных с проблемой генезиса социофактора, в действительности значительно шире. Поэтому в рамках пространственно-хронологического анализа следует рассмотреть материалы многих археологических культур, развивавшихся на

широком пространстве (от Степного Поднепровья до Южного Зауралья) в достаточно мощном хронологическом диапазоне. Полученная выборка составлена из 80 комплексов с признаками возможной принадлежности умерших к элитным сословиям воинов и колесничих [Волков, 2002, с. 98–99].

Наиболее архаичны в данной выборке донецкие и среднедонские погребения катакомбной культуры. Прежде всего, отметим боевой характер древнейшей одноосной колесницы из Нижнего Поднепровья (Марьевка), где раннекатакомбный комплекс датирован рубежом III–II тыс. до н. э. Два двуосных варианта (из Болотного и Екатериновки) рассмотрены как переходные формы от ямно-катакомбных хозяйственных повозок к боевым колесницам [Чередниченко, Пустовалов, 1991, с. 213]. Инвентарь, как и в большинстве раннекатакомбных могил, небогат, и лишь наличие ножей и шильев с одним притупленным концом, которые в последнее время часто рассматриваются в качестве стрекал, позволяют предварительно выделять их как погребения возничих, а не вождей или воинов, поскольку ни оружие, ни инсигнии власти здесь не отмечены.

В трех курганах из Нижнего Подонья (Хрящевский, Покровский, Хохлач) признаки соответствия погребенных элитной группе выражены более четко. Здесь обнаружены каменные булавы и топоры, колчаные наборы, бронзовые ножи, а возле могил зафиксированы черепа или остовы коней [Братченко, 1976, с. 148]. Из деталей конской упряжи в данном блоке артефактов известен лишь один фрагмент псалия (правда, весьма позднего облика), выявленный в материалах катакомбной культуры на Животинном городище [Пряхин, 1982, с. 102, рис. 31, 13].

По-видимому, это было время, когда в военной практике степных евразийских племен, скорее всего, не без влияний ближневосточных традиций, только еще начинали формироваться основы колесничной тактики ведения боевых действий. Объективно это явление было возможно только на фоне динамичного оформления ранжированной структуры патриархального скотоводческого общества, с которым можно ассоциировать огромную общность катакомбных культур. Стихийно выделяющиеся ранги не только мастеров, воинов, колесничих, но также и жрецов, со временем становятся закрытыми системами (кланами, кастами), и в дальнейшем некогда выборные племенные привилегии и общественные должности навсегда остаются привилегиями этих закрытых систем.

Указанные процессы углубляются в синстадиальных постшнуровых и посткатакомбных образованиях. Нам неизвестны погребения культуры многоваликовой керамики, которые можно было бы с уверенностью считать колесничными. Но на поселениях ее ареала нередки находки псалиев (Проказино, Поляны, Трахтемирово, Каменка, Подгоровка, Капитаново, Шилово).

Погребальный обряд КМК выглядит абсолютно унифицированным, его сложно диагностировать с целью выявления социальных признаков. Но находки предметов воинского вооружения, в том числе престижного оружия и инсигний, где особняком стоит такой феномен, как Бородинский клад, красноречиво свидетельствуют о достаточно сложной, глубоко ранжированной социальной структуре посткатакомбного общества.

Еще более информативны в этом смысле материалы абашевской культуры. В доно-волжском варианте ее распространения известны 12 памятников с находками псалиев, а по наличию или отсутствию в этих комплексах оружия можно предполагать здесь отражение сословно-кастового ранжирования на воинов-колесничих и возничих. Так, наряду с деталями конской упряжи, в могильниках первом Власовском и Филатовке, Введенке, втором Староюрьевском кургане, в Кондрашкинском комплексе зафиксирована яркая воинская атрибутика: бронзовые ножи, каменные наконечники булав, кремневые и костяные наконечники стрел, оригинальные втульчатые лопаточки, изготовленные из кости [Синюк, Килейников, 1976, с. 159–169; Пряхин, 1972, с. 235–237; Пряхин и др., 1989, с. 15–18].

Костяные «лопаточки», эта своеобразная категория инвентаря, всегда сопутствующая престижным, чаще всего колесничным комплексам, на наш взгляд, до сих пор не получила еще убедительной трактовки. Авторы раскопок, отмечая частое сочетание этой категории инвентаря с псалиями и престижным оружием, все же склонны считать их вотивными наконечниками. Короткие костяные стержни с выступами на краю интерпретируются в качестве булавок. Но, поскольку эти «наконечники» и «булавки» составляют единые комплексы с элементами колесниц или их знаковой символикой, уместно, видимо, соответственно конкретизировать их функциональность. Скорее всего, они являлись разновидностями стрекал. Наряду с металлическими стержневидными, они входили в арсенал возничего как мягкие, щадящие средства стимуляции, предназначенные для особо ценных, высокопородных лошадей, к которым погонщики относились более бережно, опасаясь травмировать их жестким металлом.

Детали конской упряжи отмечены на многих абашевских поселениях, расположенных в широкой полосе лесостепи от Дона до Южного Приуралья. В кладах и некоторых особо выдающихся погребальных комплексах зафиксированы бронзовые втульчатые наконечники копий. Эта категория воинского инвентаря является крайне редкой для катакомбных культур и посткатакомбных образований. В связи с этим особый интерес вызывает уникальное погребение с бронзовым наконечником копья (рис. 18, 1–5) из приволжской Сторожовки [Ляхов, 1996, с. 77–84]. Своеобразие этого комплекса заключается в сочетании катакомбных черт с абашевскими. Наиболее рельефно этот сим-

биоз выразился в технологии металлообработки. Нетрудно заметить, как на сторожовском копье необычно сочетаются абашевская раскованная втулка и типично катакомбный способ формовки лезвия. Погребальный комплекс из Сторожовки явно отражает определенные результаты взаимной аккультурации племен постшнурового и посткатакомбного миров, сложных миксационных процессов, которые, видимо, следует рассматривать как локальный эпизод культурогенеза.

Материалы потаповских памятников, маркирующие в Волго-Уралье рубеж средней и поздней бронзы, демонстрируют уже вполне сформировавшийся воинско-колесничный контингент. Особенно показательны в этом смысле семь погребальных комплексов из Потаповского и VI Утевского могильников. Они содержали характерный инвентарь, связанный с соответствующими социофакторами: костяные дисковидные псалии, кремневые наконечники стрел, бронзовые ножи, тесла, наконечник копья, каменные булавы, костяную лопаточку, металлические крюкастые стержни – функциональный аналог костяных стрекал из Филатовки. Выявлен здесь и отпечаток колеса на стенке одной из могил. В погребениях и рядом с ними встречаются черепа и полные костяки иногда взнузданных лошадей, которые являлись наиболее яркими и престижными знаковыми символами [Васильев и др., 1994].

Знаковые системы в погребальной обрядности – это отдельная тема исследования, мало изученная и достойная особого внимания. Здесь кратко отметим, что варианты «знак – артефакт» наиболее выразительны в тех колесничных комплексах, где присутствуют останки лошади. Сам по себе этот знак также поливариантен (целая туша лошади; шкура с головой и ногами; голова и ноги; одна голова). Объективно все варианты знака направлены на идею колесницы. Колесница – это также знак, который может быть представлен как целым изделием, так и какой-либо одной деталью, чаще всего колесом. Иногда символ знака переносится на другой объект. Так, например, символической колесницей может выступать могильная яма, но это лишь в том случае, если рядом присутствует конская символика (остов или голова с ногами). Возможны самые различные наборы признаков, символизирующие степень полноты идеи колесницы непосредственно при отправлении культа. В обряде могут присутствовать целые колесницы, положенные на края могил лошади, только колеса от повозки, головы и ноги лошадей на краю ямы, конские псалии, стрекала, прочая атрибутика лошади или возничего. В любых комбинациях они выражают знаковую символику боевой колесницы, соответствующей определенному социофактору. Очевидно, именно неодинаковые прижизненные характеристики носителей различных социофакторов являлись основной причиной столь ярко выраженной поливариантности знаковой символики погребального обряда.

Наиболее представительны в интересующем нас вопросе петровско-синташтинские материалы, близкие по своему характеру потаповским памятникам. В погребальном обряде петровско-синташтинских племен социально обособленное положение привилегированных представителей общества, вероятно, было очень четко зафиксировано священной традицией. Особенно ярко, множеством комплексов, представлен социофактор воинско-колесничной знати. Анализ 25 захоронений из могильников Синташта, Каменный Амбар V, Берлик II и Кенес [Геннинг, 1977; Зданович, 1988] показал наиболее явно выраженную сословность именно южноуральской воинской элиты. В могилах присутствовали остатки колесниц, отпечатки колес, целые скелеты лошадей и их фрагменты, щитковые и желобчатые псалии, стрекала-лопаточки, престижное оружие и инсигнии воинской власти, и все это позволяет считать, что в указанном регионе погребальная обрядность была максимально приближена к прижизненному статусу тех представителей общества, которые посвятили себя войне.

В соседнем Волго-Уральском регионе из 17 учтенных комплексов покровского типа, несмотря на более жесткое кодирование обряда знаковой символикой, происходят такие яркие предметы, отражающие социофактор, как щитковые псалии, жесткие металлические стрекала, бронзовые наконечники копий, тесла, колчаные наборы, каменные и металлические напершия булавы, признаки лошади. До настоящего времени в ареале покровских памятников погребений с наконечниками копий зафиксировано более чем где бы то ни было (Покровск, Карамыш, Медяниково, Березовка, Ивановский, Готовицкий, Благодатное). Отмечено, что в знаковой символике данной категории артефактов совмещаются принципы инсигний власти, престижного оружия и средоточия военной магии [Malov, 2002, p. 314–336].

Но наличие в погребальном комплексе наконечника копья не всегда маркирует его как вождеское. Более того, создается впечатление, что признак верховной власти в погребальном обряде всегда скрыт, завуалирован в общей массе воинских погребений. Таким образом, по данным погребальной обрядности можно зафиксировать сословие знати, но нельзя с полной уверенностью выявить в нем высшее должностное лицо.

В процессе своего развития престижная обрядность все более приобретает знаковый характер. При этом отдельные виды инвентаря становятся сакральными знаками определенных сословных групп и даже воинских специализаций. Знаками возникшего являются стрекала и элементы узды. Лучника отличает колчаный набор или даже один наконечник стрелы. Копья, топоры, булавы маркируют пеших воинов, но в их среде может находиться вождь или военачальник. Любые виды вооружений, в комплексе со знаковой

символикой колесницы, означают их принадлежность колесничему воину, а также вождю или военачальнику.

С окончательным становлением срубной и алакульской культур в погребальной обрядности степных скотоводов происходят существенные перемены. Обряд приобретает строго канонизированные черты, его главные культуурообразующие признаки унифицируются, и традиция сооружения помпезных, героических по своему характеру, некрополей исчезает. Возможно, именно в срубном обряде наиболее демонстративно укоренился знаково-символический принцип *pars pro toto*, когда сложные конструкции упрощались, полные формы подменялись деталями, а оставшиеся в живых присваивали вещи умерших. Так идеологически был закреплен патриархальный принцип позднеродового общества, достигшего высокопродуктивного производства, принцип аккумуляции избыточного продукта в рамках большесемейных общин и наследования его по мужской линии. Распыление накопленных богатств, пусть даже посредством введения какой-то их части в погребальный обряд, становится признаком дурного тона. Напротив, похвальным стало стремление обогащаться, умножая поголовье стад и накапливая металл.

С другой стороны, демографическая обстановка середины II тыс. до н. э. была сопряжена с необходимостью расширения ареала. Этот процесс имел место на протяжении всего культуурогенеза и в виде шлейфовой инверсии некоторое время продолжался после окончательного становления двух мегакультур. Результатом указанных культуурогенетических процессов стало освоение гигантской территории в центре Евразии племенами единого хозяйственно-культурного типа. Восточное крыло этого ареала соотносится с центром формирования исторических индоариев, а западное – с прародиной индоиранцев [Кузьмина, 1994]. Не исключено, что первые волны исхода ранневедических ариев приходятся как раз на тот период, когда в степи исчезают героические сословия, хранившие неприкосновенность архаических обрядов. Очевидно, коренным образом меняются в это время очень многие условия, определявшие развитие культуурогенеза: климат и природно-географическая среда, принципы ведения хозяйства, политическая ситуация. Сформированная в обществе ранжированная социоструктура, уже готовая к переходу от персистентного состояния к динамичному историческому развитию, не могла оставаться в тесных рамках первобытных производственных отношений.

Вместе с тем, строительство предцивилизации в комплексном обществе центральной Евразии могло продолжаться лишь до некоторого предела. В середине II тыс. до н. э. здесь складывались реальные предпосылки, предвосхищавшие образование централизованной раннегосударственной системы, и были достигнуты весьма впечатляющие успехи в развитии общественных отношений. Особенно показателен в этом смысле уникальный район южного

Зауралья, где богатейшие меднорудные залежи достаточно рано позволили создать искусную технологию металлообработки и планомерно развивать военное дело. Компактный в географическом отношении микрорайон, в связи с впечатляющими фортификационными сооружениями получивший в литературе образное название «Страны городов», вероятно, являлся административно-политическим и ремесленным центром. К нему тяготели хозяйственные скотоводческие провинции, отношения с которыми у центральной власти были неодинаковыми. В тех регионах, где автохтонный этнокультурный фон был слабо или слишком мозаично выражен, там под мощным культурно-технологическим влиянием зауральского центра формировались дериватные феномены, аналогичные памятникам потаповского типа.

Иными, скорее всего военно-союзническими, были контакты с теми окраинами, где локальные процессы культурогенеза уже зашли достаточно далеко и сформировали общественные структуры, вполне цельные в культурном и политическом отношении. Таким выглядит, например, ареал распространения памятников покровского типа, куда, наряду с нижеволжским бассейном, очевидно, следует включать и часть лесостепного Подонья.

Механизм практической жизнедеятельности комплексного общества центральной Евразии некоторыми признаками уже напоминал функционирование ранних государственных образований, причем именно восточнореспотического типа. Некоторые черты азиатских деспотий, отмеченные К. Марксом в его разработках по азиатскому способу производства, поразительно четко совпадают с параметрами помпезных комплексов Аркаима, Синташты, Покровска, Утевки, Потаповки, Золотой Горы.

Прежде всего, поражают воображение гигантские трудозатраты, которые требовались на сооружение «городов» и «усыпальниц». Ни в какие исторические эпохи общественное сознание, не направляемое централизованной волей, не в состоянии было осознать насущную необходимость крупномасштабных трудовых действий. Комплекс больших общественных работ неизбежно предполагает прочную связь общества и центральной власти. На эту связь весьма недвусмысленно указывает сам характер укрепленных поселений южного Зауралья. Целый ряд данных свидетельствует в пользу того, что они не предназначались для постоянного проживания.

Ярко выраженная оборонительная функция этих сооружений, отсутствие мощных культурных отложений и следов перестройки указывают на временный, периодический характер их эксплуатации. Главная задача использования крепостей заключалась в сохранении населения и поголовья скота в случае внешней военной угрозы. Вся глубоко продуманная инфраструктура крепостей была направлена на отражение агрессии и выдерживание длительной осады. В каждой полуземлянке, рассчитанной на проживание

одной большесемейной общины, устроены автономный колодец и стационарный очаг, на котором производились и бронзолитейные операции. Круглая планировка и мощные стены более всего соответствовали оборонительной тактике. Высокопродуктивный скот, сосредоточенный на центральной площади, вовремя обеспеченный фуражом, служил для защитников «города» долговременным источником мясной и молочной пищи.

Роль древнего южноуральского центра заключалась, прежде всего, в организации комплекса больших общественных работ по сооружению жизненно необходимых здесь оборонительных объектов. Реальными исполнителями данных мероприятий могли быть только жители окрестных поселений, где изучены комплексы археологической петровской культуры. Это были различные специализированные категории свободного населения, занятые в сфере комплексного производящего хозяйства (преимущественно отгонно-пастушеское скотоводство) с заметной долей мелкого придомного ремесла, направленного на переработку сельхозпродукции. Но те ремесленники, которые исторически были ориентированы на войну, уже выделились из массового производства и организовались в престижные профессиональные кланы. Уместно предполагать наличие в комплексном обществе достаточно широкого спектра свободных профессий, окруженных тайнами мастерства, суеверным страхом и всеобщим почитанием. Это могли быть металлурги и кузнецы, мастера по изготовлению луков, каменных и костяных наконечников стрел, плотники и столяры, строившие на заказ повозки и боевые колесницы, коневоды-селекционеры и тренеры.

Исторические формы родовой организации комплексного общества объективно могли быть только поливариантными. Это было обусловлено, прежде всего, неодинаковыми природно-географическими условиями, в которых развивались локальные варианты культурогенеза. Это зависело также от разницы в природных и технических ресурсах, которыми обладали местные племена. Представляется, что население Южноуральского и Североказахстанского регионов, которое контролировало богатейшие меднорудные источники и центральный отрезок Великого нефритового пути, по уровню социально-экономических отношений несколько опережало своих соседей в степном Волго-Уралье и, возможно, в лесостепном Среднем Поволжье. Материалы изучения бытовых памятников в этих областях позволяют предполагать, что в самой «Стране городов» на больших поселениях уже могли развиваться сообщества малых семей, подобные патронимиям, а возможно и ранние формы соседских общин. На волго-уральской периферии нам известны в это время только небольшие поселения хуторского типа, где проживали большесемейные общины. Лишь в позднесрубное время здесь появляются

относительно более крупные поселения, но это могло быть связано уже с возросшей активностью федоровской культурной диффузии.

Насколько тесно могли взаимодействовать формирующаяся централизованная власть и различные по своему типу позднепервобытные общины ближних и дальних провинций можно судить по многочисленным артефактам, представляющим инокультурные влияния и контакты. Воздействие передовых технологий Южного Урала на степную скотоводческую периферию было значительным. Археологически это прослеживается в некоторых комплексах синкретичного характера (Покровск, Бородаевка, Золотая Гора, Смеловка), где сочетаются покровские и петровско-новокумакские элементы. Это позволяет все же частично синхронизировать памятники покровского типа с комплексами круга Синташты – Потаповки – Филатовки, в отличие от высказанного ранее мнения по поводу их хронологической преемственности [Васильев и др., 1996, с. 36–40].

Характер централизованной власти в евразийском комплексном обществе остается пока весьма расплывчатым. Прямых археологических свидетельств на этот счет не имеется, поскольку ни с одним известным престижным археологическим комплексом идею верховной власти нельзя соотнести с полной уверенностью. Вряд ли в это время была возможна узурпация высшей административной должности. Ни экономических, ни политических оснований для этого, по-видимому, еще не имелось. Верховная власть могла быть только выборной, без права передачи по наследству, с относительно весомыми полномочиями.

Но идея полубожественного владыки уже начинала идеологически оформляться. Наиболее выраженные свидетельства тому имеются в некоторых самусьских орнаментах, где просматривается универсальная космогоническая мифологема с антропоморфной персонификацией центральной фигуры культурного героя (демиурга, владыки среднего мира). Главная, бросающаяся в глаза особенность самусьских антропоморфных рисунков – это удивительное единство деталей их формы, характеризующееся устойчивыми изобразительными инвариантами. Такое свойство изобразительного языка принято называть стилем, и в данном случае это т.н. «биконический стиль», наиболее характерный для южных древнеземледельческих культур [Шер, 1977, с. 138; 1980, с. 205; Матющенко, 1977]. Столь малая вариативность самусьских антропоморфных изображений позволяет предполагать, что это установившийся во времени иконографический канон и что данная канонизация не случайна. Она основана на определенных космогонических представлениях, связанных, в частности, с мифом первотворения. Запечатлен именно первоначальный вариант мифа, еще не перегруженный деталями среднего мира. Вселенная конкретизирована овальной сферой, в которой помещен культур-

но-исторический герой, разделяющий небо и землю. Он стоит на широко расставленных ногах и упирается полусогнутыми руками в небесный свод. Причем земная твердь и небесная сфера графически не разделены, вселенная представлена в виде яйца, что дополнительно символизирует всеобщее начало. Известен также пластический вариант подобного изображения, выполненный из бронзы [Молодин, 1977, с. 76, табл. LXI, 6].

В целом идеология имеет ярко выраженный предтеистический облик. В сложном сплетении анимистических и магических представлений древнеиранского общества в середине II тыс. до н. э. начинают проявляться признаки культа предков, покровителей живых сородичей. В археологических материалах это особенно хорошо заметно на примере грунтовых могильников, где планиграфически лучше, чем в курганах, группируются родовые участки кладбищ. Кроме того, здесь прослеживается обычай подхоронения детей в могилы «пращуров», что следует рассматривать как священный обряд трансферной коммуникации живых с мертвыми. В таком случае многочисленность детских погребений в курганах и грунтовых могильниках объясняется особым статусом детей и подростков в сложной погребальной обрядности этого времени [Лопатин, 2000, с. 100; 2001, с. 81–85].

Культовое почитание древними индоариями умерших предков косвенно подтверждается некоторыми фрагментами Ригведы¹, где особо подчеркнуто отношение к ним как к равным богам:

«Агни, увозящий трупы,
Должен принести жертву *отцам*, укрепляющим правду,
Да провозгласит он жертвоприношения
И богам, и *отцам!*»

(РВ. X, 16, 11).

О том, что в стране мертвых предки покровительствуют вновь приходящим туда близким людям, также повествуется в одном из похоронных гимнов:

«Я укрепляю землю вокруг тебя.
Да не поврежу я тебе, кладя этот ком земли!
Пусть *отцы* держат тебе этот столб!
Пусть Яма построит тебе здесь дом!».

(РВ. X, 18, 13)

¹ Ссылки на этот источник взяты из текста издания «Ригведа. Избранные гимны». Перевод, комментарий и вступительная статья Т. Я. Елизаренковой. М., 1972.

Даже в сложном теизме нового общества Индии, как мы видим в окончательном варианте ведического источника по истории ариев, роль культа, посвященного предкам, значительна. Надо полагать, что в культуре евразийских народов этот уровень идеологической зрелости должен был маркировать этап перехода общества от первобытности к преддверию цивилизации.

Историческая судьба комплексного индоиранского общества степных скотоводов была предрешена объективными закономерностями эпохи поздней бронзы. Для завершения предцивилизационных процессов этому обществу не хватало двух основополагающих факторов. Во-первых, все наблюдаемые здесь типы общин не были земледельческими, а уровень развития производительных сил той эпохи позволял создавать значительные объемы избыточного продукта исключительно на основе высокоэффективного пашенного земледелия. Кроме того, это было возможно лишь в определенных природно-географических условиях с мягким субтропическим климатом, где сравнительно небольшие трудозатраты и искусственное орошение позволяли получать значительные урожаи зерновых. Именно это обстоятельство в дальнейшем формировало поступательную динамику производства, демографические изменения, умножение и эволюцию позднепервобытных общин. Движение избыточного продукта, с оживлением товарного обмена превращение его в прибавочную категорию, максимально усложняли социальные отношения вмешательством имущественного фактора. Урегулировать возникавшие сложности могла только сильная власть. Ее исторические формы на Востоке известны, но они вряд ли могли возникнуть в центре Евразии в том виде, в котором зафиксированы в классических деспотиях.

Во-вторых, социальное ранжирование комплексного социума не могло быть доведено до конца, до той черты, за которой резко обостряются внутренние противоречия, и общество превращается из позднепервобытного в раннеантагонистическое. Не хватало питательной среды для возникновения самого приниженного сословия, пригодного для эксплуатации. Закабаление соплеменников было невозможно, поскольку традиция приравнивала подобные поступки к преступлениям, единодушно порицаемым. Известным источником «объектов внеэкономического принуждения» была война, но территории потенциально враждебных племен были слишком далеки. Постепенно, по мере освоения дальней периферии, затем контактных территорий, определилось направление экспансии. Оно было обращено на юг, в сторону среднеазиатских древнеземледельческих оазисов, Припамирья, Иранского нагорья, Индостана. Эти территории были населены абсолютно другими народами, чуждыми по внешней соматике, традиционной культуре, языку. На развалинах харапской цивилизации воинственные арии нашли такие этно-

сы, которые не были защищены ни законами внутриплеменной неприкосновенности, ни сословно-варновыми привилегиями.

Другими словами, создание цивилизации государственного типа в Центральной Евразии, на базе комплексного общества степных скотоводов в бронзовом веке, объективно было невозможно. Вместе с тем, такие яркие черты этого общества, как развитые формы позднепервобытных общин, их консолидация силами централизованной власти, в том числе в рамках комплекса больших общественных работ, развитая воинская инфраструктура, где главной силой был колесничный контингент, представительные сословные ранги, супрематеистическая идеология, возможно, даже зачатки письменности, – характеризуют его как яркую евразийскую предцивилизацию. Самые активные представители этого феномена, сменив ландшафт обитания, уже в Индии и Иране воплотили то, что было начато в сердце Евразии. Но это был уже новый виток истории индоиранских народов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	Археологические открытия
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БСЭ	Большая советская энциклопедия
ВДИ	Вестник древней истории
ГАИМК	Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	Государственный исторический музей
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук
ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИСТАРХЭТ	истории, археологии, этнографии (Общество)
КГПИ	Куйбышевский государственный педагогический институт
КМК	культура многоваликовой керамики
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории и материальной культуры
МИА	Материалы и исследования по археологии
НВИК	Нижеволжского института краеведения (Известия)
РА	Российская археология
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
СГУ	Саратовский государственный университет
СОМК	Саратовский областной музей краеведения
СУАК	Саратовская ученая архивная комиссия
ЧГПУ	Челябинский государственный педагогический университет
ESA	Eurasia septentrionalis antiqua

SUMMARY

A qualitative starting potential was integrated in the north of the Low Volga Region at the beginning of Millennium II. This potential was elaborated by active cultural-genetic processes of the Middle Bronze Age. Those phenomena were characterised by accelerated dynamics and lucid cultural variegation, by impulsive mobility of the military traditions' carriers and by military dramatics.

The factors of space, time and also of the natural cultural-historical development of the cattle-breeding Old-Iranian societies in the steppe regions of Eurasia were the determining ones in those processes. A dynamic re-orientation to new, namely eastern sources of copper-ore raw materials and to principally new, higher technologies was witnessed at that period.

The Volga was the natural geographical gravitational centre of the steppe region, and the river's significance was tremendous. It divided the west from the east into two different worlds and simultaneously united them by means of its banks, by means of its vast overflow-land with enormous pasture resources, numerous affluents and also by means of a mountain-range similitude of the Volga Upland seen from afar and looking so attractive when observed from an open steppe.

The most significant catalysts of the cultural genesis seem to be the Pokrovsky, Voronezhsky, Babinsky and Lbishchensky Cultural Complexes. Being derivative-intermediary formations, they continued to interact actively with the late Don-Volga, Abashevskaya, Krivolukskaya, Sintashtinskaya, Potapovskaya, Early Petrovskaya Cultures. The space of active cultural-genetic processes that had been limited by the northern part of the Volga-Don Interfluve was expanding dynamically to the east up to the Southern Urals, to the south while embracing the dry steppe plains of the Low Volga Region and the Volga-Ural Interfluve. This vector acted significantly in the north including the Kama Region as well as in the west in the Dnieper-Don Interfluve.

The Pokrovsky Type monuments are the dominating and consolidating component that has the key significance while solving the problems of the peak phase of the cultural geneses and socio-genesis during the transient stage and at the beginning of the late Bronze Age. As one of the phenomena of the "chariot" cultures, the Pokrovsky phenomenon as well as Sintashta, Potapovka, Novy Kumak is obviously connected with the Abashevskaya Culture if one judges by the characteristic features of the ceramic complex. The trans-cultural militarised mortuary gifts are

indicative of large connections, mobility, and active involvement of the Pokrovsk tribes into the systems and processes of political genesis. When compared with the post-catacomb cultures of the Low Volga Region, the Pokrovskaya Culture is at a higher level of the socio-structure.

The Pokrovsky Type standards display signs of active interaction with different culture groups (Sintashtinskaya, Petrovskaya, Potapovskaya, Babinskaya, Krivolukskaya, Voronezhskaya), due to which local variants were formed (steppe ones and forest-steppe ones) of early timber-grave monuments. Global inner levelings of the primordial differences and stabilisation of the timber-grave culture due to the regional principle within the limits of the forest-steppe and steppe physical-geographical zones are witnessed thereafter.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абашевская культура в Среднем Поволжье. МИА. М., 1961. № 97.
- Андреева М. В.* Курганы у Чограйского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополья. М., 1989.
- Арзютов Н. К.* О чем говорят курганы. Саратов, 1936.
- Археология Украинской ССР : в 3 т. Киев, 1985. Т. 1.
- Бадер О. Н.* Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964.
- Балабина В. И.* Глиняные модели саней культуры Кукутень-Триполье и тема пути // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.
- Баринов Д. Г.* Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.
- Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.
- Березанская С. С., Цвек Е. В., Клочко В. И., Ляшко С. Н.* Ремесло эпохи энеолита бронзы на Украине. Киев, 1994.
- Беседин В. И.* Абашевские традиции гончарного производства в керамике памятников покровского типа и срубной культуры лесостепного Подонья // Срубная культурно-историческая область: материалы III Рыковских чтений. Саратов, 1994.
- Беседин В. И.* «Микенский» орнаментальный стиль эпохи бронзы в Восточной Европе // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1999. Вып. 13.
- Богданов С. В.* Большой Дедуровский Мар // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998.
- Богданов С. В.* Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург, 2004.
- Богданов С. В.* Линевский одиночный курган в урочище Лучки // Вопросы археологии Западного Казахстана. Актобе, 2005. Вып. 2.
- Бочкарев В. С.* Проблема Бородинского клада // Проблемы археологии. Л., 1968. Вып. 1.
- Бочкарев В. С.* Погребения литейщиков эпохи бронзы // Проблемы археологии. М., 1978.

- Бочкарев В. С.* К вопросу о хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1986.
- Бочкарев В. С.* Волго-Уральский очаг культуругенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культуругенез в историческом аспекте. СПб., 1991.
- Бочкарев В. С.* Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культуругенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995.
- Бочкарев В. С.* Периодизация В. А. Городцова в контексте хронологических исследований европейского бронзового века // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы междунар. науч. конф. Самара, 2001.
- Бочкарев В. С., Кузнецов П. Ф., Царев Курган.* Каталог археологической коллекции // Древности Самарского края. Самара, 2003.
- Бочкарев В. С.* О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // Археолог. детектив и мыслитель: сб. статей, посвящ. 77-летию Л. С. Клейна. СПб., 2004.
- Бочкарев В. С.* Волго-Уральский очаг культуругенеза эпохи поздней бронзы // Культуругенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб., 2010а.
- Бочкарев В. С.* Царевокурганская коллекция металлических изделий эпохи бронзы // Культуругенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб., 2010б.
- Бочкарев В. С., Бужилова А. П., Епимахов А. В., Клейн Л. С., Косинцев П. А., Куланда С. В., Кузнецов П. Ф., Кузьмина Е. Е., Медникова М. Б., Усачук А. Н., Хохлов А. А., Черленок Е. А., Чечушков И. В.* Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010.
- Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.
- Братченко С. Н.* Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976.
- Братченко С. Н.* Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ, 2001.
- Буров Г. М.* Курганы бронзового века близ Ульяновска. Ульяновск, 1974.
- Буровский А. М.* Речные долины – роль в генезисе цивилизации // Природа и цивилизация. Реки и культуры. СПб., 1997.
- Вангородская О. Г., Санжаров С. Н.* Погребения донецкой катакомбной культуры Николаевского могильника с украшениями // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев, 1991.

- Варфоломеев В. В.* Кент и его округа (некоторые итоги палеоэкономического и социокультурного анализа памятников восточной Сары-Арки // Степная цивилизация Восточной Евразии. Астана, 2003.
- Васильев И. Б.* «Загадочная» керамика // Самарская Лука в древности. Краеведческие записки Куйбышевского областного музея краеведения. Куйбышев, 1975. Вып. III.
- Васильев И. Б.* Лузановский курганный могильник (материалы раскопок) // Средневолжская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977.
- Васильев И. Б.* Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1980.
- Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П.* Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- Васильев И. Б., Колев Ю. И., Кузнецов П. Ф.* Новые материалы бронзового века с территории Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.
- Васильев И. Б., Матвеева Г. И., Тихонов Б. Г.* Поселение Лбище на Самарской Луке // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1987.
- Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.
- Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П.* Доно-Волго-Уральская лесостепь на рубеже среднего и позднего бронзового века // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века: материалы междунар. науч. конф. Волгоград, 1996.
- Васильев И. Б.* Вольск-Лбище – новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.
- Васюткин С. М., Горбунов В. С., Пшеничнюк А. Х.* Курганные могильники Южной Башкирии эпохи бронзы // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985.
- Виноградов Н. Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.
- Волков В. А.* Боевые колесницы в археологических комплексах лесостепной и степной Евразии // Археология та етнологія східної Європи: матеріали і дослідження. Збірка наукових праць. Одеса, 2002.
- Геннинг В. Ф.* Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1977. № 4.
- Геннинг В. Ф., Зданович Г. Б., Геннинг В. В.* Синташта. Челябинск, 1992.

- Горбунов В. С., Горбунов Ю. В. Свидетельства металлургии и металлообработки на поселении Тюбьяк // Эпоха металла Восточной Европы (история исследования, публикации). Воронеж, 2006.
- Городицов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 году // Тр. XII археологического съезда. М., 1905. Т. 1.
- Городицов В. А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет императорского русского исторического музея за 1914 г. М., 1915.
- Городицов В. А. Бронзовый век на территории СССР. М., 1927.
- Гуренко Л. В., Ситников А. В., Скворцов Н. Б., Сурков А. Г. Раскопки курганов у пос. Верхне-Рубежный // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1994. Вып. 4.
- Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.
- Денисов И. В. Могильники эпохи бронзы Обилькиного Луга близ Соль-Илецка // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2001. Вып. V.
- Деревягин Ю. В. Юному туристу-археологу // Изучай родной край и оберегай его богатства. Саратов, 1976.
- Дремов И. И. Вишневое – поселение покровского времени в Саратове // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3.
- Дремов И. И. Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.
- Дремов И. И. Материалы из курганов у с. Березовка Энгельсского района и некоторые вопросы социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.
- Дремов И. И. О планиграфии и стратиграфии погребений конца средней – начала поздней бронзы степного Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997.
- Дремов И. И., Семенова И. В. Раскопки кургана на границе Энгельсского и Советского районов // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999. Вып. 3.
- Дремов И. И. Региональные различия престижных погребений эпохи бронзы (особенности покровской группы) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5.

- Дремов И. И., Тихонов В. В., Тупалов И. В.* Курган у с. Широкий Карамыш с покровскими и катакомбными признаками // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.
- Дьяконов И. М.* Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа // ВДИ. 1970. № 4.
- Дьяконов И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. 1982. № 3-4.
- Евдокимов Г. Л.* Погребения эпохи ранней и средней бронзы Астаховского могильника // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев, 1991.
- Епимахов А. В.* Курганный могильник Солнце II – некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск, 1996.
- Епимахов А. В.* Комплексные общества и возможности их диагностирования по археологическим материалам // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н. э. Челябинск, 1999.
- Епимахов А. В.* Погребальная обрядность населения Южного Зауралья эпохи средней бронзы: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 1998.
- Епимахов А. В.* Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск, 2002.
- Епимахов А. В.* Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар 5. Челябинск, 2005.
- Епимахов А. В., Чечушков И. В.* «Горизонт колесничных культур» Северной Евразии: поэтическая метафора и историческое содержание // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2008.
- Ефименко П. П., Третьяков П. Н.* Абашевская культура в Поволжье // Абашевская культура в Среднем Поволжье. МИА. М., 1961. № 97.
- Жемков А. И., Лопатин В. А.* Курганы Малого Карамана (по материалам раскопок 1983 года) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2007. Вып. 5.
- Жемков А. И., Лопатин В. А.* Курганный могильник у с. Светлое Озеро в степном Заволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.
- Зайковский Б. В.* Еще одно погибшее городище // Тр. СУАК. Саратов, 1914. Вып. 31.
- Засецкая И. П.* Два мотива в сарматском зверином стиле – свернувшийся по кругу хищник кошачьей породы и вписанная в круг фигура козла (I – начало II в. н. э.) // Нижневож. археолог. вестн. Волгоград, 2006. Вып. 8.
- Захариков А. П., Матюхина Ю. А.* Курганный могильник «Большие Копены 2» // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2006. Вып. 4.
- Захарук Ю. Н.* Проблемная ситуация и научная критика // Проблемная ситуация в археологии. Киев, 1987.

- Захарук Ю. Н. Спорное и бесспорное в изучении археологической культуры // КСИА. М., 1990. Вып. 201.
- Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.
- Зданович Д. Г. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск, 2002.
- Иванова С. В., Цимиданов В. В. О социологической интерпретации погребений с повозками ямной культурно-исторической общности // Археологический альманах. Донецк, 1993. № 2.
- Игнатова М. Е., Лопатин В. А. Пиктограмма с хтонической мифологемой на керамическом сосуде из Смеловки // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.
- Ильюков Л. С. Пастушья палка // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 году. Азов, 1994. Вып. 13.
- Калмыков А. А., Мимоход Р. А. О южных рубежах лопатинской культуры // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006. М., 2008.
- Качалова Н. К. Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // СА. 1978а. № 3.
- Качалова Н. К. Бережновский горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978б.
- Качалова Н. К. О локальных различиях в полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. Л., 1983. Вып. 24.
- Качалова Н. К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- Кияшко А. В. Морфология и орнаментика керамики эпохи средней бронзы Волго-Донских степей // Нижневолж. археол. вестн. Волгоград, 2001. Вып. 4.
- Кияшко А. В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.
- Кияшко А. В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.
- Кияшко А. В. Позднеямные древности Нижнего Поволжья и проблема вычленения материалов раннекатакомбного времени // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006.
- Ковалева И. Ф., Андросов А. В., Шалобудов В. Н., Мартюшенко Д. В. Курганы эпохи бронзы степного правобережья Днепра // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989.
- Козенкова В. И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. М., 1998. Вып. В 2–5.

- Колев Ю. И. Комплексы позднего бронзового века поселения Григорьевка I в Самарской области // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2002. Вып. 2.
- Корневский С. Н. О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы // СА. 1976. № 3.
- Корневский С. Н. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М., 1990.
- Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
- Кочерженко О. В. Курганы эпохи поздней бронзы у пос. Сторожовка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.
- Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972.
- Кривошеев М. В. Комплексы позднесарматского времени могильника Старица // Археологические записки. Ростов н/Д, 2005. Вып. 5.
- Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. М., 1948. Вып. XVII.
- Кривцова-Гракова О. А. Бессарабский клад // Тр. ГИМ. М., 1949. Вып. I.
- Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА. М., 1955. № 46.
- Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Родовое общество степей Восточной Европы // Изв. ГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 119.
- Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Кузнецов П. Ф. Полтавкинская культурно-историческая общность (препринт). Куйбышев, 1989.
- Кузнецов П. Ф. Реконструкция крепления конской узды по результатам изучения дисковидных псалиев Поволжье // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Археологический альманах. Донецк, 2004. № 15.
- Кузьмина Е. Е. Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры // Памятники каменного и бронзового веков. М., 1964.
- Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.
- Кузьмина О. В. Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995.
- Кузьмина О. В., Михайлова О. В., Фадеев В. Г. Новые раскопки Уваровского курганного могильника // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.

- Кузьмина О. В. К вопросу о неслучайности случайных находок бронзовых боевых топоров и наконечников копий абашевской культуры // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008.
- Ларенок В. А., Ларенок П. А. Курганы у с. Рясное. Ростов н/Д, 1993.
- Либеров П. Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964.
- Литвиненко Р. А. Памятники покровского типа в бассейне Северского Донца // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья: материалы II Рыковских чтений. Саратов, 1991.
- Литвиненко Р. А. Критерии выделения памятников покровского типа в бассейне Северского Донца // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии: тез. докл. СПб., 1993.
- Литвиненко Р. А. Керамический комплекс погребений покровского горизонта донецкой лесостепи // Срубная культурно-историческая область: материалы III Рыковских чтений. Саратов, 1994.
- Литвиненко Р. А. К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век). Донецк, 1996.
- Литвиненко Р. А. Динамика расселения племен КМК в бассейне Нижнего Дона // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: VII Донская археолог. конф. Ростов н/Д, 1998.
- Литвиненко Р. А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк, 1999.
- Литвиненко Р. А. Южно-Уральский очаг культурогенеза и культура Бабино (КМК): проблема взаимосвязи // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.
- Литвиненко Р. А. Восточная периферия бабинского очага культурогенеза // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.
- Лопатин В. А. Раскопки в среднем течении р. Малый Караман // АО. 1983. М., 1985.
- Лопатин В. А., Якубовский Г. Л. Погребения эпохи средней бронзы из курганов у села Усть-Курдюм // Археологические вести. Саратов, 1993. Вып. 1.
- Лопатин В. А. Смеловский грунтовый могильник (к проблеме формирования срубной культуры в степном Заволжье) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997.
- Лопатин В. А. Культовые сооружения Смеловского могильника // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000.
- Лопатин В. А. Северо-восточная периферия Смеловского могильника // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998–2000 годах. Саратов, 2001. Вып. 4.

- Лопатин В. А.* Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов, 2002.
- Лопатин В. А., Филимонова С. А.* Курганный некрополь Преображенского поселения // Абашевская культурно-историческая общность : истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.
- Лопатин В. А.* Культурно-хронологические комплексы поселения в урочище Мартышкино (материалы эпохи поздней бронзы) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5.
- Лопатин В. А.* Элементы социоструктуры позднепервобытных индоиранских обществ Центральной Евразии // Нижнее Поволжье и Исламская Республика Иран. Исторические, культурные, политические и экономические связи. Саратов, 2004.
- Лопатин В. А., Четвериков С. И.* Курганный комплекс у с. Варыпаевка // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.
- Лопатин В. А.* Этногенезы в Нижнем Поволжье (иранский фрагмент) // Народы Саратовского Поволжья. История и современность. Саратов, 2005.
- Лопатин В. А.* Евразийский феномен имперского пространства (фактор ландшафта) // Народы Саратовского Поволжья. История, этнография, современность. Саратов, 2006.
- Лопатин В. А., Четвериков С. И.* Исследования курганного могильника «Мессер V» на севере Волго-Донского междуречья // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2006. Вып. 7.
- Лопатин В. А.* Смеловский могильник : фрагмент локального культурогенеза // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда. М., 2008а. Т. I
- Лопатин В. А.* Поселение у с. Нижняя Красавка (по раскопкам 2007 года) // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008б. Вып. 8.
- Лопатин В. А.* Бородаевские курганы (по раскопкам 1982 года на Малом Карамане) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2009а. Вып. 7.
- Лопатин В. А.* Исследования поселения Нижняя Красавка в 2008 году // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2009б. Вып. 9.
- Лопатин В. А.* Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н. э.). Саратов, 2010а.
- Лопатин В. А.* Покровский культурный комплекс поселения Нижняя Красавка-II (по материалам исследований 2007-2009 годов) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2010б. Вып. 8.
- Лопатин В. А.* Отчет об археологических раскопках поселения и кургана эпохи поздней бронзы у с. Нижняя Красавка Аткарского района Саратовской области в 2009 году. Саратов, 2010в.

- Лопатин В. А. «Воронежский» вектор становления памятников покровского типа на Волге // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2012. Вып. 9.
- Ляхов С. В. Уникальное погребение средней бронзы из кургана у пос. Сторожовка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.
- Ляхов С. В. Курганный могильник к востоку от пос. Сторожовка // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 2009. Вып. IX.
- Максимов Е. К. Памятник эпохи бронзы у станции Карамыш Саратовской области // Археол. сб. тр. СОМК. Саратов, 1956. Вып. 1.
- Максимов Е. К. Материалы из Хвалынского музея // СА. 1962. № 3.
- Максимов Е. К. К вопросу о датировке Покровских курганов // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Науч. тр. КГПИ. Т. 221. Куйбышев, 1978.
- Максимов Е. К. Максимовские курганы // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1994. Вып. 4.
- Максимов Е. К., Лопатин В. А. Материалы Низовских курганов // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2007. Вып. 5.
- Малов Н. М. О «загадочной» керамике вольского типа // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: тез. докл. Донецк, 1979.
- Малов Н. М. Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.
- Малов Н. М. Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1989. Вып. 1.
- Малов Н. М. О выделении покровской культуры // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья: тез. докл. Саратов, 1991а.
- Малов Н. М. Погребения с булавами и втоками из Натальинского могильника // Археология восточно-европейской степи. Саратов, 1991б. Вып. 2.
- Малов Н. М. Погребения покровского типа степной и лесостепной Евразии // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны: тез. докл. науч. конф. Липецк, 1992а.
- Малов Н. М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992б. Вып. 3.
- Малов Н. М. Культурные типы памятников срубной культурно-исторической области (концептуальные основы) // Срубная культурно-историческая область: материалы III Рыковских чтений. Саратов, 1994.
- Малов Н. М., Филипченко В. В. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. № 4. СПб., 1995.

- Малов Н. М.* Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5.
- Малов Н. М.* Литейные формы с нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Саратов, 2005. Вып. 12.
- Малов Н. М., Бугров Д. Г.* «Алексеевский», «Гусельский» и «Нижне-Семеновский» костяные псалы из Татарстана и Саратовского Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2006. Вып. 4.
- Малов Н. М.* Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2007. Вып. 5.
- Малов Н. М., Сергеева О. В., Ким М. Г.* Материалы вольского культурного типа среднего бронзового века Нижнего Поволжья с эпонимного поселения // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2009. Вып. 7.
- Малов Н. М., Сергеева О. В.* Поселения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья, Волго-Донского и Волго-Уральского междуречья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2010. Вып. 8.
- Малышев А. Б.* Исследования Алексеевского городища в 2006 году // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.
- Малышев А. Б.* Исследования Сабуровского грунтового могильника в 2006–2007 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.
- Матвеев Ю. П.* Поздний этап доно-волжской абашевской культуры в Доно-Волжском междуречье // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья: тез. докл. Саратов, 1991.
- Матвеев Ю. П.* Покровский горизонт в системе абашевских и срубных древностей Доно-Волжского междуречья // Срубная культурно-историческая область. Саратов, 1994.
- Матвеев Ю. П.* Катакомбно-абашевское взаимодействие и формирование срубной общности // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1998. Вып. 11.
- Матвеев Ю. П.* Срубно-абашевские погребения переходного типа Волго-Донского междуречья // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1999. Вып. 13.
- Матвеев Ю. П.* Керамика с валиковым орнаментом срубной культуры лесостепного Подонья // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 2006. Вып. 20.
- Матющенко В. И.* О южном компоненте в составе самусьской культуры / Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.

- Мельник В. И. Особые виды погребений катакомбной общности. М., 1991.
- Мельник В. И. Поселения эпохи бронзы у села Нижняя Красавка // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.
- Мельников Е. Н. Покровско-абашевские погребения кургана у с. Большая Плавица // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: материалы междунар. науч. конф. Чебоксары, 2003.
- Мерперт Н. Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА. М., 1954. № 42.
- Мерперт Н. Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА. № 61. Тр. Куйбышев. археолог. экспедиции. М., 1958. Т. II.
- Мерперт Н. Я. Срубная культура Южной Чувашии. МИА. М., 1962. № 111.
- Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Погребальный обряд племен Халафской культуры // Археология Старого и Нового света. М., 1982.
- Мимоход Р. А. Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.
- Мимоход Р. А. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології східної України. Луганськ, 2005.
- Мимоход Р. А. Погребения финала средней бронзы в Волго-Уралье и некоторые проблемы регионального культурогенеза // Донецкий археологічний збірник. Донецьк, 2009–2010. № 13/14.
- Минаева Т. М. Керамика Покровского селища // Тр. секции археологии РАНИОН. Саратов, 1929. Т. 4.
- Минх А. Н. Археологические находки и раскопки в Аткарском уезде Саратовской губернии // Тр. СУАК. Саратов, 1909. Вып. 25.
- Миронов В. Г. Погребения покровского времени кургана № 9 у с. Бородаевка // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2.
- Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977.
- Молодин В. И., Пряхин А. Д. Евразийская лесостепь в эпоху средней – поздней бронзы (некоторые проблемы) // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1998. Вып. 11.
- Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург, 1994.
- Мочалов О. Д. О происхождении некоторых особенностей керамики эпохи средней бронзы Волго-Уралья и Зауралья // Историко-археологические изыскания: науч. тр. молодых ученых. Самара, 1996. Вып. 1.

- Мочалов О. Д.* К вопросу о сосудах со знаками срубной культуры лесостепного Заволжья // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003а. Вып. 3.
- Мочалов О. Д.* «Шахматный» орнамент и культурные связи Волго-Уралья в развитии бронзовом веке // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003б.
- Мочалов О. Д.* Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. Самара, 2008.
- Мыськов Е. П.* К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья // СА. 1991. № 4.
- Мыськов Е. П.* Новые памятники позднего бронзового века в Волго-Донском междуречье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1993. Вып. 3.
- Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Усачук А. Н., Литвиненко Р. А.* Погребение колесничего из бассейна Дона // Псалии. Археологический альманах. № 15. Донецк, 2004.
- Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Лапшин А. С.* Исследование курганов в бассейне реки Медведицы // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006. Вып. 3.
- Мышкин В. Н., Турецкий М. А., Хохлов А. А.* Курганный могильник Полудни II // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Самара, 2010. Вып. XV.
- Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1977.
- Обыденнова Г. Т., Рутто Н. Г., Исмагилов Р. Б.* Акназаровский курганный могильник срубной культуры // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985.
- Орехов В. Ф.* Разведки на месте погибшего городища в меловом карьере «Попово Блюдец» в г. Вольске Саратовской губернии в 1927 г // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1/1927. Д. 89.
- Островерхов А. С.* Стекло и фаянс как источник для изучения прогресса археологических культур Северного Причерноморья в эпоху бронзы и раннего железа // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1982.
- Отрощенко В. В.* О двух линиях развития культур племен срубной общности // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1994.
- Отрощенко В. В.* Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ, 2001.

- Отрощенко В. В.* К истории племен срубной общности // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 2003. Вып. 17.
- Ошибкина С. В.* О находках сейменского времени в Восточном Прионежье // КСИА. 1984. № 177.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. Саратов, 1993. Вып. В 1-10.
- Переводчикова Е. В., Фирсов К. Б.* К реконструкции убора коней из кургана Козел // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. М., 2005.
- Пестрикова В. И.* Фатьяновский могильник на севере Саратовской области // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979. Т. 230.
- Потемкина Т. М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
- Прокофьев Р. В.* Раскопки двух курганов эпохи бронзы в Чертковском районе Ростовской области // Археологические записки. Ростов н/Д, 2002. Вып. 2.
- Припадчев А. А.* Памятники покровского типа и их осмысление (к историографии вопроса) // Археология Восточно-Европейской степи. Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Воронеж, 2003. Вып. 17.
- Пряхин А. Д.* Поселения абашевской культуры // АО. 1969. М., 1970.
- Пряхин А. Д.* Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971.
- Пряхин А. Д.* Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево // СА. 1972. № 3.
- Пряхин А. Д.* Абашевская общность по данным исследования поселений // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит, бронзовый век). Куйбышев, 1976.
- Пряхин А. Д.* Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976.
- Пряхин А. Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977.
- Пряхин А. Д.* Абашевская культурно-историческая общность эпохи бронзы и лесостепь // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1980.
- Пряхин А. Д.* Абашевская культурно-историческая общность в советской историографии // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж, 1981.
- Пряхин А. Д.* Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж, 1982.
- Пряхин А. Д., Беседин В. И., Левых Г. А., Матвеев Ю. П.* Кондрашкинский курган. Воронеж, 1989.
- Пряхин А. Д.* Абашевская культурно-историческая общность в советской историографии // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж, 1981.

- Пряхин А. Д., Беседин В. И. К оценке абашевских погребений Подклетненского могильника // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1996. Вып. 5.
- Пряхин А. Д. Доно-Волжская абашевская культура и проблемы оценки памятников покровского типа в Нижнем Поволжье // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южно-русских степей. Саратов, 1997.
- Пряхин А. Д., Беседин В. И. Хронологическая и культурная интерпретация дисковидных псалиев с шипами из Нижнего Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997.
- Пряхин А. Д., Беседин В. И. Острореберные абашевские сосуды Доно-Волжского региона // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 11. Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1998а.
- Пряхин А. Д., Беседин В. И. Конская узда периода средней бронзы в восточно-европейской степи и лесостепи // РА. 1998б. № 3.
- Пряхин А. Д., Моисеев Н. Б., Беседин В. И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. Воронеж, 1998.
- Пряхин А. Д., Отрощенко В. В., Беседин В. И., Бровендер Ю. М. Поселение эпохи бронзы Капитаново II. Археологические памятники донского бассейна. Воронеж, 2000. Вып. 4.
- Пряхин А. Д., Беседин В. И., Захарова Е. Ю., Саврасов А. С., Сафонов И. Е., Свистова Е. Б. Доно-волжская абашевская культура. Воронеж, 2001.
- Пярых Г. Г. О происхождении деревянной посуды срубной культуры Поволжья // СА. 1984. № 2.
- Равдоникас В. И. История первобытного общества. Л., 1947.
- Ригведа. Мандалы I-X / под ред. Т.Я. Елизаренковой. М., 1999.
- Рогудеев В. В. Элитарные погребения катакомбной культуры и проблема катакомбного наследия в срубной культуре // Археологические записки. Ростов н/Д, 2000. Вып. 1.
- Рогудеев В. В. Могильник Репный в системе связей посткатакомбного времени // Труды археологического научно-исследовательского бюро. Ростов н/Д, 2004. Т. I.
- Рогудеев В. В. Комплексы с повозками позднекатакомбного времени и проблема колесничества // Происхождение и распространение колесничества. Луганск, 2008.
- Рыков П. С. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уездах Саратовской губернии в 1922 году // Тр. о-ва ИСТАРХЭТ. Саратов, 1923. Вып. 34.

- Рыков П. С. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // Изв. НВИК. Саратов, 1927. Т. 2.
- Рыков П. С. Очерки по истории Нижнего Поволжья (по археологическим материалам). Саратов, 1936.
- Рябова В. Я. Работы Ажиновского отряда в 1976 г. // Древности Дона. М., 1983.
- Сагайдак В. И. О двух группах погребений Покровских могильников в Нижнем Поволжье // Тр. КГПИ. Куйбышев, 1979. Т. 230.
- Сагайдак В. И. Хвалынская культура в исследованиях П.С. Рыкова // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1989. Вып. 1.
- Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Самашев З., Ермолаева А. С., Лошакова Т. Н. Поселения токсанбайского типа на Северо-Восточном Устурте // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург, 2009.
- Санжаров С. Н. Курган с прямой стратиграфией погребений культуры многоваликовой керамики из Донецкого Приазовья // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1994. Вып. 4.
- Сафронов В. А. Датировка Бородинского клада // Проблемы археологии. Л., 1968. Вып. 1.
- Сергацков И. В. Погребения эпохи бронзы I Барановского могильника (раскопки 1987–1988 гг.) // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2.
- Сергеева О. В., Хоркин Д. А. Охранные археологические исследования Саратовского областного центра дополнительного образования «Поиск» в 1998–2000 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998–2000 годах. Саратов, 2001. Вып. 4.
- Синицын И. В. Памятники бронзовой эпохи в районе Кольшлея // Изв. НВИК. Саратов, 1932. Т. 5.
- Синицын И. В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947.
- Синицын И. В. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // КСИИМК. М. ; Л., 1952. Вып. 45.
- Синицын И. В. Работы Заволжского отряда Сталинградской археологической экспедиции // КСИИМК. М. ; Л., 1956. Вып. 63.
- Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. № 60. Памятники Нижнего Поволжья. М., 1959. Т. 1.
- Синюк А. Т., Килейников В. В. Курган у села Введенки на Дону // СА. 1976. № 1.
- Синюк А. Т., Погорелов В. И. Периодизация срубной культуры Среднего Дона (по материалам погребальных памятников) // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.

- Синюк А. Т., Козмирчук И. А. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара, 1995.
- Синюк А. Т., Березуцкий В. Д. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж, 2001.
- Скарбовенко В. А. Погребальный комплекс начала эпохи поздней бронзы Владимировка II // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006.
- Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. М., 1959. № 60.
- Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
- Смирнов А. М. Изображения посохов на антропоморфных изваяниях эпохи энеолита в Северном Причерноморье и Средиземноморье. Аналогии, интерпретации // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.
- Смирнов А. П. К вопросу о формировании абашевской культуры // МИА. М., 1961. № 97.
- Смолин В. Ф. Абашевский могильник в Чувашской республике (очерк археологических раскопок в 1925 году). Чебоксары, 1928.
- Сотникова С. В. К вопросу о роли сосудов с бронзовыми скрепками в андроновском ритуале // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда. М., 2008. Т. I.
- Спицын А. А. Саратовские стоянки медного века // Тр. о-ва ИСТАРХЭТ. Ч. 1. Саратов, 1923. Вып. 34.
- Ставицкий В. В. Екатерининское поселение бронзового века на р. Сура и проблема происхождения вольско-лбищенских древностей // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2004. Вып. VI.
- Степанов П. Д. Вольское городище // Тр. СОМК. Саратов, 1956. Вып. 1.
- Стоколос В. С. Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестн. ЧГПУ. Сер. 1. Исторические науки. Челябинск, 2004.
- Стоколос В. С., Стоколос Г. И. Кизильский курганный могильник эпохи поздней бронзы на реке Урал // Вестн. ЧГПУ. Сер. 1. Исторические науки. Челябинск, 2004.
- Тереножкин А. И. Основы хронологии предскифского периода // СА. 1965. № 1.
- Ткачев В. В. К проблеме происхождения петровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998.
- Ткачев В. В., Гуцалов С. Ю. Новые погребения энеолита – средней бронзы Восточного Оренбуржья и Северного Казахстана // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998.

- Ткачев В. В. Памятники абашевской культуры в степном Приуралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.
- Ткачев В. В. Заключительный этап эпохи средней бронзы в степном Приуралье. Челябинск, 2006.
- Ткачев В. В. Степное Приуралье на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Челябинск, 2006.
- Ткачев В. В., Хаванский А. И. Керамика синташтинской культуры. Орск; Самара, 2006.
- Ткачев В. В. Степи Южного Приуралья Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007.
- Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1965.
- Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Археология Западно-Сибирской равнины. Новосибирск, 2004.
- Турацкий М. А. Керамика погребений ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.
- Усачук А. Н. К вопросу об орнаментации щитковых псалиев // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000.
- Усачук А. Н. Технология изготовления и использования псалия с поселения Поляны-I (Харьковская область) // Древности 2005. Харьков, 2005.
- Усачук А. Н. Найдавніші псалії доби бронзи лісостепу і степу Єврозії (технологічний і функціональний аспекти): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2007.
- Усачук А. Н. Реконструкции крепления древнейших псалиев в системе ремней оголовья лошади: противоречия и перспективы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010.
- Фальк-Рёйне А. Путешествие в каменный век. Среди племен Новой Гвинеи. М., 1985.
- Федорова-Давыдова Э. А. Раскопки курганной группы Шахаевская II на р. Маныче // Древности Дона. М., 1983.
- Федосов М. Ю. К проблеме соотношения среднедонской катакомбной культуры и криволукской группы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2007.
- Филипченко В. В. Погребения с керамикой вольского типа близ с. Белогорское // Всеобщая и отечественная история: актуальные проблемы. Саратов, 1993.
- Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
- Халиков А. Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР. Абашевская культура в Среднем Поволжье // МИА. М., 1961. № 97.

- Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимов М. М. Пепкинский курган // Тр. Марийской археолог. экспедиции. Йошкар-Ола, 1966.
- Халиков А. Х. Поволжье в покровское время // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1989. Вып. 1.
- Халяпин М. В. Курганы срубной культуры у с. Свердлово // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998. Вып. II.
- Хреков А. А. Тростянский курган и некоторые вопросы древней истории Волго-Донского лесостепного междуречья // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6
- Хреков А. А. Памятники воронежской культуры в бассейне Хопра // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2012. Вып. 10.
- Цимиданов В. В., Евгелевский А. В. Классификация погребений с инсигниями власти срубной общности // Археологический альманах. Донецк, 1993. № 2.
- Цимиданов В. В. Доно-Волжская абашевская культура и памятники покровского типа: к проблеме соотношения // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. М., 2005.
- Челяпов В. П., Вячин А. А. Археологические памятники эпохи бронзы на территории Рязанской области. Рязань, 1993.
- Чередниченко Н. Н., Пустовалов С. Н. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в Нижнем Поднепровье) // СА. 1991. № 1.
- Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.
- Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.
- Шарафутдинова Э. С. Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- Шарафутдинова Э. С. Характер памятников покровского типа в Нижнем Подонье // Срубная культурно-историческая область: материалы III Рыковских чтений. Саратов, 1994.
- Шарафутдинова Э. С. Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье и на Северском Донце // Донские древности. Азов, 1995. Вып. 4.
- Шер А. Я. Алгоритм распознавания стилистических типов в петроглифах (к теории стиля в первобытном искусстве) // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977.
- Шер А. Я. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
- Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // МИА. Памятники Нижнего Поволжья. М., 1959. Т. I, № 60.
- Шимлина Н. И. О змее в мифологических представлениях степных кочевников эпохи бронзы // Тр. ГИМ. М., 1998. Вып. 96.

- Шишлина Н. И.* Степные головные уборы эпохи бронзы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.
- Шнирельман В. А.* Классообразование и дифференциация культуры (по океанским этнографическим материалам) // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.
- Щетенко А. Я.* Колесницы и повозки древней Индии // Происхождение и распространение колесничества. Луганск, 2008.
- Юдин А. И.* Срубные кенотафы у с. Кочетного // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2.
- Юдин А. И., Матюхин А. Д., Захариков А. П., Касанкин Г. И.* Раннесрубные курганные могильники «Золотая Гора» и «Кочетное» и проблемы формирования срубной культуры Нижнего Поволжья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.
- Юдин А. И.* Катакомбные поселения эпохи средней бронзы в степном Заволжье // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2003. Вып. 6.
- Юдин А. И., Матюхин А. Д.* Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов, 2006.
- Gimbutas M.* Borodino, Seima and their Contemporaries // Proc. of the Prehistorik Societi for 1956. Cambridge, 1957. Vol. XXII.
- Gimbutas M.* Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. Cambridge, 1966.
- Malov N. M.* Spears – Signs of Archaic Leaders of the Pokrowsk archaeological Culture // Regional Specifics in light of Global Models. Journal of Indo-European Studies Monograph Series 45. Washington D.C., 2002.
- Hachmann R.* Die fruhe Bronzezeit im westlichen Ostseegebiet und ihre mittel-und sudeuropaischen Beziehungen. Hamburg, 1957.
- Rykov P.* Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga // ESA. Vol. I. Helsinki, 1927.
- Smoline V.* La necropole d Abachevo // ESA. Vol. I. Helsinki, 1927.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

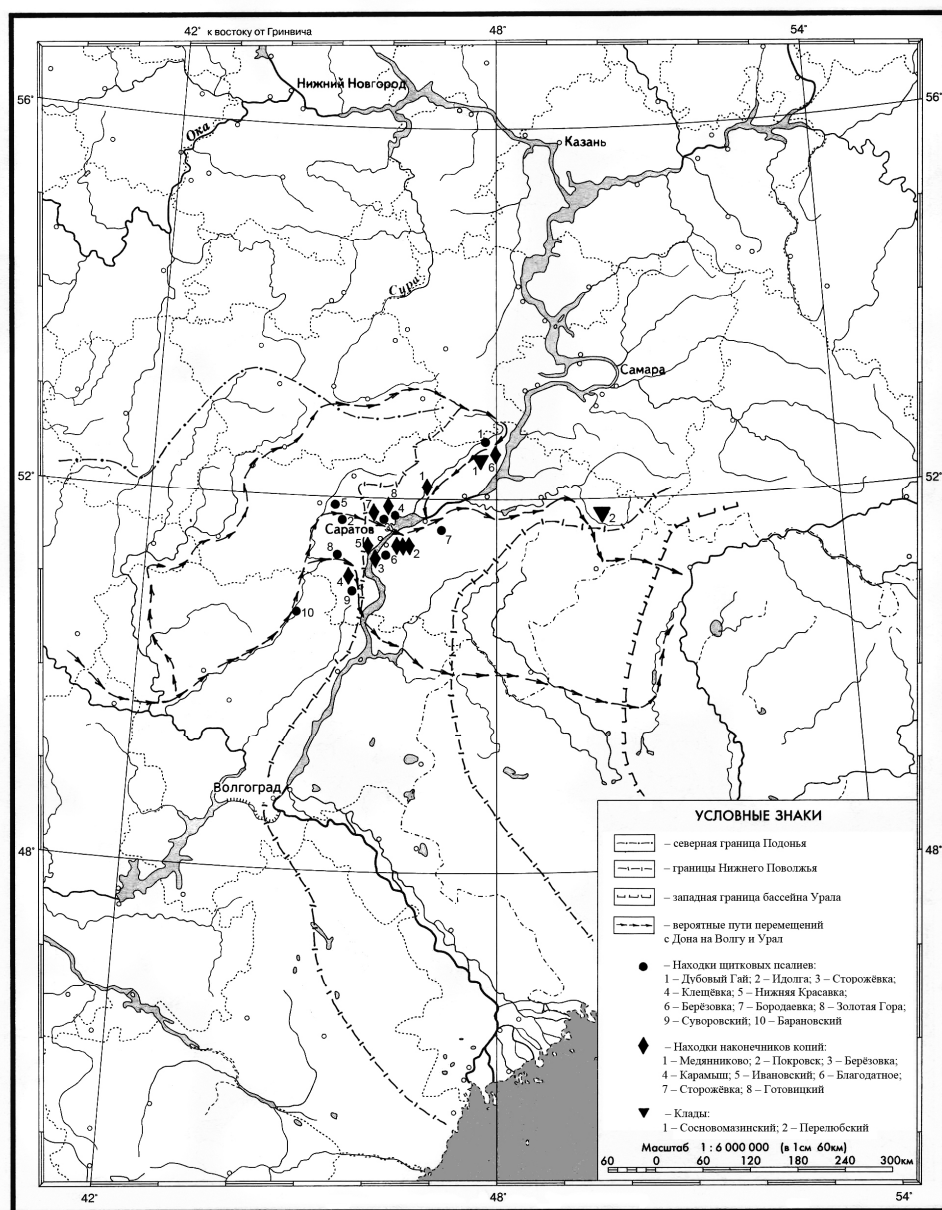
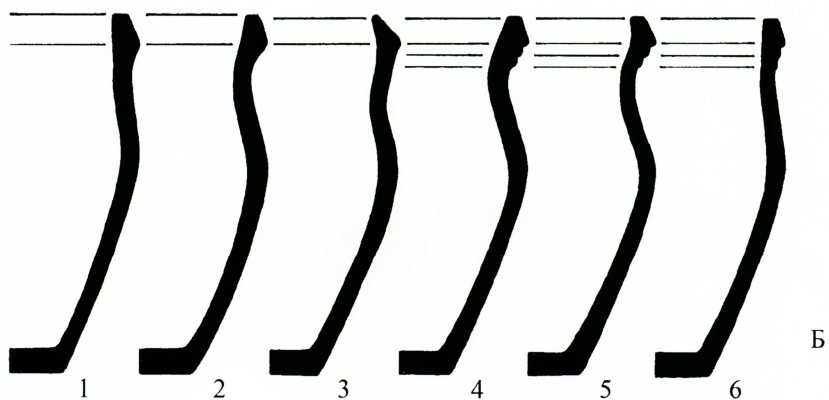

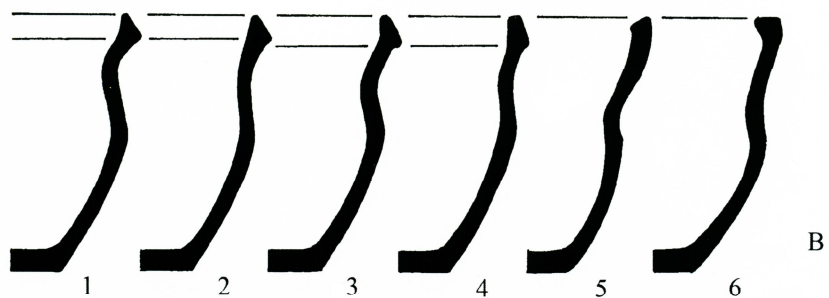
Рис. 1. Концентрация престижных комплексов начала эпохи поздней бронзы на севере Нижнего Поволжья

форма вещица														
тип	I		II	III		IV	V		VI		VII	VIII		
подтип	1	2		1	2		1	2	1	2				
%	5,7	4	8,5	27,1	15,7	7,1	10	7,1	5,7	1,4			1,4	2,8

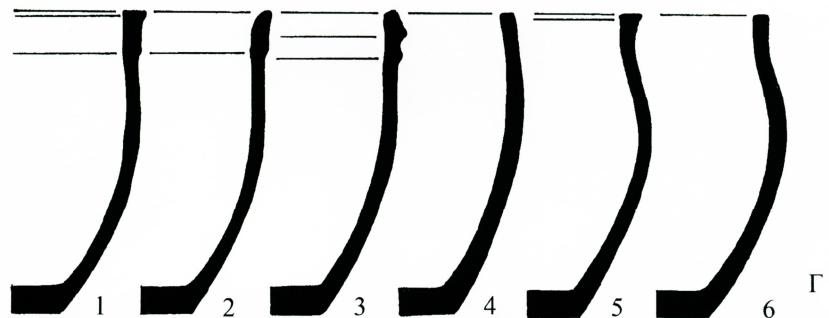
А

Б

В

Г

Рис. 2. Модели сосудов с вольскими чертами

Рис. 3. Материалы вольского типа: 1-9, 11, 13, 14 - Вольское городище (Малов и др., 2009); 10 - Алексеевское городище (Мальцев, 2008); 12 - Владимировский II (Скарбовенко, 2006).
5 - бронза; остальное - керамика

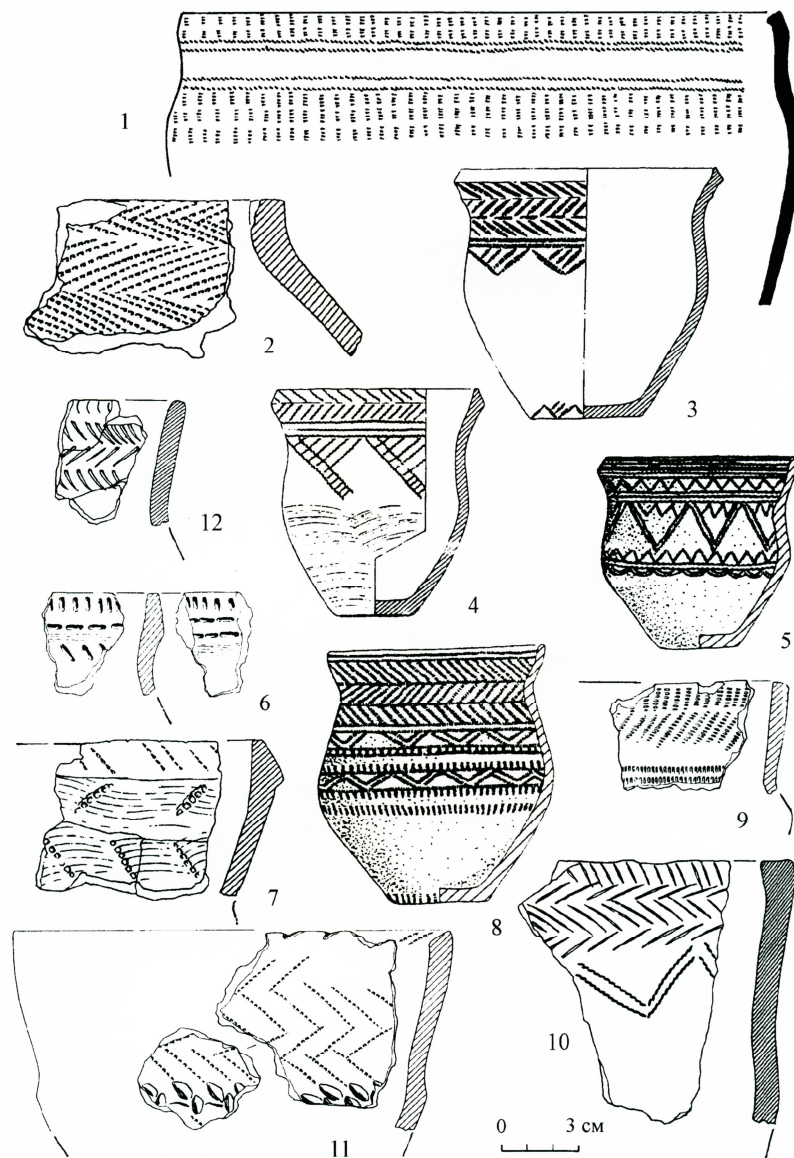

Рис. 4. Керамика вольско-катакомбного типа: 1 - Екатериновка (Ставицкий, 2004);
 2 - Алексеевское городище (Мальшев, 2008); 3 - Советское (Баринов, 1996);
 4, 5 - Белогорское (Дремов, 1996); 6, 9, 11 - Мартышкино; 7 - Осиновский Овраг (Юдин, 2003);
 8 - Барановка (Сергацков, 1992); 10 - Андриановское городище;
 12 - Утес Степана Разина (Малов, Сергеева, 2010)

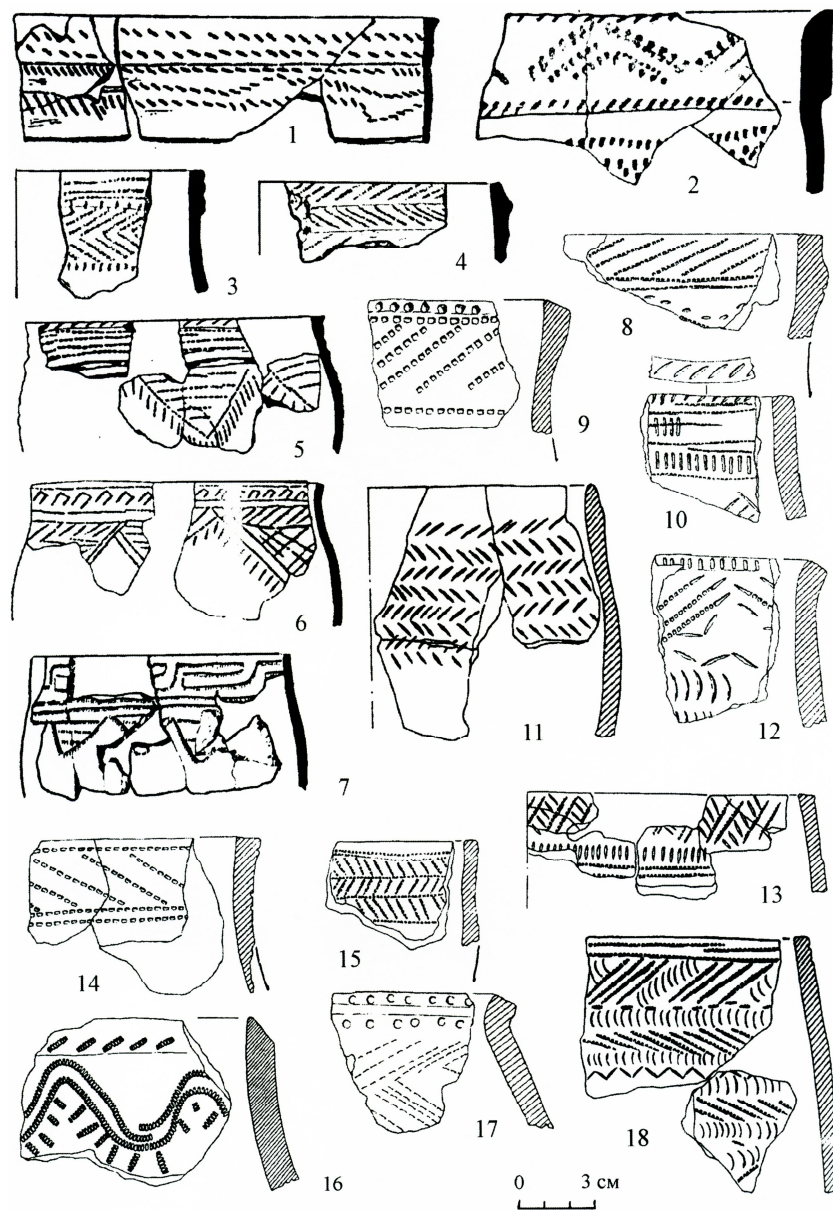

Рис. 5. Керамика лбищенского типа: 1, 3, 7 – Лбище (Васильев и др., 1987);
 2 – Кирпичные Сараи (Васильев, 2003); 8–10, 12, 14, 17 – Вольское городище (Малов и др., 2009);
 11, 13, 15, 18 – Хлопков Бугор; 16 – Андриановское городище (Малов, Сергеева, 2010).

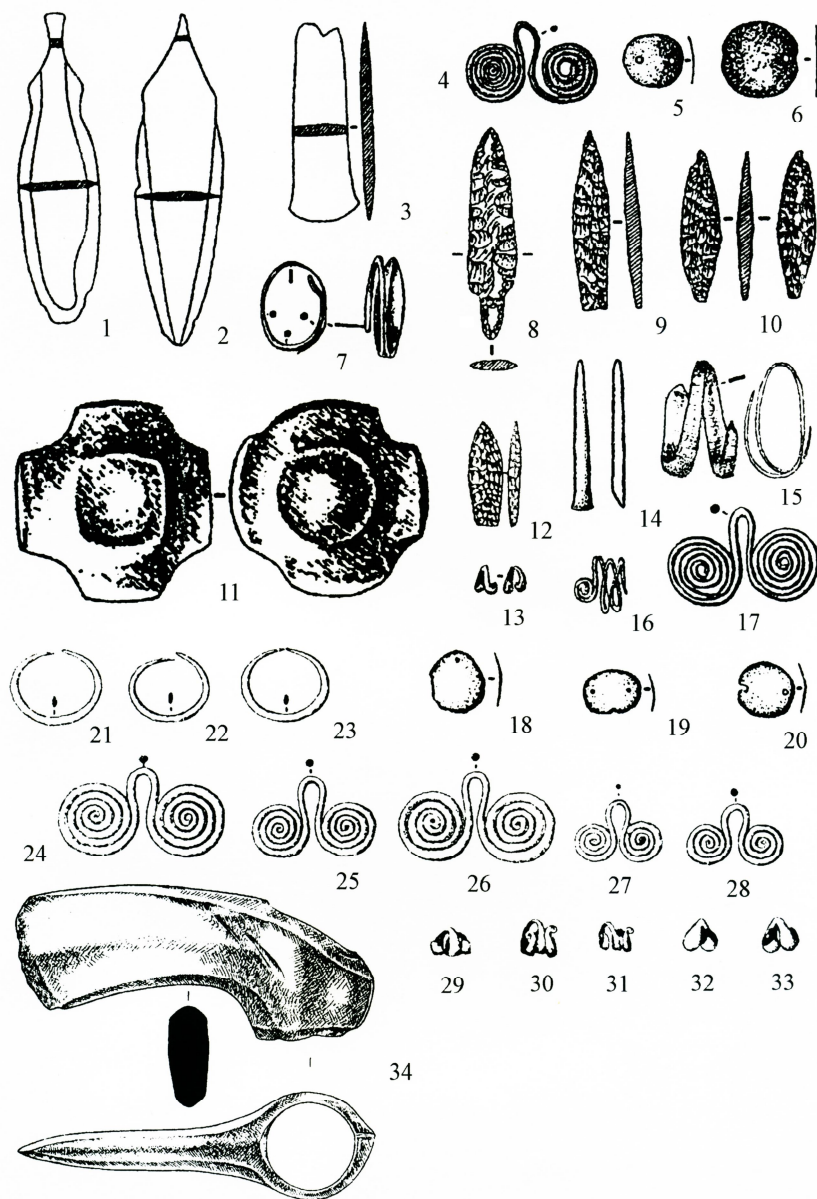

Рис. 6. Предметы из комплексов вольско-лубищенского типа: 1-10 - Пещера Братъев Греве; 11-13 - Лбище; 14-20 - Алексеевский III могильник; 21-33 - Дюна «Человечья Голова» (Васильев, 2003); 34 - Царев Курган (Бочкарев, Кузнецов). 1-7, 13-34 - бронза; 8-10, 12 - кремь; 11 - диорит

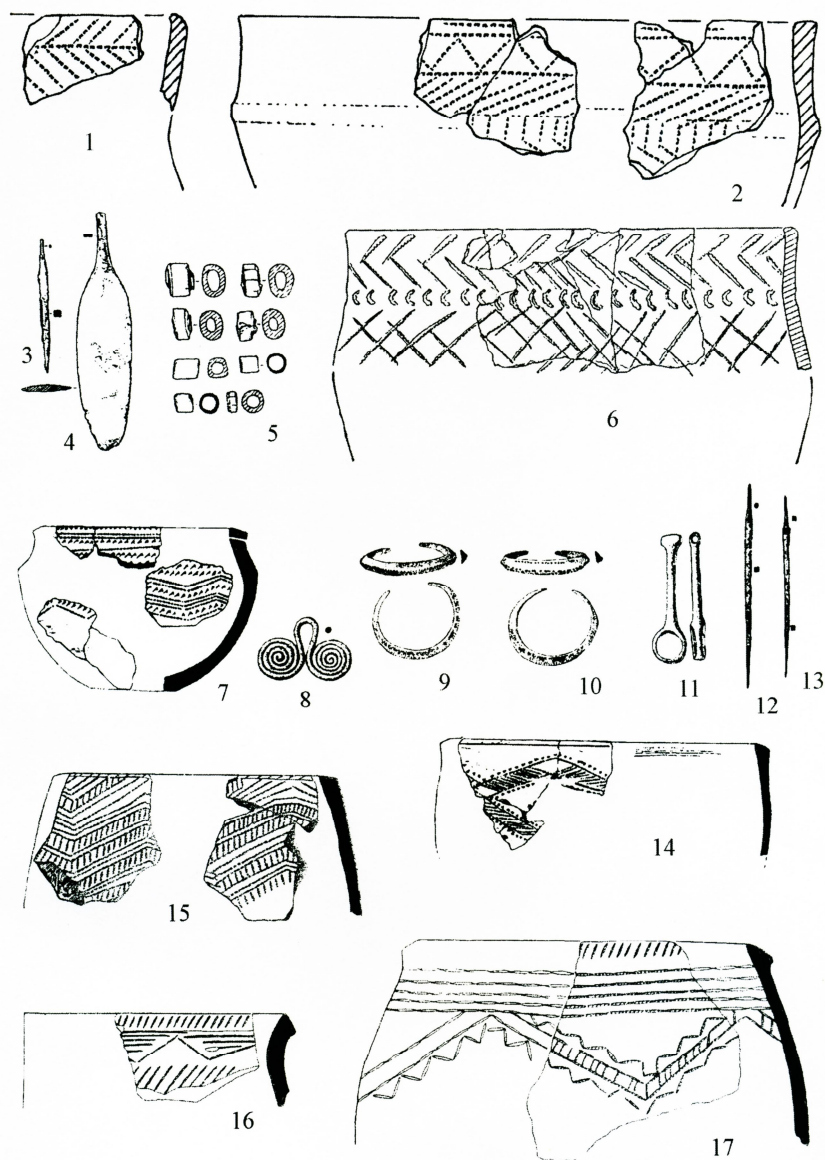

Рис. 7. Комплексы вольско-лбищенского типа из степного Волго-Уралья и Северного Прикаспия:
 1-5 Светлое Озеро (Жемков, Лопатин, 2008); 6 - Рунталь (Жемков, Лопатин, 2007);
 7-13 - Тамар-Уткуль VII; 14 - Большой Дедуровский Мар (Ткачев, 2007); 15 - Северный Букей;
 16 - Кара-Кудук; 17 - Кызыл-Молла (Васильев и др., 1986). 3, 4, 8-10, 12, 13 - бронза;
 5, 11 - кость; остальное - керамика

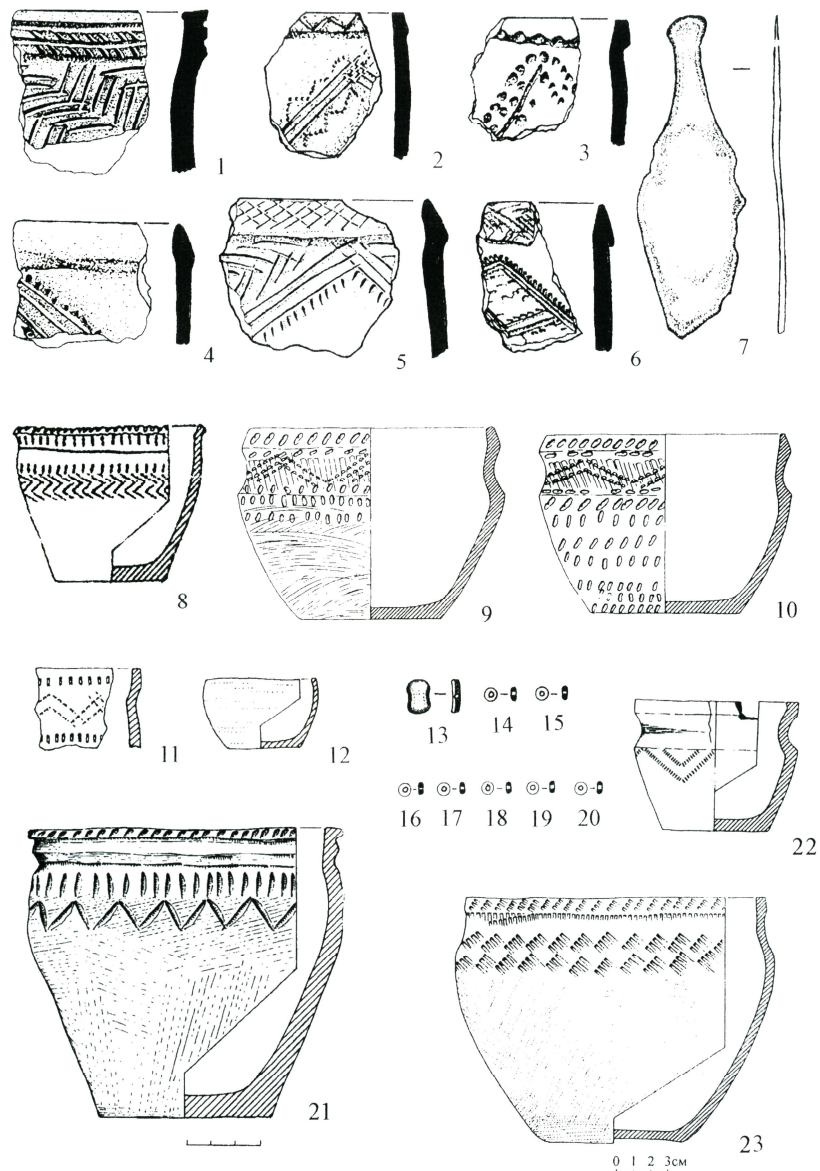

Рис. 8. Токсанбайские и раннепокровские материалы с вольскими и воронежскими чертами: 1-7 - Токсанбай (Самашев и др., 2009); 8 - Смеловский могильник, погр. 7 (Лопатин, 2010); 9-20, 22 - Усть-Грязнуха (Дремов, Семенова, 1999); 21 - Терновка; 23 - Советское; 7 - бронза; 14-20 - фаянс; остальное - керамика

ИЛЛЮСТРАЦИИ

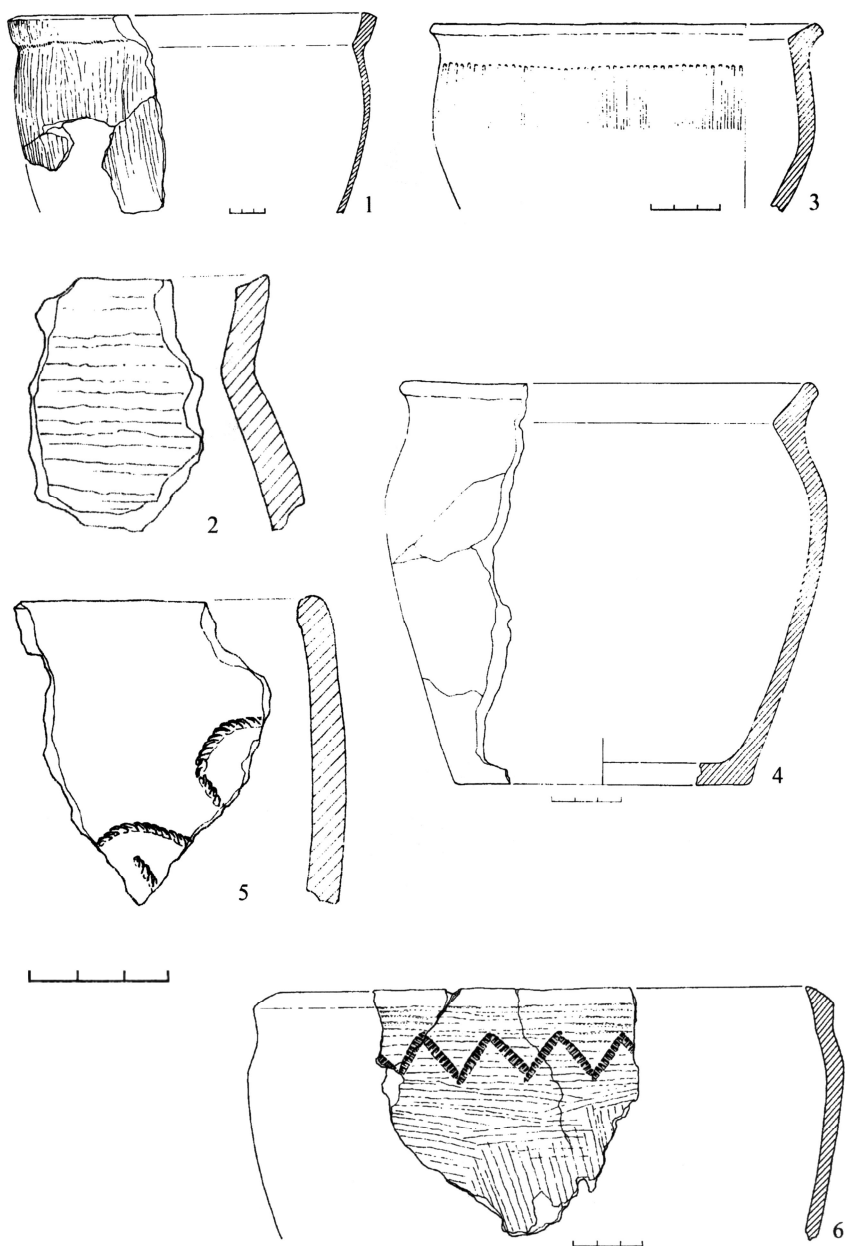

Рис. 9. Керамика абашевско-воронежского типа на поселении Разнобрычка

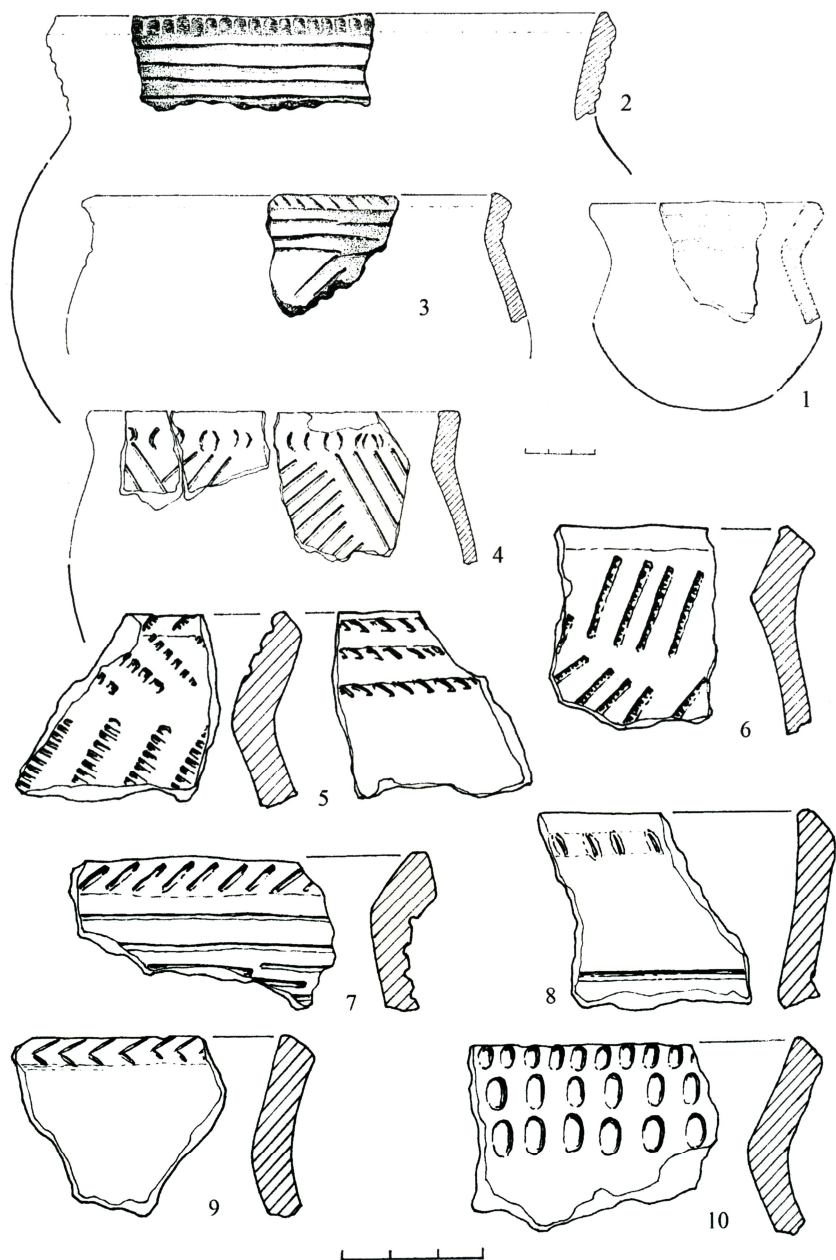

Рис. 10. Керамика абашевско-воронежского типа на городище Гривки

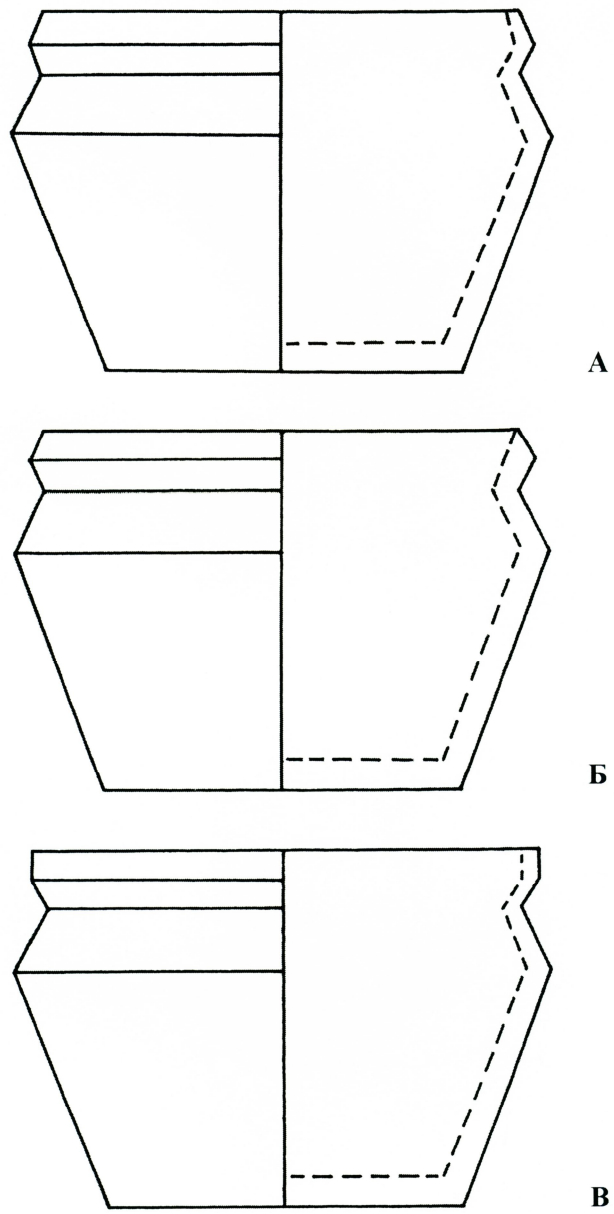

Рис. 11. Варианты сосудов с многчастными профилями венчиков (геометрические модели)

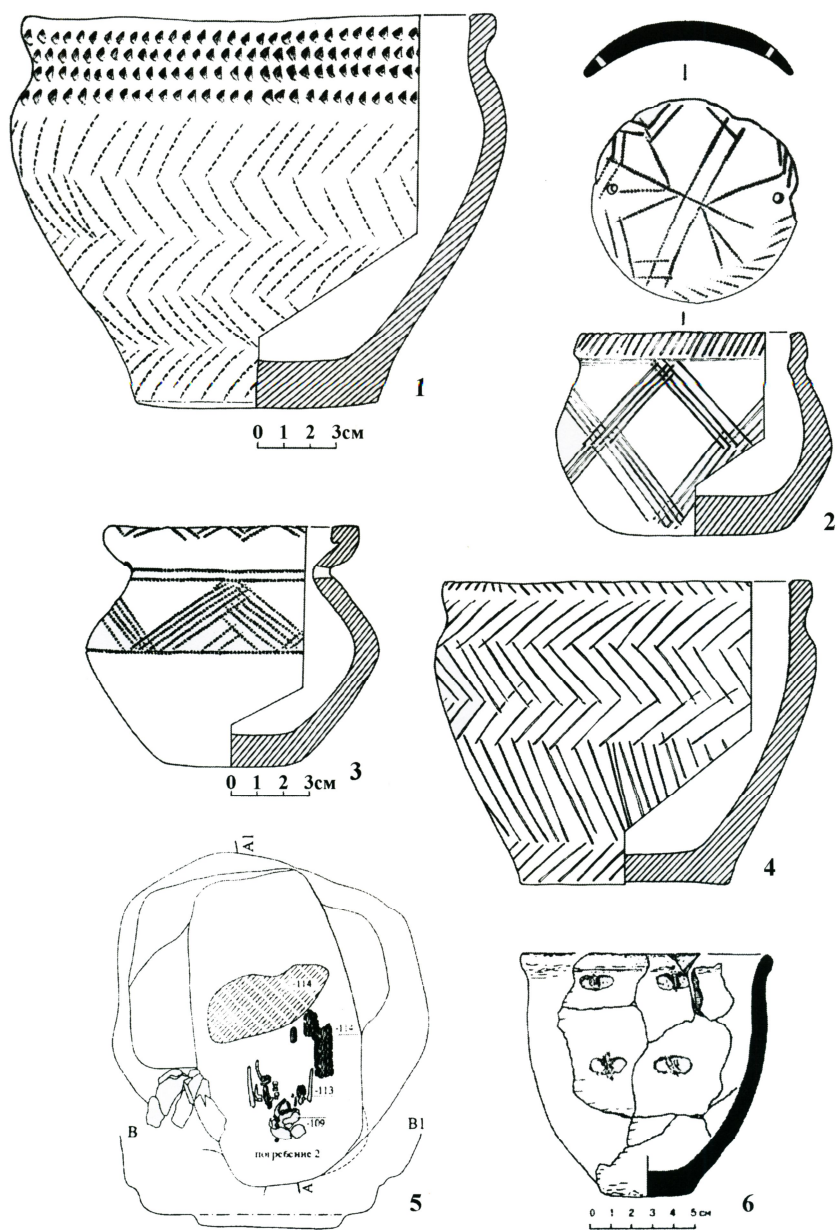

Рис. 12. Материалы из Широкого Карамыша (Дремов и др., 2005) и Песковки (Дворниченко и др., 2006)

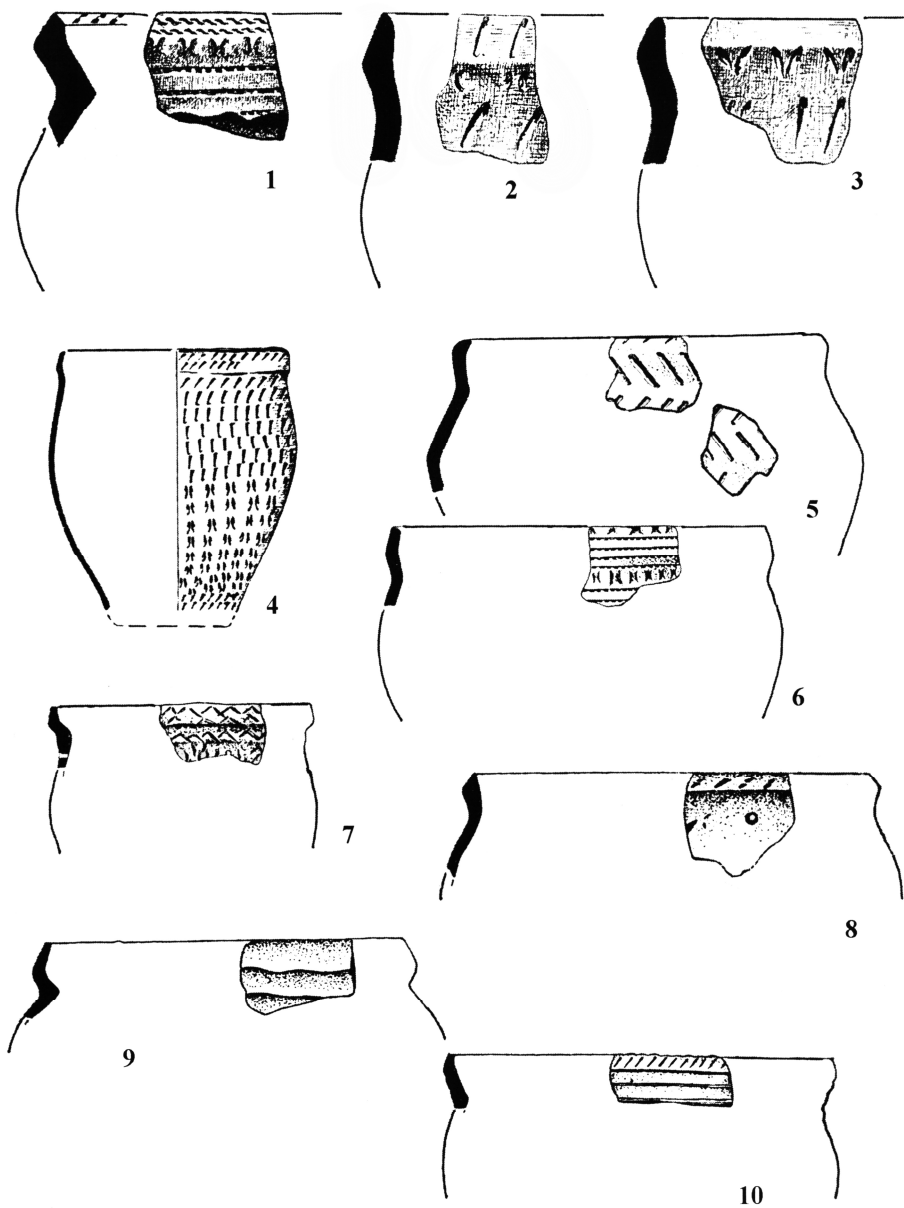

Рис. 13. Сосуды воронежской культуры с многочастными профилями: 1, 2 - Мостище; 3 - Аверинское; 4, 5 - Животинное; 6 - Архангельское; 7, 10 - Шиловское; 8 - Елецкое; 9 - Воргольское

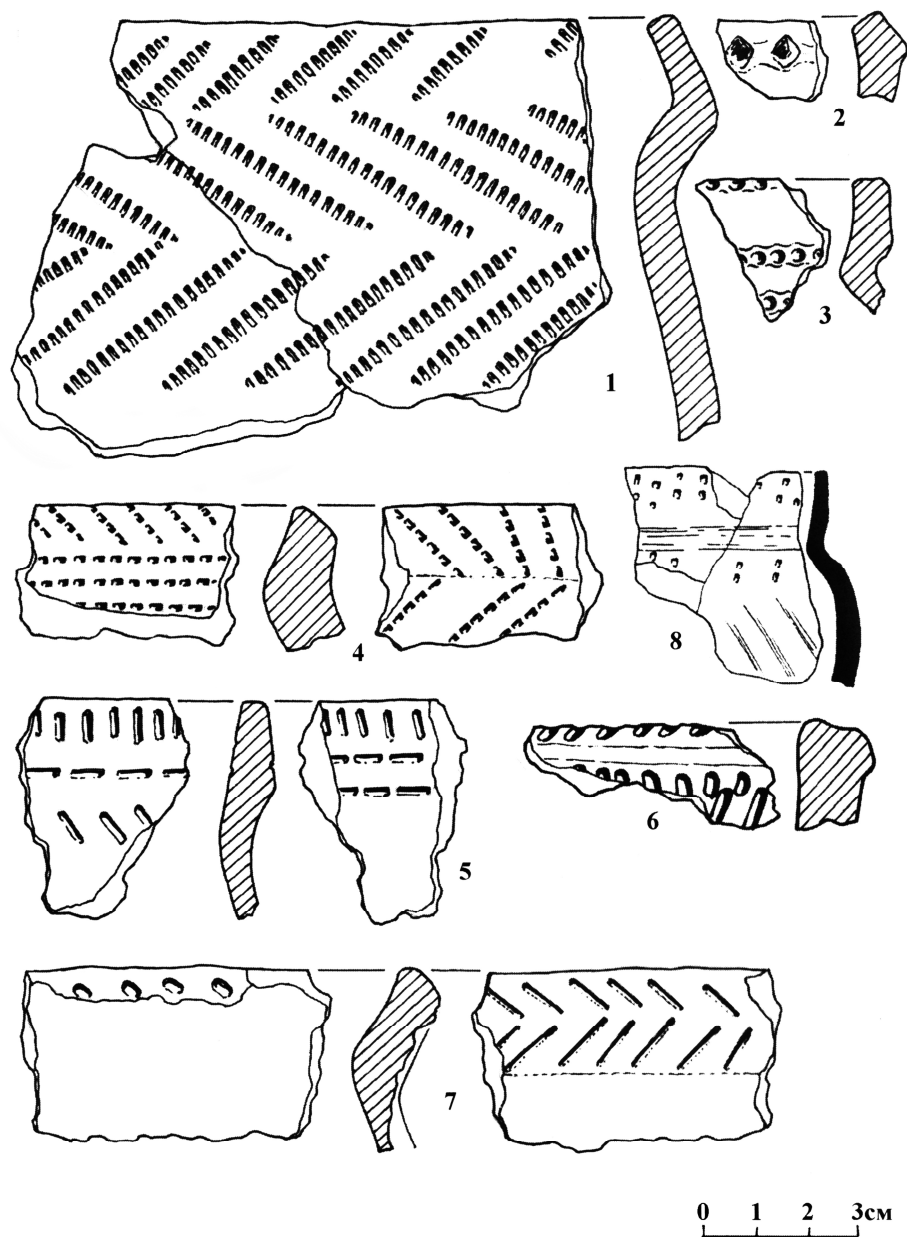

Рис. 14. Керамика с многочастными профилями из Нижневолжского правобережья:
2-4 - Ахматское городище; 1, 5-7 - Мартышкино; 8 - Ивановка

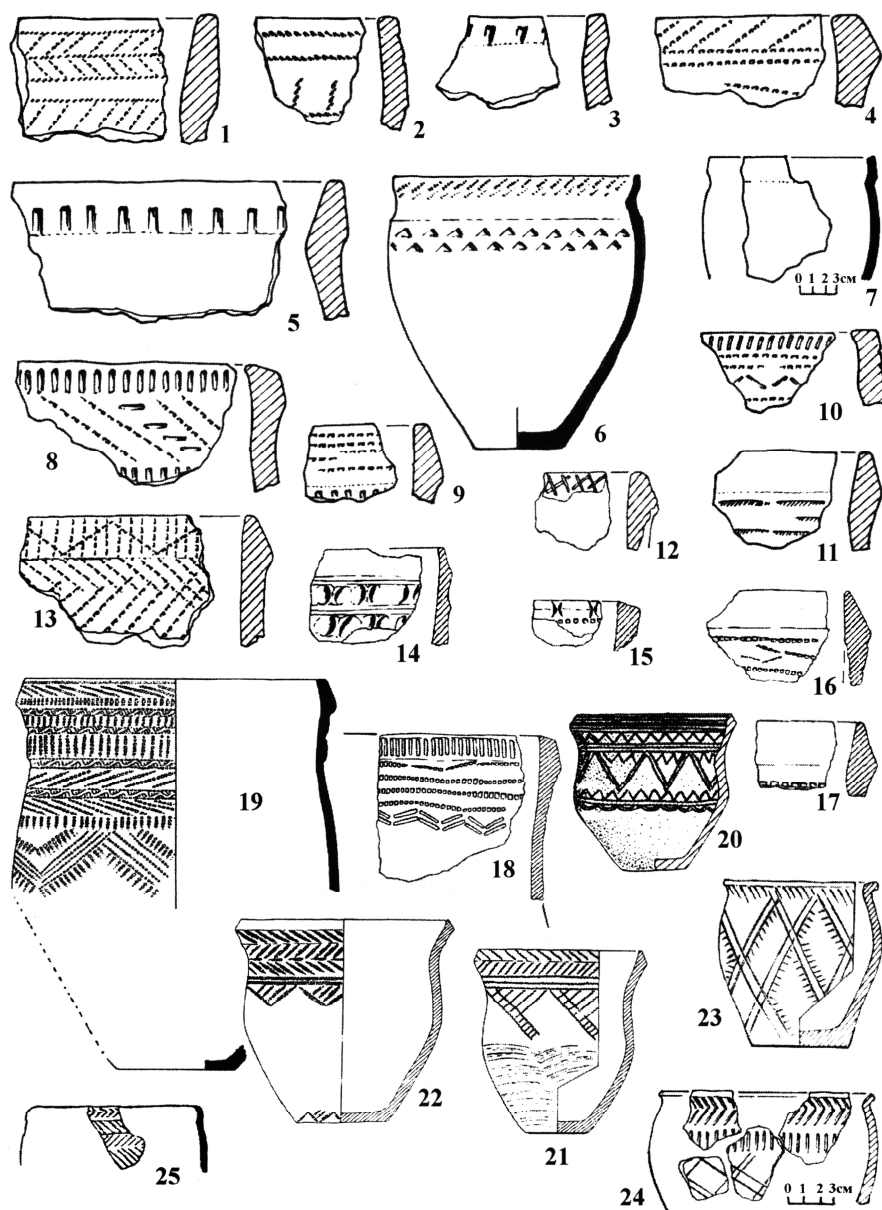

Рис. 15. Керамика с многочастными профилями из Волго-Уралья: 1, 2 - Сосновка; 3, 12, 13 - Алексеевское городище; 4, 14, 18 - Вольское городище; 5 - Даниловское; 6 - Преображенка I; 7 - Нижняя Красавка II; 8-11 - Лбище; 19 - Владимировский II; 20, 21 - Белогорское; 22 - Советское; 23, 24 - Низовка; 25 - Чукраклинский

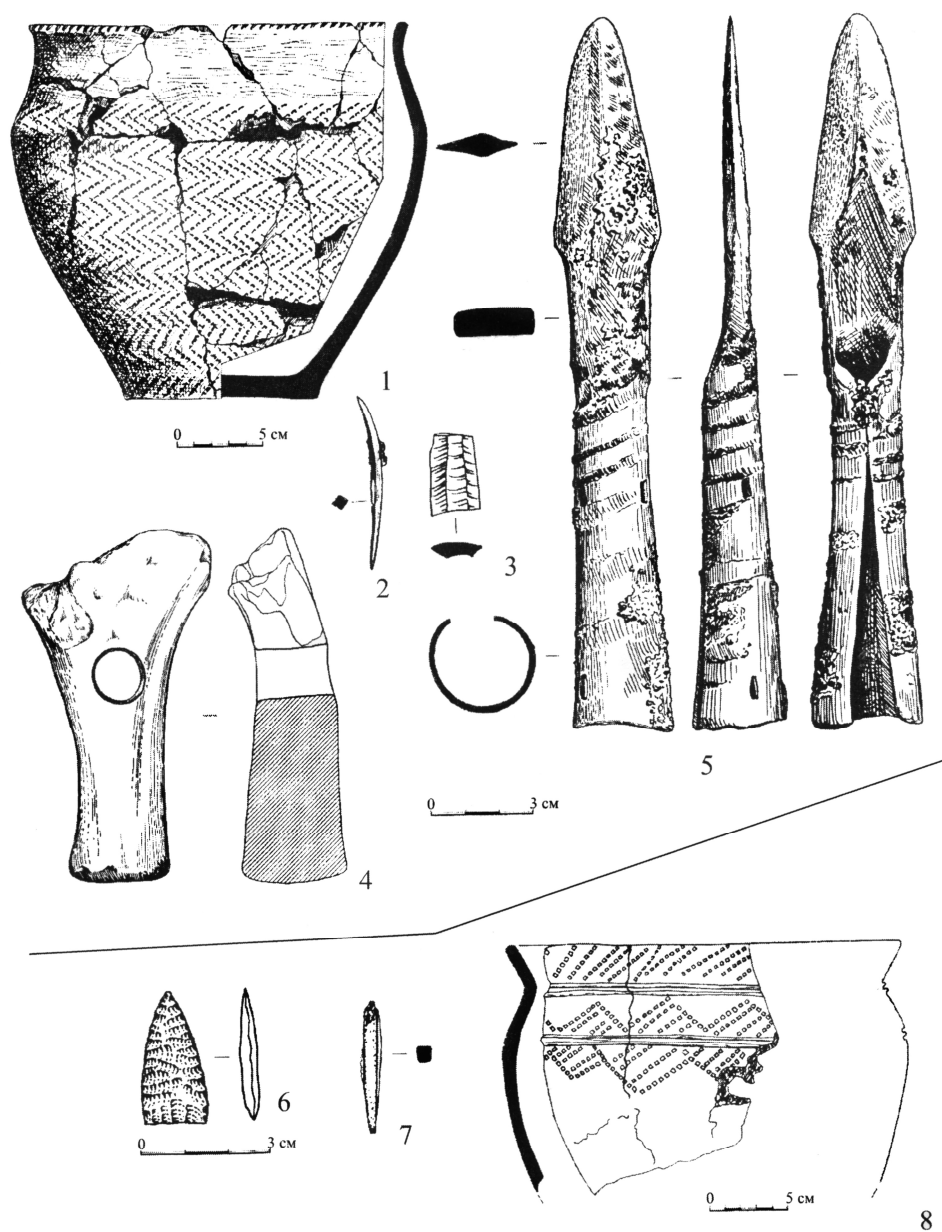

Рис. 16. Престижные воинские комплексы из Сторожовки. 2, 5, 7 – бронза; 4 – рог; 3, 6 – кремь; 1, 8 – керамика

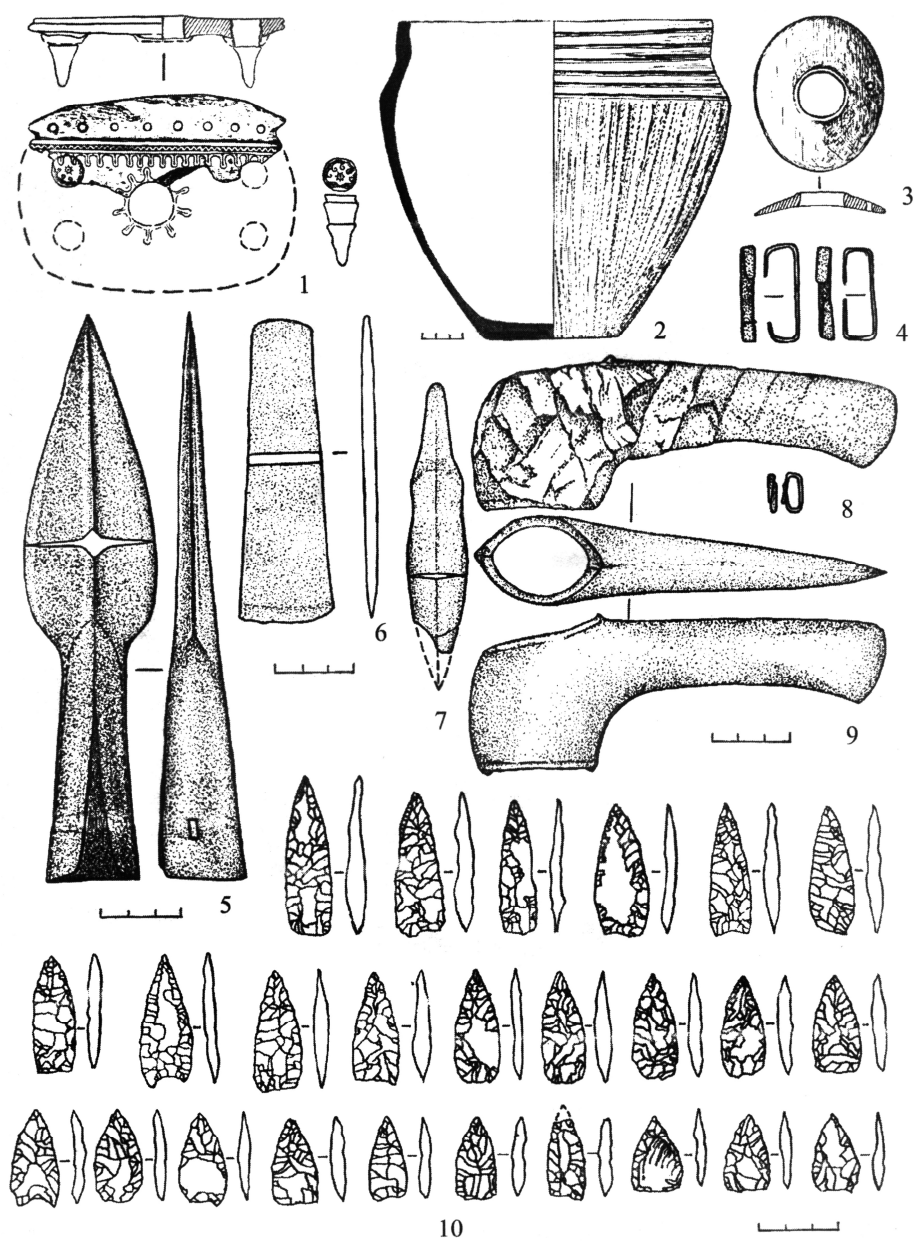

Рис. 17. Воинско-колесничный комплекс из Кондрашкино: 1, 3 – кость; 2 – керамика; 10 – кремь; остальное – бронза

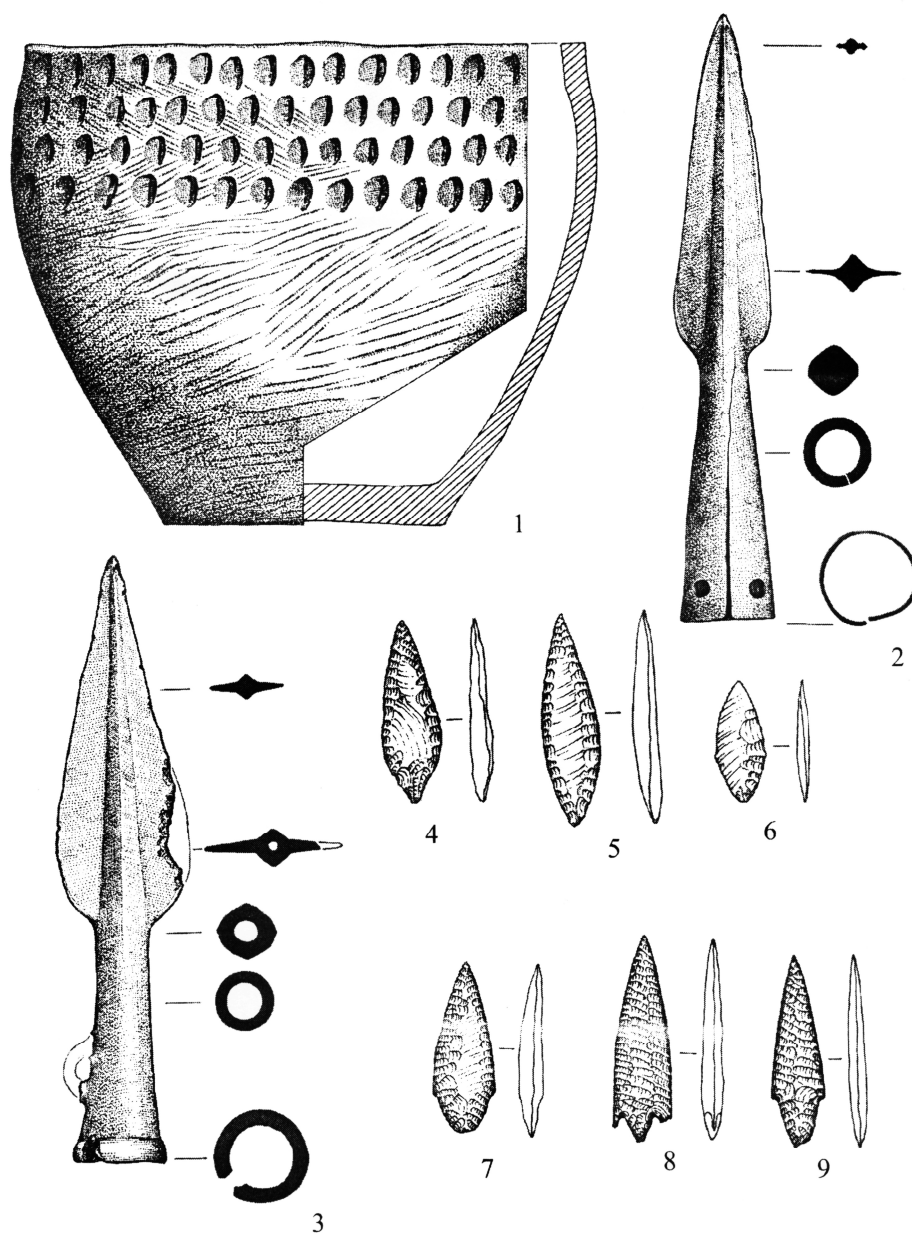

Рис. 18. Воинские комплексы из Покровска: 15/2 (1-2); 8/1 (3-9); 1 - керамика; 2, 3 - бронза; остальное - кремень

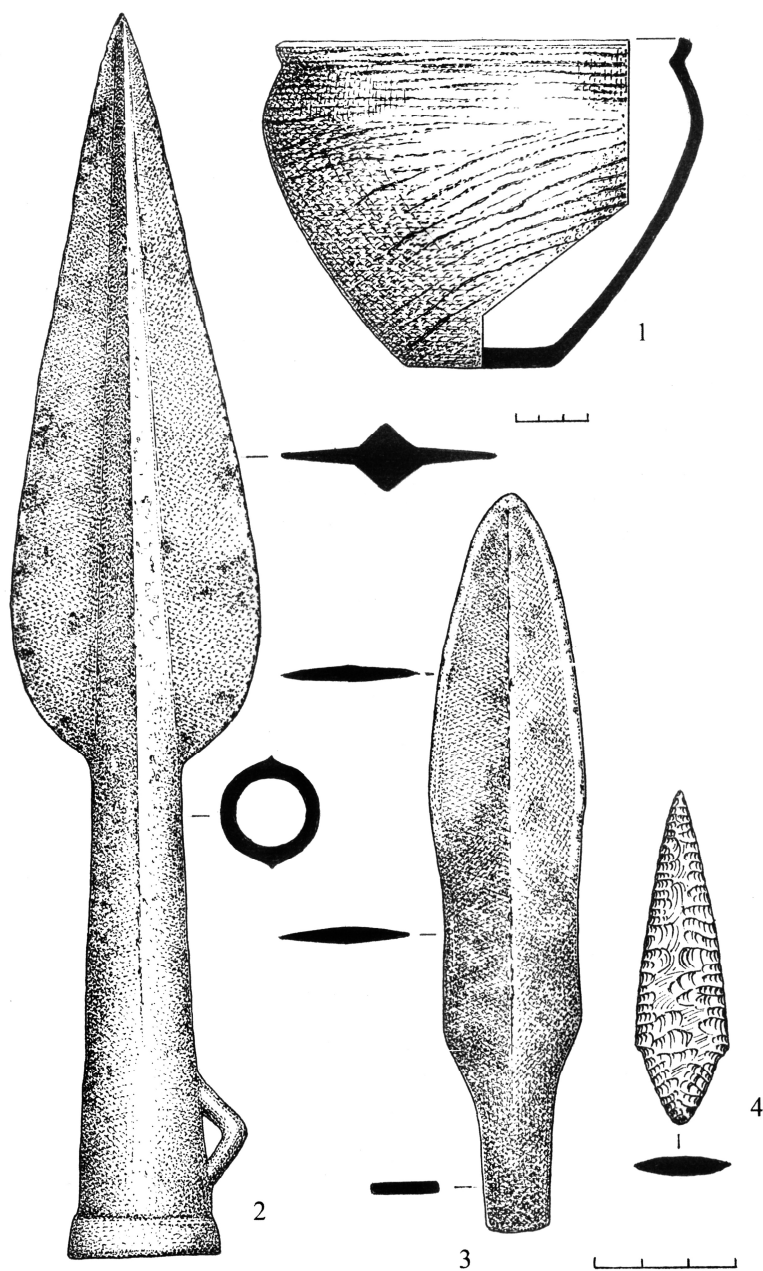

Рис. 19. Воинский комплекс из Покровска 7/3: 1 – керамика; 2, 3 – бронза; 4 – кремень

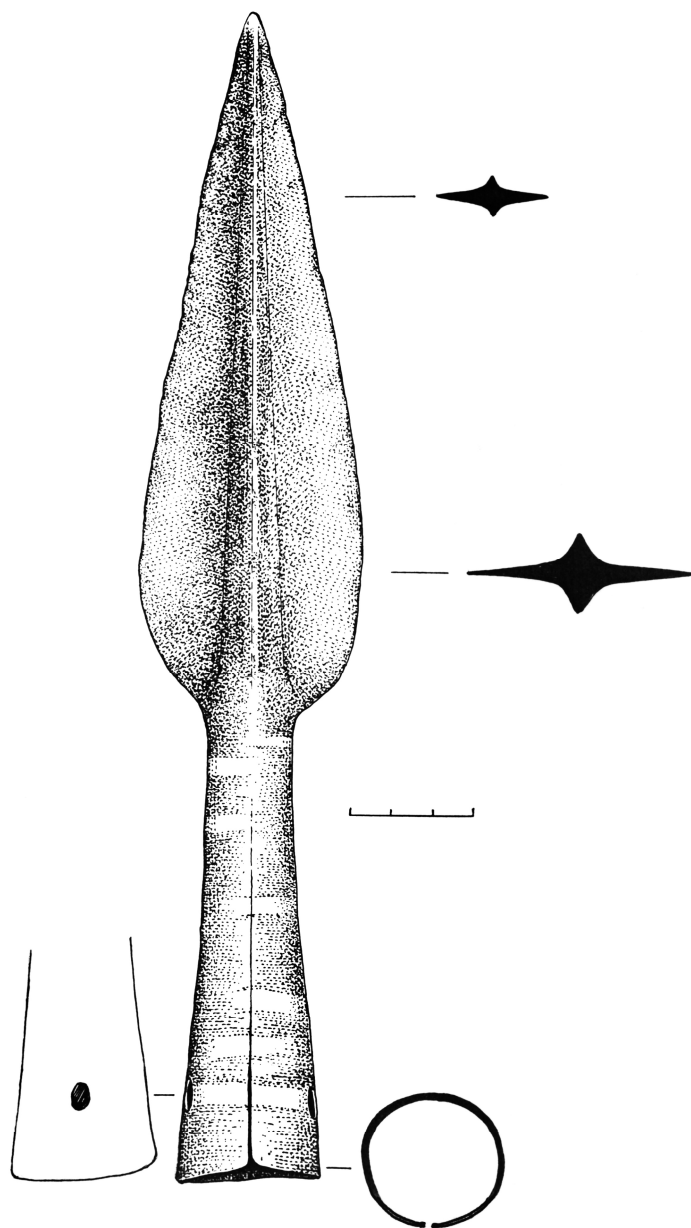

Рис. 20. Наконечник копья из хутора Готовицкого (случайная находка)

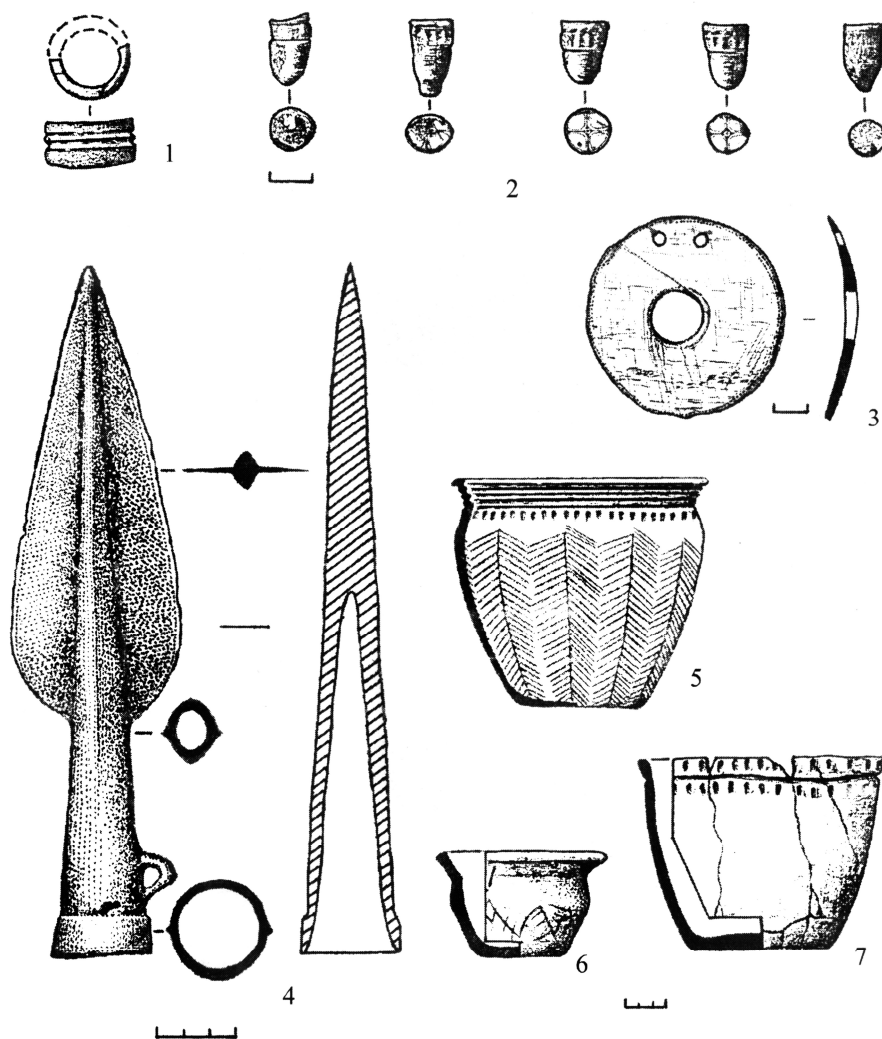

Рис. 21. Воинско-колесничный комплекс из Большой Плавиды (Мельников, 2003).
1-3 – кость; 4 – бронза; 5-7 – керамика

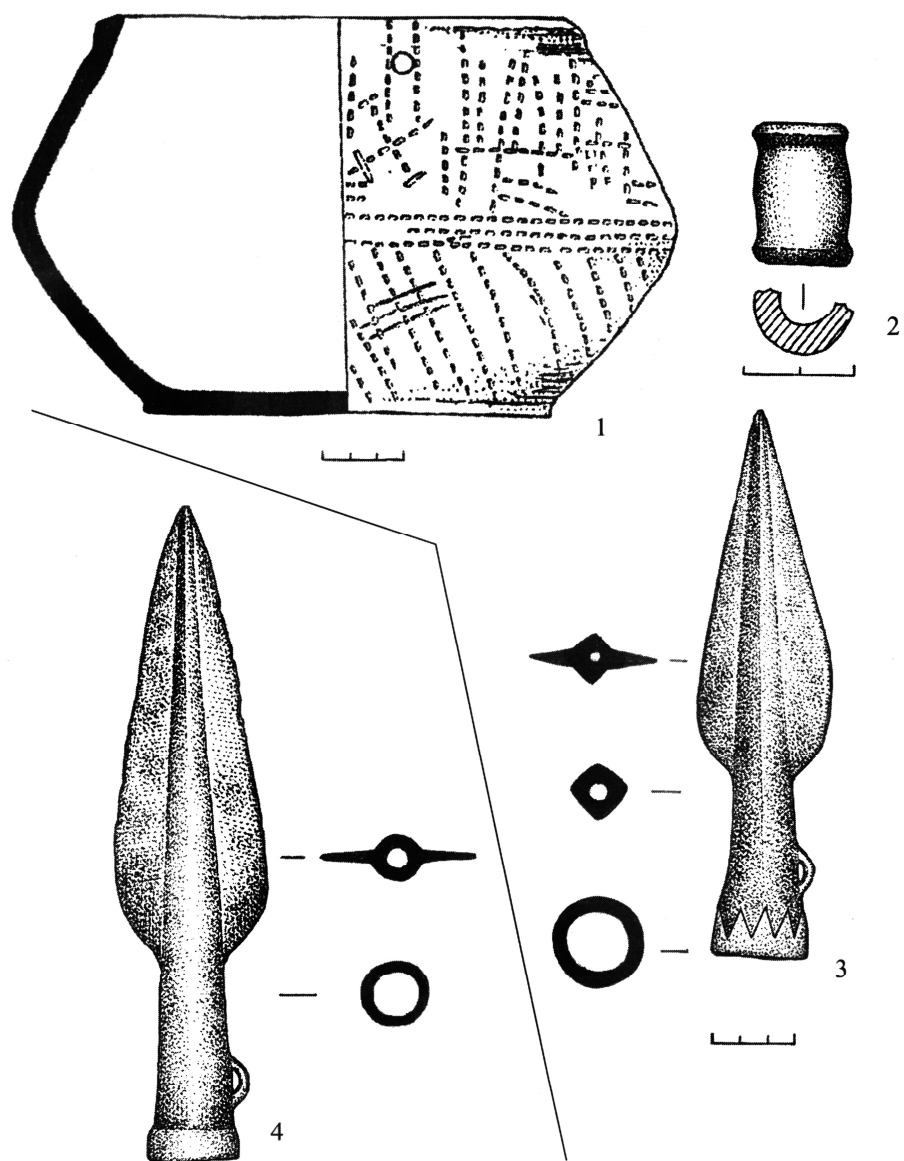

Рис. 22. Воинский комплекс из Карамыша (1-3) и наконечник копья из Благодатного (4).
1 - керамика; 2 - кость; 3, 4 - бронза

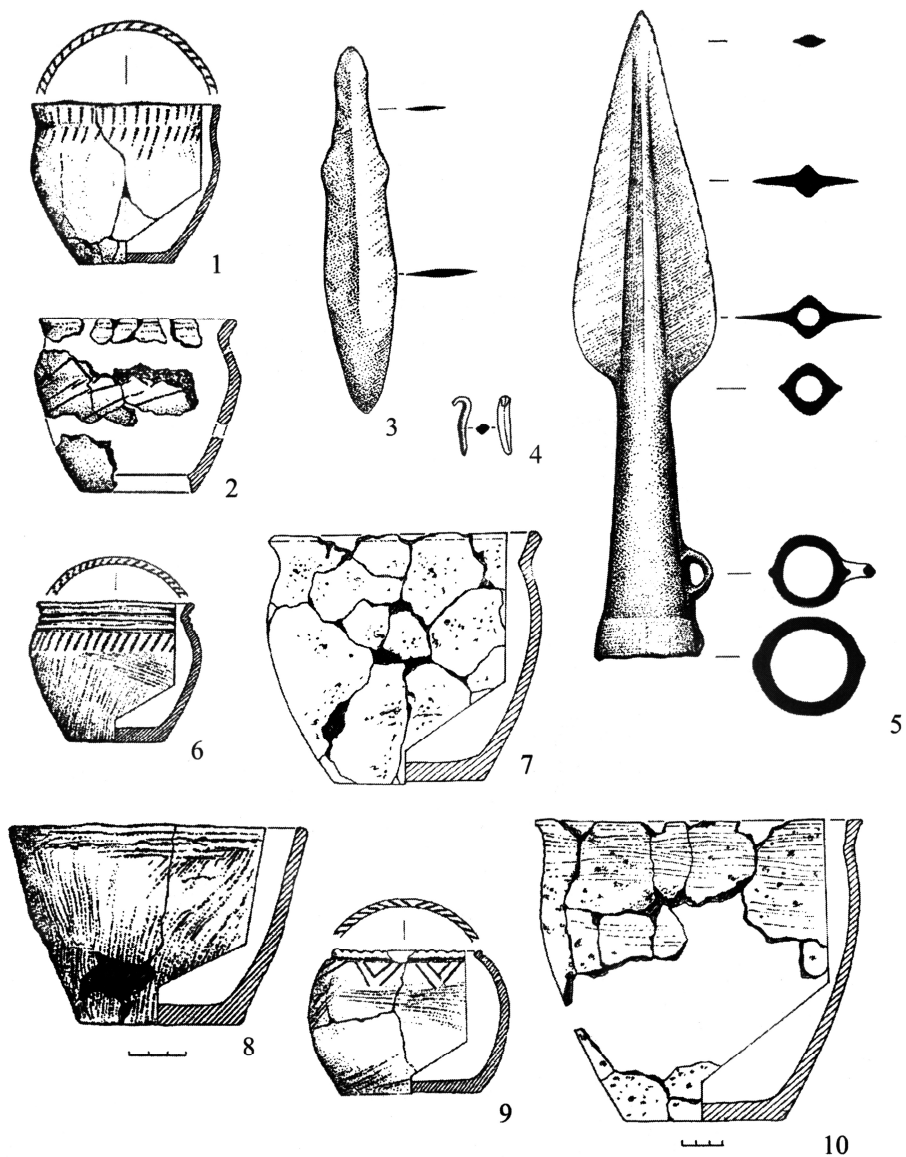

Рис. 23. Воинский комплекс и керамика из Ивановского: 3-5 – бронза; остальное – керамика

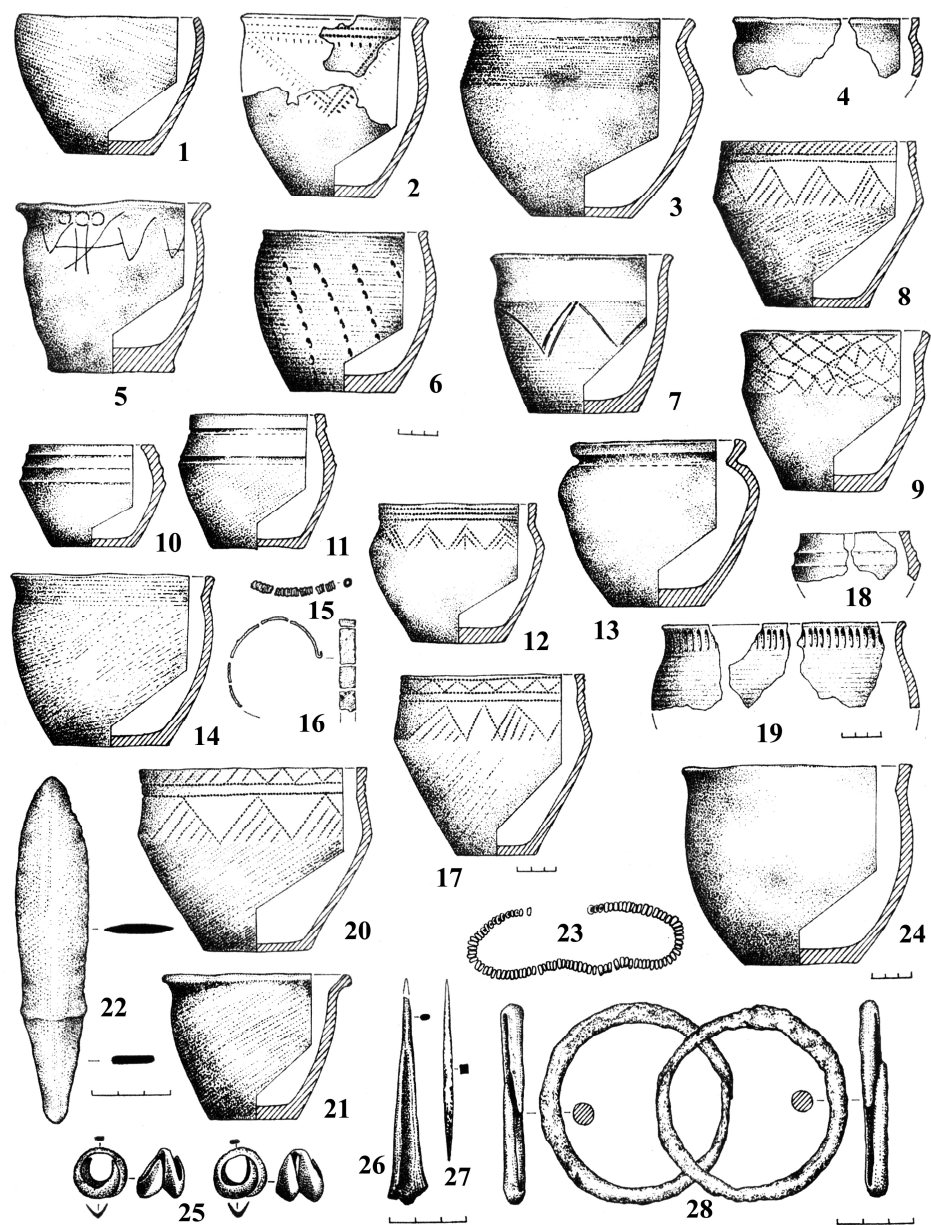

Рис. 24. Бородаевка (Калмыцкая Гора). Материалы из погребений кургана 1:
15, 16, 22, 25, 27, 28 - бронза; 23 - фаянс; 26 - кость; остальное - керамика

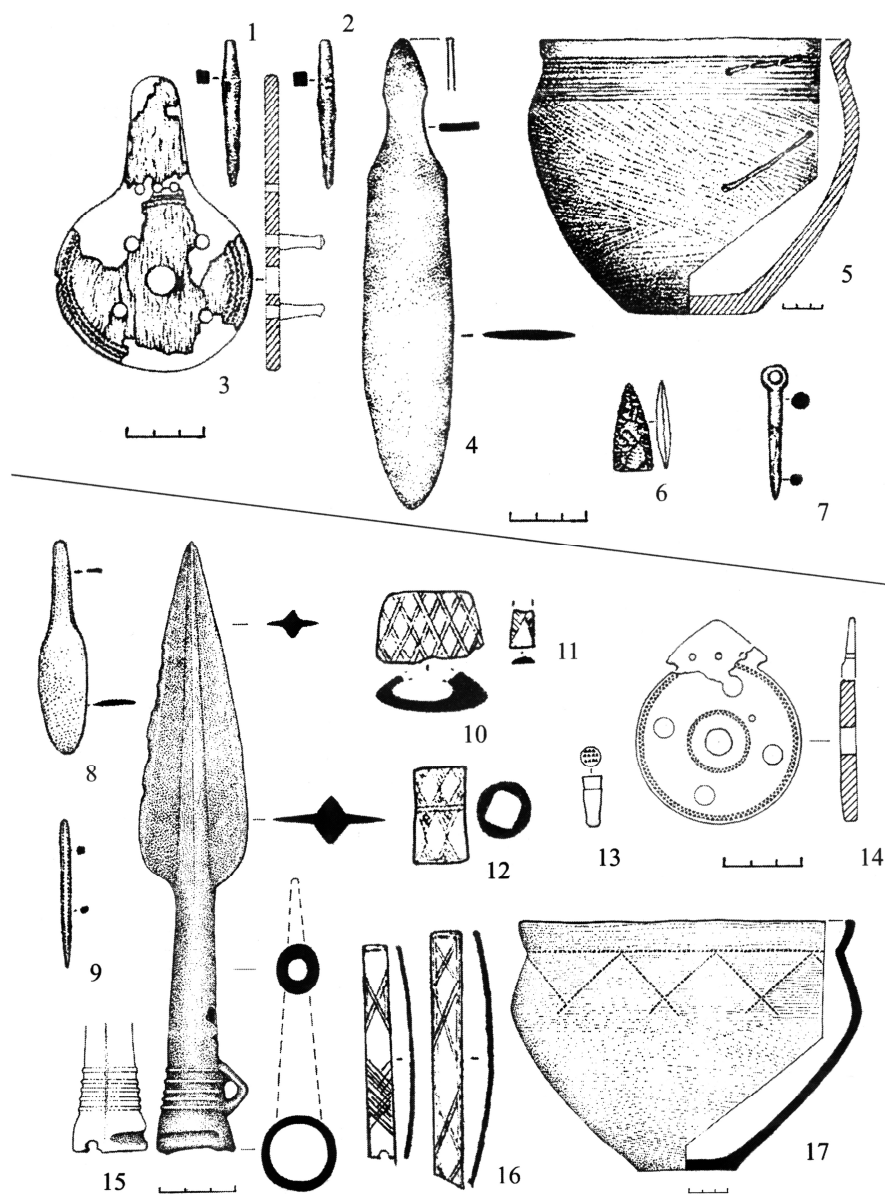

Рис. 25. Воинско-колесничные комплексы из Бородаевки (1-7) и Березовки (8-17).
1, 2, 4, 8, 9, 15 - бронза; 5 - керамика/бронза; 3, 7, 11-14, 16 - кость; 6 - кремнь; 17 - керамика

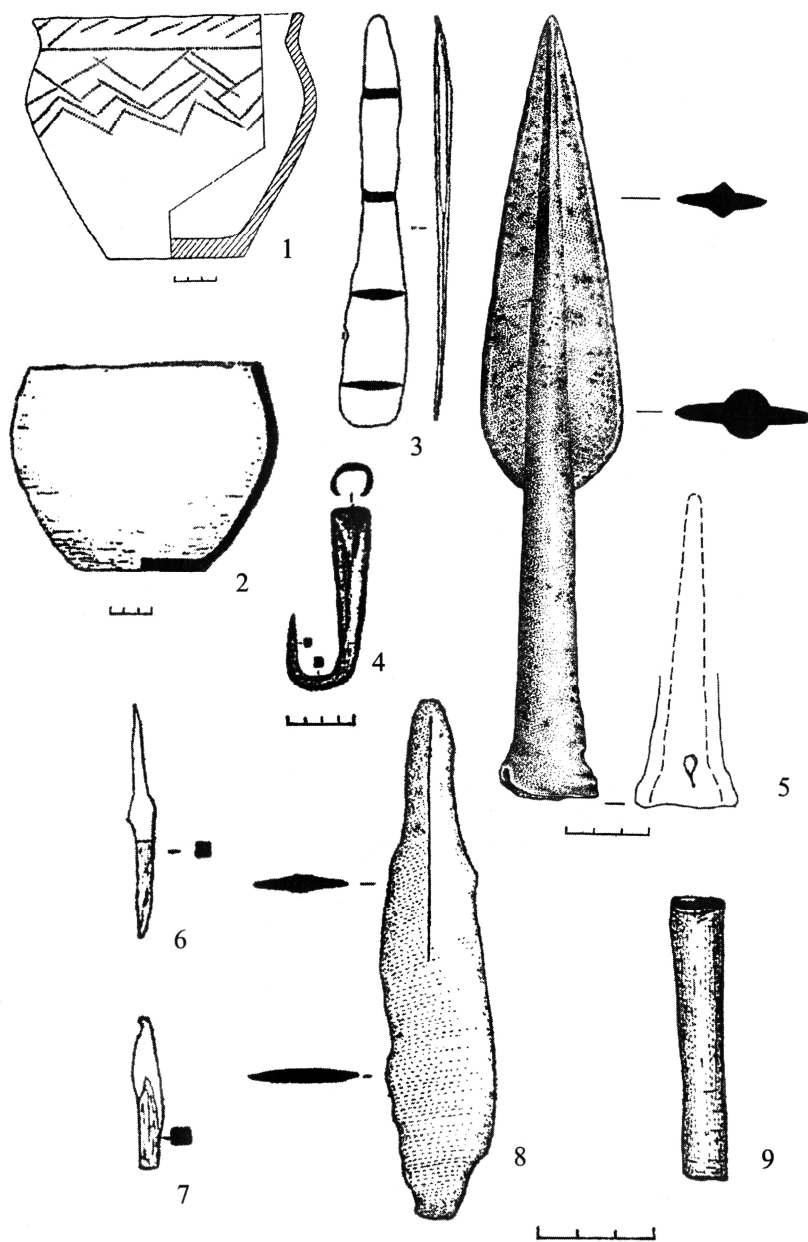

Рис. 26. Воинский комплекс из Медяниково (Малов, 2003):
1, 2 – керамика; 6 – кость; остальное – бронза

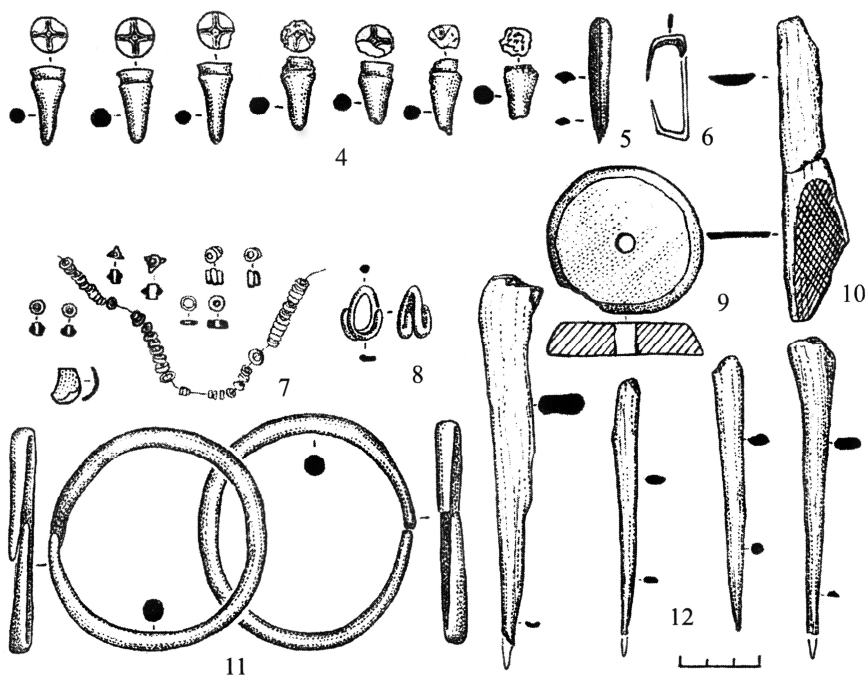
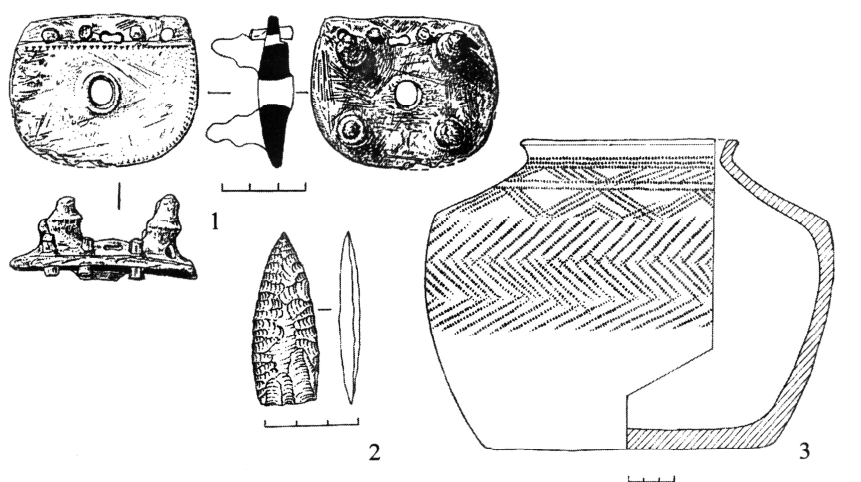

Рис. 27. Колесничные комплексы из Клешевки (1-3) и Сторожовки (4-12):
1 - рог; 2 - кремль; 3 - керамика; 7 - фаянс; 5, 6, 8, 11 - бронза; остальное - кость

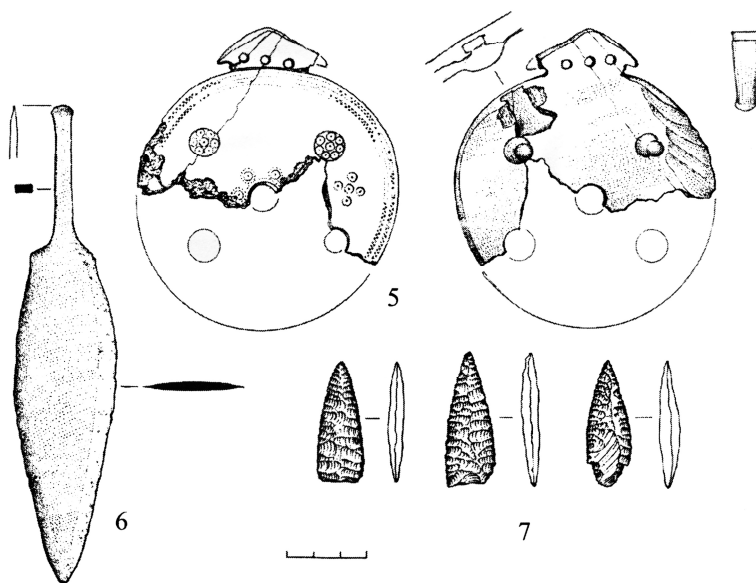
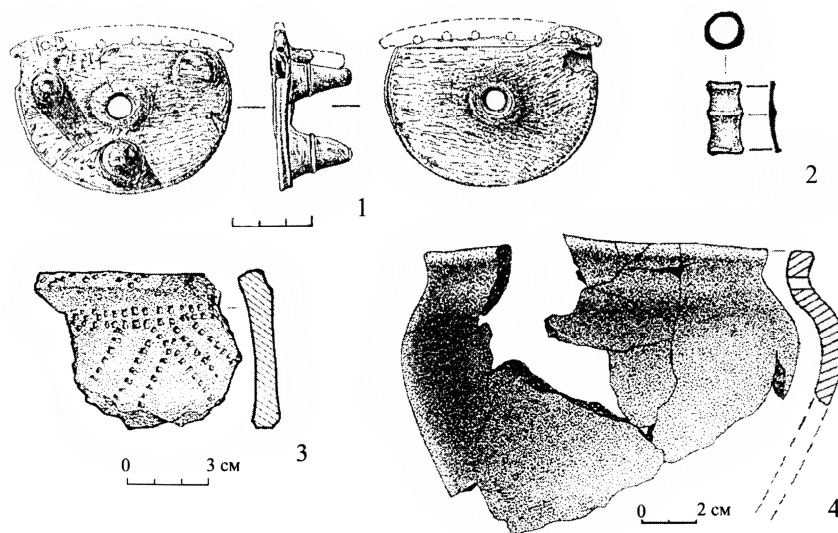

Рис. 28. Колесничные комплексы из Суворовского (1-4) и Идолги (5-7).
1 - рог; 2, 5 - кость; 3, 4 - керамика; 6 - бронза; 7 - кремнь

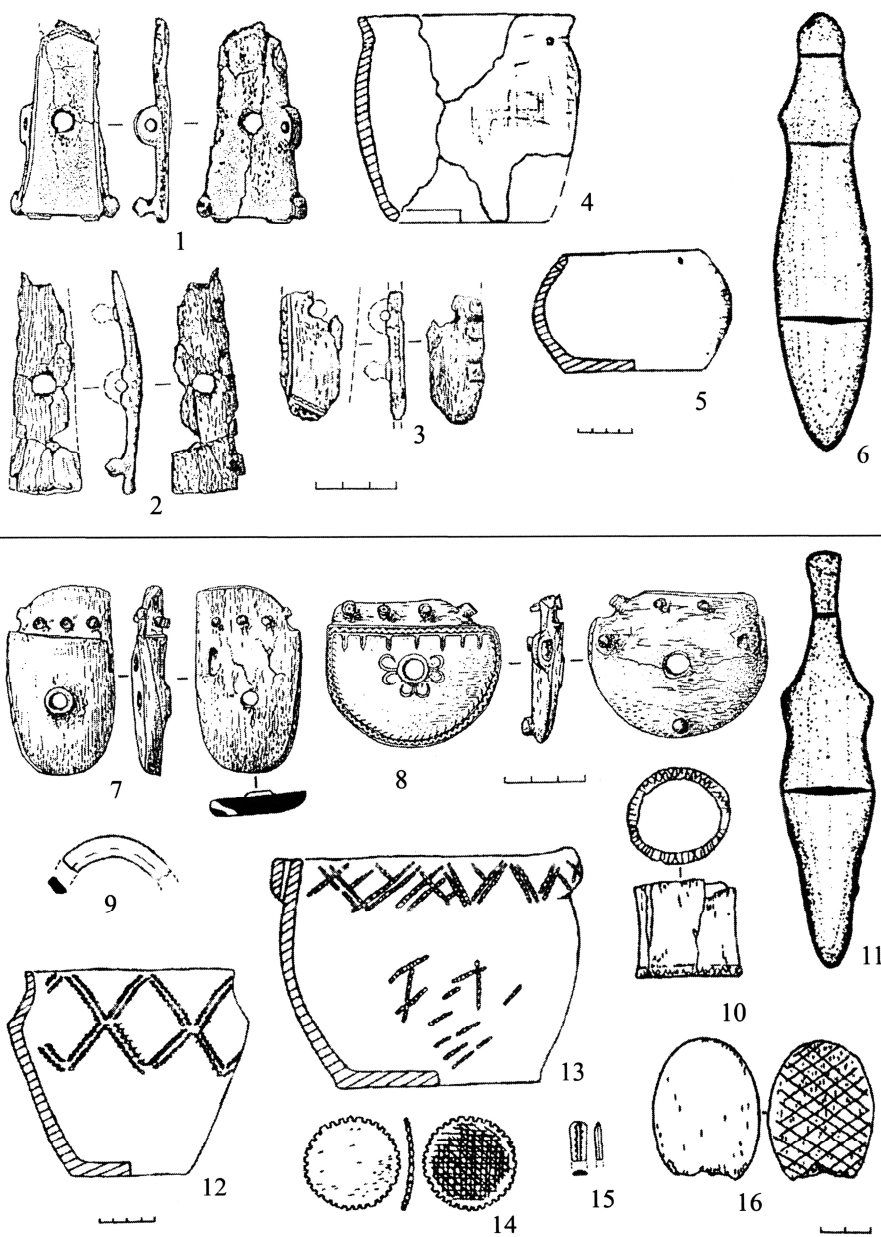

Рис. 29. Колесничные комплексы из Золотой Горы. 4, 5, 12, 13 - керамика;
6, 11 - бронза; остальное - кость

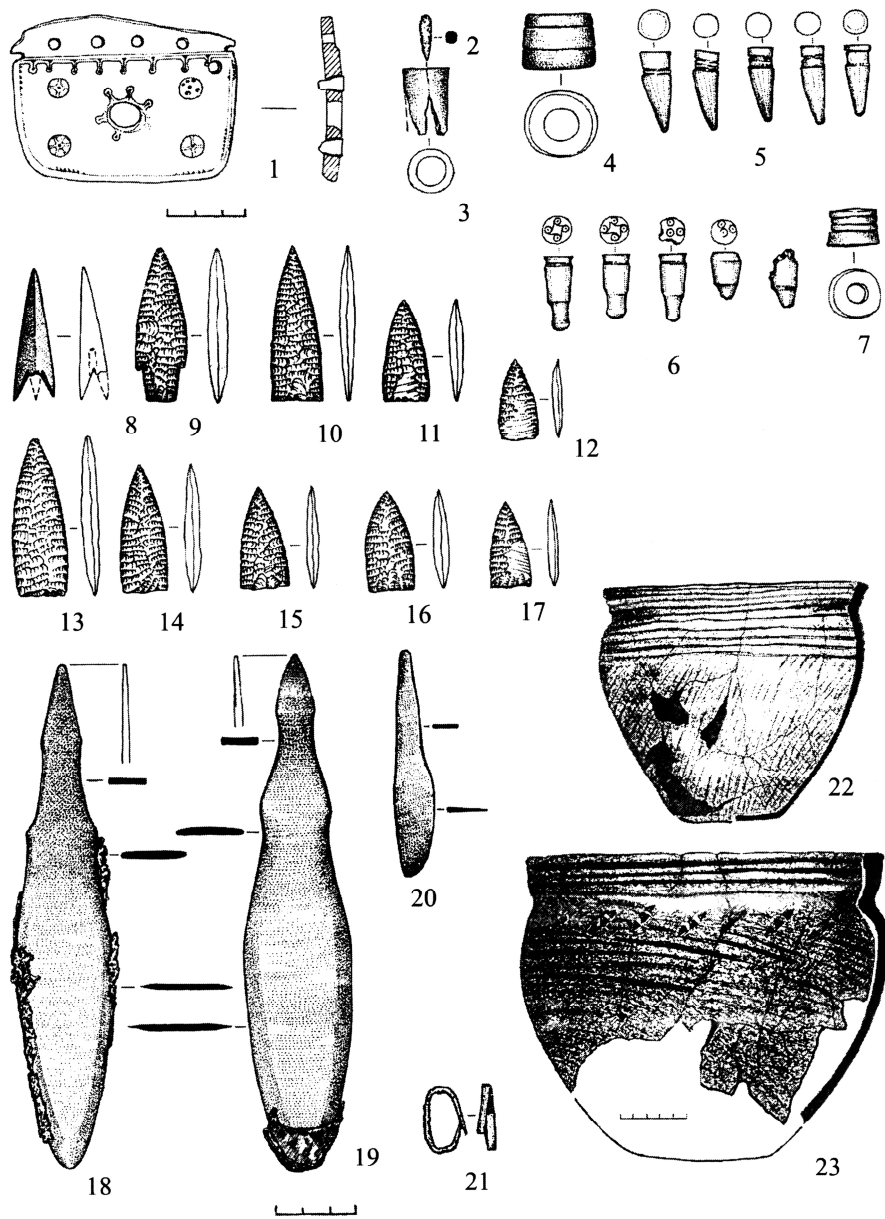

Рис. 30. Колесничный комплекс из Дубового Гая. 2, 18-21 - бронза; 9-17 - кремль; 22, 23 - керамика; остальное - кость

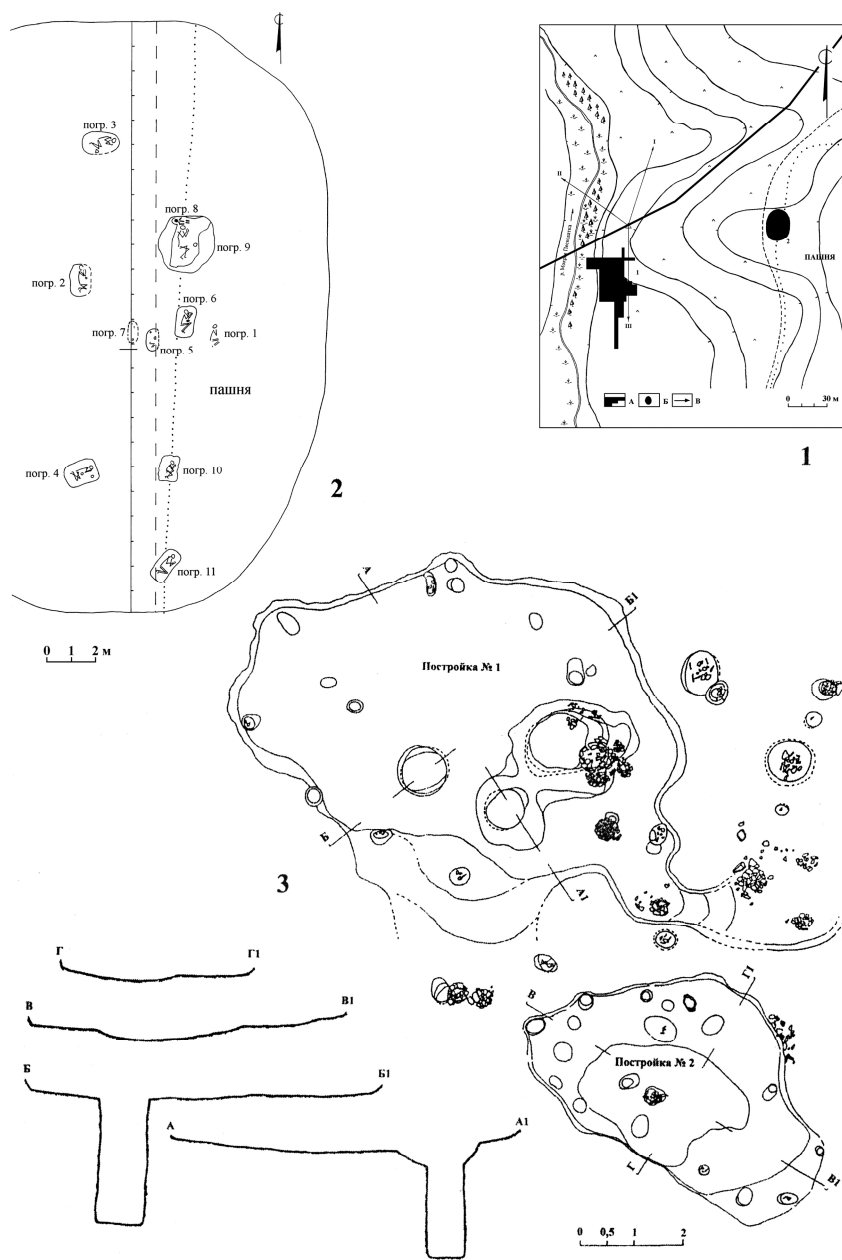

Рис. 31. Поселение и курган на р. Мокрая Песковатка: 1 - план комплекса памятников; 2 - курган; 3 - построечные комплексы с колодцами на поселении

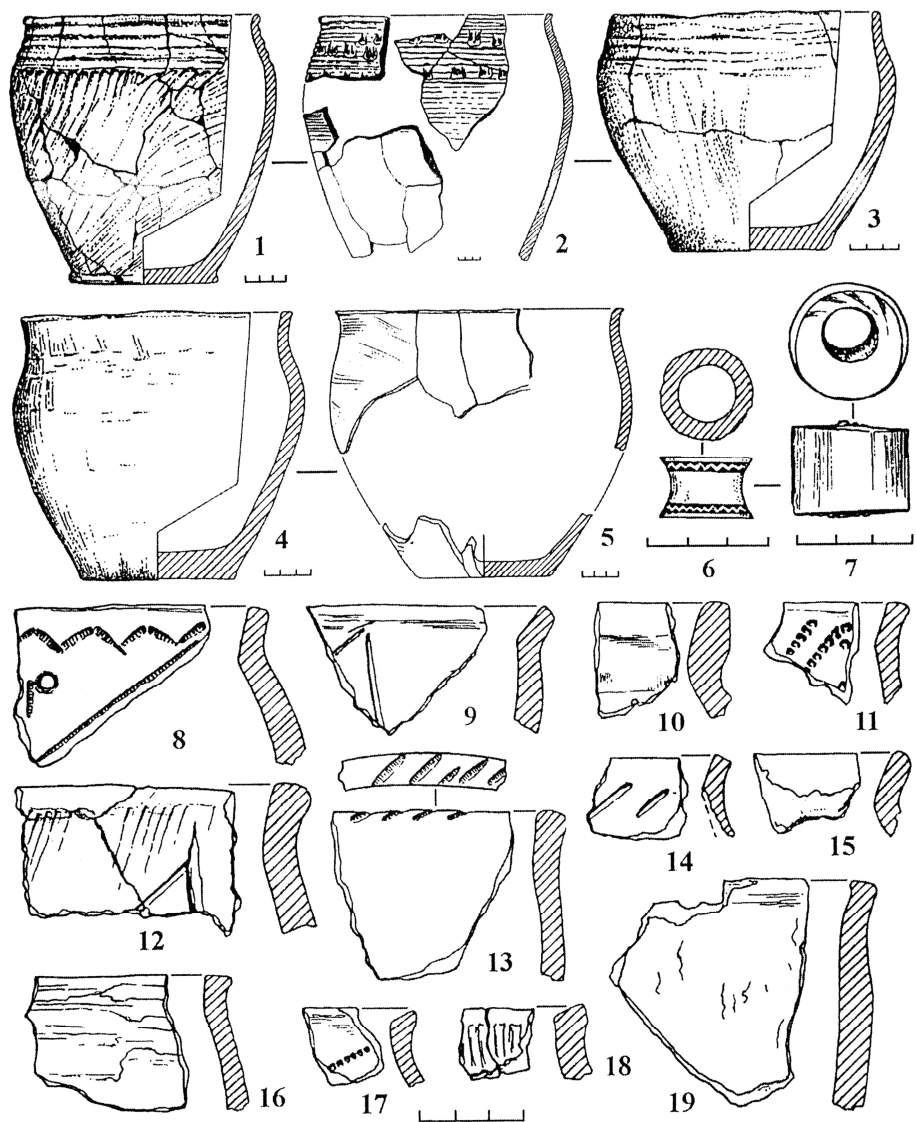

Рис. 32. Материалы поселения и некрополя Мокрой Песковатки (1-7) и керамика покровского типа из культурного слоя (8-19). 6, 7 - кость; остальное - керамика

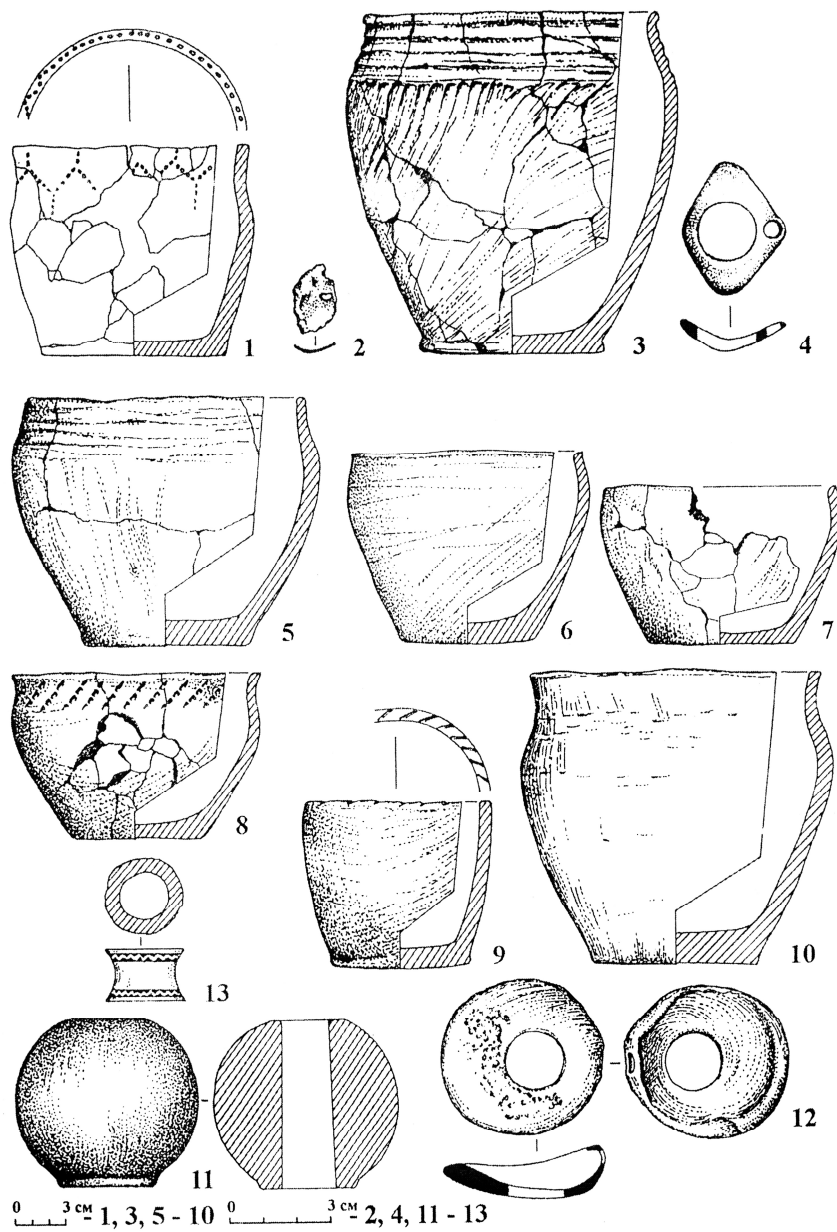

Рис. 33. Материалы из курганного некрополя Мокрой Песковатки. 2 – бронза; 4, 13 – кость; 11 – кальцит; 12 – fossilизованная раковина; остальное – керамика

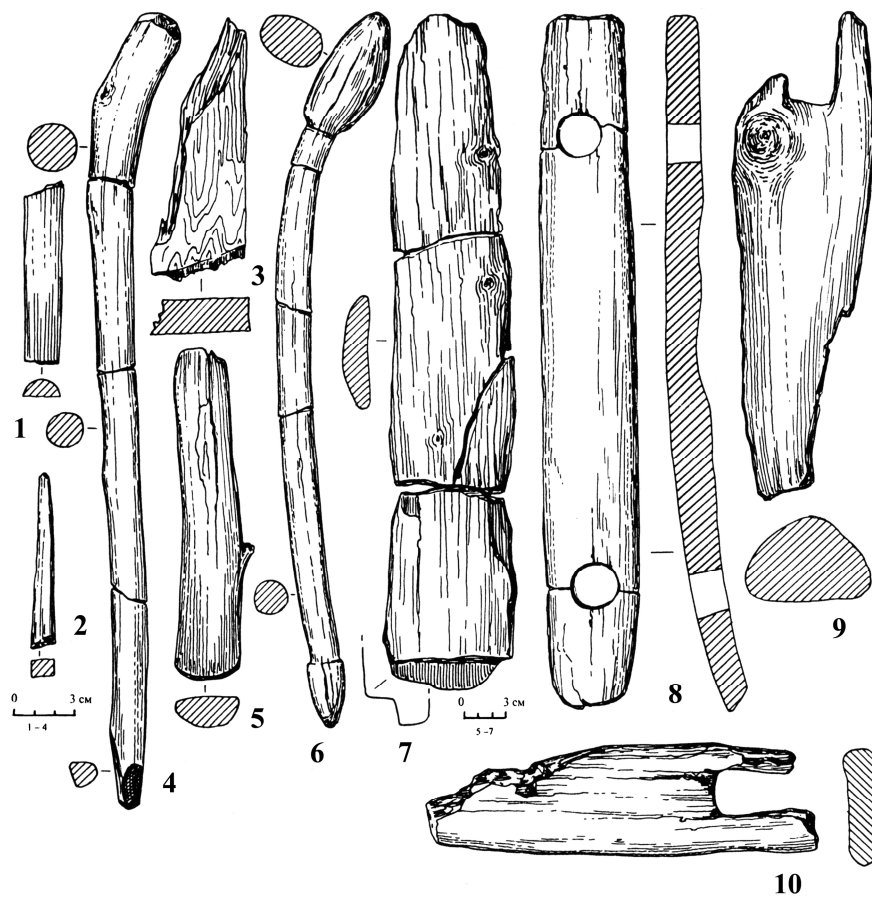

Рис. 34. Деревянные изделия из колодцев Мокрой Песковатки

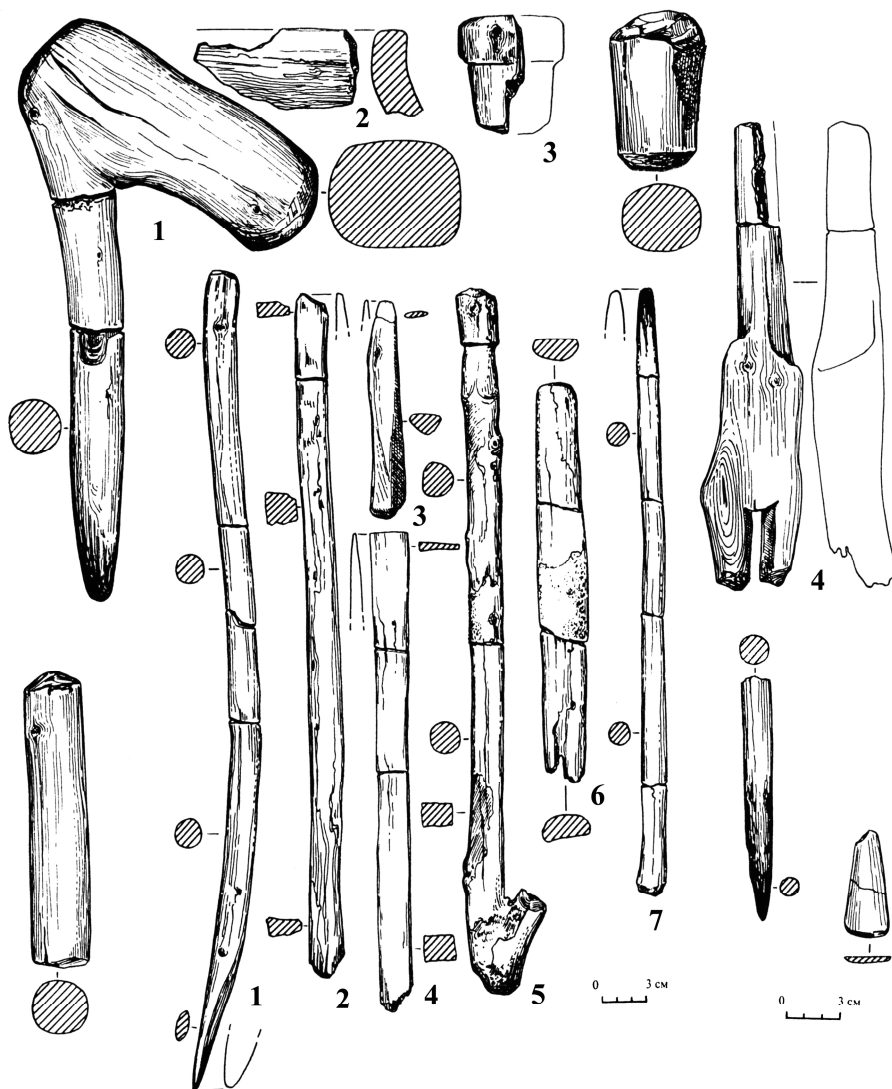

Рис. 35. Деревянные изделия из колодцев Мокрой Песковатки

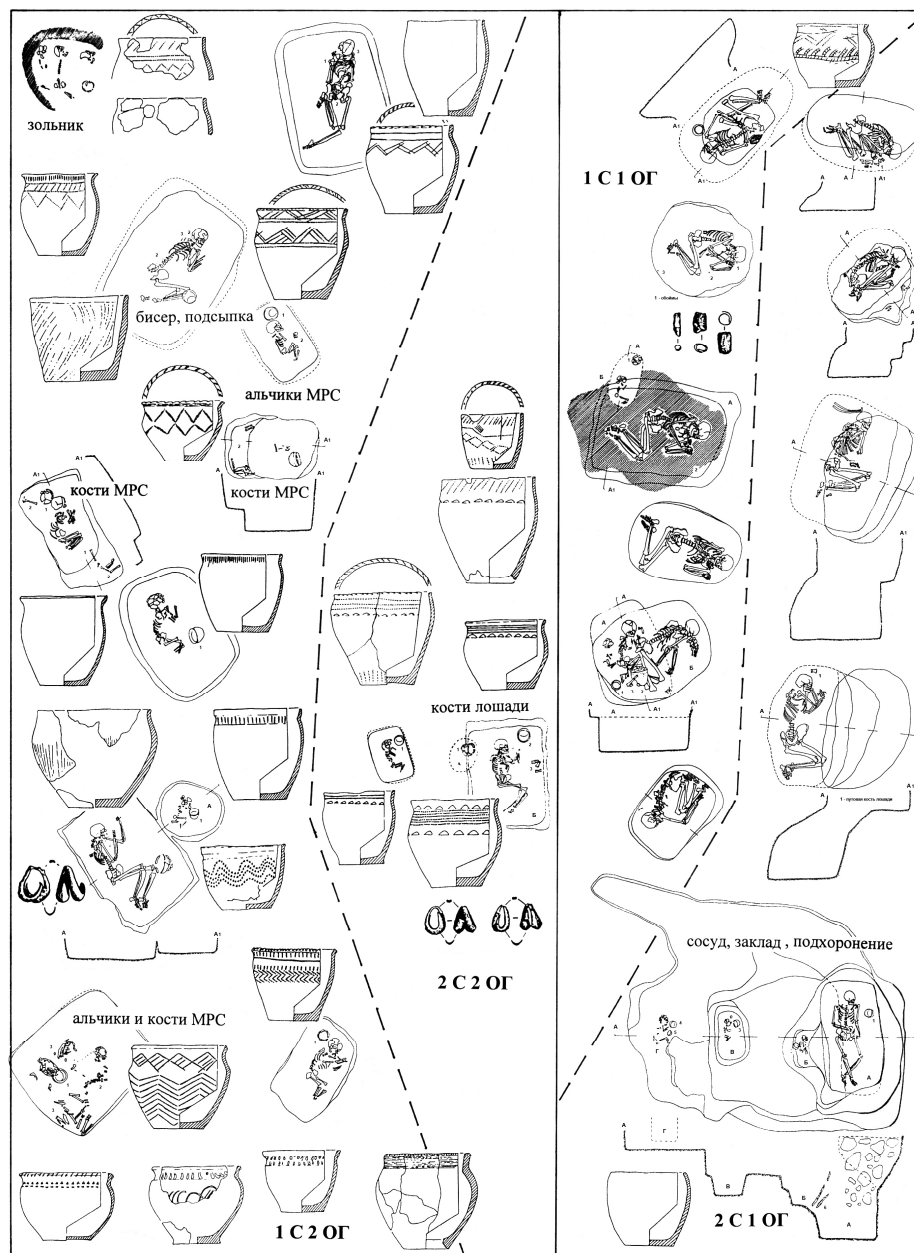

Рис. 36. Материалы 1 и 2 обрядовых групп Смеловского могильника

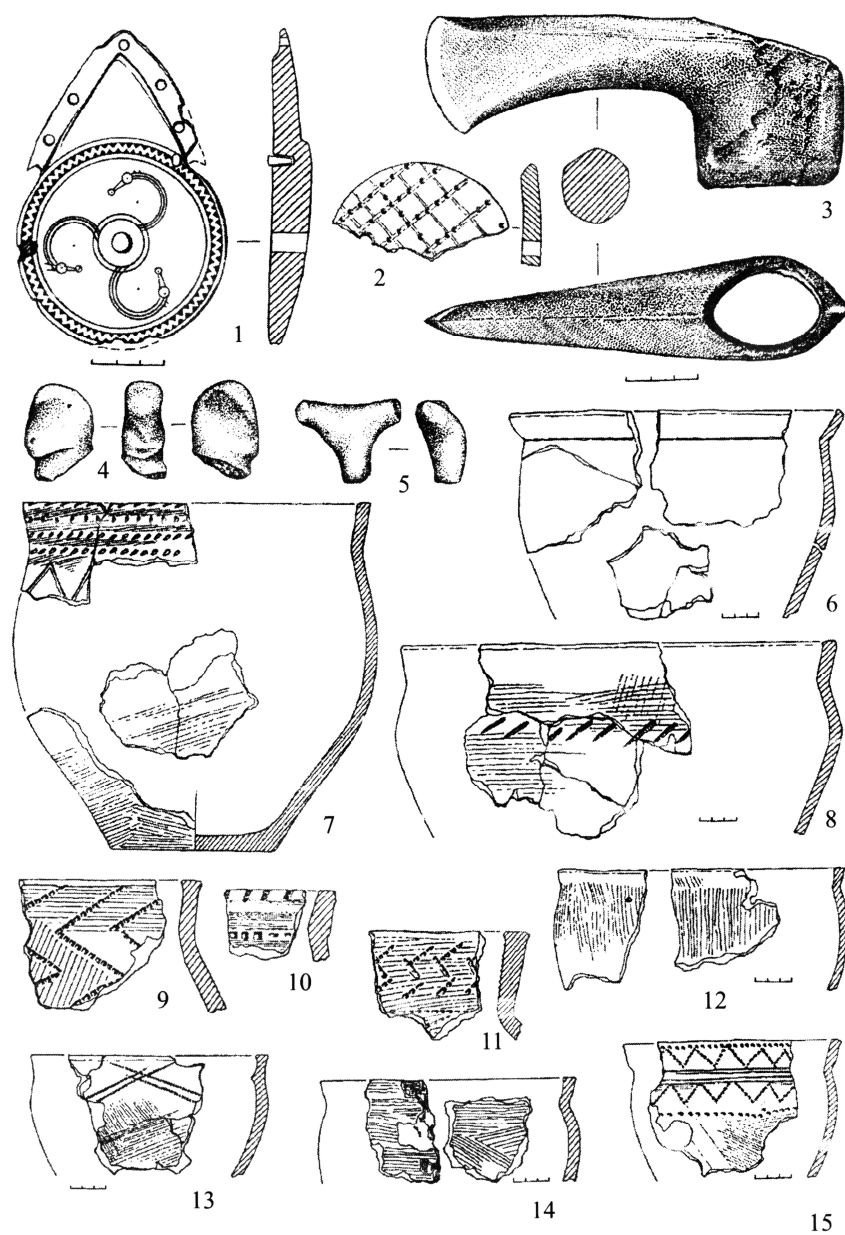

Рис. 37. Псковские материалы и дисковидный бесшипный псалий из Нижней Красавки.
1 - кость; 3 - бронза; 4, 5 - песчаник; остальное - керамика

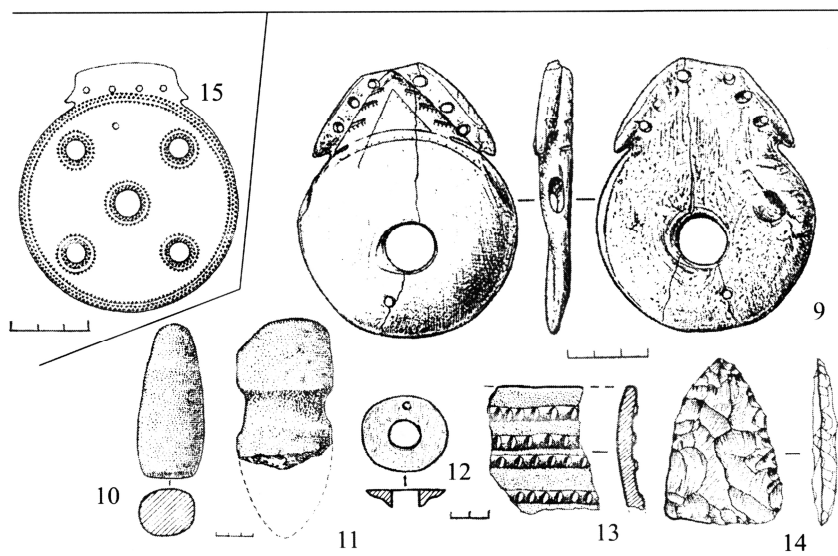
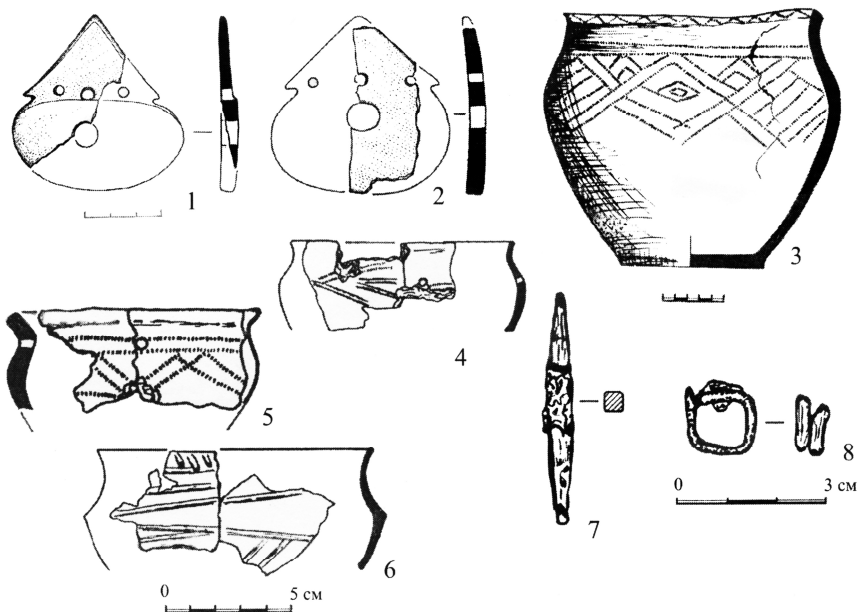

Рис. 38. Комплексы с дисковидными псалями из Сторожовки (1-8), Полян (9-14) и Старицкого (15). 1, 2, 9, 15 - рог; 12 - кость; 10, 11 - диорит; 14 - кварцит; 7, 8 - бронза; остальное керамика

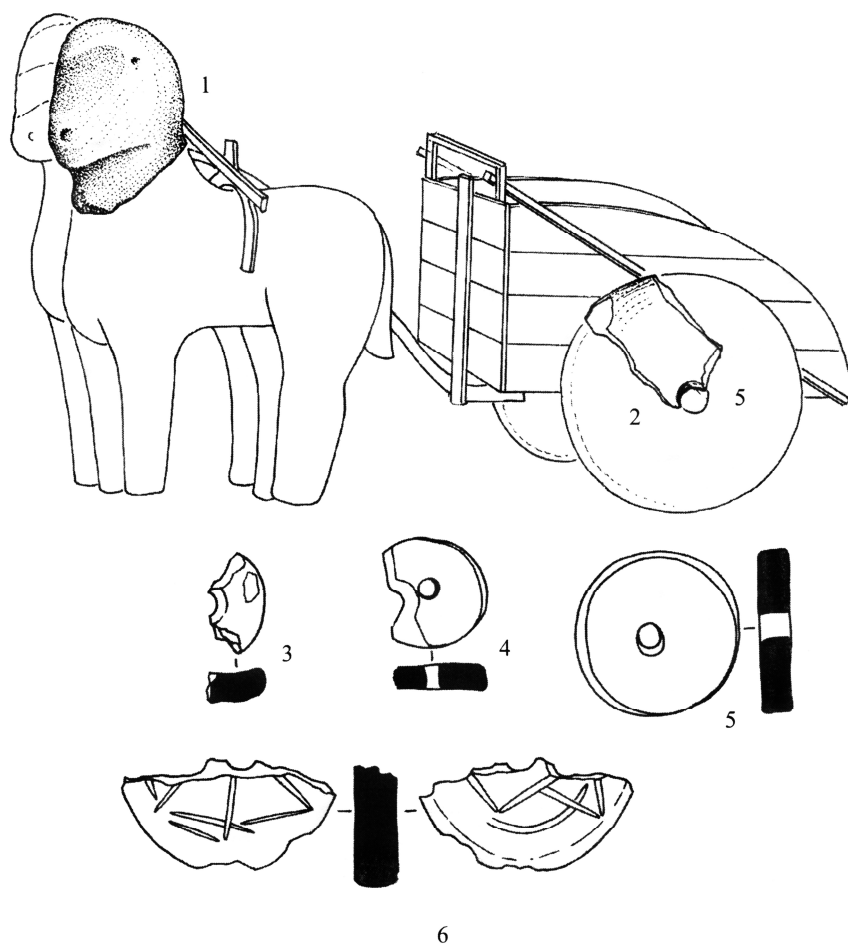

Рис. 39. Материалы к модели вотивной упряжки

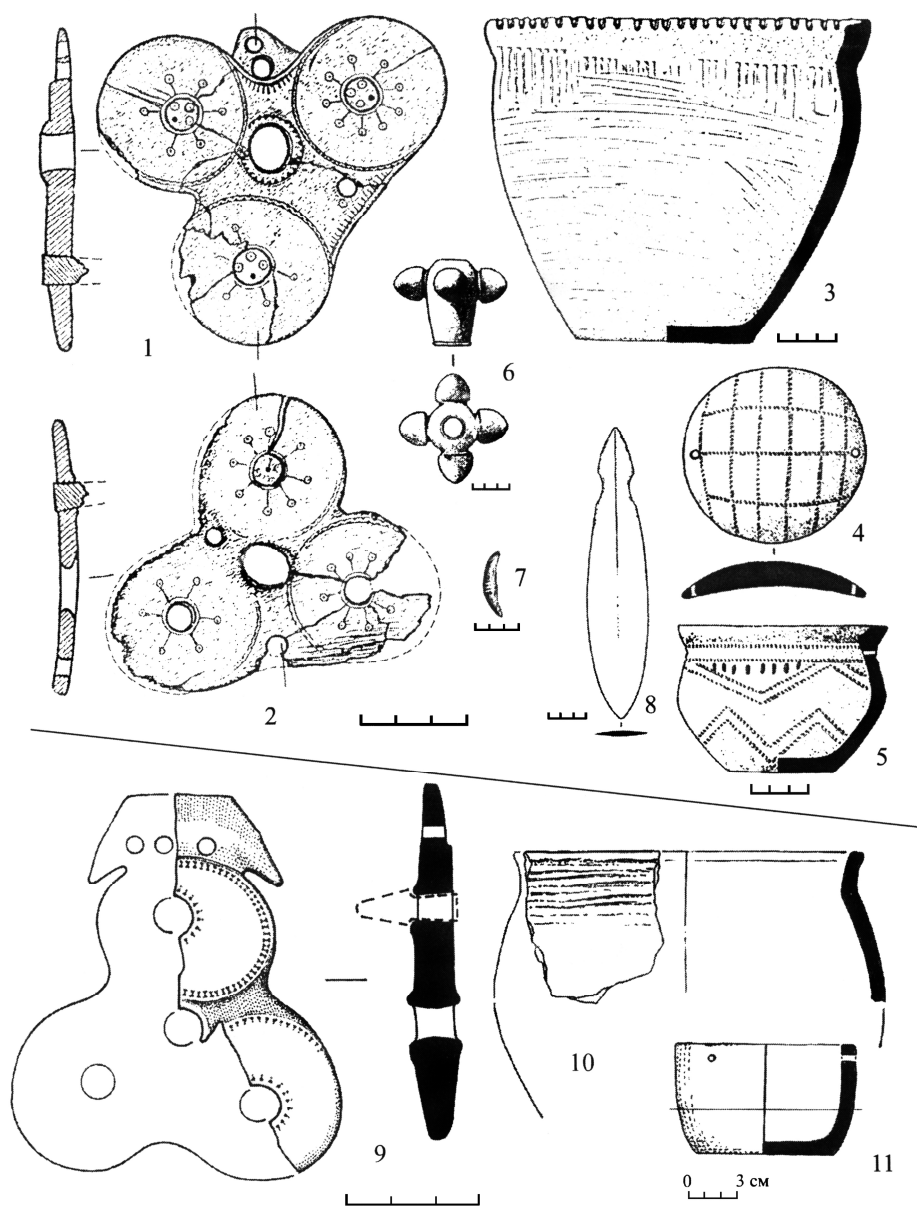

Рис. 40. Колесничные комплексы из Баранниковского (1-8) и Тарумовки (9-11). 1, 7 - кость; 9 - рог; 6 - серпентинит; 8 - бронза; остальное - керамика

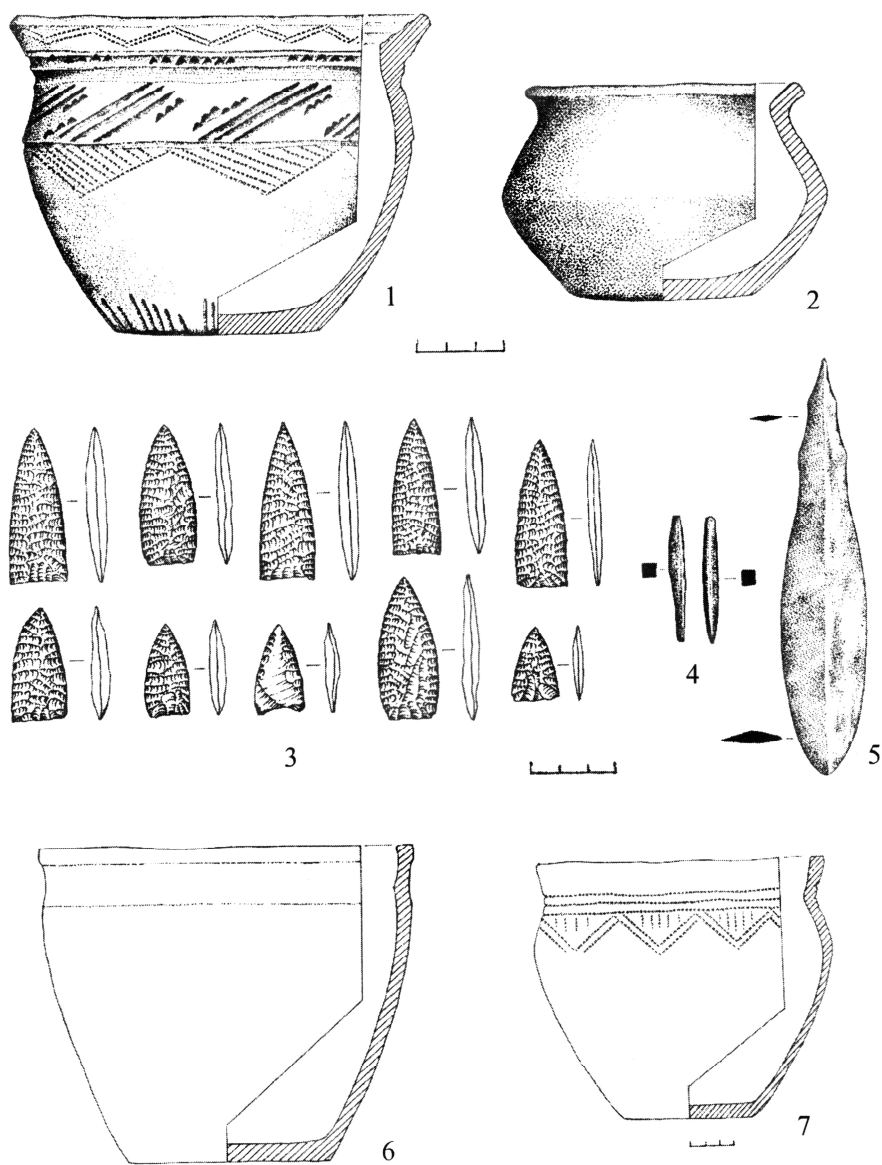

Рис. 41. Воинский комплекс из Скатовки. 3 - кремь; 4, 5 - бронза; остальное - керамика

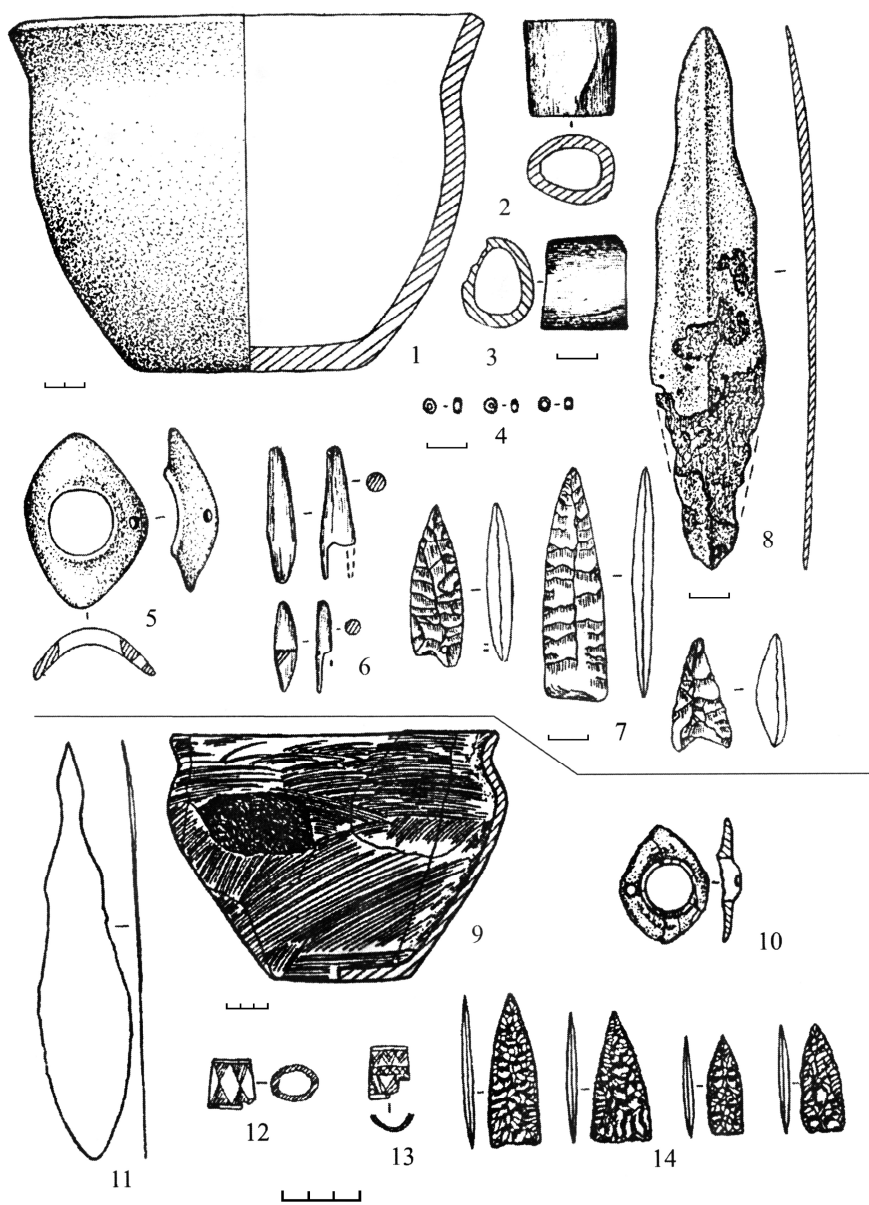

Рис. 42. Воинские комплексы из Линево. 1, 9 – керамика; 4 – фаянс; 8, 11 – бронза; 7, 14 – кремль; остальное – кость

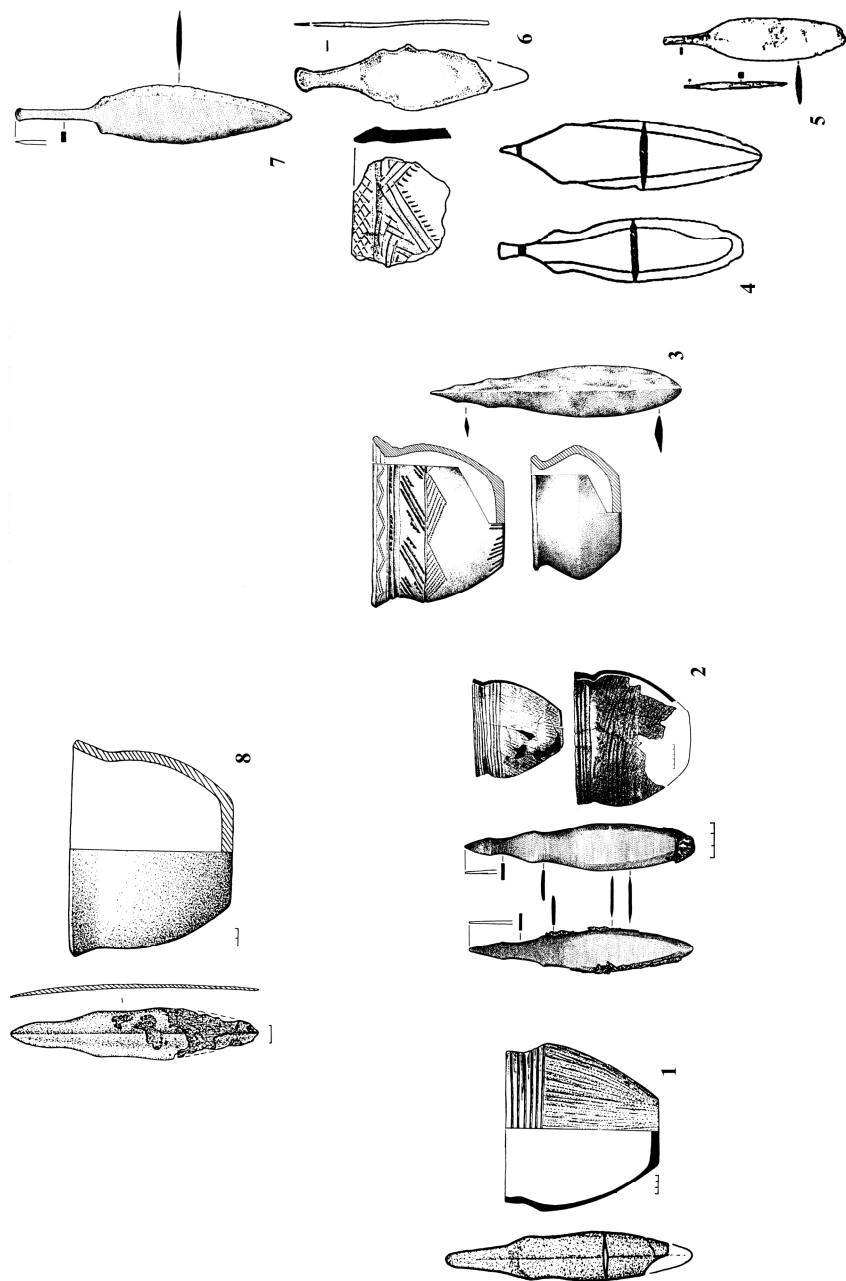

Рис. 43. Начало эпохи поздней бронзы. Ранние комплексы с ножами-кинжалами: 1 – Кондрашкино; 2 – Дубовый Гай; 3 – Скаговка; 4 – Пещера Братъев Греше; 5 – Светлое Озеро; 6 – Токсанбай; 7 – Идолга; 8 – Линево

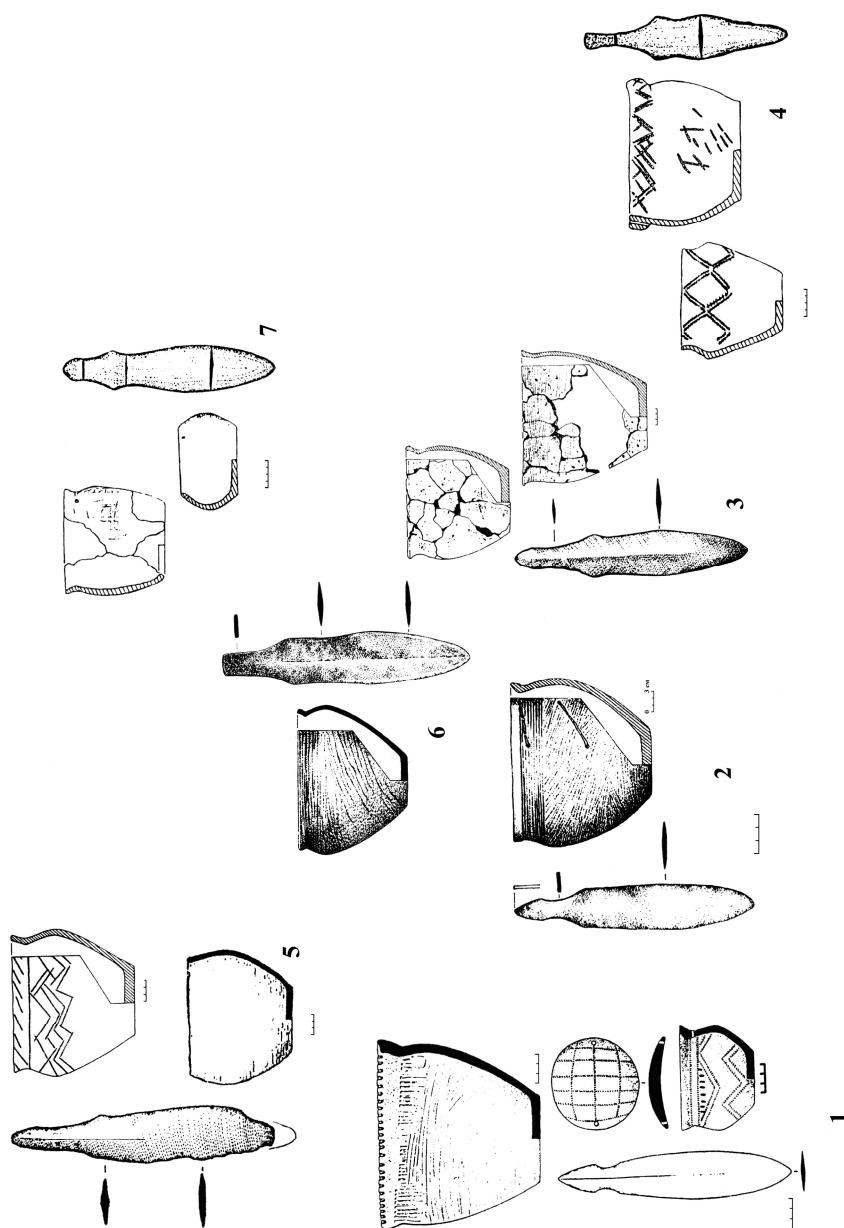

Рис. 44. Начало эпохи поздней бронзы. Поздние комплексы с ножами-кинжалами: 1 – Баранниковский; 2 – Бородаевка; 3 – Ивановский; 4 – Золотая Гора; 5 – Медяниково; 6 – Покровск (7/3); 7 – Золотая Гора

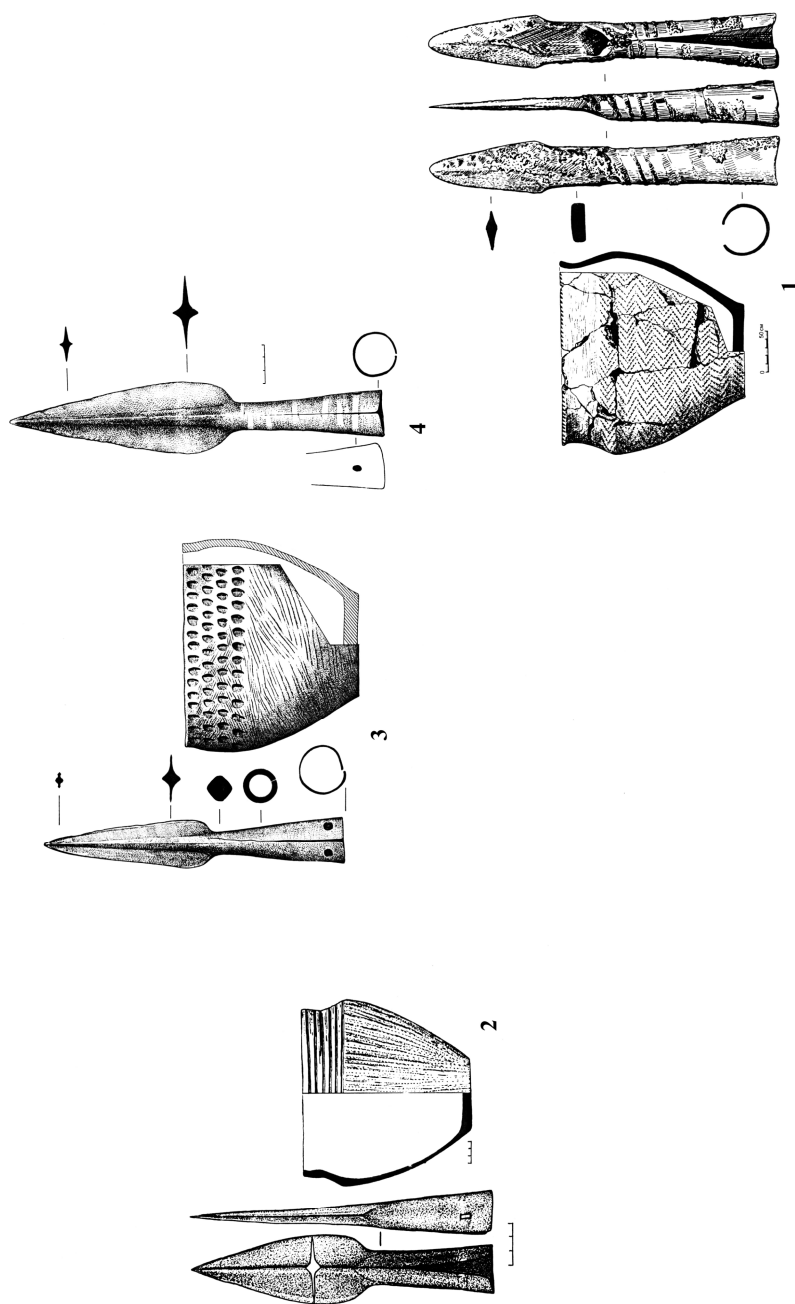

Рис. 45. Начало эпохи поздней бронзы. Ранние комплексы с наконечниками копий: 1 – Сторожовка; 2 – Кондрашкино; 3 – Покровск (15/2); 4 – Готовицкий

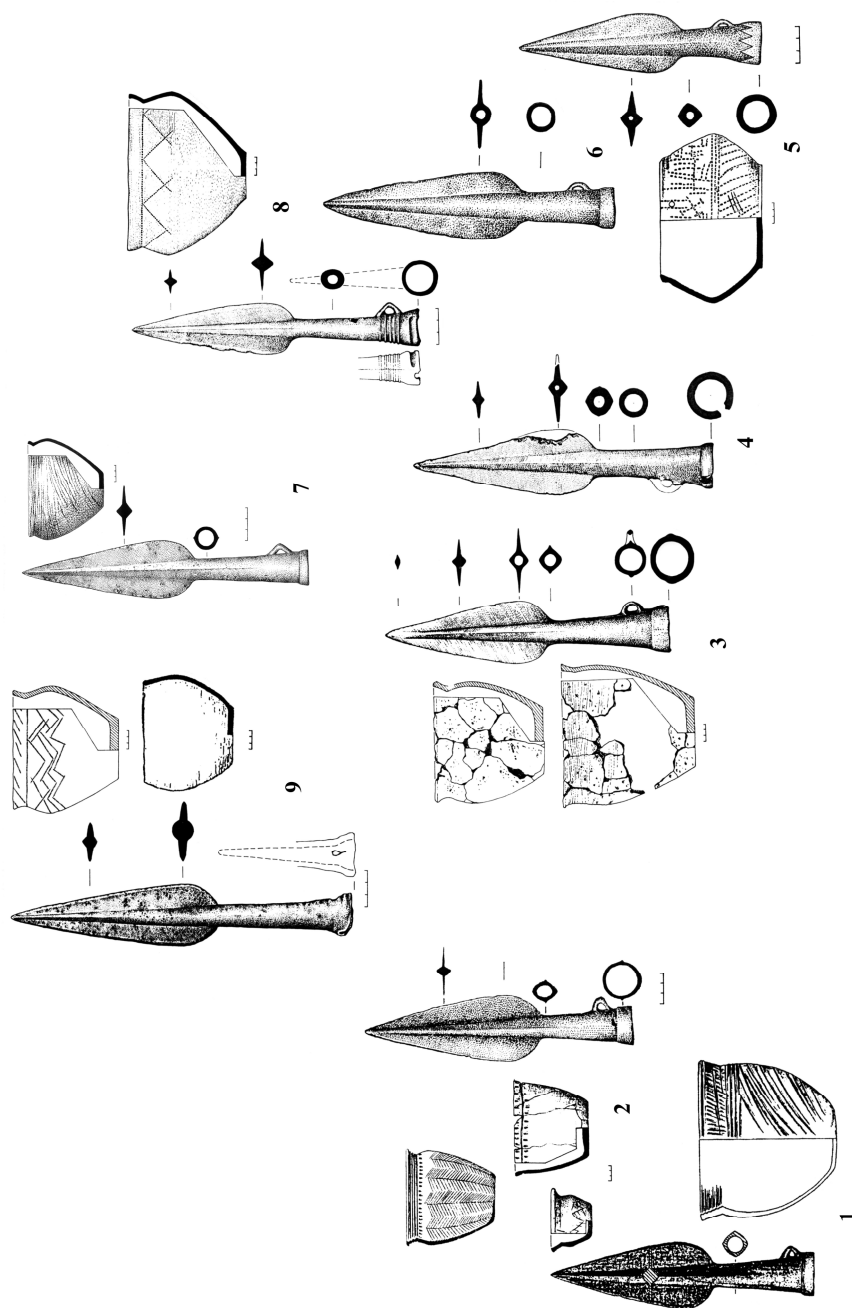

Рис. 46. Начало эпохи поздней бронзы. Поздние комплексы с наконечниками копий: 1 – Селезни 2 (п. 3); 2 – Большая Плавича; 3 – Ивановский; 4 – Покровск (8/1); 5 – Карамыш; 6 – Благодатное; 7 – Покровск (7/3); 8 – Березовка; 9 – Мелянниково

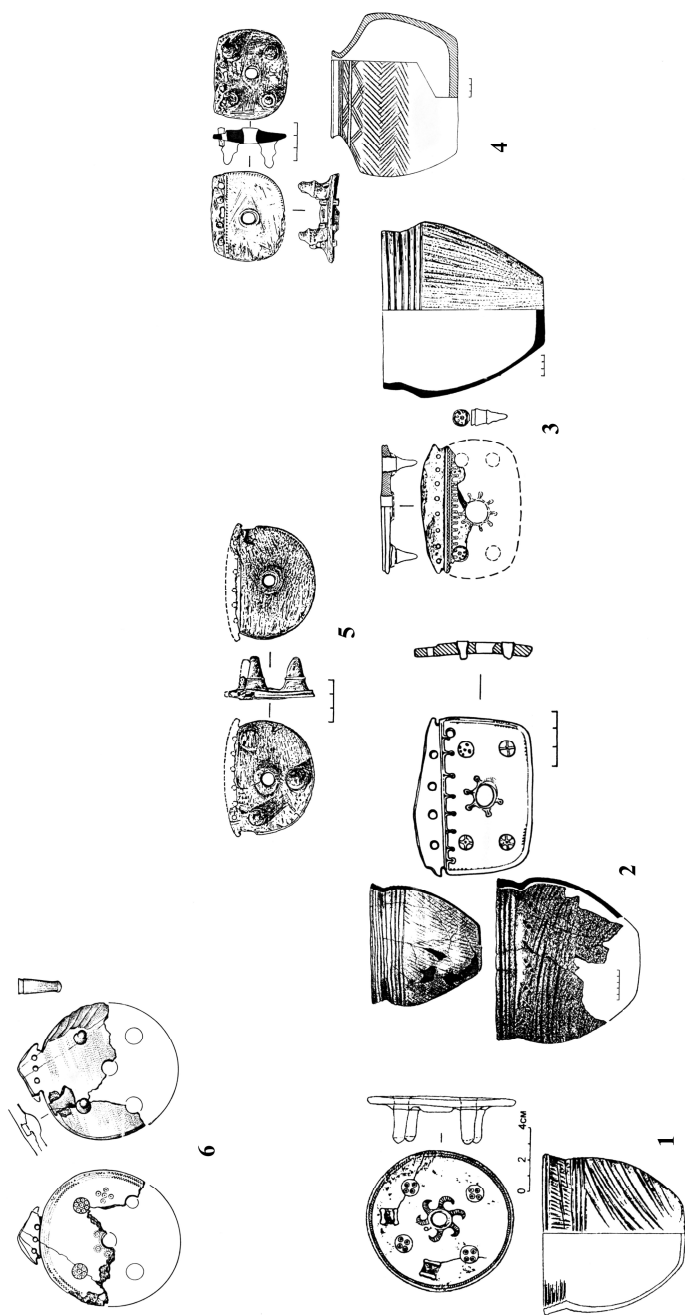

Рис. 47. Начало эпохи поздней бронзы. Ранние комплексы с дисковидными псаллиями: 1 – Селезни 2 (п. 3); 2 – Дубовый Гай; 3 – Кондрашкино; 4 – Клещевка; 5 – Суворовский; 6 – Идолга

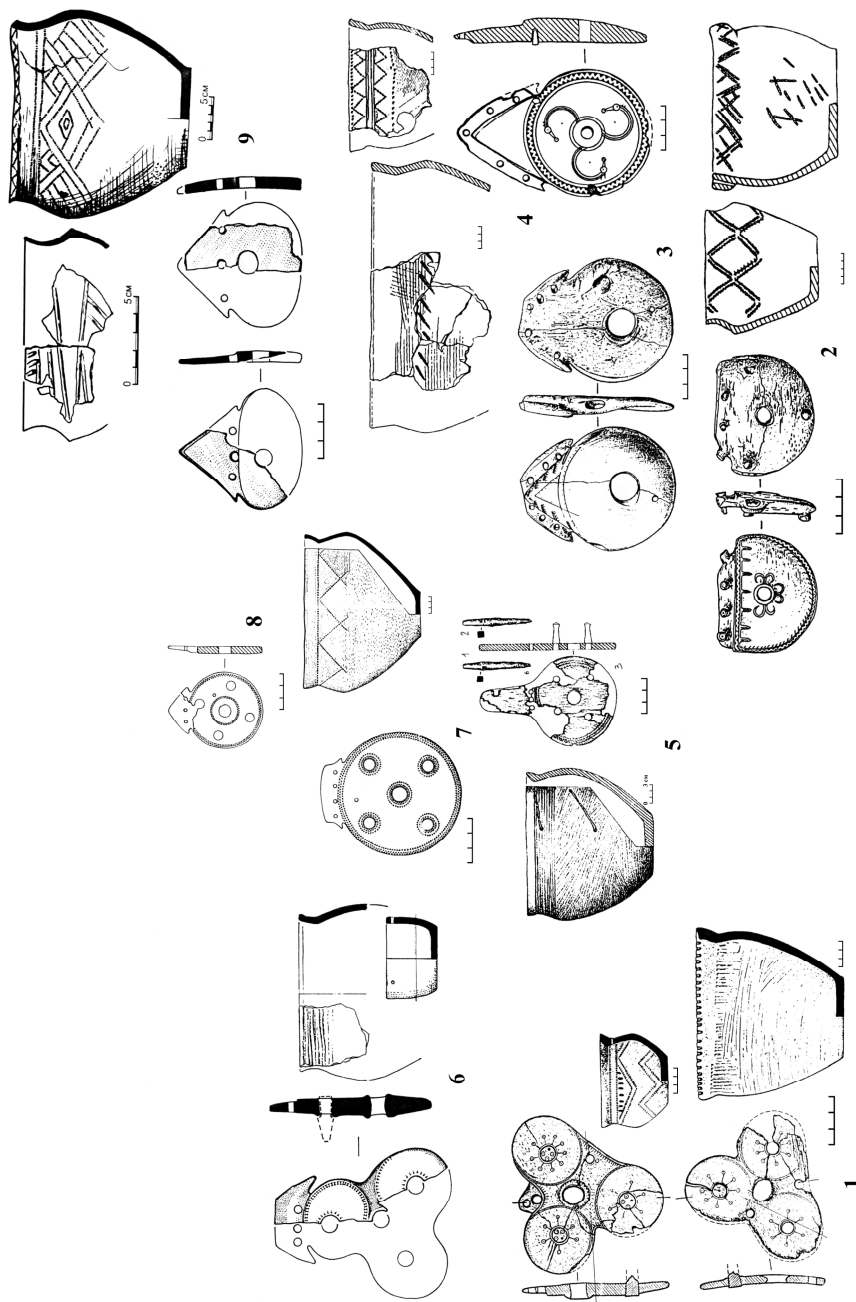

Рис. 48. Начало эпохи поздней бронзы. Поздние комплексы с дисковидными псалмами: 1 – Баранниковский; 2 – Золотая Гора; 3 – Поляны; 4 – Нижняя Красавка 2; 5 – Бородаевка; 6 – Тарумовка; 7 – Старичское; 8 – Березовка; 9 – Сторожовка

ИЛЛЮСТРАЦИИ

период	этап	постройки	керамика		инвентарь
			местная	инокульт. и реликтовая	
раннесрубный	начальная фаза становления				

Рис. 49. Динамика раннесрубных поселений: 1, 8-13, 21-25 - Чапаевка 2; 2, 4-7, 14, 15, 19, 20 - Березовка; 16, 17 - Прапорский Бугор; 3, 18 - Теликовка; 26 - Алгата 18; 27 - Ружьевка; 28-37 - Трумбихий Лог; 38-50 - Преображенка. 18 - известняк; 21, 36 - кремьень; 19, 20, 27, 48 - бронза; 35, 49 - кость; остальное - керамика

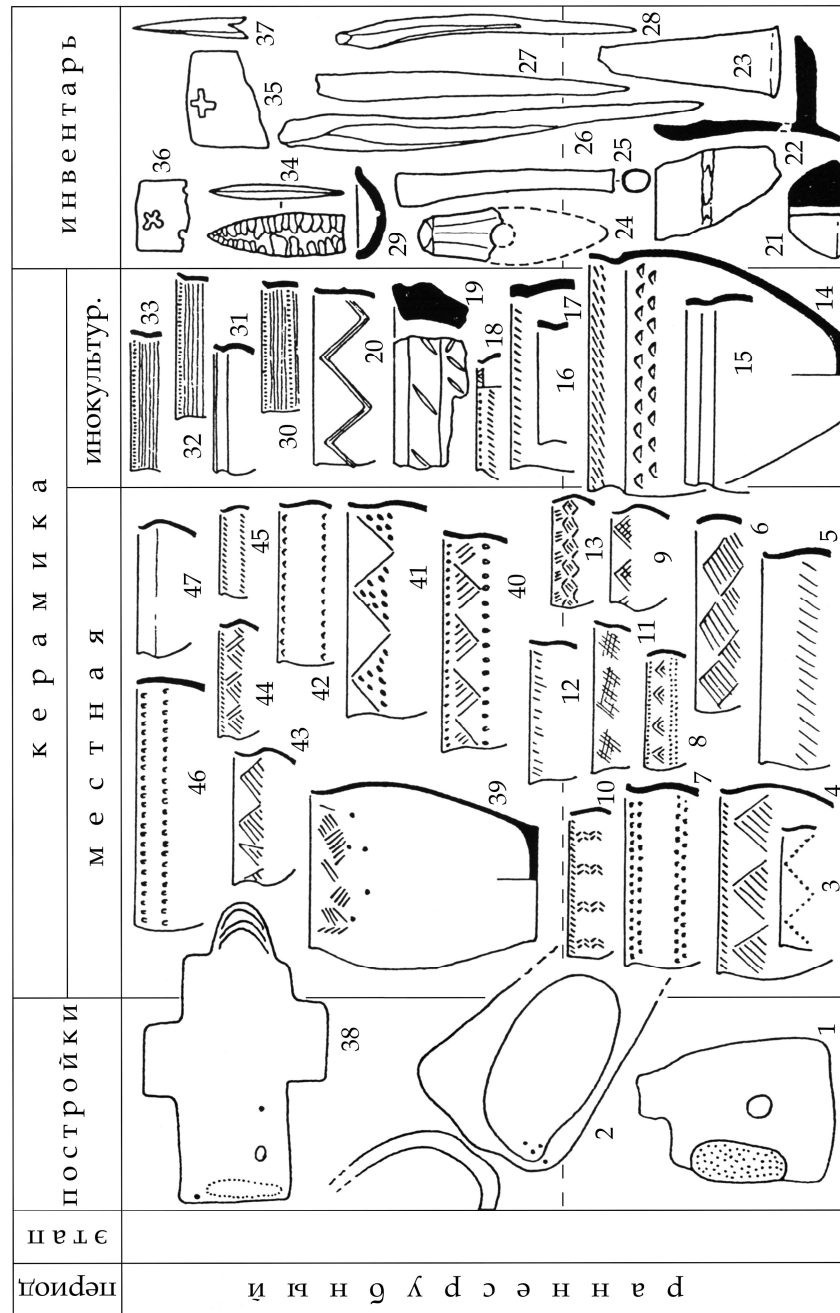

Рис. 50. Динамика раннесрубных поселений: 1-29 - Преображенка; 30, 31 - Натальино 5; 32-36 - Скатовка; 37-47 - Успенка. 21, 25-28, 37 - кости; 24 - диорит; 34 - кремни; 22, 23 - бронза; остальное - керамика

ИЛЛЮСТРАЦИИ

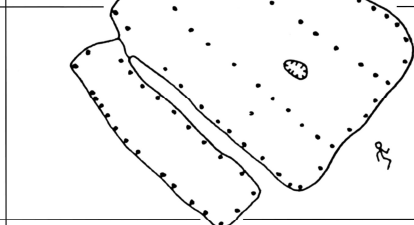
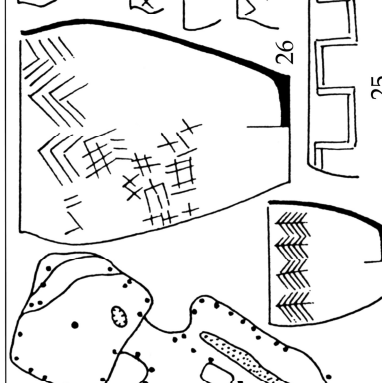
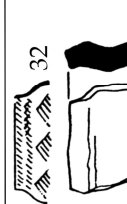
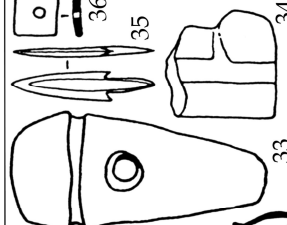

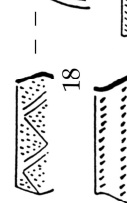

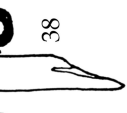
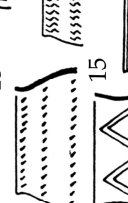

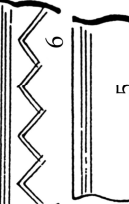

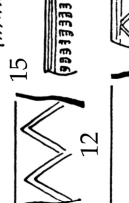

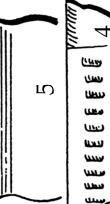

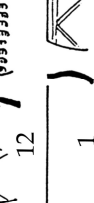

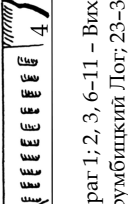
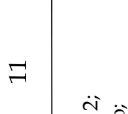
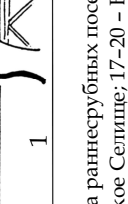
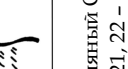
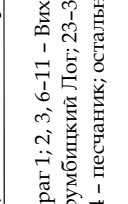
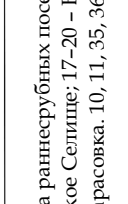
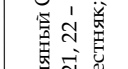
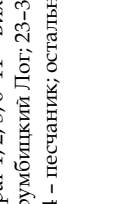
период	этап	постройки	керамика		инвентарь
			местная	инокультур.	
раннесрубный					
					
					
					
					
					
					
					
					
					

Рис. 51. Динамика раннесрубных поселений: 1, 4, 5 – Вихляный Овраг 1; 2, 3, 6–11 – Вихляный Овраг 2; 12–16 – Покровское Селище; 17–20 – Верхнесаратовское; 21, 22 – Грумбичский Лог; 23–36 – Чесноково; 37, 38 – Малая Тарасовка. 10, 11, 35, 36, 38 – кости; 33 – известняк; 34 – песчаник; остальное – керамика

Научное издание

Лопатин Владимир Анатольевич

**НАЧАЛО ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
НА СЕВЕРЕ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ**

Редактор *Е. А. Митенева*

Технический редактор *В. В. Володина*

Корректор *Е. Б. Крылова*

Оригинал-макет подготовил *А. И. Жемков*

Подписано в печать. 20.12.2014. Формат 70x100 ¹/₁₆. Гарнитура Book Antiqua.
Усл. печ. л. 23,54 (18,25). Тираж 100 экз. Заказ

Издательство Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.

Типография Саратовского университета.
410012, Б. Казачья, 121-А.